Стивен Озмент

МОГУЧАЯ КРЕПОСТЬ
НОВАЯ ИСТОРИЯ ГЕРМАНСКОГО НАРОДА

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Стивен Озмент

МОГУЧАЯ КРЕПОСТЬ

НОВАЯ ИСТОРИЯ ГЕРМАНСКОГО НАРОДА

Нация, подарившая миру множество гениальных поэтов и писателей, художников, философов и ученых – но и дважды ввергавшая человечество в ад мировых войн.

Стивен Озмент

МОГУЧАЯ КРЕПОСТЬ

НОВАЯ ИСТОРИЯ ГЕРМАНСКОГО НАРОДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Астрель
МОСКВА

УДК 94(430)
ББК 63.3(4Гем)
О-46

Scan By Vitaulas & Kali

Steven Ozment
A MIGHTY FORTRESS:
A NEW HISTORY OF THE GERMAN PEOPLE

Перевод с английского М. Жуковой

Компьютерный дизайн Г. Смирновой

Печатается с разрешения Harper Collins Publishers
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Оригинал-макет подготовлен издательством «Северо-Запад Пресс»
(Санкт-Петербург)

Подписано в печать с готовых диапозитивов заказчика 05.03.2010.
Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 28,56. Тираж 3000 экз. Заказ 1102.

Озмент, С.

О-46 Могучая крепость: Новая история германского народа / Стивен Озмент; пер. с англ. М. Жуковой. — М.: АСТ: Астрель, 2010. — 539, [5] с., 8 л. ил.

ISBN 978-5-17-067790-0 (ООО «Изд-во АСТ»)
ISBN 978-5-271-29651-2 (ООО «Изд-во Астрель»)

История германского народа — с древнейших времен и до наших дней...

Разрозненные племена, лишь после долгих и жестоких войн покорившиеся Риму...

Подданные Священной Римской империи — и десятков крошечных, «игрушечных» королевств и княжеств эпохи Возрождения...

Нация, подарившая миру множество гениальных поэтов и писателей, художников, философов и ученых — но и дважды ввергавшая человечество в ад мировых войн.

Как она складывалась и формировалась?

Какова она в наши дни?

Читайте об этом в книге известного современного историка Стивена Озмента!

УДК 94(430)
ББК 63.3(4Гем)

ISBN 978-985-16-8750-9
(ООО «Харвест»)

© Steven Ozment, 2004
© Перевод. М. Жукова, 2007
© Издание на русском языке AST Publishers, 2010

Посвящается моему отцу,
доктору Лоуэллу В. Озменту,
и моему внуку, Уильяму П. Гринстоуну

От автора

Написание истории германского народа – это, в лучшем случае, дерзкая цель, и любой, кто за нее берется, заранее знает обо всех трудностях и получает сочувствие. В дополнение к сложной с научной точки зрения задаче, современные исследования Германии наполнены нравственными суждениями, историография быстро делает что-то типичным примером и медленно от него отказывается. С самого начала меня больше предупреждали, чем подбадривали, и, по крайней мере, один раз мне предсказали крах. К счастью, то, чего надеешься достичь, оказывается большим, чем возможная потеря. Обладая историей, восходящей к древности и заново возрожденной в конце двадцатого столетия, немцам есть чему поучить современный мир.

Когда я собирал материалы, на которых построена «Могучая крепость», мне оказывали помощь, советовали и критиковали Джордж и Дорис Финли, Виктор Дэвис Хансон, Скотт Х. Хендрих, Х.С. Эрик Миделфорт, Бреннен Пурселл, Джеймс Чарльз Рой, Лаура Смоллер, Франк М. Турнер и Генри А. Турнер-младший. Я в особом долгу перед Кевином Остойичем за помощь в исследовательской работе, а также перед студентами из группы 1302 исторического факульте-

та Гарвардского университета, которые были со мной на протяжении трех лет написания книги. Один из них, Адам Бивер, составил карты. С самого начала Глен Хартли и Линн Чу обеспечивали бесперебойную работу. Тим Дугган, Сью Ллевеллин и Джон Уильямс следили за тем, как рукопись проходит процесс издания.

Рози и Фредди никогда не узнают, насколько помогли автору, а вот Сьюзан будет знать точно.

Содержание

Введение. В поисках хорошего немца 9

Часть I. От первых племен до первой Империи

Глава 1. Варварский комплекс
Римско-германские отношения в древности 33

Глава 2. От Меровингов до Гогенштауфенов
Германское правление в Средние века 57

Часть II. Священная Римская Империя Германской Нации

Глава 3. Человек и Бог
Германия в эпоху Возрождения и Реформации 97

Глава 4. Полигон Европы
Германия во время Тридцатилетней войны 157

Глава 5. Вражеская мина
Абсолютизм и подъем Пруссии 179

Часть III. Просвещение, реакция и новый век

Глава 6. Троянские кони
От Французской до Немецкой революции 211

Глава 7. Абсолютный дух и абсолютный народ
Интеллектуальные течения девятнадцатого столетия 257

Глава 8. Революционный консерватизм
Эпоха Бисмарка 291

Часть IV. Немцы в современном мире

Глава 9. Последняя Империя
От Вильгельма II до Веймарской республики 325

Глава 10. Варварский князь
Подъем и крах национал-социализма 365

Глава 11. Неоднозначный немец
Германия после Второй Мировой войны 412

Примечания 467

Введение

В поисках хорошего немца

Недавно во время вечеринки, на которой собирались американцы немецкого происхождения, я спросил сидящего рядом со мной за столом немца, который впервые приехал в США, о его впечатлениях.

«У вас, американцев, больше милых глупых людей, чем в любой другой стране», – сказал он. Я все еще сожалею, что не нашел достойного ответа, поскольку он пришел мне на ум только через несколько минут: 58 000 000 американцев имеют немецкие корни [1].

Как иностранцы, так и сами немцы на протяжении веков наблюдали, что германский народ поклоняется внутренней дисциплине и хорошему порядку, обладает безупречными техническими способностями и гордится своей историей и культурой. Тем не менее, те же поклонение, способности и гордость могут граничить с навязчивой идеей, маниакальностью и поразительным высокомерием. Конечно, то же самое можно сказать и относительно других стран и народов. В случае с немцами такие истории являются анекдотическим проявлением сложной и противоречивой нации, которая, все

еще продолжая развиваться, играла центральную роль в европейской истории со времени своего появления. Хотя лишь немногие скажут о немцах, что они спасали Западную цивилизацию, но когда бы эта цивилизация ни подвергалась крайней опасности или ни оказывалась необычайно успешной, ни один другой народ не выделялся при этом так, как немцы. Они обязательно попадали в центр событий. Немцы – это одни из европейцев, которых наиболее сложно понять, и единственный европейский народ, без которого история этой цивилизации не может быть четко представлена. Хотя в современной историографии заметен слишком узкий подход к немецкой истории, история Германии – это история уровня Софокла и Шекспира, а также Брехта и Грасса, – она и особенная, и универсальная.

На протяжении большей части послевоенного периода любое обсуждение Германии в целом начиналось и заканчивалось Гитлером и захватом нацистами власти в 1933 году. В последнее время новые поколения историков заменили роль великих людей ролью более великих конструктивных сил (индустриализация, экономика, внутренняя политика), и теперь они представляют более длинную и более сложную немецкую историю. Этот историографический сдвиг также отражает и приход нового поколения германских политических лидеров, стремящихся представлять свою нацию как действующую среди других, в тандеме с великими державами Европы и мира. В результате, исторически обусловлено появление в настоящее время Германии как нормального государства.

Несмотря на более оптимистическое восприятие последних лет, наследие 1930-х и 1940-х годов оказалось невозможно стряхнуть, его необъяснимость, боль

и трагизм все еще заставляют людей замирать. Поэтому история Германии остается в общем и целом историей нацистов и евреев. Даже сегодня обзор германской истории может оказаться путешествием вокруг притягивающей как магнит, оси – нацизма. Простые люди окажутся под гипнозом истории нацизма, а ученые и политики, которые хотели бы двигаться дальше, будут отвлечены. Этот живучий и стойкий взгляд также превратил прошлое Германии до двадцатого столетия в охотничьи угодья для поиска предшественников и предвестников нацизма, а также причин провала демократических альтернатив на фоне абсолютистского тоталитарного государства.

Поэтому неудивительно, что общественное мнение, даже внутри самой Германии, похоже, верит, будто немцы всегда были скрытыми нацистами, при том, что ткань их истории покрыта очень глубокими ранами [2]. В это ложное впечатление вносят свой вклад и историки, и средства массовой информации. Они, во-первых, продолжают рассматривать два столетия между подъемом Пруссии к власти и поражением Третьего рейха, как историю Германии. А, во-вторых, они читают эту историю задом наперед – от захвата нацистами власти в 1933 году. В США исторический канал зовется в народе «Каналом Гитлера», настолько часто der Führer и Третий рейх являются темами программ на нем, и немало американцев все еще бездумно подменяют понятия «нацисты» и «немцы». Среди жизнеописаний исторических лиц биография Адольфа Гитлера все еще остается отпечатанной в наибольшем количестве экземпляров.

Изучение современной Германии ставит исследователя на перекресток двух противоречащих друг другу

подходов. В каждом случае ищут предвестников и прецеденты, которые привели Германию к случившемуся в двадцатом столетии [3]. Последователи первого, более старого и уже сходящего на нет, ищут в немецкой истории тени, которые тянулись бы до Третьего рейха, и, кажется, находят ненормальности на каждом повороте. Последователи других идей вместо этого рассматривают первые лучи рассвета в послевоенной ФРГ, созданной в 1949 году, указывая на многочисленные прецеденты и знаки в прошлом и настоящем Германии. Однако представители и одного, и второго подходов не проявили особого интереса к давнему прошлому Германии, до современной эпохи. К древней истории более старшие поколения – как академические круги, так и простые люди – обращались за подсказками с гораздо большим доверием. Некоторые историки даже высмеивают или сатирически описывают усилия по исследованию современной Германии с точки зрения отдаленного прошлого, называя их «гипотезой Тацита» [4]. Здесь имеется в виду «ложное» мнение, будто можно правильно понять часть германской истории, только зная ее всю – в данном, случае, возвращаясь назад к первому историку Германии, римлянину Корнелию Тациту, который жил с 55 по 120 год н.э.

ИСТОРИКИ

Пытаясь объяснить встречу Германии с национал-социализмом, три различные группы историков и спорят друг с другом, и друг друга дополняют. Это позитивисты, которые считают, что факты и их значение являются сами собой разумеющимися и не требующи-

ми доказательств. Это уязвленные историки-эмигранты, которые пишут о прошлом Германии с понятным недовольством. К ним добавились и появившиеся самыми последними в историографических траншеях два поколения леволиберальных социальных историков (более старшие – немцы, так называемые представители исторической критики, а более молодые – англичане и американцы, которые как соглашаются, так и не соглашаются с ними). Более старшие по возрасту историки в целом представляют свою роль как одновременно врачей и антикваров. Они посвящают себя не только реконструкции прошлого, но также разоблачению и отсечению отмершего от настоящего. Отражая моральный долг, который неизбежно сопровождает написание современной германской истории, цель ученого в равной степени – это и избавление от предрассудков, и предоставление перспективы.

В поисках виновных обычно выбиралась наиболее приближенная по времени Прусско-Германская Империя после девятнадцатого столетия – с ее шовинизмом, милитаризмом и враждебным отношением к либеральной демократии, марксизму и христианству (в особенности – католицизму) [5]. В более далеком прошлом историки видят политически развалившуюся на куски Германскую Империю, превратившуюся, по словам Гордона А.Крейга, в «землю покорности» практически с момента возникновения [6]. Центральная часть германского государства к концу восемнадцатого века оказалась невосприимчива к идеям Просвещения о социальных связях и независимости народов. Она была давно разделена на воюющие государства, каждое из которых владело определенной территорией. Германия последовательно воспринима-

ла наставления католиков, протестантов и пиетистов, которые учили чтить своих правителей. Обращение к «сильному человеку» стало ее второй натурой перед лицом кризиса. Из-за подобного раздела и пассивности отсутствовали возможности для немецкого национального единства и политической демократии – как в более ранние, так и в более поздние времена.

Германская политическая и социальная отсталость представляются еще большими в контрасте с революционной политикой США и Франции. Представители исторической критики второй половины двадцатого столетия заметили разрыв между высоким промышленным, экономическим и научным развитием Германии в девятнадцатом веке и ее консервативной политической и социальной организацией. Между 1830 и 1880 годами Германия стала страной железных дорог, освещаемых газом городов, страной газет и университетов. Причем последние оказались мировыми лидерами в изучении истории, философии, филологии и права. Немцы даже в еще большей степени доминировали в медицине, физиологии, биологии, химии и физике, немецкие ученые сделали семьдесят новых открытий в медицине в сравнении с пятьюдесятью пятью открытиями во всем мире в период с 1860 по 1879 год [7].

Тем не менее, в то же самое время немцы во все возрастающем количестве эмигрировали в США, Южную Америку, Канаду и Австралию. Между 1850 и 1870 годами, после полувека реакционной политики и провала внутреннего демократического движения, 1 700 000 немцев эмигрировали в США из-за возросшего страха социальной дискриминации и преследований на религиозной почве со стороны правительства [8]. А там, как писалось в популярном немецком путеводи-

теле по Америке, вновь прибывшие ступали на землю, где «гораздо меньше привилегий получают за происхождение, чем за личный талант и энергию, и никакие князья и их коррумпированные дворы не имеют так называемого «божественного права королей»» [9].

Представители исторической критики обвиняли в ретроградной политике слабый средний класс Германии. Когда-то многообещающие бюргеры не смогли сместить сильное прусское реакционное юнкерство, бюрократов и армейских офицеров и заменить их новым демократическим режимом. Вместо этого они постепенно попадали им в подчинение. Новая Германия просто не могла вырваться из клещей старой. На протяжении девятнадцатого века и даже в двадцатом средний класс, как утверждается, обменял свой демократический энтузиазм на национализм и империализм. И, таким образом, он присоединился к старым элитам, не давая демократической Германии развиваться по американской, британской или французской модели. При таком подходе германское прошлое настолько довлело над страной, что первые шаги к политической модернизации должны были навязывать ей извне более просвещенные французы. Если бы не Наполеон и не французская оккупация Рейнланд в конце восемнадцатого и начале девятнадцатого столетий, то Германия осталась бы политически разрозненным, средневековым обществом неизменных поместий [10].

Хороший бюргер

Размышляя о германской истории, ученые более позднего времени отказываются от таких мрачных и обобщающих суждений. Они скорее указывают на

стойкие сегменты просвещенного и прогрессивного германского гражданского общества девятнадцатого века. В особенности оспаривается критика немецкого среднего класса, как слабовольных и бесхарактерных людей. В результате тщательного, детального изучения выявилось более сложное и прогрессивное немецкое общество. Выяснилось, что его средний класс был более успешным, чем заявляли историки старшего поколения. И этот средний класс зеркально отражал себе подобных из других европейских государств. Хотя он не был таким выдающимся или влиятельным, как в иных европейских странах, революция среднего класса также происходила и в Германии. Расширялись личные права – собственности, на труд, на создание обществ и союзов, свобода слова, контроль за раздачей общественных должностей и привилегий. Также началась благотворительная деятельность, а на первое место выходило главенство закона [11]. Благодаря совместным усилиям должностных лиц, предпринимателей и политических лидеров современная Германия не отставала от старой.

Несмотря на ограниченную природу революции и ее подавление в 1920-х и 1930-х годах, она напоминала европейские демократии тех лет. Ее успех показывает, что путь к национал-социализму не был прямым и неизбежным. К тому же, больший прогресс других европейских государств не обязательно ограждал их от случившегося в дальнейшем в Германии (в особенности, если учесть взаимопроникновение и масштабность кризисов, которые по немцам ударили) [12]. По крайней мере, это более сочувственное восприятие германской истории девятнадцатого века показывает более сложное общество, чем сомнительную «прихо-

жую нацизма», о которой говорится другими историками [13].

Еще одной жертвой пересмотра истории стала похожая попытка вывести особый тоталитарный путь из географического положения Германии в центре Европы. Оно оставляло незащищенными, по крайней мере, две границы (три после того, как Австрия была отсоединена от государств, составлявших Германскую Империю). Исторически это географическое положение делало Германию одновременно и высотой, и ямой, благодаря ему она оказывалась и легкой добычей для разграбления другими, и сама получала возможность грабить других. Таким образом, географическое положение в центре Европы являлось и оптимальным, и уязвимым. Оно вело к тому, чтобы страна сделалась и захватчицей, и жертвой. Поэтому ни апологетическая история географического детерминизма, ни критика неспровоцированной экспансии не могут должным образом оценить сложность германской истории [14].

Цвет истории

Спасение более сложной Германии от мрачного морализаторства послевоенной (после Второй Мировой войны) историографии стало задачей ныне покойного немецкого историка Томаса Ниппердея, великого представителя исторической критики. Он начинал, как историк, занимающийся эпохой Реформации, и имел преимущество, зная об исторических аспектах и прецедентах. Он также верил, что заслуживающую доверия историю следует писать хронологически, двигаясь вперед – от прошлого к настоящему, а не от настоящего к прошлому. К последнему склонялись многие послевоенные историографы. Одно дело знать

концовку и быть подвигнутым ею к изучению всей истории, и совсем другое – пересказывать ту же историю от ее известного результата назад. «Вначале был Наполеон», – совершенно серьезно пишет Ниппердей в первой строке многотомной истории Германии [15]. Современная германская история началась с поражения Австрии и Пруссии в результате столкновения с французами в 1805-06 гг. и оккупации Рейнланд – а не с канцлерства Гитлера. Пребывание Гитлера у власти дает очень мало ключей к тому, что произошло до того. Если брать 1933 год, как первую страницу современной истории Германии, то наиболее вероятно, что это будет и последним словом о ней.

Однако никто не сомневается, что прошлое отбрасывает тени на настоящее. А в последние десятилетия эти тени стали еще более мощными. Линия, ведущая от элиты императорской Германии к президентству фельдмаршала Пауля фон Гинденбурга в Веймарской республике, – прямая и четкая, как и те, что ведут от шовинизма Вильгельма II к дроблению на партии в 1920-ые и 1930-ые годы. Но страх перед родившимися за пределами страны немцами, которые в первую очередь клялись в верности королевствам вне границ фатерланда, присутствует у немцев со Средних веков. В девятнадцатом и двадцатом столетиях верные Риму католики, революционеры-марксисты и евреи, добившиеся успеха, несмотря на малый процент среди всего населения, стали современным воплощением этих страхов.

Хотя Ниппердей оценивал новизну девятнадцатого столетия, он не видел никакого опасного синдрома в такой неразрывности и целостности – история современной Германии не является прогрессирующим ге-

нетическим заболеванием. Немецкий фашизм и национал-социализм были «чем-то новым» – ни сводимым к тому, что им предшествовало, ни вышедшим целиком из него. Прошлое Германии знало альтернативные формы политической организации – от антиавторитарных общественных движений эпохи Реформации до недолго продержавшегося демократического движения девятнадцатого столетия. То, что четырнадцать из двадцати пяти европейских демократий, существовавших в 1919 году, пали к 1938 году, дает ясно понять: Германия была не единственной нацией, которая допустила ошибки на пути к народовластию [16].

Урок, который дает эта критика послевоенной (после Второй Мировой войны) историографии, является двойственным. Чтение истории от настоящего к прошлому – это, скорее, просто чтение, а не обучение на ее примере. И точно также искажающим можно считать утверждение о том, что историю следует рассматривать только в черно-белых тонах. Это, как описывал Ниппердей, «однородно, амбивалентно [и] наполнено противоречиями, которые невозможно разрешить. Реальность – это не система, где все одинаково устроено, [она] двигается дальше путем конфликтов, отличных от тех, которые выбирает «историческая непрерывность» – конфликтов, четко не попадающих в категории перспективный/неперспективный или демократичный/недемократичный» [17].

Несмотря на неопровержимые доказательства германской нормальности в десятилетия перед Первой Мировой войной, спорящие по всем вопросам, касающимся Германии, делятся на противоположные лагеря. Для критиков Ниппердея он являлся не благородным рыцарем, развеивающим плохую легенду. Для

них он был апологетом, нацелившимся обелить и реабилитировать почти что столетие немецкого фашизма в ответ на желание объединенной Германии уменьшить болезненную часть германской истории. Для критика Ниппердея Ричарда Эванса самым важным вопросом являлся следующий: можно ли «оправдать» значительный сегмент германского прошлого, то есть можно ли с него снять ответственность за 1920-ые и 1930-ые годы? [18] Еще больше беспокоит признание Ниппердеем непрерывности между Германской Империей и национал-социализмом, и, тем не менее, отказ провозгласить их «двумя горошинами в стручке» [19]. Ниппердей считал, что цвет истории имеет серый оттенок, она смешанная и противоречивая. Он не желал уравнивать тень с сутью, поскольку отрицал тени. Следуя этой логике, Германская Империя, Веймарская республика, национал-социализм, Третий рейх и современная Федеративная Республика должны, в итоге, говорить только за себя. Никто не может ни осуждать, ни оправдывать других.

Британец Эванс присоединился к представителям исторической критики. Поскольку он был британцем, то ясно, что он относился снисходительнее и великодушнее к тем, кто мазал дегтем большой сегмент германской истории при помощи нацистской кисти, чем к тем, кто оправдывал любую возможно замешанную в деле часть. Вера в то, что истинные, но непропорциональные меры добра и зла существуют в каждую историческую эпоху, подверглась главной проверке в Германии в 1930-ые и 1940-ые годы. Следуя логике Ниппердея, эти десятилетия кажутся такими же нравственно смешанными, как любые другие. Их и следует изучать как таковые. Однако многие не могут

ни забыть, ни простить ужасы тех лет и находят стирание из памяти и прощение не только проблематичными, но еще и богохульными.

Теперь многие убеждены, что чтение прошлого Германии с точки зрения 1930-х годов неправильно, а этот подход устарел. Восстанавливается более объективная и сочувственная история тех лет [20]. С каждым новым поколением немцев трагедии 1930-х и 1940-х годов становятся менее немецкими, чем раньше. Ведь Германия, как любая другая страна, – это люди, которые живут и работают там, это немцы, родившиеся после тех мрачных десятилетий. И они не допустят, чтобы им диктовали, как жить, и управляли их жизнью. Обвинения Ниппердея и его работ в обелении нацизма ведут дискуссию вперед. И это – напоминание о вызове, который будет брошен любому, кто прикладывает руку к этому плугу [21].

ПОЛИТИКИ

Во время своего появления в 1949 году новые правительства Восточной и Западной Германии имели основания поставить 1933 год в центр германской истории. Как Германская Демократическая Республика (ГДР), так и Федеративная Республика Германии (ФРГ) узаконивали свое правление, как можно теснее связывая себя с антинацистским Сопротивлением. В ГДР коммунистическая партия (правящая (но не единственная) политическая партия ГДР называлась Социалистической единой партией Германии. – Прим. ред.) объявила себя «изначальным врагом» национал-социализма. В этой роли она требовала для себя права продолжать «наследие лучших немцев». В ФРГ тоже

имелась кровь мучеников для показа, и там демонстрировали ее, чтобы установить законность своего существования. Это стало напоминанием завоевателям Германии, которые почти не делали различий между нацистами и немцами, что альтернативная Германия существовала на протяжении всего правления Гитлера [22].

Если учитывать собственный политический опыт союзников и то, насколько малые ожидания они возлагали на немцев, то их грубая идея коллективной вины становится понятна. Более того, нельзя назвать ее полностью неуместной или несвоевременной. Самым заметным актом германского сопротивления, на который ссылалась ФРГ, обосновывая свои моральные права, был заговор Штауффенберга с целью убийства Гитлера в 1944 году [23]. Участники заговора не были либеральными демократами. Они не больше верили в либеральную демократию, чем в национал-социализм, и это понятно, учитывая природу демократической эпохи, в которой они жили. Это были люди, следовавшие традициям Пауля фон Гинденбурга, второго президента Веймарской республики, который оставил бы Гитлера гнить в безвестности в 1932 году, если бы его правительство смогло получить большинство голосов без поддержки национал-социалистов [24]. Как и Гинденбург, заговорщики Штауффенберга ненавидели и Гитлера, и популистскую демократию конца 1920-х и начала 1930-х годов. Именно она привела Гитлера к власти и удерживала там. Если бы заговорщики добились успеха, то их новое правительство не поставило бы на его место своего Черчилля или Рузвельта. Оно не стало бы соглашаться ни на какой мир, по условиям которого

Германия не вернулась бы в свои границы на момент начала Первой Мировой войны или не признавался бы ее суверенитет в Европе [25].

Однако не эта точка зрения подчеркивается в официальной версии германского правительства относительно пути Германии на протяжении последних двух столетий. У историков задачей является взгляд назад, в прошлое. А германское правительство, получившее мандат от голосующего населения, требующий от избранников смотреть вперед, в будущее, должно представлять свою германскую историю. Оно обязано вести своих граждан в выполнимое будущее, а не оставлять их выброшенными на берег в непокорном прошлом. Поэтому история в версии правительства – это история скорее света, чем теней.

Политический вызов сжато выражается в «Фактах о Германии», ежегодной публикации германского правительства, которую можно приобрести в посольствах этой страны по всему миру. В дополнение к отчетам по развитию экономики, политики и культуры в современных землях Германии (административные территории Германии именуются Länder, единственное число – Land, что значит «земля»), «Факты» публикуют также и официальную краткую историю двух тысячелетий существования Германии [26]. В самых последних изданиях эта история начинается с кивка на предводителя херусков Арминия, жившего в первом веке н.э. и лучше известного немцам, как Герман. Единственный германский легион под руководством Арминия одержал известную победу над тремя римскими легионами в 9 году н.э. Заканчивается представленная в «Фактах» история здравыми рассуждениями о стоимости объединения Германии.

Лейтмотивом этой истории в юбилейном издании 1999 года можно считать три отрывка, буквально взятых из «девятых» годов – особых лет для заново объединенной Германии, которая смотрит назад, на начало двадцатого столетия. Первые – это годы Франкфуртского Национального Собрания, которое провозгласило, но не обеспечило демократические свободы и равенство для граждан Германии в 1848-49 гг. Вторым упоминается 1919 год, когда была создана Веймарская республика, которая, в этой версии, продолжила начатое Франкфуртским Собранием с того места, где оно прекратило свою деятельность. Веймарская республика впервые дала женщинам право на голосование, в результате в новом парламенте Германии оказалась сорок одна женщина. До сих пор этот процент (по отношению ко всем депутатам) не превзойден [27]. Веймарская республика закончила свое существование после захвата власти Гитлером, причем в соответствии с принятыми ею же законами. Последний юбилейный год, 1949, – это год, когда произошла ратификация свободным парламентом новой германской Конституции, Основного Закона, в который были включены новые меры безопасности для защиты от восстановления тоталитарного правления [28].

К этим современным вехам германской демократии «Факты» добавляют падение Берлинской стены в 1989 году и объединение двух Германий в 1990 году, что является дальнейшим признанием запоздалого триумфа демократии. Заглянув еще дальше в историю германского прошлого, «Факты» отмечают демократические признаки уже в семнадцатом столетии. Тогда первые панъевропейские лиги встречались в германских го-

родах Мюнстер и Оснабрюк для ведения переговоров о заключении мира. В итоге завершилась Тридцатилетняя война [29].

С точки зрения политиков, эти «девятые» годы свидетельствуют об упорстве «положительной Германии». Она пережила то, что казалось непреодолимыми препятствиями, чтобы сделаться, наконец, современной либеральной демократией. Как и многие историки, политики тоже верят, что их нация шла по особому историческому пути – пути трудной борьбы против фашизма и тоталитаризма. Поражение диктатуры и отказ от нее дали ясно понять, что истинной политической судьбой Германии всегда была Федеративная Республика образца 1949 года, а не нацистское государство образца 1933-го. «Злой немец» больше не попадает в капкан идущей по кругу истории многообещающих начал и разочаровывающих остановок. Хороший немец уже живет по-своему – по крайней мере, с середины девятнадцатого века, – и поддерживает очаг германской целостности и демократии.

Вызов Тацита

Германия сегодня – это объединенная демократическая республика и образец либерального «государства всеобщего благоденствия». Она является задающим тон лидером в международных деловых отношениях и торговле на протяжении своей истории (вот одно из благ ее географического положения). Недавно она освоила искусство борьбы с захватом власти враждебными сторонами и насильственной сменой правительств [30]. Демонстрируя готовность взять на себя обязанности великой державы, Германия присоединилась к западным государствам в миротворческих

миссиях в Боснии и Афганистане. Но, в то же время, она препятствовала – как может это делать сильная, нормальная нация – действиям Америки и Великобритании в Ираке.

Тем не менее, прошлое продолжает ее преследовать. В первые столетия германской истории ярлык «варваров» крепко приклеился к германским племенам благодаря римлянам – и это несмотря на то, что воинские навыки и умения германцев выдерживали любые сравнения. Иногда в военном искусстве они даже превосходили римлян, обещая стать новыми лидерами постримской европейской цивилизации. Сегодня немцам все еще приходится сталкиваться с оскорбительными и позорными ярлыками, напоминающими миру о варварстве – более позднем и отличном от прежнего. От этого не могут спасти ни самый сочувствующий союзник, ни какая-либо иностранная держава. Все еще немало людей за пределами Германии грозят пальцами немцам. А те считают, что к ним несправедливо относятся и сдерживают, как нацию.

Как и все нации, которые берут судьбу в свои руки, заново объединенная Германия также должна столкнуться и со своей историей. Поскольку эта история попеременно была то самой успешной в Западной Европе, то самой угрожающей, мир по совершенно понятной причине затаивает дыхание, когда немцы совещаются между собой. Многие сегодня содрогаются, когда немецкий канцлер выражает намерение вести дела своей страны без сентиментальности, как любая другая великая держава Европы. Может ли это оказаться грохотом старой немецкой культуры, готовящейся вернуться к боевым временам крови и железа? В такие моменты нужно успокоиться, вспомнив, что

германская история представляла собой попеременное течение, а не сплошной ровный поток, который несется лишь в одном направлении. Ее история образованности и созидания длиннее, чем история бесчеловечности и разрушения.

Новая гильдия социальных историков, более радушная, по крайней мере, к одной из частей недавнего прошлого Германии, внесла немного равновесия в послевоенную историографию. Прежняя историография была настроена усердно расследовать и разоблачать темные административные и политические махинации и выносить обвинения. В этом у историков есть нечто общее с последними германскими правительствами, которые также нацелены двигать страну вперед, как современную, имеющую влияние нацию. Таковой она была и сохраняет право быть и дальше. Однако если есть причина радоваться более полному и справедливому представлению германской истории, также найдется повод и сожалеть о послевоенном ее видении, которое все еще продолжает существовать, как из-за страха, так и из-за воображения, – и проецируется в будущее. С одной стороны, остается Германия, земля вечного повиновения и покорности, с задокументированной современной историей агрессии и тоталитаризма. С другой стороны, есть поверженное, покаянное государство, идеализированная эгалитарная демократия, с воротами, открытыми для всех, как она изображена Гюнтером Грассом [31]. В каждом случае представляются жалкие, презренные и униженные немцы, стоящие на коленях, – то ли из-за покорности, то ли из страха перед правителями, или же в утопическом самопожертвовании... И все это – очень маловероятные бу-

дущие сценарии для современных людей, переживших двадцатое столетие.

На протяжении большей части своей истории немцы следовали идеалам порядка и власти без тоталитаризма, а также – курсу свободы и равенства без либеральной демократии. Отличие немецкой модели общества и политики от американской, британской и французской заключается не в отрицании любым немцем индивидуальной свободы в пользу абсолютного или тоталитарного правления [32]. Вместо этого исторический опыт заставил немцев больше бояться анархии, чем тирании. Он заставляет их заключать компенсационные соглашения, и немцы должны были их заключать для поддержания правильного порядка. Они делали это в непоколебимой уверенности, что не свобода после ее достижения, а тщательно поддерживаемая дисциплина сохраняет людей свободными.

Для немцев Веймарская республика и национал-социализм были новыми экспериментами двадцатого столетия, а не знакомым историческим образом жизни. После провала первого демократического правительства, которое просуществовало всего четырнадцать лет, с 1919 по 1933 год, первое тоталитарное германское правительство продержалось только двенадцать – 1933-45 годы. Историки видят параллели с первым в революции 1848-49 годов, а с последним – в периоде правления Вильгельма II. Однако самой выдающейся чертой современной Германии остается новизна и демократии и тоталитаризма в ее историческом опыте.

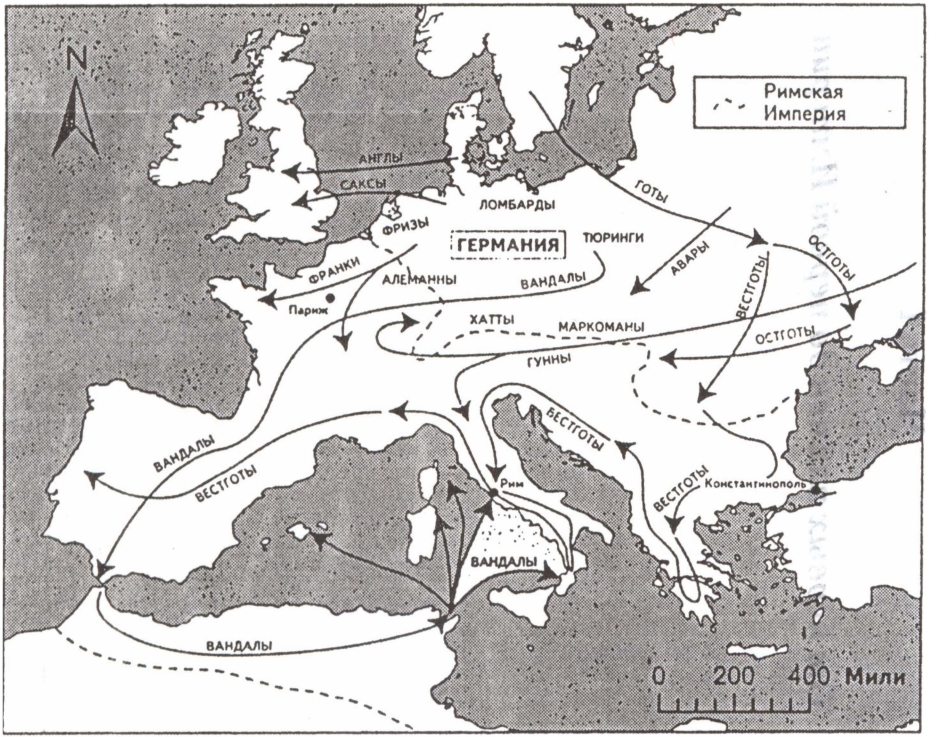
И все это приводит к вопросам. Можно ли давать характеристику 2000-летней цивилизации по ее последним 150 годам? Какими были немцы до 1848 года и до

1933 года? Дает ли что-либо долгая история, ведущая к этим переломным событиям, для понимания их сегодня? Принимая «вызов Тацита», в этой книге я попытаюсь дать обзор и интерпретировать образующую немецкий народ историю с самых древних времен, откуда только можно почерпнуть относящуюся к делу информацию. Что бы еще ни говорили про немцев сегодня, они пережили своих врагов и себя, когда, как кажется, все было против них. Как они это сделали, объясняется их долгой историей.

Часть I

От первых племен до первой Империи

Миграция варваров в Римскую Империю, 300-500 гг.



Глава 1

Варварский комплекс

РИМСКО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ДРЕВНОСТИ

Германские племена обустроились в долине у восточной части Рейна к середине первого века до н.э. К этому времени термин «германцы» (Germani, Germania) уже использовался римлянами [1]. В то время племена не имели расового единства, а также не были объединены межрегионально. Они представляли собой смесь, «свободные и меняющиеся соединения народов», которые не формировали никакого связанного и последовательного германского фронта. Они быстро обосновались и жили либо внутри, либо вдоль границ Римской Империи. Это делалось по соглашению с римлянами: «варвары» обменивали на землю и безопасность свои услуги в качестве солдат, крестьян и сборщиков налогов [2]. Из этих племен историческую идентификацию получили франки, готы и ломбарды – путем заключения союзов с семьями монархов и включаясь в их род [3].

В те века негерманские племена имели похожий опыт жизни внутри Римской Империи, что про-

ливает свет и на жизнь германцев. С самого начала полиэтнические племена, германские и негерманские, демонстрировали умение приспосабливаться и смешиваться с древне-римским и византийским мирами. Примерно через пять веков после появления, романизированные и христианизированные германские племена поднимут из пепла древнего Рима новую Империю и культуру в центре Европы. Между правлением франка Хлодвига из Меровингов в конце пятого и начале шестого столетий и сакса Конрада в начале десятого германские культуры сливались и объединялись с греко-римской, римско-христианской и византийской, что и создало ту Западную Европу, которую мы знаем сегодня.

РОМАНИЗАЦИЯ ГЕРМАНЦЕВ

След германцев появляется в 113 году до н.э., когда германское племя кимвров перешло римскую границу в Норике [Норик – римская провинция между Дравой и Дунаем. – Прим. перев.], на территории современной Австрии. Это было типично для племен, занимавшихся поиском пропитания и земли. Кимвры впервые столкнулись с римской армией и нанесли ей поражение. Четыре года спустя, в 109 году до н.э., то же самое племя, к которому присоединилось еще одно – тевтонцы, – появилось в южной Галлии и победило крупную римскую армию, посланную, чтобы отогнать их назад. В 105 году до н.э. племена вернулись в еще большем количестве – на этот раз они разгромили две консульские армии. Для Древнего Рима это стало одной из крупнейших военных потерь. К этому времени римляне уже с уважением относились к угрозе варва-

ров, пробующих их границы на прочность, и отправили против них сильную новую армию [4].

Среди первых римлян, видевших племена, когда миграции восстановились, оказался Юлий Цезарь, недавний покоритель Галлии. Он говорил об их правлении, как о неформальном и непостоянном, их обществе – как общинном и эгалитарном, а их военную тактику назвал необдуманной, случайной и «подлой». В последнем случае имелась в виду способность германцев устраивать засады и проводить неожиданные акции на поле брани. Правили племенами вожди (которые на западно-германском диалекте именовались kuning, «вожди семьи»), римляне называли их по-разному: principes, duces и reges. Это высокое положение могли занимать только самые выдающиеся мужчины, что определялось происхождением, службой на благо рода, а также исключительной доблестью. Они выбирались собранием воинов – как благородного происхождения, так и простыми [5].

Умение расположить к себе

За двадцать лет – в последние годы до нашей эры и первые по Рождеству Христову – римляне уменьшили угрозу, которую представляли племена, жестоко карая их за вылазки. Они также находили способы разделять и ассимилировать варваров [6]. Последнее объяснялось простыми человеческими искушениями. На участках, протяженностью, возможно, до тридцати миль с каждой стороны римской границы, римляне и германцы регулярно общались друг с другом [7]. Язык, культура и политика римлян прибывали к племенам на колесах торговых телег, германцы меняли скот и рабов (трофеи сражений с иноземными

племенами) на римскую бронзу и стекло. До встречи с римлянами вожди племен правили в большей мере убеждением, чем принуждением и использованием силы для подавления беспорядков. Мир поддерживался равномерным распределением земли и богатств внутри племени. Новые богатства, полученные от торговли с римлянами, способствовали разделению первобытного общества на классы и противопоставлению недавно разбогатевших членов племени и бедных, а также непропорциональному распределению племенных земель. Авторитарное правительство Рима и стиль жизни сенаторов также произвели впечатление на будущих вождей племен. Многие из них получали образование в Риме.

Еще одной римской тактикой сдерживания стало содействие межплеменным конфликтам, к которым варвары и так уже были предрасположены. В глазах врагов огромное преимущество племен также являлось и их слабостью. Это преимущество – любовь к сражениям, которую Тацит, с некоторым преувеличением описал, как «нежелание накапливать медленно, проливая пот... то, что можно получить быстро, пролив немного крови»[8]. Воинственный дух повернул племена друг против друга еще до того, как вмешались римляне. А те создавали межплеменные трещины, которые затем прощупывали враги. Со временем сложились независимые группировки внутри племен. Это стало следствием преданности вождям узких групп, не выбранных должным образом, а также постановка прибыли отдельной группы выше благополучия всего племени. Группировки – тесно спаянные, дружные банды, которые повышали свой статус, устраивая набеги на соседние племена. В набегах они забирали скот, рабов

и другие трофеи, приносившие богатство. Их жертвы отплачивали тем же самым всему племени, добавляя внешнюю агрессию к внутренним разногласиям, которые вызывались этими группировками. Эти врожденные анархия и тирания также давали римлянам опору внутри племен, позволяя им обходить защитный порядок из вождей и собраний воинов [9].

Наконец, римляне пытались справиться с племенами, увозя сыновей вождей в столицу, где они воспитывались, как римская элита, – и это шло на пользу Империи. Такие перемещения происходили как по приглашению, так и путем взятия заложников. Избранные элитарные варвары, таким образом, романизировались, многие в дальнейшем оставались жить в Риме до конца дней. Другие же возвращались на родные земли, становясь ассимилированными слугами Империи [10]. Не следует говорить, что этим репатриантам из варварских племен «промывали мозги». Ведь, как правило, они добровольно служили Римской Империи, получая для себя новые земли и богатства и одновременно продолжая наслаждаться жизнью в многонациональном римском мире. Эти проримские вожди помогали сделать варварский мир менее угрожающим для римлян тем, что они выживали в борьбе с врагами своих племен [11]. В результате такой тактики и мер большинство варваров, – как германцев, так и не-германцев, – которые жили вдоль или внутри римских границ, перед началом четвертого столетия выбрали службу вместо вызова.

Херуски

Пестрая разнообразная история четырех поколений благородных вождей херусков иллюстрирует как

успех, так и провал римлян, развернувших варваров против самих себя. Херуски были племенем военного вождя Арминия, который в двадцать с небольшим лет командовал германским контингентом имперской римской армии с 4 по 6 годы н.э. За несение этой службы он был удостоен почестей и римского гражданства. В 9 году н.э. Арминий повел своих воинов против трех римских легионов, которые в то время находились в провинции Германия под командованием губернатора провинции Публия Квинтилия Вара. Направляя противника в нужную сторону и используя засады, что в дальнейшем получит название blitzkrieg, легион Арминия одержал навеки оставшуюся в истории победу в Тевтобургском лесу. Этим был положен конец римским планам по дальнейшему расширению Империи к востоку от Рейна [12]. (В девятнадцатом веке ему поставили памятник в Хехинген-Штейне, который и в настоящее время активно посещается немцами). Пятнадцать веков спустя, уже в век печати, германские гуманисты (то есть сторонники гуманизма, как философского течения) и патриоты обнаружили и напечатали «Германию» Тацита и объявили Арминия «освободителем» Германии, а его победы – рождением германской истории [13].

Почему вклад Рима в Арминия не оправдался? Во время его восстания члены племени херусков страдали от налогов и законов Рима. Как и Арминий, многие видели в будущем только подчинение. На протяжении трех поколений род Арминия колебался, склоняясь то к верности племени, то к верности Риму, но никогда не решался на восстание. Заранее зная о планах Арминия, его раздраженный тесть, Сегест, который всю жизнь служил Риму, предал восставших, сдав их римлянам в

ночь перед атакой. Брат Арминия Флавий был точно также предан Риму. Когда в 15 году н.э. римляне послали огромную армию Германика наказать херусков, Флавий вместе со своей объединенной армией отправился с ней. Сын Флавия, будущий вождь херусков Италик, рожденный и воспитанный в Риме, вернулся в племя, как преданный Риму наблюдатель. Его авторитарное правление стало причиной восстания, которое привело к его высылке из племени.

Несмотря на идеи и теории, внушаемые Римом, воинский успех, высокое положение и доверие, которым он пользовался в римской армии, Арминий сохранил верность племени. Тем не менее, в итоге он тоже оказался поражен лихорадкой авторитарности и попытался в 19 году н.э. править херусками в римской манере. Во имя свободы племен вождь племени хаттов пошел на него войной. В результате Арминий погиб от рук своих соплеменников, которые, будучи готовыми в равной мере сражаться как против римлян, так и против варваров, не стали терпеть у себя в лагере тирана, даже великого героя племени [14].

Пример херусков дает ясно понять, что распад племенного общества на группы не производился одними римлянами. Несмотря на всю демонстрируемую римлянами жестокость, от которой захватывало дух, они также предлагали племенам, проживающим на их границах, цивилизованность и определенные возможности. Племена, в которые проникали римляне, были падки на соблазны. Они могли вступить с Империей в союз против других племен, готовые действовать ради личного обогащения. По этой причине Тацит, который почтил германские племена, дав им собственную историю, в некоторых аспектах считал их «зеркалом

римлян». Он описал германцев со смесью восхваления и критики, как того и заслуживают сложные натуры.

Предметы потребления

В дополнение к расовой чистоте Тацит также хвалил племена за моногамность, равенство обоих супругов в браке, крепкие семейные узы и базовое уважение к женщинам (одно племя, ситоны, как он утверждал, относилось к женщинам, как к «правящему полу»). Он находил их верными и честными, как в мирных делах, так и в воинских, и приписывал им преподание римлянам «большего количества уроков», чем какие-либо другие враги [15]. Тем не менее, Тацит также указывал на серьезный недостаток их характера: склонность скорее погибнуть, чем заключить мир. Он находил показательным то, что члены племени всегда посещают собрания и ведут торговые и другие дела «полностью вооруженными», а также то, что они очень тщательно обучают детей владению оружием. Его ношение для подростка-варвара служило примерно тем же, чем тога для подростка-римлянина – признаком зрелости. Воинственная природа племен еще больше подтверждалась их поведением в мирное время, когда они или охотились, или вообще ничего не делали.

С другой стороны, германцы в представлении Тацита являются самыми простодушными и бесхитростными из современных ему народов. Им настолько несвойственны хитрость и изысканность, что они «могли выпалить свои самые сокровенные мысли... открыть саму душу». Тацит видел ту же наивность в их гостеприимстве – они позволяли гостям просить, чего те только пожелают в доме хозяина, но и хозяин

в свою очередь мог просить подношений у гостей [16]. Хотя Тацит хвалил племена, он также считал их ниже римлян. Он описывал батавов, уступчивый и угодливый народ, который поселился внутри Империи, и считал их самыми смелыми из всех, называя «оружием и броней, которые следует использовать только в войне» [17]. Такое снисходительное отношение к варварам по большей части и являлось опытом жизни племен в Империи. Они служили «орудиями» для обработки римских полей и сбора налогов в мирное время, и ведения римских войн – в военное.

Если сыновья вождей племен и другие высокопоставленные чужестранцы и становились заметными исключениями из этого правила, то другие варвары могли оглядываться на четыре столетия дискриминации, жестокости и эксплуатации в руках римлян. Например, обедневшие фризы, которые подпали под римское владычество в первой четверти первого века н.э. Они восстали в 28 году н.э., протестуя против увеличивающегося размера дани, которую с них взимали. Римские требования начались со шкур животных, а затем возросли до целых стад, участков земли, даже жен и детей [18]. Через три столетия, в 376 году, двести тысяч готов, изгнанных из родных восточных земель гуннами, прибыли к римской границе на Дунае и попросили пищи и земли. Они обнаружили, что условия поселения все еще остаются драконовскими. Однако теперь появилась и большая разница: к четвертому веку способность Рима навязывать свою волю племенам значительно ослабла. А 376 год стал прелюдией к изменившей мир конфронтации между Римской Империей и варварскими племенами (готами).

ВАРВАРИЗАЦИЯ РИМА

Во время последнего столетия до н.э. и первых трех веков первого тысячелетия н.э. римляне успешно взаимодействовали и управляли германскими племенами, проживавшими на границах и внутри Империи. Но в четвертом столетии эти племена, к которым теперь присоединились мигрирующие на запад гунны, авары, аланы и мадьяры (венгры), стали бросать вызов римлянам, иногда добиваясь больших успехов. Племена, которые селились вдоль границ, проходящих по Рейну и Дунаю, все еще делали это по особому разрешению, или как покоренные, подчиненные народы. По официальному статусу они являлось «временными жителями» (peregrini), а не гражданами (cives). Они оставались на границах в безопасности, только если были надежными римскими федератами (foederati). Племена хорошо учили свои военные уроки (по большей части карьера гражданского служащего была невозможна для не-римлянина), ассимилированные варвары продолжали получать римское гражданство и другие почести за свою службу.

Гражданство давало присоединенным племенам ту же юридическую защиту и права, что и уроженцам Римской Империи. Их менее развитая культура менялась под влиянием более развитой, они воспитывались в соответствии с нормами жизни римского общества. Но, несмотря на все достигнутые успехи, к романизированным варварам, будь то африканцы, германцы или евреи, в имперском городе все еще относились как к низшим расам. Это особенно касалось первого поколения, проходившего ассимиляцию. Конечно, римский Сенат смотрел на племенную элиту, как на занимающую столь же высокое положение в родном

обществе, что и сенаторы в Риме. Но о равенстве и паритете между римлянином и варваром не появлялось даже мысли. Было лишь признание параллельной аристократии, которая оказывалась и полезной, и опасной для Рима [19].

Для романизированного варвара жизнь в Риме являлась двойственным опытом. Его могли принять в обществе после того, как он начнет свободно говорить на латыни, избавившись от родного языка и обычаев, но переместившийся в Рим варвар часто (в восприятии римлянина) был человеком иноземного происхождения. А если он добивался больших успехов, это представляло для него двойную опасность. Во-первых, имелись завистники в Риме, которые могли считать, что преданность варвара его предкам или племени выше, чем преданность Риму, с таким же подозрением сталкивались романизированные евреи и христиане. И у романизированного варвара также имелись основания для беспокойства о своих соплеменниках дома, которые еще быстрее замечали в нем лакея чужеземцев, прибывшего исполнять роль деспота в родном племени [20].

В юридически согласованном и приспособленном, но, тем не менее, разделенном мире смешанных культур, которым являлся Древний Рим, варвары-римляне были ни рыба, ни мясо. Как варвары, они оставались потенциальными врагами Империи, в то же время, как ассимилированные воины и командующие, они получали римские почести, сражаясь с другими племенами от имени Рима. Те, кто жил на границах, чаще всего – без гражданства, имели больше всего проблем с идентификацией. Независимо от того, кем они являлись – нетронутым племенем далеко за пределами

Империи, которого не коснулись римляне; племенем федератов на границе, которое вступало в частые контакты с римлянами, или ассимилировавшимися варварами с римским гражданством, делающими карьеру в Риме – у них имелись основания проявлять осторожность.

Подъем варваров

Наблюдая за германскими племенами в сражениях в середине первого столетия до н.э., Юлий Цезарь посчитал их недисциплинированными. Но 150 лет спустя Тацит рассказал о германских победах над римскими легионами, а также конкурирующими племенами, описывая синхронность действий пехотных и кавалерийских подразделений. Они совершали маневры, выстроившись клином. Его поразило, как обнаженные или легко одетые воины бежали перед несущимися в атаку конями. Между наблюдениями Цезаря в 51 году до н.э. и Тацита в 98 году н.э. обучаемые римлянами германцы показали, что учатся они быстро.

В первой половине второго столетия римская армия, состоявшая из 300 000 человек, все еще могла защитить пятьдесят миллионов жителей Средиземноморского бассейна [22]. Однако трещины появлялись вдоль Дуная и восточных границ, где римляне сталкивались с варварами. К середине столетия потребовалось значительно укрепить сеть приграничных фортов и стен Империи. На протяжении одного знаменательного 166 года н.э. двадцать пять племен попробовали на прочность римскую границу – и это послужило предзнаменованием того, что за будущее уготовано Империи [23]. К третьему столетию Рим становился своим собственным худшим врагом, пос-

кольку внутренние восстания и гражданские войны (235-84 гг.) заставляли снимать легионы со все более дырявой границы. Надо было обеспечить стабильность в тылу. К последней четверти третьего столетия варвары пересекли восточные римские границы, не получив сопротивления, и заставили Рим ускорить включение варварских вождей и армий в имперскую армию [24].

Во времена правления Константина и его преемников франки, алеманны, готы и саксы призывались на службу в объединенной армии. Они заменили римских солдат, которых отзывали с границ для решения внутренних проблем, и стали частью новой мобильной ударной силы (comitatus). Ее создавали для противодействия очередным попыткам племен проверить границы Империи [25]. После этих изменений встал самый важный вопрос: являются ли римские силы, в любой конфигурации, достаточно мощными, чтобы справиться с новыми варварскими армиями на восточном фронте? Две провальные кампании имперской армии на Востоке дали на него ответ. Первой предстояло остановить расширение Персии на запад у Маранги на Тигре. В результате император Юлиан Отступник остался мертвым на поле брани вместе со своей разгромленной армией. Второй случай, более роковой, – это упреждающий удар против вестготов (готов, которые пересекли Империю с востока на запад в четвертом столетии и, в конце концов, обосновались в Испании) у Адрианополя, к северо-западу от современного Стамбула.

Цепь событий, которые привели к Адрианополю, документально доказывает, что варварско-римский конфликт достиг апогея. Обедневших и уязвимых вестго-

тов вел их вождь Фритигерн. Они пересекли римскую границу в 376 году, убегая от гуннов, которым тоже было предначертано судьбой столкнуться с римлянами. Как и все иноземные племена, легально поселяющиеся в Империи, вестготы согласились стать римскими подданными и слугами. Однако они прибыли в то время, когда измотанным римским армиям уже хватало мигрантов-варваров. Готов оказалось слишком много, и прибывали они слишком поспешно, чтобы позволить римским чиновникам должным образом их зарегистрировать и обеспечить надзор за расселением. Поэтому голодающим готам предложили мясной рацион из одной собаки за каждого ребенка, сданного на римский рабовладельческий рынок [26].

В результате готы впали в ярость, к ним присоединились другие варвары, точно также расселившиеся внутри Империи, которые, по описанию современного им римского историка Аммиана Марцеллина, «выпрыгнули из своих клеток... как дикие звери» [27]. Как пишет о тех событиях историк шестого века Йорданес, имевший то ли готское, то ли аланское происхождение, готы «положили конец голоду... и безопасности римлян... Они перестали быть чужестранцами и пилигримами, стали гражданами и господами, стали править населением и держать в руках всю северную часть страны до Дуная» [28].

Хотя ни римляне, ни готы не поняли этого в то время, конфликт стал первым шагом к превращению варварами древнего мира поздней античности в независимые племенные королевства. Большинство королевств будут франкскими [29].

В жаркий день 9 августа 378 года император Валент, слишком самоуверенный в своем превосходстве, по-

вел элитные римские войска, возможно, 35 000 крепких мужчин, большинство которых были в тяжелых доспехах, против объединенных сил готов и аланов под предводительством Фритигерна. Численно готы и аланы превышали римлян примерно в три раза. Ими использовалась лучшая боевая тактика. Раненого императора обнаружили в хижине, куда он заполз в поисках спасения. Там он и был сожжен своими победителями. Пепел Валента развеяли по полю брани, где полегло две трети его армии [30].

Два года спустя, в 380 году, и вновь, в 382 году, вестготы, как заключившие с Римом договор федераты, вернулись на родные земли у юго-восточной части Дуная, чтобы создать свое собственное государство в рамках Империи. Это позволило римской версии ортодоксального христианства пройтись по Западной Римской Империи. Вестготы были обращены в арианство, или антитринитарное (то есть, не принимающее догмат Троицы) христианство. В результате Адрианополя был также расчищен путь для германских племен, воины которых теперь занимали практически все высшие военные посты в римской армии [31]. Это укрепило их гегемонию на Западе.

ГЕРМАНЦЫ НАСТУПАЮТ

Сильван и Арбогаст

Во второй половине четвертого столетия два романизированных франка, каждый из которых занимал самый высший римский военный пост командующего армией (magister militum), узурпировали троны императоров, которым они служили. Первым оказался

Сильван, командующий войсками в Галлии в 350-ые годы, первый франк до Карла Великого, ставший императором, хотя он и силой убрал правившего Констанция II. Вторым узурпатором, еще более смелым, был Арбогаст. Он командовал войсками на Западе в 388 году, и, убив императора Западной Римской Империи Валентиниана II, ожидал, что император Восточной Римской Империи Феодосий Великий подтвердит его право на трон убитого. Феодосий отказался на основании того, что Арбогаст – франк и язычник. В ответ армия Арбогаста, истинного правителя на Западе, признала избрание своего командира – политически неопытного учителя риторики – новым императором.

И Сильван, и Арбогаст недолго и незаконно удерживали императорскую власть, и заплатили за нее своими жизнями – Сильвана убили его воины, а Арбогаста уничтожили по приказу Феодосия. Тем не менее, эти истории послужили предостережением для римлян, которые еще не видели последнего и самого могучего вождя варваров [32].

Стилихон и Аларих

Римляне оставались все еще достаточно сильными, чтобы одержать последнюю победу над племенами и на короткое время отразили атаку армии гунна Аттилы у Халонса в 451 году. Хотя современные историки не говорят о падении Рима до 476 года, судьба Империи была решена при смене столетий, с началом пятого века. Двое германцев, постепенно ставшие смертельными врагами, возвысились в ходе этой решительной фазы упадка и крушения. Каждый из них занимал вершину в соответствующем мире. Одним

был романизированный полувандал Стилихон, другим – вестгот Аларих. Стилихон командовал армией Западной Римской Империи и фактически являлся там императором, в то время как род Алариха восходил к Балтам (или Болдам), древне-германской правящей семье [33].

Отец Стилихона являлся одним из командующих кавалерией вандалов в армии Восточной Римской Империи, а его мать была уроженкой Рима. Имея такое низкое происхождение, он поднялся достаточно высоко, чтобы жениться на удочеренной племяннице императора Феодосия. Этот династический брак позволил Стилихону вырасти до положения главнокомандующего на Западе. После этого Феодосий сделал его регентом при своем десятилетнем сыне Гонории, будущем императоре Западной Римской Империи. Тот, в свою очередь, еще укрепит семейные связи, женившись на двух дочерях Стилихона [34]. Если бы вторжение готов не нарушило их планы, то сестра Гонория, Галла Плацидия, помолвленная с сыном Стилихона Эвхерием, добавила бы еще одну династическую связь этой римско-вандальской семье [35].

В отличие от него гот Аларих не имел никаких подобных престижных связей с современниками. Он упорно ковал свою судьбу сам и, в конце концов, посеял панику и разорил как Стилихона, так и Рим [36]. Впервые две армии столкнулись в 392 году, и если бы Риму не требовались воины-готы, то Алариха определенно бы казнили на поле брани, где пала его армия. В 394 году его силы соединились с силами императора Феодосия для наказания Арбогаста в битве у реки Фригид (на территории современной Словении). Там знаменитый гот в первый день потерял десять тысяч

человек – половину своей армии [37]. И если Аларих ожидал повышения в звании, а его воины – землю, то за такую жертву они получили только еще большее презрения Империи.

Их разочарование вылилось в еще одно восстание готов, которое снова привело Стилихона и Алариха на поле брани. В промежутке умер Феодосий, и Стилихон, теперь регент, командовал обеими имперскими армиями – как Восточной Римской Империи, так и Западной. По меркам тех лет он считался самым могущественным в мире человеком. Снова разбив армию Алариха, Стилихон дал готам новую землю в Македонии в 397 году. Он же сделал Алариха magister militum [magister militum (лат.) – военный начальник. – Прим. перев.] римской Иллирии. Применяя такую политику умиротворения, Стилихон надеялся воспользоваться услугами готов в борьбе против следующей волны варваров, которой предстояло прокатиться по Империи. Но с типичным римским отношением к варварам он отказал Алариху в гражданской власти, предотвратив создание истинного государства готов где-либо рядом с Римом [38].

Алариху пришлось выбирать между ролями неполноправного партнера Империи и разъяренного повстанца. В итоге, он вернулся в Италию в первом десятилетии пятого века, преследуя варваров-федератов Стилихона и неся тяжелые потери. Однако после нескольких вторжений варваров в Северную Италию и Галлию, которые угрожали восстанием в Риме и свержением императора в 405-406 гг., Алариха отозвали назад. В качестве платы за спасение осажденного императора он потребовал четыре тысячи фунтов золота, которые Стилихон велел римским сенаторам выплатить. Это была горькая пилюля для сенаторов, считавших, что

варварам платили и без того много и долго – за столь малую пользу. Аларих получил то, что хотел, а Стилихона и его родственников заставили за это заплатить дополнительно. В 408 году соперник Алариха, гот и недавний союзник императора Гонория, Сар, свергнул и казнил полувандала Стилихона. Это высвободило сдерживаемое римлянами недовольство и подвигло римский Сенат на месть племенам: истребление тысяч варваров, мирно проживавших в Италии [39].

Вследствие этого неримляне десятками тысяч присоединились к армии Алариха для первого из трех маршей на Рим. Устроив блокаду ввоза зерна в город, Аларих потребовал все движимое богатство Рима [40]. Между первой и второй осадами осенью 409 года стало ясно, что Аларих и его армия хотят признания Римом их полного с ним равенства и требуют собственные провинции в Норике, где снова попытаются создать готское государство. Поскольку при такой уступке император мог потерять все, он тянул время, ожидая, что его спасут имперские армии.

К сожалению для Рима, ранее сопротивлявшийся Сенат оказался более сговорчивым и готовым прекратить блокаду города. Он согласился с требованиями Алариха и признал префекта Аттала новым императором вместо Гонория. Этому человеку Аларих доверял и мог положиться в том, что он реализует его мечту римско-готского примирения и союза [41]. Сенат повысил Алариха до командующего армиями двух Империй, magister utriusque militum. Он стал первым германским вождем, который командовал регулярной римской армией (а не состоящей из своих соплеменников, сражающихся от имени Рима). Аларих начал поспешно готовиться к совместному римско-готскому вторжению в Африку. Щедрые повышения в должности являлись

только снимающими напряжение решениями, которые, однако, потеряли свое значение из-за обмана. Несмотря на свои добрые намерения, Аттал, став новым императором, присоединился к антиварварской фракции Сената и блокировал совместную римско-готскую миссию в Африке. Теперь Сар атаковал армию Алариха от имени свергнутого императора Гонория. Так готская мечта о равенстве с Римом исчезла навсегда, подготовив почву для третьей и самой знаменитой осады Алариха. Три дня в августе 410 года готские воины грабили Рим и отбыли из города с теперь уже шестнадцатилетней Галлой Плацидией, которую, как говорили, увел с собой родственник Алариха, Атаульф [42].

Брак римлянки и гота

Атаульф стал преемником Алариха в 412 году и повел готов на новые земли на западе, в Нарбонн, прибыв с Галлой Плацидией, которая все еще оставалась заложницей. Она оказалась настоящей наградой для племени: внучка императора Валентиниана I, дочь Феодосия (последнего императора, который правил как Восточной, так и Западной Римской Империей), сестра правившего на Западе императора Гонория. В дополнение к этому, она выросла под опекой своей сводной сестры Серены, жены Стилихона. Захватив ее, готы взяли три поколения императорского Рима. И – хотя они этого не знали – в ней было сосредоточено имперское будущее Рима. До захвата готами Галла привлекла внимание (как романтически, так и политически) Констанция, преемника Стилихона в роли главнокомандующего силами на Западе. Впоследствии он стал императором.

Ее ценность, как заложницы, была ясна для Атаульфа с того дня, как он ее захватил. Они с ее братом

вели переговоры о возвращении Галлы Плацидии в Рим в целости и сохранности в обмен на федеративное готское государство в Галлии и щедрые поставки зерна. Но соглашение потерпело крах из-за нарушения поставок из Африки [43]. Несмотря на этот изначальный провал, Атаульф, как сообщается, был поражен «благородным происхождением, красотой, целомудрием и чистотой» Галлы – и сделал ее ключом к получению племенем мира и земли [44]. 14 января 414 года, в двадцать лет она стала его женой и королевой.

Брачная церемония проходила в доме одного римского господина благородного происхождения и являлась многозначительным комментарием к столетиям конфликта между варварами и Римом. Свадьба была показательно и нарочито римской – гот Атаульф появился в традиционной римской военной форме, а его невеста оделась в императорские одежды. Среди гостей был Аттал, сброшенный с трона префект, сделанный императором, – в прошлом друг готов, который нарушил сделку, позволявшую племени покинуть Италию и отправиться в Галлию в 412 году. Он почтил жениха и невесту римской брачной песней, и, сделав это, как выяснилось в дальнейшем, обеспечил свою гибель. Позднее Констанций отомстил римлянам, которые участвовали в этом бракосочетании варвара. Римская тематика церемонии была нарушена только в конце добавлением нескольких готских песен. По словам летописца, наиболее близкого к событию, бракосочетание вызвало страх в большом варварском мире, «поскольку Империя и готы теперь, как кажется, стали единым целым» [45]. Этой церемонией Атаульф указал и напомнил Риму и поздней античности, кем теперь стали он сам и его племя.

Брачный союз не получился благословенным. Сын Феодосий, названный в честь дедушки со стороны матери, умер вскоре после рождения. Что же до Атаульфа, то соперники из племени, на которых его достижения не произвели впечатления, убили его на следующий год. Новый договор с Римом, переговоры по которому вел Констанций, позволил готам поселиться в качестве федератов Рима в Галлии, но ненадолго. Полностью разорвав все связи с Римом, новый вождь племени Валлия перевел готов в Барселону. Там они и обосновались в 415 г. Галла вернулась в Рим в следующем году, ее обменяли на ныне доступное зерно и возможность для готов свободно создавать собственное государство за счет проживавших в их местности племен. Император Констанций, и ранее желавший Галлу, женщину, которую не смог испортить брак с варваром, взял в жены «надкушенный плод» династии Феодосия. Галла получила то, что дала ей судьба, и в 420-ые годы, как вдова и регентша при своем шестилетнем сыне, Валентиниане III, правила фактически как римская императрица [46].

В качестве постскриптума к этому рассказу испанский апологет христианства Павел Орозий, автор истории христианства под названием «История против язычников», приписывает Атаульфу сравнение римской и готской культур. Оно оказалось более лестным для римлян, чем для готов. Он также подтверждает то, что было еще более правильным: триумф римской культуры над варварами, несмотря на военное поражение. По мнению Орозия, Атаульф хотел сделать Рим готским государством, а себя – Цезарем Августом. Но, вспомнив о вольных нравах своего народа и невозможности для готов подчиняться законам (гибельные наклонности варваров заметил еще Тацит), Атаульф

пришел к выводу, что его народ никогда не сможет создать и управлять страной, равной Риму. А поэтому энергию готов лучше обратить на «восстановление и укрепление имени императорского Рима». Если готское государство не может стать лучше Рима, значит, его курсом должны сделаться почитание и имитация Рима – насколько это возможно [47]. По словам Орозия, Атаульф пришел к этому выводу под влиянием своей жены-христианки.

Повествование Орозия – это не правдивый отчет о мыслях и чувствах Атаульфа, а представление точки зрения о римлянах и варварах духовного лица – христианина, жившего в те годы. После 476 года епископы заполнили политически-административную пустоту в крупных городах Империи. Они приняли и подняли имя Рима, словно оно было их собственным, – а таковым, на самом деле, оно тогда и стало. Во времена поздней античности и на протяжении Средних веков германцев и другие племена учили думать о римской церкви так, как по утверждениям историков, Атаульф думал о Римской Империи: как о цивилизации выше всех прочих. Ее следовало защищать, а племенам нужно было ей подчиняться.

К счастью для слабеющей Римской Империи и появляющейся христианской церкви, теперь доминирующие племена стали удивительно восприимчивы к иностранным культурам. Большинство племенных государств, которые заменили Римскую Империю, сидели у ног римской церкви, внимая ей, как когда-то – императорскому Риму. Эта покорность Евангелию была сродни той, что ранее позволила римскому языку, законам и правительству существовать совместно с германскими и даже заменить их в новой цивилизации Западной Европы.

Франкская Империя и ее раздел, 814-843 гг.

Глава 2

От Меровингов до Гогенштауфенов

ГЕРМАНСКОЕ ПРАВЛЕНИЕ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Большое значение для истории Европы имеет тот факт, что «варвары», которые пережили Римскую Империю, приняли ее политику и культуру [1]. Эволюция постримской Европы отличается целостностью и многочисленностью культур [2]. Противореча старой пословице, утверждающей, что история всегда пишется победителями, именно проигравшие описали римско-германскую эпоху. По стандартам древнего мира, германские племена были великодушны после победы. Они позволили латыни, римским законам, правлению и религии – римскому христианству – формировать средневековую Европу. Из этих связанных цивилизаций также возникли династии преемников и общества второго тысячелетия.

Уже в шестом веке появляющийся западно-европейский мир можно увидеть в названиях региональных племен: Бавария (бавары); Бургундия (бургунды); Англия (англы); Франция, Франкония (франки); Гер-

мания (германцы, алеманны, тевтонцы), Ломбардия (ломбарды); Саксония (саксы); Швабия, Швеция (свеи). То же самое относится и к менее важным регионам [3]. Самыми значительными с исторической точки зрения были франки, которые разбили и вытеснили готов в шестом веке: вестготов – в 507 году, остготов (восточных готов, которые покорили Италию в конце пятого века) – в 540-ые годы.

Чтобы создать родословную, такую же впечатляющую, как у римлян, франкские летописцы шестого века придумали мифических предков – потомков мигрировавших троянцев. В споре с историей, которая была как кровавой, так и смешной, французы и немцы, пытаясь дистанцироваться друг от друга, в то же время заявляют, что и те, и другие являются потомками изначальных франков. В восемнадцатом веке один француз, упомянувший о франках, как о германцах, провел три месяца в Бастилии за оскорбление своих предков [4]. В конце двадцатого века в популярных французских комиксах «Астерикс» изобразили древних французов, как чистокровных галло-римлян. Они якобы противостояли как легионам Цезаря, так и преступным германским ордам у своих границ [5]. Однако у истории есть плохие новости как для французов, так и для немцев. Несмотря на попытки разделить франков и тевтонцев, и те, и другие имеют общее франкское варварское прошлое, которое не может стереть придумывание каких-либо мифов.

МЕРОВИНГИ

В конце пятого столетия новая династия франков, Меровинги (названная в честь ее основателя Мero-

вея), начала продолжавшийся три века подъем этого народа к западно-европейской гегемонии. Они добились ее при Карле Великом. Династия базировалась в регионе, составлявшем по форме треугольник, соединяющий Реймс, Турней и Суассон, известный, как Вторая Белгика [Белгика – римская провинция, образованная в 16 г. до н.э. в области расселения белгов в Северной Галлии. В V веке территория Белгики была завоевана франками. – Прим. перев.] Со смерти последнего истинного императора Западной Римской Империи Валентиниана III в 455 г., до смерти номинального Ромула Августула в 476 г., сын Меровея, Хильдерик, действенно правил Северной Галлией. На протяжении 260 лет между смертью Хильдерика в 481 г. и рождением Карла Великого в 742 г., франкские правители формировали новую Западную Европу, которая будет всемирно признана, как преемник Рима к началу девятого столетия [6].

Хлодвиг, который считался сыном Хильдерика, предпринял решительные шаги после того, как стал правителем северных франков, проживавших вдоль береговой линии. Он принадлежал к арианам – то есть, сторонникам течения, названного по имени еретика, греческого теолога Ария, не принимавшего догмат Троицы. Хлодвиг и его армия приняли истинное христианство после победы над алеманнами, во время сражения с которыми он, как сообщалось, обращался к Христу за помощью. Его современник, христианский епископ Григорий из Тура, летописец ранних франков, ставит смену веры Хлодвигом в заслугу его жене Клотильде. Она была ортодоксальной христианкой, дочерью короля Бургундии, и со времени рождения первого ребенка требовала от Хлодвига отказаться от

еретического арианства [7]. По обоим вопросам – как религии, так и брака – были установлены прецеденты. С тех пор христианское духовенство и жены правителей играли главные роли, – обструктивные и прогрессивные, – во франкском обществе и политике.

Выступив со своих земель в северной Галлии, Хлодвиг разбил тюрингов на востоке, алеманнов в Юго-Западной Германии, Эльзасе и Северной Швейцарии, и готов-ариан в Юго-Западной Галлии. Поражение и обращение в новую веру последних под Туром дало династии Меровингов возможность покорить и объединить соперничающие франкские племена. Этой цели добивались, по большей части, путем организации покушений на их непокорных правителей [8]. Результатом стало основание Империи Франков.

До этого времени никакое варварское правление не было более романизированным, чем правление Хлодвига. Он использовал элементы римского правления, а также взял многочисленных римских советников, как из гражданских лиц, так и духовенства. Хлодвиг примирял местные власти и свою центральную, как ни один римский император, полагаясь на региональных графов и герцогов в управлении отдаленными регионами империи. Осознавая желание Папы подняться над правителями из мирян, Меровинги следовали императорской византийской практике сдерживания духовенства. Через полстолетия после смерти Хлодвига его внук Хильперик жаловался, что епископы «не спускают глаз со всего королевского богатства», а церковь более популярна у горожан, чем правитель. Таких жалоб будет становиться больше во франкской и более поздней германской истории. Они вызовут эпохальные германо-римские церковно-государс-

твенные конфликты: противоречие с инвеституро одиннадцатого века, национальный и религиозный протест Реформации в шестнадцатом и проклятие Папой модернизма, в результате чего в девятнадцатом веке началась «война за культуру» (Kulturkampf) [9].

Ранние Меровинги были последними из германских племен, служивших римлянам. Старый римский двойной стандарт приема германцев, как федератов, и присвоения им гражданства, одновременно с неадекватной компенсацией их доблести и жертв, больше не обременял франков. Переходный период Империй завершился в шестом веке, а Меровинги были у власти. В более ранние годы оскорбленные вожди и племена устраивали восстания и бунты, узурпировали императорские короны (Сильван, Арбогаст), сажали людей на трон по собственному выбору (Аттал) и сами вторгались в императорские династии путем брака по принуждению (Атаульф). Но варвар шестого века с уверенностью шагал по миру раннего Средневековья, как равный.

Жест Хлодвига

В виде завершающего жеста сразу после победы над вестготами в 507 году, Хлодвиг напомнил Риму и Византии, кем стали он и его народ. В то время Хлодвиг сражался, как клиент [клиент (лат.) – плебей, пользовавшийся покровительством патрона-патриция. – Прим. перев.] императора Восточной Римской Империи Анастасия. Тот вел войну с остготским правителем Италии, Теодорихом Великим, родственником Хлодвига и конкурентом на роль предводителя вождей западных варваров [10]. В то время как Хлодвиг находился на пути домой после успешной кампании, в

Туре его догнало письмо Анастасия. В нем сообщалось о присвоении ему беспрецедентной чести для франка из Меровингов – консульского звания.

У Хлодвига от успеха вскружилась голова, и он стал самоуверенно праздновать. В этот момент он был на грани правления Империей, которая объединяла современную Францию, Бельгию, Нидерланды и будущие германские земли к востоку от Эльбы, с королевской резиденцией в Париже. Для празднования своего возвышения он надел величественную пурпурную мантию поверх византийской военной формы, на голову – королевскую диадему. Одетый таким образом, Хлодвиг проехал от городских ворот до церкви под крики «Консул и Август!», разбрасывая толпе золотые и серебряные монеты типичным императорским жестом. Люди стояли по обеим сторонам дороги на всем пути следования. Связь двух выкрикиваемых слов вызывала ассоциации с другим императором, и Анастасию это бы совсем не понравилось. Хотя Хлодвиг склонялся в этом случае порисоваться и продемонстрировать свое консульское величие, больше он не добавлял себе этого высокого титула. Его запоздалая сдержанность показывает самоуверенность франков в начале их подъема в роли удерживавших новый средневековый мировой порядок [11].

КАРОЛИНГИ

Двести тридцать лет спустя династия-преемник, Каролинги, получила свое название от имени Карла Мартелла, «мэра дворца» в двух из трех регионов, составлявших королевства франков в восьмом веке (Бургундия была третьим). Такой титул даровался политическим

и военным руководителям, которые выступали за землевладельцев благородного происхождения. Карл жил в эпоху иноземных вторжений и внутреннего разлада. Он трижды добился успеха, что сделало возможным создание новой Империи его внуком Карлом Великим. В сражении, которое продолжалось неделю между Пуатье и Туром в октябре 732 года и получило название битвы при Пуатье, он остановил мусульманское вторжение в Галлию через Испанию, обеспечив безопасность южной границы Западной Европы. Дома он был миротворцем, подчиняя фракции благородных господ своей воле, и стал в некотором роде канцлером франков. Он также основал посольство в Риме. Посольство в дальнейшем стало крайне важным связующим звеном как для Каролингов, так и для церкви [12].

Карл Великий

Карл Великий, который правил франками на протяжении сорока трех лет и являлся императором на протяжении четырнадцати из них, завершил романизацию франкской культуры. Тем не менее, он также был полностью варварским правителем, носил одежды своего племени, а не римские. Он успешно подчинял франкские племена своей воле и жестоко уничтожал соперничавших с ним. Во время войн с саксами он отомстил за уничтожение молодых франков благородного происхождения, отрубив головы, как сообщалось, четырем тысячам пленникам-саксам за один день [13]. Его семейная жизнь также была типичной для вождя племени: у него было пять официальных жен – из франков, ломбардов, швабов, восточных франков и алеманнов – и на каждой из них женился только по политическим причинам. Одну из них,

швабку Хильдегард, он, похоже, по-настоящему любил. У него также имелись многочисленные наложницы и незаконнорожденные дети [14].

Итак, в нем оставалось много от вождя племени, но одновременно он также был и космополитом, как король. Положение Карла Великого требовало от него умения говорить и писать на нескольких языках. В Ахене языком общения служил его родной диалект, Theodisk, или Deutsch, и считался главным из местных диалектов при королевском дворе. Представители Карла Великого вели дела на относительно грубой постклассической латыни, на которой говорил и сам Карл. Он помог сделать ее дипломатическим языком франков в своем королевстве. Он болезненно относился к угрозе родному немецкому языку и постановил сохранять его в песнях и календаре, и лично составил базовую грамматику. В дополнение к языковому единству, государство Каролингов также являлось единой торговой зоной с общей денежной единицей [15].

Карл Великий намеревался создать образованный двор и смекалистую королевскую бюрократию. Он построил придворную школу в Ахене, в которую пригласил имеющих хорошую репутацию христианских ученых из Англии, Франции и родных земель франков, даровал им уютные поместья и выделял на академические нужды неограниченные средства. Возглавил школу англосакс Алкуин из Йорка, и она превратилась в центр франкского обучения и культуры. На протяжении многих лет она цивилизовала новую Империю, сея зерна более позднего и более великого возрождения древних знаний.

Взяв за образец библейского царя Давида, Карл Великий демонстрировал религиозно-политические пре-

тензии византийского императора. В Ахене использовалась византийская архитектура дворцов и церквей. Это стиль, изображавший правителя земли также, как и верховное духовное лицо. Подобные идеи сеяли панику в отношениях между церковью и государством в Западной Европе на всем протяжении Средних веков и после них. Карл Великий также открыл дипломатические посольства в Иерусалиме и Багдаде, расширив свое влияние на Средний Восток. Оттуда в Ахен в октябре 802 года прибыл слон Абуль-Аббас, названный в честь династии Аббасидов. Это был подарок халифа Харуна ар-Рашида, знак признания нового западного императора [16].

Такие претензии со стороны Карла Великого свидетельствовали о качестве его правления и не предполагали никакого предательства или вызова миссии церкви. Это стало ясно в войне доктрин, в которую он включился, выступив против своей соперницы, византийской императрицы Ирины, в конце восьмого века. Поскольку семнадцать из двадцати двух лет своего правления она являлась регентшей при малолетнем сыне, многие за рубежом не демонстрировали уважения, причитающегося истинной императрице. Тем не менее, ни один другой правитель той эпохи не был более нацелен на использование власти единолично. И это намерение Ирина продемонстрировала, поместив в тюрьму и ослепив собственного сына после того, как он достиг совершеннолетия в 797 году, после чего она потребовала себе его трон. Та же судьба ждала пятерых дядей со стороны отца, происхождение которых позволяло им также оспаривать ее правление. Та же самая воля проявилась в кампании императрицы по навязыванию почтения и благоговения перед образом

Византии на Западе. Но такое идолопоклонничество противоречило учению римской церкви. Карл Великий встал на защиту церкви и собственного возвеличивания и не позволил поклонению образу Византии утвердиться на Западе [17].

Эта услуга, оказанная церкви, способствовала дальнейшему подъему Карла Великого и получению большей власти после того, как соперники благородного происхождения заключили Папу Льва III в тюрьму в Риме в 799 году, обвинив его в преступлениях. Папа бежал в безопасный город Падерборн во владениях Карла Великого и наделил своего защитника римской гражданской властью. После этого король и Папа стали союзниками. Церковь изображала Карла, как носителя флага святого Петра, и этот образ подготовил почву для коронации Карла Великого, ставшего императором «Священной Римской Империи» в Рождество в 800 году [18].

За два дня до события Карл Великий заставил Папу Льва пройти публичный ритуал очищения в Соборе святого Петра в Риме. Германская церемония требовала от Папы, который заявлял, что его судить может только Бог, торжественной клятвы в невиновности в присутствии его римских обвинителей. Этим действием Лев оставлял прошлое позади: запятнанные руки, которые в противном случае оказались бы на Карле, снова стали чистыми.

В тот день также началось серьезное соперничество между церковью и Империей. Во время коронации Лев попытался восстановить часть своего униженного достоинства, изменив традиционный порядок коронации. По установленному порядку требовалось, чтобы процедура началась с выкрикивания одобрения Кар-

лу Великому народом Рима. Таким образом, голос народа становился как бы посредником, передавая волю Бога, который наделяет Карла властью управлять народом. Однако Папа Лев обратился к собравшейся толпе лишь после того, как увенчал голову Карла короной. В соответствии с франкскими, но не папскими хрониками, в которых рассказывается о событии, Папа Лев непреднамеренно или по недосмотру отдал то, что взял, встав на колени перед Карлом. Франки интерпретировали это, как жест папской покорности новому императору. Подобные действия кажутся незначительными, но они стали малыми шагами по дороге к большим бедам в западноевропейских отношениях церкви и государства.

Карл Великий был единственным франкским правителем, который посещал Рим, а его коронация стала четвертым и последним визитом. После этого он носил императорские титулы «Август и император», но одновременно оставил и германский – «король франков и ломбардов». Все еще считавшие Западную Европу своей византийцы смотрели на коронацию, как на кражу титула Западной Римской Империи. В ответ на это Карл Великий дал им ясно понять новую силу германского народа – его воины заняли главный западный торговый порт Византии, Венецию, в 802 году. Вскоре после этого восточный император Никифор I, сменивший Ирину, направил поздравления новому императору Запада [19].

СПРАВЕДЛИВАЯ ИМПЕРИЯ

Хотя Карл Великий был всемогущим вождем, его правление оказалось менее авторитарным, чем прав-

ление императорских Рима и Византии. Во время его правления было принято более тысячи законов и указов. Они составлялись с помощью племенного совета, состоявшего из лиц благородного происхождения, священнослужителей и воинов. Для облегчения управления Карл Великий разделил Империю на «округа», которыми от лица короля правили «графы» из местных господ благородного происхождения. Карл расплачивался с ними землями, узурпированными у церкви, которая этого не забудет.

Местные правители осуществляли свою власть через местный суд, называвшийся mallus. Название происходило от германского слова, обозначающего законодательное собрание. Истцы и ответчики представляли свои версии, по ним выносились вердикты. Тщательно рассчитанные денежные штрафы в виде наказания ответчика, или wergild, накладывались, когда доказательства позволяли принять бесспорное решение. Когда такие доказательства отсутствовали, суд мог назначить испытание, позволяя всезнающему Богу определить виновность или невиновность. Чаще всего испытание заключалось в затягивании в положенный срок раны от кипятка или огня. Если ожог заживал, то обвиняемого признавали невиновным. Хотя Суд Божий и был экстремальным способом, он стал принципиальным усилием отправлять правосудие. Это отражало желание Каролингов создать справедливое и просвещенное общество.

Также добиваясь этой цели, Карл Великий создал специальные отряды императорских посланцев, missi dominici, и судебных экспертов, scabini, чтобы надзирать за работой местных судов. Их выбирали из занимающих высшее положение, пользующихся

доверием семей, приближенных к трону. Они регулярно посещали суды Империи, чтобы наставлять их «решать вопросы абсолютно справедливо и беспристрастно, рассматривая иски, подаваемые церквями, вдовами, сиротами и всеми другими лицами, без обмана, без взимания излишней платы и излишних отсрочек» [20].

Однако правление графов и посланников от имени короля может быть сильным настолько, насколько сильны те, кто отдает приказы и те, кто им подчиняется. Королевские эмиссары редко сообщали о недолжном поведении [21]. С течением времени дарованные императором земли становились наследуемыми, и правители на местах получали новые земли и власть, прибавляя их к уже имеющимся. Такое обогащение больше способствовало расширению власти и увеличению богатств на местах, чем высоким стандартам королевского правосудия.

Семейная вражда и разделение франков

На протяжении девятого столетия франкское наследственное право соединялось с изменяющимся количеством семей и динамикой создания географического и политического пейзажа современной Европы. Королевский франкский обычай оставлять в наследство равные или значительные части каждому наследнику мужского пола являлся основной структурной силой. Франкская традиция раздела наследства основывалась на религиозной вере в то, что родители должны относиться к своим детям одинаково. Это соответствовало и их нравственным убеждениям. Такая традиция останется в германских, особенно, в протестантских регионах вплоть до семнадцатого века [22].

В то время как эта практика обещала большее политическое единство, разъединенное королевство, часто продолжающее делиться дальше, привлекало хищников. С усилением подобного распада франки оказались своими же собственными худшими врагами.

Меровинги установили прецедент разделения империи на части, хотя и без ужасающих последствий. Четыре переживших Хлодвига сына унаследовали равные доли королевства своего отца. После смерти младшего, Хлотгара, королевство на короткое время заново объединилось, но только потому, что три брата умерли раньше него. Следуя примеру своего отца, Хлотгар раздал равные части своим четырем сыновьям – это было второе разделение на четыре части королевских франкских земель в течение половины столетия. Еще больше ситуацию осложнил тот факт, что у Хлодвига и Хлотгара было по четыре переживших их сына от двух различных браков, а, следовательно, присутствовали эгоистичные матери и соперничающие сводные братья. В случае Хлодвига имелся старший сын от первой жены и три младших – от второй, у Хлотгара – наоборот. Ни одна из королев-матерей не хотела, что ее сын (или сыновья) получил меньшее наследство, чем его брат (или же братья) по отцу, поскольку как станут жить дети, так будут жить и матери. А дети, по большей части, были готовы взяться за оружие, чтобы защищать свои доли наследства. Подобное положение вещей обеспечивало влияние франкских королев-матерей и их сыновей на дела наследования и государства [23].

Однако (по большей части – из-за высокой смертности единокровных братьев), королевские семьи Меровингов избегали братоубийственной зависти,

разделения государства на части и уязвимости для иностранного вторжения, которое ждало Каролингов. В начале своего правления единственный выживший сын Карла Великого, который наследовал ему, Людовик Благочестивый, предвидел опасность и попытался ее упредить. Он заменил разделение наследства версией права первородства, то есть правом старшего сына на наследование недвижимости. Людовик основывался на плане, составленном его отцом, когда тот обдумывал последствия, если умрет, оставив после себя многочисленных, воюющих друг с другом наследников [24].

По императорскому Ordinatio 817 года Людовик сделал двадцатитрехлетнего Лотара, своего старшего сына от второй жены Эрменгард соправителем и единственным наследником неделимых франкских земель. Младшие братья Пипин и Людовик получали меньшие наследства, Аквитанию и Баварию соответственно. Это также расстроило других могущественных людей, интересам которых больше отвечало наследование по частям [25]. Тем не менее, указ Людовика Благочестивого мог бы пережить сопротивление. В этом случае он послужил бы основой для объединения франков, ранней государственности и статуса нации. Но помешали конфликты в семье Людовика.

Первым врагом этого указа стала третья жена, Юдифь, на которой Людовик Благочестивый женился в 819 году. Она была дочерью графа Вельфа, имевшего владения в Баварии и Алемании и являвшегося полезным союзником во время восточных военных кампаний франков. По отзывам современников, она была молодой женщиной «сказочной красоты и ума» [26]. Юдифь получила королевскую власть после того, как

в июне 823 года родила четвертого сына Людовика Благочестивого, будущего Карла Лысого. Появление сына подчеркнуло родственные отношения, связывавшие два королевских рода, а заодно – и страхи перед будущим. Возникла разрушительная угроза [27].

Зная, что мачеха снова беременна (ранее Юдифь родила дочь), Лотар действовал поспешно, чтобы закрепить наследование трона в соответствии с указом отца. На Пасху 823 года Папа Пасхалий короновал его соимператором. Через три месяца по указанию его отца Лотар поднял новорожденного сына мачехи из купели в королевской церкви в Ахене и, таким образом, стал крестным отцом своего сводного брата. Несообразность и абсурдность зрелища не могли не заметить ни Лотар, ни Юдифь. Оба наверняка раздумывали у алтаря о вызове, который бросает новому порядку наследования этот младенец. Лотар мог потерять королевство или увидеть, как оно слабеет, а Юдифь могла потерять мужа, который, скорее всего, умрет раньше нее, после чего она останется на милость своих пасынков [28].

Получение ее собственным сыном относительной мелочи в виде наследства было немыслимо для императрицы. В течение десятилетия она потребовала равного раздела франкских земель между ее сыном и Лотаром. Другие заинтересованные стороны, как местные, так и иностранные, присоединились к ее усилиям по восстановлению наследования долями. Братья, сыновья Людовика от второго брака, боялись, что Юдифь, всегда способная очаровать их отца, получит преимущества над ними. Император удивил их во время встречи в Вормсе в 829 году, создав новое королевство для их сводного брата на его шестилетие.

Оно включало Эльзас, Шур, герцогство Аламанию и кусок Бургундии, которая ранее принадлежала Лотару. Затем отец вызвал у трех старших братьев панический страх, внезапно отправив Лотара с миссией в Италию [29].

В результате в 830 году началось восстание против Людовика, которое закончилось домашним арестом императора и молодого Карла, а также отправкой Юдифи в Аквитанский монастырь после предъявления обвинений в прелюбодеянии и колдовстве. Хотя Людовик восстановил наследование долями, эта встряска политического порядка Каролингов была слишком смелой, чтобы иметь успех даже в полном хаоса девятом столетия. К 832 году сторонники права старшего сына на наследство восстановили его, пользуясь папской поддержкой. Однако это контрвосстание оказалось еще более разрушительным для традиционного порядка, чем ход Юдифи: трое братьев теперь заставляли отца отречься от престола в пользу Лотара. Равновесие власти снова изменилось в 835 году, что позволило свергнутому с престола императору воссоединиться с женой и снова получить корону в городе Меце [30].

В конце долгой, полной конфликтов истории франкская традиция наследования долями восторжествовала над нововведением – наследованием старшим сыном. Империя Каролингов осталась географически и политически перед лицом постоянного раздела. После смерти Людовика Благочестивого в 840 году Лотар, Людовик Германский и Карл (Пипин к тому времени умер) сражались и пререкались еще на протяжении трех лет перед тем, как разделить Империю отца между собой в равных долях. Лишь с небольшим

преувеличением Верденской договор 843 года был назван ««свидетельством о рождении» современной Европы» [31]. По нему Лотар заново брал себе императорский титул и среднее королевство, которое располагалось вокруг древний столицы Ахен и включало территории современных Голландии, Бельгии, Швейцарии, Эльзас-Лотарингии и Италии. Людовику Баварскому, позднее ставшему известным, как Людовик Германский, отошла восточная часть франкского королевства, иными словами, территория современной Германии. А Карл, рождение которого и стало началом эпохальной франкской семейной вражды, правил над обширной западной частью королевства, грубо говоря, современной Францией, и имел королевскую резиденцию в Париже. Это было наследство, достойное сына здравствующей императрицы [32].

Дробя королевство франков дальше, Лотар разделил среднее королевство в равных частях между своими тремя сыновьями в 855 году. В итоге, за основные центральные земли началась драка, как за самые желанные, а императорский титул стал неопределенным. К 888 году произошли дальнейшие разделы и слияния. С тех пор неспокойная центральная часть среднего королевства сделается «горячей точкой» Западной Европы, хронически неуправляемой и дестабилизирующей соседние земли. Италия, Бургундия и Лотарингия теперь оказались лакомым куском для германских герцогов и саксонских монархов, которые населяли восточные земли франков. Контроль – или его отсутствие – над этими центральными землями – это ключ к единству и силе Германии, и такая ситуация оставила политические отпечатки вплоть до двадцатого столетия [33].

ОТ ИМПЕРИИ ФРАНКОВ К ГЕРМАНСКИМ ГОСУДАРСТВАМ

Раздел Империи Каролингов поставил ее в опасное положение. После заключения Верденского договора происходила постоянная путаница с наследованием престола, который все еще оставался привязанным к среднему королевству. Столкнувшись с этим хаосом, ведущие франкские семьи, от которых зависела дипломатия и надзор за единством Империи, сняли свою поддержку. Графы на местах, которые никогда не верили в межрегиональную Империю, заполнили пустоту, и вскоре уже правили своими землями, как всегда предпочитали – импульсивно и безнаказанно. В мрачную эпоху между Верденским договором и подъемом новой саксонской династии на политической арене доминировало местное управление, проводившееся ближайшими и самыми подходящими правителями, теми, кто мог спасти от мародерства и грабежей. Даже если бы королевская семья оказалась менее саморазрушительной, а географический и культурный раздел королевства Каролингов – менее экстремальным, новое положение вещей все равно, вероятно, было бы неизбежным. Очередные набеги скандинавов и датчан с севера, мадьяр с востока и сарацинов (мусульман) с юга сделали бы вторую половину девятого века не менее катастрофической для Империи.

Что могли предпринять племена? В восточной части королевства франков, из остатков Империи Каролингов строилось пять свободно организованных герцогств (Франкония, Саксония, Тюрингия, Швабия и Бавария), каждое – со своим собственным языком, законами и культурой. Они превращались в государс-

тва с иерархической структурой. С тех пор эти земли стали фундаментом разделенного на куски и конкурентоспособного средневекового Германского королевства. Меньшая, знакомая Германия появилась в десятом веке, когда франконский герцог Конрад сменил на троне последнего кровавого восточного правителя из Каролингов и стал королем Конрадом I. Отражая все еще амбициозное восприятие истории, в одиннадцатом веке титулы «римский король» и «Римская Империя» заменили титулы «франкский король» и «Империя Франков». До того, в 919 году, королевская власть перешла от франков к саксонцам, и родился первый германский рейх. К тринадцатому веку земли старых франкских среднего и восточного королевств составили «Священную Римскую Империю». К концу пятнадцатого века она станет известна как «Священная Римская Империя Германской Нации» – в знак признания новой межрегиональной германской идентификации и главенства [34].

Подъем саксонской династии

Восточно-франкские герцоги выбрали франконца Конрада преемником последнего представителя Каролингов. Его считали наиболее подготовленным для противостояния получаемым вызовам, от чего зависло существование увядающей Империи. Перед ней стояли вопросы жизни и смерти. Однако когда Конраду не удалось отразить мадьяр, и он, тайно сотрудничая с церковью, попытался установить свое владычество над восточными франкскими землями, крупные герцогства пошли против него. Тем не менее, восточно-франкские герцоги положили начало существованию свободных притязаний на германский императорский

трон. На смертном одре Конрад передал право на трон саксонцу Генриху I Птицелову, который открыл новую эру германского единства и власти.

На публичной церемонии, придуманной им самим, Генрих взял королевский франкский флаг и провозгласил себя императором из рода Хлодвига и Карла Великого. Это было смелым посланием германским герцогствам и церкви в Риме: герцог Саксонский стал германским монархом не только потому, что выбран герцогами или коронован Папой, а из-за нерушимого процесса наследования королевской власти от древних королей к новым. Другими словами, Генрих заявлял, что получил королевскую власть непосредственно от Бога – и это продолжат делать вплоть до современности германские короли и императоры, как, впрочем, и правители других земель [35].

На протяжении оставшейся части десятого века, а также и в одиннадцатом восточные герцоги и лица, обладавшие меньшей властью, повторно проверяли характер и храбрость саксонского монарха. Сын и преемник Генриха, Оттон I, принимал эти вызовы, как делал и его отец, вспоминая о традиционных обязательствах правителя и вассала. То есть, он применял единственный (в девятом веке) мирный способ для сюзерена завоевать уважение соперников. Используя собственные королевские поместья, преданных местных графов, а также помогая деньгами представителям духовенства, саксонские монархи выделялись среди германских герцогств воинством, собственностью и влиянием на церковь. Саксонский король также преуспел в войне, в то время как франконец Конрад ее провалил. Саксонцы дважды победили мадьяр. Эти победы закрепили восточные

границы и открыли новые земли для расширения владений саксонцев [36].

Укрепление новой Империи под предводительством саксонцев проходило на протяжении всего периода правления Оттона. А ключом к успеху являлись земли старого среднего королевства франков к западу от Германии, которые простирались от Фризии до Италии. Эти земли, разделенные, причем, на протяжении девятого столетия – неоднократно, были готовы к тому, чтобы их взяли. Целью саксонских усилий по стабилизации стала Италия. Для Оттона победа над Италией означала не только императорскую корону, но и способность укрепить родную Саксонию.

Оттон предъявил претензии на корону Ломбардии-Италии, завоевав их в 937-38 годах, затем вторгся в Италию в середине века, чтобы закрепить свои претензии. Его удача впечатляла. Из похода он возвратился с новой женой-итальянкой. Однако успех был достигнут под угрозой потери Германского королевства, поскольку противники дома сговорились с врагами, находящимися за границей (включая Папу), с целью разбить хронически отсутствующего сюзерена. Но Оттон и следующие правители Германии были готовы пойти на подобный риск, желая взять и укрепить свои позиции на итальянских землях, а также получить титулы, на которые они претендовали. Однако, когда Оттон стоял лагерем в Италии, франконские и швабские герцоги восстали против саксонского правления и начали германскую гражданскую войну. Это заставило правителя вернуться домой и подавлять восстание.

Пройдет десятилетие перед тем, как Оттон снова поведет свою армию назад в Италию и отстоит право на владение Империей. Он сделал это в 961 году, для спа-

сения Папы. Тот находился в осаде, организованной их общими итальянским врагами, включая нескольких участников восстания герцогов против Оттона в Германии. Жизнь Папы Иоанна XII была спасена, и благодарный понтифик через год короновал Оттона, который стал императором Священной Римской Империи. Эта коронация давала Оттону неоспоримое право на земли франкского среднего королевства (Бургундию и Италию, к которым добавилась и Лотарингия). Поэтому стратегическая цель итальянской кампании оказалась в пределах досягаемости – а именно, спокойствие на германском западном фронте. Заключение мира, в свою очередь, сделало Оттона хозяином восточной части Германского королевства, правление которым никто не оспаривал. Вернувшись домой с императорской короной, он никогда больше не ходил с армией в Италию [37].

Война с церковью: салическая династия

В 1024 году новый род салических франков стала преемником сильной саксонской династии [38]. К тому времени графы, высшее духовенство и члены королевской семьи, составлявшие саксонскую бюрократию, служили самим себе, очень напоминая происходившее в последние десятилетия правления Каролингов. Надеясь создать более надежную администрацию, короли из салических франков обратились к неблагородному, недуховному классу слуг – ministeriales (министериалам). Эти дисциплинированные и способные люди не имели ни земли, ни власти – и теперь получали и то, и другое на срок жизни. Но все это не переходило по наследству. Условия их пребывания в должности и временного владения

примерно соответствовали вассальным, однако без личной свободы и контрактных обязательств по вассалитету. Этот недостаток, в конце концов, испортил салический эксперимент [39].

Проект также не добавил любви к новой династии среди тех, кого сменили министериалы. Особенно много терял один класс отодвинутых королевских бюрократов – высшее христианское духовенство. При королях Генрихе III и Генрихе IV королевские земли, которые стали фактически владениями церкви, забрали назад и передали министериалам. Поскольку церковь все еще не забыла недовольство столетней давности из-за узурпации земель ранними франками (она считала эти земли своими собственными), взятие земель салическими франками стало солью на старые раны [40].

Другие свободные группы также сопротивлялись новому салическому подходу: свободные крестьяне, аристократы, являвшиеся владельцами небольших поместий, и, в наибольшей степени, князья, которым принадлежало германское будущее. В начале одиннадцатого века князья решили, что не позволят королю и новому классу его слуг строить нацию за их счет. Для этой цели они мудро объединили силы с церковью – стали независимыми защитниками, то есть основателями и покровителями сотен новых монастырей с землями [41]. Эти совместно создаваемые владения официально принадлежали церкви и, как таковые, находились вне досягаемости короля. Путем этого оппортунистического альянса князья и Папа увеличили свои владения и власть с неприкосновенностью. К середине четырнадцатого века они положили конец королевским усилиям по объединению нации.

Со времен Меровингов альянс короля и церкви хорошо служил обеим сторонам, принося новые земли и королевскую защиту церкви и обеспечивая короля компетентной и, как кажется, не составляющей конкуренции администрацией королевских владений. Однако в этом прагматичном сотрудничестве заключались опасности для обеих сторон. Вследствие папской коронации король получал духовный статус – теперь он также становился и духовным лицом, а не только королем (rex et sacerdos). И это могло стать искушением для греющегося в лучах славы и наслаждающегося собой короля: он мог посчитать себя равным Папе или даже превосходящим его. Вскоре король начинал относиться к епископатам и аббатствам, которым что-то даровал, как к департаментам государства, уменьшая их независимость.

С другой стороны, сознающий собственную важность Папа, божественно санкционировав королей, мог думать, что мирские правители без его благословения остаются всего лишь пустыми мантиями. Таким образом, средневековые церковь и государство ставили себя в очень непростое положение и очень много требовали друг от друга. Между концом одиннадцатого и завершением тринадцатого столетия обе стороны будут все чаще осложнять отношения друг с другом, что приведет ко все более разрушительным последствиям для Германской Империи.

Нарушила альянс королевская церемония, на которой король вручал символы определенного положения в церкви (перстень и посох епископа) духовенству, которому также выделял земли и должность. В первой четверти одиннадцатого века утверждение высшего духовенства в духовном сане королем стало

рутинной практикой. Генрих II лично провел церемонию инвеституры для сорока девяти из пятидесяти епископов, назначенных в годы его правления. Он коллективно наставлял их, объясняя их обязанности во время церковных соборов, которые сам созывал и на которых председательствовал. Духовенство также стало партнером в военных завоеваниях, священнослужители следовали за королевскими армиями во время марша на восток через славянские земли, строили по пути новые церкви и открывали новые миссионерские районы для просвещения покоренных язычников. Содержание королем армии и двора при помощи налогов, которыми облагалось имущество духовенства, только подчеркивало королевское богохульство в глазах религиозных реформаторов [42].

Папа Григорий VII бросил вызов в феврале 1075 года, прокляв инвеституру духовенства светскими лицами, как грех симонии [симония – в Средние века в Западной Европе – продажа и покупка церковных должностей или духовного сана папством, королями и крупными феодалами. – Прим. перев.] В тот период Генрих IV возглавлял кампанию против саксонцов, во время которой решались вопросы жизни и смерти, и практически не обратил внимания на брошенный Папой вызов. Тем не менее, этим действием Папа зажег огонь, который поглотил средневековый альянс между церковью и государством и углубил политический раздел Германии в то время, когда его можно было избежать.

За вызовом Папы стояли как истинное высокомерие и самонадеянность германских королей, так и преодолевающие препятствия идеалы реформаторского движения, возникшего в монастыре бенедиктин-

ского ордена в Клюни на востоке центральной части Франции. Основатели движения хотели освободить духовенство от королей, в особенности от введения духовенства в должность королями. Для Генриха IV последствия оказались ужасными. Невозможность назначать верных духовных лиц на нужные королю должности представлялась предвестником конца надежного и эффективного управления королевством. В то время как реформаторы видели совершенно ясно и четко обозначенный вопрос религиозного принципа, король мог разглядеть только желание церкви захватить власть и поддерживаемую духовенством анархию [43].

К декабрю Григорий подчеркнуто напомнил Генриху, что короли – это христианские миряне, которые должны подчиняться указам Папы в вопросах религиозной доктрины. Этот ультиматум не мог поступить в худшее время. Генрих недавно нанес поражение последнему саксонскому герцогству и собрался подчинить все германские земли своей воле. Воодушевленный перспективой объединенной Германии, он отмахнулся от угрозы Григория и велел собору епископов сместить его, как лже-Папу.

К несчастью для зарождающейся германской нации, Григорий был в большей мере нацелен укреплять и защищать свои владения от государства, чем Генрих свои владения – от церкви. Ухватившись за мощное оружие – оскорбление и делегитимацию папства – Григорий отлучил Генриха от церкви и освободил его подданных от клятвы верности. Это освобождало подданных короля от подчинения его правлению, по крайней мере, в глазах Бога, и являлось фактически санкцией на восстание и анархию для любого, кто хо-

тел бросить вызов королю. В ответ Генрих приказал собору преданных ему германских епископов отлучить от церкви Григория. В ту эпоху это было бесполезным действием. Единственным способом для Генриха избежать угрозы начала гражданской войны было отпущение грехов Папой и снятие отлучения о церкви. Поэтому король прикусил язык и покаялся, встав на колени в снег перед зимней резиденцией Папы – крепостью Каносса. Это зрелище помнили германские правители вплоть до Бисмарка, когда имели дело с церковью [44].

Хотя Генрих получил отпущение грехов, урон королю и Империи был нанесен. После этого важные события вокруг германской монархии лишь вели к ее унижению. Отвергнув королевскую власть Генриха, германские князья выбрали собственного альтернативного короля. Григорий отлучил Генриха от церкви во второй раз, а епископы Генриха ответили на это, выбрав нового альтернативного Папу. Каждое новое действие порождало подобное в другом лагере, и конфликт вскоре стал просто трагикомичным. Три десятилетия то разгорающейся, то прекращающейся гражданской войны положили конец политическому единству, завоеванному за столетие агрессивного правления саксонцев и салических франков [45].

Генрих IV умер в 1106 году, и правление на протяжении четверти века его преемника Генриха V фактически спасло германскую королевскую власть, – при этом именно реальную власть он и утратил. Он снял критическое положение и лишил Папу преимущества, которое тот получил над его предшественником, объединившись с князьями, самолично предоставив им привилегии и став их пассивным голосом. При-

соединившись к тем, кого он не мог покорить, Генрих V объединил Германию единственным возможным тогда способом – под эгидой князей. Демонстрируя триумф аристократии над монархической Германией, князья составили условия мира, которые Генрих V подписал в Вормсе в 1122 г., положив, таким образом, конец королевскому провалу в борьбе за инвеституру. Король отказался от введения в должность епископов и вручения им перстня и посоха, но сохранил право наделять их собственностью, землей и титулами. За короткий срок спор привел к потере королем суверенной власти и вероноподданичества князей, в то время как возросла репутация Папы и преданность ему духовенства [46].

ПОСЛЕДНЕЕ УРА МОНАРХИИ: ДИНАСТИЯ ГОГЕНШТАУФЕНОВ

Последняя четверть одиннадцатого и первая четверть двенадцатого века отмечены папской агрессией и гражданской войной. На протяжении этих пятидесяти лет Германия трансформировалась в лоскутное покрывало из суверенных княжеств [47]. В результате немцы престали доверять как Папе, так и князьям. Они были настроены на восстановление сильной новой монархии.

Фридрих I Барбаросса

Новая династия, Гогенштауфены, появилась в результате брака Агнес, дочери Генриха IV, и Фридриха из Гогенштауфенов. Этой династии было предначертано судьбой править на протяжении столетия (1138-1254). Она стала последним шансом средневековой

Германии создать объединенную нацию. Внук Агнесс и Генриха, Фридрих I Барбаросса, начал новую борьбу против папских претензий на власть над мирскими правителями. В дерзкой и провокационной «Papal Dicta» 1075 года Папа Григорий VII велел королям и князьям быть готовыми целовать ноги Пап, а в середине двенадцатого века Папа Адриан IV описывал власть монарха и Империю Фридриха I, как «милость» и знак внимания со стороны папства [48]. Как Генрих I до него и германские монархи более поздних времен (в частности, в девятнадцатом столетии), Фридрих I утверждал, что получил власть непосредственно от Бога и подчеркивал это, добавляя прилагательное «священная» [49]. Фридрих установил прецедент для королевских династий Англии, Франции и Испании, вступавших в конфликты, правда, более успешные, с постгригорианскими папскими теократами.

Не имея ресурсов навязать свою волю на собственных германских землях, Фридрих, как и саксонец Оттон до него, искал необходимые активы в старом франкском среднем королевстве. Он мирным путем взял Бургундию и Прованс через заключение брака, затем перешел к Италии, решив сделать ее точкой опоры своей новой Империи. До того, как он смог использовать в своих интересах политические и материальные ресурсы королевской власти, требовалось успокоить германских князей дома. Он это и сделал, воспользовавшись опытом Генриха V: дал им полную свободу на их землях и получил их верность благодаря феодальным клятвам, считая, что это поможет поддержать мир. Поступив таким образом, он закрыл глаза на недавнюю историю, которая учила, что подобная вольница только ослабляет связи между сюзеренами и вассалами [50].

Укрепив таким образом родную страну, Фридрих повел армию в Италию на первую из пяти кампаний, которые продолжались более двух десятилетий. Он добился успеха, выступая против папства, и получил ожидаемую коронацию в 1155 году. Это стало важным шагом в легитимизации восстановления им Империи. В конце концов, миланское сопротивление сорвало его итальянскую миссию, вдохновив на создание в 1167 г. Ломбардской Лиги, союза северо-итальянских общин, нацеленных изгнать ныне нежелательных немцев. Новое десятилетие периодически прекращающихся войн с антиимперскими силами закончилось жалким поражением у Леньяно в 1176 году. Это поражение часто рассматривается, как конец мечтаний Германии об Империи.

Однако Фридриху незаслуженно повезло, и в соответствии с окончательными условиями мира он получил опорный плацдарм в центральной Италии. Учитывая полный провал Фридриха в достижении изначальных целей, это казалось делом божественного провидения и позволило ему поднять репутацию, как хорошего и неуязвимого германского правителя. После его смерти в 1190 году, во время участия в Третьем Крестовом Походе, сложилась легенда о мистическом Фридрихе, который, как верили простые германцы, когда-то в будущем придет для справедливого возмездия и подготовки пути для второго пришествия Христа. Иронично, что современники распространили это пророчество на последнего правителя из Гогенштауфенов, внука Фридриха I – Фридриха II, наименее германского из всех императоров «Священной Римской Империи» и меньше всех обращавшего внимание на Германское королевство [51].

Во время частых долгих отлучек Фридриха германские князья безжалостно укрепляли свои родные земли. Самый амбициозный из них, саксонский герцог Генрих Лев, расширил свои восточные границы в славянские земли и одновременно установил династическую связь с английским королем Генрихом II, женившись на его дочери. В конце 1160-х годов он бросил вызов правлению Фридриха. Среди причин унижения императорской армии при Леньяно был отказ Генриха Льва отправить обещанное подкрепление, что являлось нарушением вассалитета, поставило его вне закона внутри Империи и, в конце концов, привело к ссылке в Англию [52].

То, что князья полностью не разорвали Германию на куски в отсутствие Фридриха, кажется в ретроспективе таким же великим чудом, как и восстановление после полного поражения. То же самое можно сказать про удержание им королевской власти и обеспечение преемственности. Однако нельзя было бесконечно сдерживать германских князей, после Леньяно ставших более сильными, чем когда-либо. Теперь на арену смело вышли другие враги Империи в Риме и Англии.

Сицилийский император

Унаследовав это ужасное положение, сын и преемник Фридриха Генрих VI много сделал за время своего правления, чтобы еще ухудшить ситуацию. Как и отец, он не устоял перед «песней сирены» – иностранной державы. На этот раз такой державой стало Сицилийское королевство, трон которого он приобрел через брак с сицилийской принцессой Констанцией. Как и вторжение его отца в Ломбар-

дию, позиции Генриха на Сицилии угрожали Папе, на владения которого теперь падала тень Гогенштауфенов как с севера, так и с юга. Генриху, тем не менее, удалось добиться признания как Папой, так и германскими князьями права наследования его императорской власти его рожденным на Сицилии сыном Фридрихом. Однако успех в этом деле не был добрым предзнаменованием, поскольку Генрих умер год спустя, в 1197 году, королева-мать скончалась еще через год. Четырехлетний наследник Сицилийского королевства и титула императора Священной Римской Империи остался на милость неродных ему людей, часто – крайне фанатичных.

Перед смертью королева-мать сделала Папу Иннокентия III опекуном маленького Фридриха и регентом на Сицилии до тех пор, пока мальчик не достигнет совершеннолетия. Тем временем в Германии князья обратились к брату Генриха VI, Филиппу из Швабии, чтобы тот стал временным опекуном и регентом. Много лет отделяло эти соглашения от достижения совершеннолетия юным Фридрихом. Хотя главные представители власти признавали мальчика наследником своих родителей, никто не допускал наследственного права Гогенштауфенов как на трон императора Священной Римской Империи, так и на сицилийский. Тем временем имелось достаточно места для маневров и борьбы за правление Германией и Сицилией вместо мальчика в промежуточные годы [53].

Как опекун молодого Фридриха, Папа Иннокентий никогда не сомневался, что именно ему принадлежит право даровать корону «Священной Римской Империи». С самого начала его главной целью было избавить Сицилию от Гогенштауфенов и от их идеи

о божественном праве королей. К нему присоединились две одинаково заинтересованные в этом вопросе державы, Англия и Франция, и Иннокентий строил планы, намереваясь воспользоваться туманной ситуацией в Германии. При помощи английского короля Ричарда I (Ричарда Львиное Сердце), он помог усадить на императорский трон имеющего хорошие связи соперника Гогенштауфенов, настроенного против них, – князя Оттона IV Брауншвейгского из династии Вельфов. Оттон был племянником короля Ричарда и младшего сына старого врага Гогенштауфенов, Генриха Льва. После коронации Оттона в Ахене в июле 1198 года, французский король Филипп Август принял сторону Гогенштауфенов, чтобы противостоять новому преимуществу англичан. После этого началось повторяющееся время от времени иностранное вмешательство во внутренние дела Германии. В этом особенно усердствовали французы.

Новый император из династии Вельфов теперь служил папским целям в самом сердце Германии, за что Папа Иннокентий наградил его папской коронацией в Риме. Тем не менее, не прошло и года, как его правление было омрачено отлучением от церкви Папой. Через несколько месяцев после коронации Оттон совершил непростительный грех Гогенштауфенов, отправившись с имперской армией в южную Италию и заново включив ее в Германскую Империю. Папа же, короновав его, как императора, надеялся предотвратить как раз это [54]. После такого предательства пришло время закончить междуцарствие Вельфов, и у Папы Иннокентия для этого имелся как раз подходящий человек: молодой Фридрих Гогенштауфен, которого воспитывали, как сицилийца-итальянца. Теперь

он стал совершеннолетним и готовым предъявить права на германский трон.

Это произошло в Майнце в декабре 1212 года. Внешне все представлялось восстановлением линии Гогенштауфенов в ряду германских королей, которая нарушилась пятнадцать лет назад их соперниками Вельфами. Однако реального восстановления не произошло до тех пор, пока французы не разбили армии англичан и Вельфов в битве при Бувине в июле 1214 года. Оттуда король Филипп Август послал новому императору Фридриху падшего германского императорского орла – символ падения Вельфов и восстановления Гогенштауфенов. На следующий год Фридрих короновался во второй раз, в Ахене, и теперь бесспорно стал германским королем и императором [55]. Важным вопросом для германцев был такой: на самом ли деле этот двадцатилетний внук Фридриха I является наследником своего дедушки, то есть, германским воином, несмотря ни на что? Или же Папа Иннокентий так воспитал мальчика, что он стал идеальным мстителем для Германии?

Во время правления Фридриха итальянская зарубежная политика Гогенштауфенов оказалась тяжелой ношей для Германской Империи. Несмотря на германское происхождение, новый император вырос на Сицилии, с точки зрения которой Германия казалась запретной землей. Фридрих также пришел к власти благодаря молчаливому согласию самого сильного Папы того времени, Иннокентия III, и короля Филиппа Августа. Поэтому неудивительно, что Фридрих не испытывал теплых чувств к Германскому королевству. В то время как его предшественники предъявляли права на Италию, чтобы укрепить Германскую Импе-

рию, он использовал германскую базу для усиления Сицилийского королевства и удовлетворения своих амбиций в Италии. До того, как он покинул Германию, князья дали ему две вещи, которые ему требовались, чтобы оставался в Италии: императорский титул и материальную поддержку. Он был императором тридцать семь лет и только девять из них провел на германской земле, причем шесть из них – до достижения им двадцати пяти лет [56].

Фридрих поднял на новую высоту привычку Гогенштауфенов откупаться от германских князей неограниченной политической властью. Он сделал наделение императорским титулом и связанные с этим обязательства по содержанию его на иждивении очень выгодными для них. И к церкви в Германии он относился точно также, позволив священнослужителем управлять своими землями в общем и целом так, как они хотят. В 1232 году по так называемой «Marna Carta княжеских свобод» [Marna Carta – Великая хартия вольностей. – Прим. перев.] немецкие князья становились единственными верховными судьями в судах своих земель [57]. Это очень отличалось от времен missi dominici в период правления Карла Великого. Тогда группы королевских «сторожевых псов», путешествуя по Империи от имени императора, следили, чтобы не было хищений, расточительства и других отрицательных явлений.

В конце концов, такое управление, которое давало карт-бланш князьям, подорвало как германскую базу, так и итальянские планы Фридриха. Он усилил свои позиции в Италии, ослабив в Германии. Его усиление в Италии в свою очередь сплотило его итальянских врагов. Для талантливого и сильного папства три-

надцатого века претензии Гогенштауфенов на Ломбардию и Сицилию были неприемлемыми, поскольку ударяли непосредственно по Риму. Наблюдая за тем, как три поколения Гогенштауфенов все больше и больше расширяют императорскую власть и идут от Ломбардии к Сицилии, враги Фридриха, которых вел Папа, нацелились любой ценой покончить с германским присутствием.

В цикле политического созидания и разрушения императоры из династии Гогенштауфенов (а Фридрих – больше всех) были обязаны своим существованием (и это невероятно), одобрению германских князей и итальянского Папы. В свою очередь, стратегическая цель Гогенштауфенов – усиление своей позиции в Германии путем получения титулов и активов в Италии, – делала князей и Папу гораздо сильнее, чем кто-либо из них мог бы стать в одиночку. Князья получали власть благодаря императорскому недосмотру, Папа – благодаря конфликту. Повторно князья и Папа обнаруживали, что их интересам лучше всего служит союз против германской династии, для создания которой каждая сторона приложила столько усилий.

Фридрих продолжал претендовать на императорскую власть в Ломбардии и Сицилии, и Ломабрдская Лига, которая ранее сорвала попытки оккупации, предпринимавшиеся его дедом, объявила ему войну в 1230-е годы. Папа включился в драку, купив услуги германских князей, которые были такими же экспертами в столкновении Папы и императора. Между 1227 и 1250 годами Папы отлучали Фридриха от церкви четыре раза за акты неподчинения и агрессии против духовенства. В эти десятилетия иностранные армии и горящие желанием местные жители превра-

щали отдельные германские земли в могущественные государства, оставив Германию разбитой на части и децентрализованной вплоть до девятнадцатого столетия [58]. В 1257 году князья, встретившись на неформальной коллегии курфюрстов, выбрали верховного правителя Германии и запретили ему передавать власть по наследству. Столетие спустя, в 1356 году, та же коллегия, с даже большими выборными полномочиями и правами на политическое управление, была признана в законодательстве Империи [59]. На шесть столетий княжеские территориальные образования станут главными в Германии.

Часть II

Священная Римская Империя Германской Нации

Глава 3

Человек и Бог

ГЕРМАНИЯ В ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ И РЕФОРМАЦИИ

В начале шестнадцатого века Мартин Лютер и его последователи защищали право германских христиан молиться не только санкционированными римским Папой способами. Поступая таким образом, они напоминали немцам о двух более древних и все еще продолжающихся конфликтах. Первый начался три столетия назад. Он стравил германских князей с их политическим владыкой, императором Священной Римской Империи. Второй возник в пятнадцатом веке и стравил тех же самых князей с менее сильными, но также независимыми политическими образованиями – свободными и суверенными городами, а заодно и с бесчисленными деревнями между ними. В обоих конфликтах князья вышли победителями, причем выиграли они эффектно.

В соперничестве с императором правители более крупных государств добились благоприятной для них мертвой точки в 1356 году. Тогда чешский император Карл IV признал силу Германии и собственную сла-

бость как правителя, приложив свою золотую печать к новому германскому основному закону. Он стал известен, как «Золотая булла», которая дала князьям то, чего они хотели после кончины Империи Гогенштауфенов: полукорлевские права в рамках соответствующих территорий. С тех пор семь германских князей, четверо светских и трое, имевших духовный сан, выбирали императора на условиях, о которых договорятся сами – и без участия Папы [1].

За полтора столетия между «Золотой буллой» и протестантской Реформацией немецкие князья демонстрировали малую заинтересованность в национальном единстве. Они скорее использовали свое новое политическое влияние для усиления собственных государств, подчиняя более мелких господ благородного происхождения, горожан и крестьян княжеским законам и культуре. Неслучайно, что политический конфликт дошел до кризисной точки в то же самое время, когда начиналась протестантская Реформация.

Религиозная реформа нашла гостеприимный дом во вновь осаждаемых германских городах и деревнях. В конце пятнадцатого века городов, вероятно, было около трех тысяч. Подавляющее большинство – мелкие (в двухстах население – свыше тысячи человек, и только в нескольких – двадцать тысяч или больше). Шестьдесят пять являлись свободными суверенными городами, и скорее были верны императору «Священной Римской Империи», чем находившимся ближе местным властям. Но независимо от того, являлся ли город суверенным или нет, у всех имелись установленные обязательства по отношению к соответствующим правителям, зафиксированные в хартиях или специальных соглашениях. Например, Виттенберг, место рождения Реформации,

служил главной резиденцией саксонского князя-курфюрста, и, как сюзерена города, его должны были принимать (обеспечивая ночлег и питание), платить ему налоги и обеспечивать новобранцев в его армию.

На протяжении шестнадцатого столетия пятьдесят из шестидесяти пяти суверенных городов Германии приняли Реформацию, а более половины сделали это навсегда. В других, зависимых от территориальных властей городах и деревнях протестантское меньшинство могло сосуществовать рядом с католическим большинством. Лишь немногие города вскоре совершенно подавили Реформацию. Гораздо большее количество городов, в особенности – с населением свыше одной тысячи человек, – надолго приняли ее [2].

Местное недовольство римско-католической церковью и желание суверенитета общины привлекало городское население к протестантским реформам. Имеющие самоуправление горожане смотрели на себя, как на оазисы республиканского правительства внутри пустыни авторитарного правления и считали себя морально выше владеющих земельными наделами господ благородного происхождения и королей. Они добились того, что имели, не по праву рождения, не по счастливому выверту судьбы и не благодаря военной силе. Горожане получили свои права и богатства за счет природной смекалки, находчивости, навыков и трудолюбия [3]. Городские летописцы выражали самоуважение и чувство собственного достоинства городов, начиная историю с Адамы и Евы. Вера в свою исключительность усиливалась в свободных городах Империи. В каждом из них люди считали себя частью межрегиональной Империи, уходящей корнями вглубь истории, универсальность городов была ощу-

тима даже в уличном движении и домах. При таком большом самомнении жители городов позднего средневековья, обвиняя «хищников», награждали угрожавших им князей и крестьян теми же эпитетами, которые использовало духовенство («турки» и «гуситы» [гуситы – последователи Яна Гуса – Прим. перев.]) [4].

Город шестнадцатого века считал себя центром мироздания, пупом земли, воздух которого делает жителя свободным. Эти города были местами повышенной безопасности и возможностей. Тем не менее, советы и городские судьи также действовали, как олигархи и сюзерены, как Oberen и Herren [Oberen (нем.) – глава, высший чин; Herren (нем.) – старший начальник]. А для господ благородного происхождения и крестьян, проживавших за городскими стенами, ни одна политическая структура мира позднего средневековья не казалась более эгоистичной, чем город, который считал себя целым миром [5].

Благородные владыки и князья отклоняли хваленые городские конституции, как юридические документы, скроенные под местную власть. Королевские юристы считали, что пока каждый город и деревня могут действовать у себя, как верховный суд, справедливости и правосудия на земле не будет. Когда в пятнадцатом веке князья отвергли местные законы, введя новые территориальные кодексы, они сделали это во имя справедливости, представив себя защитниками единого закона для всех. Для граждан такие аргументы выглядели просто предлогами для открытой агрессии, и Джеральд Штраус назвал это «подползающей смертью при помощи государственного регулирования» [6]. Новые кодексы начали по-настоящему вводиться в 1495 году, после того, как новый имперский верховный суд

(Reichskammergericht) сделал римское право руководящим указанием и нормой для всех светских судов в Империи. В римском праве высшее должностное лицо в земле осуществляло там и верховную власть. Именно поэтому римское право стало юридическим орудием централизации европейских режимов. Десятилетия Возрождения и Реформации в Германии также были годами, когда произошел этот озлобляющий и ожесточающий политический и юридический конфликт.

Германский город позднего средневековья был смесью противоположностей, а также и тем, что более поздняя историография называла «протоплазмой» современного германского государства [7]. С одной стороны, имелось раздражающее Verordnungsfreudigkeit [Verordnungsfreudigkeit (нем.) – предписание, приказ. – Прим. перев.], в соответствии с которым каждого недвусмысленно ставили на свое место, – вплоть до одежды, которую ему следует носить, районов города, в которых он может жить, и даже слов, которые он может использовать. Все эти предписания свидетельствовали, что общество больше боится анархии, чем тирании. С другой стороны, успокаивали безопасность и свобода. Во времена позднего средневековья и в начале новейшей истории Германии это означало физическую безопасность и материальное благополучие. Когда в 1520 году Мартин Лютер определил «свободу христианина», выступив со знаменитым памфлетом «О свободе христианина», он не говорил об «одном человеке, одной вере», или о праве молиться так, как человек пожелает. Вместо этого он описал условия, при которых можно жить одновременно как «господин всех вещей и раб всех вещей». Под этим он имел в виду жизнь вне споров о вопросах веры, сво-

бодную от греха, смерти и дьявола, внутренне достаточно безопасную, чтобы действовать уверенно как от себя лично, так и от имени соседа. Это была духовная и нравственная параллель свободы и безопасности, которые искало в своих городах население. Это надеялись найти люди, бежавшие от преследований и безработицы в сельской местности.

Когда территориальные и городские правительства усилили свою власть в пятнадцатом и начале шестнадцатого столетия, осажденные города, – как крупные, так и малые, – и деревни увидели союзника в лютеранском восстании. Призыв Лютера к знающим Библию, к саморегулируемым христианским общинам, свободным от папского влияния и эксплуатации, казался духовным подкреплением гражданской борьбы за поддержание местных республиканских институтов перед лицом хитрых и подлых высших городских чинов и территориальных князей. Причем так думали во всей стране люди, различные по социальному положению, Лютер даже говорил о церкви, как о Gemeinde [Gemeinde (нем.) – община], соседней общине таких же верующих, которые являются равными в духовном плане и берут на себя моральную ответственность за благополучие друг друга. Он отвергал традиционное представление римско-католической церкви, которая строится в виде пирамиды, начиная от низших мирян через духовных лиц к Папе и святым на небесах [8].

Германские города не были единственными обществами того времени, кто осознал родство с протестантской Реформацией и принял ее не только для целей, являвшихся главными для самих реформаторов. Некоторые рыцари Империи увидели в Реформации союзника. То же можно сказать и о простолюдинах из

сельской местности [9]. Многозначительным комментарием к приоритетам реформаторов является то, что они поощряли цели и городов, и сельской местности, и князей без дискриминации кого-либо из них. Реформаторы одновременно кусали и целовали политические руки, которые кормили их во всех трех округах. Они делали это, поскольку все, чего они хотели добиться, держалось на выживании и успехе их соответствующих церковных институтов.

ПЕРВЫЙ ПРОТЕСТАНТСКИЙ КНЯЗЬ

Ни один человек не имел большего отношения к выживанию и успеху Реформации, чем саксонский курфюрст Фридрих Мудрый. Защита им Лютера в 1517 году позволила Реформации слиться с германским национальным движением, которое предшествовало ей и приняло ее. В результате получилась Германия с большим самосознанием и культурно унифицированная, несмотря на новое деление по конфессиям, которые создала Реформация. Почему этот самый набожный из германских князей-католиков стал защитником молодого еретика?

Капеллан двора Фридриха и секретарь Георг Спалатин, создал важную связь между этими двумя людьми. Перед тем, как присоединиться ко двору в Виттенберге в 1509 году, он изучал право и теологию в университетах Эрфурта и Нюрнберга. В Эрфурте размещался религиозный орден монахов-августинцев, последователей религиозного учения Августина, в который Лютер вступил в 1505 году. Нюрнбергский университет был базовым для ведущих гуманистов. В 1511 году Спалатин способствовал прибытию Люте-

ра в Виттенберг и также сыграл ключевую роль в том, чтобы сделать членов кружка гуманистов Виллибальда Пирхгеймера из Нюрнберга первыми публицистами Реформации. В Спалатине германские движения за реформы в религии и образовании нашли влиятельного и высокопоставленного друга из саксонского правительства, желающего и способного помочь и облегчить их национальное слияние.

Как и другие великие князья в германской истории, Фридрих был как человеком своего времени, так и человеком будущего. Посетители и гости охотились с ним в богатых дичью заповедниках, окружавших его любимое место жительства в замке Лохау, где настреляли невероятное количество дичи и птицы (по сообщениям одного охотника в один осенний охотничий сезон застрелили 208 медведей, 200 рысей и еще большее количество волков, кабанов, оленей и птицы) [10]. Те же самые посетители также бились в курфюрстом на рыцарских турнирах на полях в Виттенберге, эти сцены были увековечены придворным художником Лукой Кранахом (а в дальнейшем – Пабло Пикассо, который перерисовал наброски Кранаха в период кубизма) [11]. После спортивных мероприятий устраивались лекции и проповеди в новом университете, основанном при смене столетий, и в обновленной церкви замка.

Как один из первых либерально образованных германских князей, Фридрих достаточно хорошо знал латынь, чтобы переводить классические тексты и собирать меткие выражения Сенеки, Теренция, Цицерона и Катона. Влияние гуманистов на его воспитание можно увидеть в расписанных Кранахом стенах Виттенбергского замка, где Персей спасает Андромеду от морского чудовища, сад с золотыми яблочками, охра-

няемый Гесперидами, и аргонавтов в поисках Золотого руна [12]. В двадцать два года недавно коронованный Фридрих активно поддержал награждение первого поэта-лауреата Германии, беспутного Конрада Цельтиса, большого поклонника римского историка Тацита, организовавшего и возглавившего кампании за доставку в Германию Аполлона. Фридрих переписывался с Дезидерием Эразмом и его итальянским издателем Алдусом Манутиусом, а также ведущим германским христианским гебраистом [гебраист – знаток древнееврейского языка и литературы. – Прим. перев.] Иоганном Ройхлином, которого защищал от фанатичных доминиканцев, желавших уничтожить еврейские письменные работы и наказать друзей евреев из христиан. Дюреру Фридрих платил уже в 1489 году, и тот два раза писал его портрет, в первый раз с Цельтисом, позднее ему заказали расписать алтарь, и Фридрих послужил прообразом одного из трех королей, которые приветствовали Иисуса в день его рождения. На ежегодной Лейпцигской ярмарке Виттенберг считался лучшим покупателем, а современные историки искусства называют коллекцию Фридриха «Возрождением на полотнах Виттенберга» [13].

Верующий

Традиционное религиозное благочестие было в равной степени как княжеской страстью, так и жизненно важной точкой соприкосновения с Лютером. Фридрих несколько раз устраивал паломничества, включая путешествие в Иерусалим, поклонялся святой Анне, покровительнице путников, попавших в трудное положение (обращение «Помоги мне, святая Анна» он приказал отчеканить на саксонских монетах) [14]. Во

время паломничества в Иерусалим Фридрих собрал многочисленные реликвии, и это стало началом самой большой коллекции реликвий в Северной Европе. Она включала кость из руки святого Фридриха, в честь которого он был назван (это был подарок епископа Утрехта). В конце второго десятилетия шестнадцатого века коллекция достигла почти девятнадцати тысяч экспонатов, и они выставлялись в десяти галереях в церкви замка. Ее посещение, если правильно ее осматривать и поклоняться святыням, обещало паломникам 1 902 902 года блаженства после отпущения грехов, в которых покаялся, в противном случае это время человек проведет в очищающем огне чистилища [15].

Лютер ненавидел огромную коллекцию реликвий. Еще больше было ему неприятно то, что она якобы обещала прощение. Он терпеливо ждал возможности представить свои знаменитые Девяносто пять тезисов, пока Фридрих не покинул Виттенберг в 1517 году, отправившись на осеннюю охоту в Лохау. А представил он их в день самого большого почитания коллекции (День Всех Святых). Однако когда предприимчивый коробейник Джон Тетцель стал торговать на границах Саксонии индульгенциями по указанию архиепископа Майнца в обмен на помощь в перестройке собора святого Петра в Риме, Фридрих оскорбился, как Лютер. Правда, причиной стало политическое вторжение, а не религиозная непристойность. В 1518 году, после того, как церковь выступала против Лютера, Фридрих прекратил оборот индульгенций на своих землях, поскольку торговля ими также бросала вызов его власти и авторитету. В тот же год он спас Лютера от депортации в Рим и, вероятно, от гибели [16].

ПРАВИТЕЛЬ

Фридрих всю жизнь прожил холостяком. Его называли «Мудрым» из-за способности сохранять мир. Перед тем, как хитроумно разобраться с делом Лютера, он пережил вызов соперников, среди которых был архиепископ Альбрехт из Майнца. Саксонский правитель стал фаталистом к концу правления (1525) и имел репутацию «человека середины», что отражалось в его личных девизах: «Используя все мои способности, всегда медленно продвигаться вперед» [17]. Спалатин, который также являлся биографом Фридриха, считал, что характер и храбрость курфюрста лучше всего проявились во время двух главных вызовов его правления. Первым стало честное посредничество при избрании Карлоса I из Испании императором «Священной Римской Империи» Карлом V в 1519 году. Вторым же – протестантское восстание в начале 1520-х годов, с которым он не менее ловко справился.

Во время выборов императора с Карлосом соперничали еще два правителя, претендующие на корону: Генрих VIII из Англии и Франциск I из Франции. Все знали, что голос Фридриха будет решающим. Английский король первым предложил взятку, которую, если можно верить Спалатину, Фридрих проигнорировал. [18]. В этом соревновании у девятнадцатилетнего испанского короля были все преимущества. Как внук покойного императора Максимилиана, он являлся наследником как испанской короны, так и королевств, тянущихся от Сицилии до Австрии. Папа Лев X боялся возникновения новой испано-германской монархии больше, чем империи Карла Великого и изначально присоединился к другой группе, поддерживавшей

французского короля, активы которого, однако, бледнели в сравнении с испанцем.

Папство, французы и швейцарцы решили избавиться от Карлоса и обратились к любимому сыну Германии Фридриху. Папский легат, кардинал Каэтан, который недавно с пристрастием допрашивал Лютера в Аугсбурге, сообщил об их выборе пятидесятишестилетнему курфюрсту. Эта идея тоже появлялась в голове у Фридриха, но исчезла, когда вслед за ней он вспомнил два отрезвляющих факта: отсутствие у него резервов, чтобы управлять Империей, и вероятность проигрыша войны Карлосу, а также и роспуск коллегии курфюрстов Германии, если только он попытается поступить, как предлагал Каэтан.

Ни при каких условиях Германии нельзя было терять право на выбор императора. Это давало ей вес в европейском мире, позволяя князьям вытягивать крупные финансовые и политические концессии из кандидатов на трон. На самом деле в периоды выборов Германия могла хорошо попользоваться иностранцами. Коллегия курфюрстов также давала немцам наилучшую надежду на функциональное единство и прагматический мир, если и не статус нации.

По словам Спалатина, Фридрих прибыл во Франкфурт и нашел там трех других курфюрстов, готовых за него голосовать. Если Фридрих тоже отдаст свой голос за себя (при выборе императора меньшинство капитулировало перед большинством, и таким образом получалось единогласное решение), то у немца появится возможность захватить императорскую власть. Семь курфюрстов, одетые в подбитые горностаем красные мантии и береты, голосовали 27 июня 1519 года. Как рассказывает об этом Спалатин, Фридрих присоеди-

нился к трем другим курфюрстам, голосовавшим за него, и таким образом стал императором «Священной Римской Империи» – но только на три часа и в закрытом помещении, где собирались курфюрсты! Перед тем, как сообщить другим о единогласном решении в пользу Карлоса, Фридрих объяснил другим курфюрстам, почему даже самый сильный германский князь не может быть императором, и передал свой и их голоса в пользу короля Испании.

Поскольку не существует никаких открытых для доступа общественности протоколов событий (есть только с восторгом написанная Спалатином биография и слухи, исходившие из кругов, близких к Фридриху), эта история остается, в общем-то, легендой, и очень лестной для Фридриха. Некоторые историки принимают ее, как факт, и видят в его капитуляции еще один выверт судьбы в полной змеиных укусов истории Германии. Если бы саксонский курфюрст смог править, как император «Священной Римской Империи» в 1519 году, меньшая Германская Империя варианта 1871 года могла бы стать реальностью на три века раньше [19].

После выборов саксонские князья страдали от унижения от рук испанцев. В благодарность за поддержку Фридриха новый император предложил брак племянника и крестника Фридриха, будущего саксонского курфюрста Иоганна Фридриха и сестры Карлоса Екатерины. Двор в Виттенберге получил официальное письмо с предложением в 1521 году. Ни Фридрих, ни отец Иоганна Фридриха, князь Иоганн, не склонялись к согласию на этот брак, который предвещал большее вмешательство испанских Габсбургов в саксонскую политику. Однако предложение брака испанскими Габсбургами нельзя было с легкостью отклонить.

В итоге от этого брака Саксонию спасли возражения испанской королевы-матери, которая не хотела, чтобы дочь от нее уезжала – по крайней мере, ради дальнего германского князя. Тем не менее, немцы были оскорблены подобным поворотом событий, что дало саксонским князьям новый повод для недовольства. Это дорого стоило императору-испанцу, когда в Саксонии началась протестантская Реформация [20].

За защитой Лютера Фридрихом скрывалось желание сделать влияние испанских Габсбургов и римского папства как можно более легковесным внутри Германии. Если не считать традиционной набожности и необходимости защищать своих подданных, следовало учитывать и популярность Лютера. Если бы императору и Папе удалось казнить суперзвезду Виттенбергского университета, то власть и авторитет Фридриха, а также мир на его земле пострадали бы вместе с Лютером. Когда в апреле 1521 года Лютер, приговоренный еретик, был призван на заседание парламента в городе Вормсе для ответа за свое учение, саксонский курфюрст тоже посетил это заседание – как ангел-хранитель [21].

Ожидая приговора Лютеру в Вормсе и политических непредвиденных отрицательных последствий в Саксонии, Фридрих действовал так, чтобы спасти жизнь Лютеру, и поместил его под стражу в Вартбургском замке, где обеспечил нужную защиту. Там Лютер был спрятан от врагов на протяжении года, перевел Новый Завет на немецкий язык и путем переписки планировал Реформацию. По окончании заседания парламента большинство немецких земель и городов присоединились к Саксонии, отказавшись утверждать решения парламента и публиковать приговор Лютеру в своих землях.

Хотя у Фридриха имелось достаточно политических причин для поддержки Лютера, нельзя сбрасывать со счета эволюцию его религиозного благочестия и набожности в ответ на учение Лютера. В 1522 году он акронимично поместил новый девиз на рукавах зимней одежды: «Слово Божье вечно» (VDMIA – Verbum Dei Manet in Aeternum) [22]. К тому времени Фридрих достаточно хорошо знал учение Лютера, чтобы поразмышлять о его достоинствах и судить о них, как и об этом Слове. Он давно признал правоту Лютера, его право обучать Священному Писанию и проверять истину традиционной церковной доктрины. Даже до того, как Лютер вышел на сцену, Спалатин сообщал о «большом неудовольствии и удивлении» Фридриха из-за неуважения, демонстрируемого Слову Божьему. Он настаивал, что «вопросы веры должны быть чисты, как слеза», под этим он имел в виду библейскую прозрачность и ясность. Не желая упреждать грядущее религиозное насилие, Фридрих объявил себя готовым скорее вести жизнь отшельника, чем по незнанию или невольно бросить вызов воле Бога в истории. Такая личная набожность привела его в 1523 году к препятствованию принятию ранних мер против Томаса Мюнцера, который в дальнейшем возглавил Крестьянскую войну. За десять месяцев до этой войны, в июле 1524 года, Фридрих предоставил аудиенцию с саксонскими князьями проповеднику-подстрекателю, и позволил ему представить программу радикального эгалитарного восстановления общества вместо умеренной программы реформ Лютера [23]. Когда весной 1525 года крестьянские армии выступили против него, Фридрих, открыто признавая свою веру в божественное провидение, отверг желание князей и поклялся

принять крестьянскую власть над своей землей, если будет доказано, что это – воля Божья [24].

Последние слова

В период между весной 1524 и весной 1525 годов Фридрих отошел от общественной жизни и отправился в замок Лохау. Как вспоминает Спалатин, который к тому времени стал его постоянным компаньоном, за день до смерти Фридрих сидел на кресле с колесиками, которое изготовили, чтобы он мог перемещаться по резиденции. Его брат Иоганн ежедневно навещал его, облаченный в доспехи. Брат ждал, когда придется вступить в схватку с формирующейся крестьянской армией из тридцати двух тысяч человек. Перед самой кончиной Фридрих послал за Лютером, который в то время путешествовал по Тюрингии и не смог прибыть к его одру [25]. Спалатин записал последнюю волю и завещание Фридриха и после этого спросил князя, не страдает ли он, на что Фридрих ответил: «Только от боли».

Это последние зарегистрированные слова Фридриха. Приобщившись Святых Тайн – очевидно, в первый раз в новой лютеранской манере (в виде хлеба и вина) он умер во сне 5 мая. Через десять дней саксонские и гессенские силы разбили крестьянскую армию под Франкенгаузеном. Среди последних просьб Фридриха было обращение к празднующим победу князьям «быть милостивыми к крестьянам» и не обременять их надолго крупными денежными штрафами. Если бы Фридрих остался жив, то, по мнению Спалатина, он «определенно дал бы им какое-то облегчение». Вероятно, Фридрих обратился с этой просьбой, помня о жалящем памфлете Лютера. Несколькими месяцами раньше Лютер объяснил восстание крестьян тирани-

ей князей и назвал Крестьянскую войну и вызванную ею анархию справедливым божественным наказанием этой тирании. В отличие от курфюрста Лютер – духовное лицо и сын шахтера – призывал к «безжалостному наказанию» крестьян после их восстания, и это его суждение базировалось как на Священном Писании, так и на саксонском праве [26].

Тело Фридриха забальзамировали и поместили в обмазанный для сохранности смолой гроб, через пять дней после смерти его доставили в церковь при замке в Виттенберге. На службе коллега Лютера, виттенбергский гуманист и профессор греческого языка Филипп Меланхтон, провел на латыни поминальную службу, за ним Лютер читал проповедь на немецком о послании апостола Павла к Фессалоникийцам [27]. На похоронах на следующий день Лютер выступил с еще одной проповедью, таким образом, он дважды произнес последние слова над телом своего патрона и защитника, с которым при жизни ни разу не встречался лично, – все общение между ними проходило через Спалатина.

ГЕРМАНСКОЕ ВОССТАНИЕ

Среди многих современных студентов и среди ученых мужей бытует мнение, что Мартин Лютер стал человеком, который «жаловал митры князьям» [то есть возводил в епископский сан. – Прим. перев.] Также говорят, что его преследовала навязчивая идея о дьяволе, о грядущем и скором пришествии Христа и о Реформации, которая может произойти только в конце времен, а сам он был человеком, отделенным от общества и политики, как и движение Реформации. Утверждается, что те же самые мысли заставили

его повернуться против прогрессивных антиавторитарных движений того времени: протестов бюргеров и ремесленников в городах, Крестьянской войны в сельской местности, новых сепаратистских религиозных групп. Все это обещало Германии увести ее от отсталой и закоснелой политики и морали.

Современники знали совсем иного человека и Реформацию. Во время периода становления, с 1518 по 1528 год, Лютер был предан германскому национализму и гражданской реформе, также как и восстановлению библейского христианства. Когда в 1520 году он впервые появился на европейской арене в виде графического образа, за этим стояли гуманисты из Нюрнберга и двор Виттенберга. Лютеру и Дюреру, который подписывал свои картины «Альбрехт Дюрер, немец» никогда не суждено было встретиться [28]. Они соприкасались друг с другом только своими работами и кругом общих друзей в Виттенберге и Нюрнберге.

Благодаря посредничеству Спалатина ранние работы Лютера широко распространялись среди немецких интеллектуалов. Дюрер одним из первых получал к ним доступ, как участник и основатель группы Пирхгеймера, которая после 1517 года стала известна, как «общество Штаупица» в честь наставника Лютера Иоганна фон Штаупица [29]. Прилагая совместные усилия по образованию немцев и укреплению их положения во внешнем мире, в особенности среди итальянцев и французов, члены группы посвящали себя восстановлению, сохранению и экспорту германской истории и культуры. Группа избранных нюрнбергских ученых, юристов, купцов и политиков, имеющих влияние за пределами города, регулярно встречалась для обсуждения животрепещущих вопросов дня [30].

Дюрер был среди первых немцев, прочитавших Девяносто пять тезисов Лютера в 1519 году, в немецком переводе члена группы Каспара Нюцеля – эти поддержка и одобрение прямо поставили протест Лютера на службу германскому национальному движению. В марте 1518 года Лютер отправил Дюреру благодарственное письмо, возможно за копию недавней картины «Страсти Христовы» (и то, и другое передавал Спалатин). Через два года Дюрер просил в письме Спалатина поблагодарить Фридриха Мудрого за «маленькую книгу Лютера». Вероятно, это был один из трактатов о Реформации 1520 года, в котором для широкой аудитории представлялись его учения и реформы. Поскольку Лютер теперь стал противоречивой фигурой в национальном масштабе, Дюрер также просил Спалатина предпринять шаги для обеспечения безопасности «этого христианина, который помог мне в большой нужде». Последнее относилось к депрессии и меланхолии, которые одолели Дюрера в 1514-15 годах после «тяжелой смерти» матери и травматичного, неблагодарного, безденежного года на службе у императора Максимилиана I. Отдавая честь Лютеру, Дюрер выражал желание увековечить его в искусстве [31].

С этим письмом Дюрер отправил три копии своих недавних гравюр с изображением давнего противника Фридриха, нового кардинала Альбрехта из Майнца, очевидно, как пример того, как Дюрер собирается увековечивать Лютера, если получит такую возможность. Альбрехт являлся еще одним патроном Дюрера, и тогда лучше был известен в Саксонии, как самое высокопоставленное лицо германской церкви из тех, кто стоял за раздачей индульгенций за пожертвования на Собор святого Петра. Желая довести до конца

дело с портретом Лютера при дворе и получить официальное одобрение, Спалатин передал копию выполненного Дюрером портрета кардинала Альбрехта придворному художнику Виттенберга Кранаху.

Чтобы подготовить запрашиваемый двором офорт с изображением Лютера «в стиле Дюрера», Кранах вначале скопировал портрет Альбрехта – однако, он не имел никакого желание льстить ни кардиналу, ни своему сопернику-художнику. Он изобразил Альбрехта из Майнца пухленьким апатичным юношей, мало похожим на зрелое и уверенное высокопоставленное духовное лицо. В отличие от Альбрехта, Лютер в изображении Кранаха получился мускулистым добродетельным монахом, готовым к борьбе [32]. Резкое несоответствие образов предполагает соперничество Кранаха с Дюрером, дружбу с Лютером (Лютер стал крестным отцом его дочери в 1520 году) и память о роль Альбрехта в появлении индульгенций. Все это вылилось в ехидство [33]. То, что Кранах обновлял резиденцию кардинала в Галле три года спустя – и взялся за эту работу одновременно с выполнением карикатур на Папу для Реформации – дает ясно понять, что идеология не затоптала отношения патроната среди художников той эпохи [34].

Это раннее соединение саксонского искусства, политики и религии вокруг таких личностей, как Спалатин, Дюрер, Лютер, Кранах и Фридрих Мудрый, положило начало организованному религиозному диссидентству, которое стало немецкой Реформацией. Два движения, новое религиозное и более старое политическое, говорили в один голос на заседании парламента в Вормсе в апреле 1521 года. Там германские поместья, ни одно из которых еще не стало протестантским, представили

императору Карлу V «102 давящих груза и злоупотребления, навязанных и совершенных в отношении Германской Империи папским престолом в Риме» – подробный список политических, экономических, церковных и духовных жалоб, многие из которых повторяли заявления Лютера [35].

Однако было не время для превращения немецких печалей в оружие большой разрушительной мощности. Успех национальных реформ окажется соразмерен такту и дисциплине реформаторов – что возвращает нас назад к провокационному рисунку Кранаха, изобразившего Лютера. Заказав его, двор саксонского курфюрста теперь считал его слишком зажигательным для этого времени. Он велел Кранаху отразить менее разозленную Германию в новой гравюре с изображением Лютера [36]. В результате получился Лютер, размещенный в традиционной для изображения святых нише, с открытой Библией в руке, реформатор, явно готовый слушать и размышлять, возможно, даже сомневаться и остерегаться – Лютер, с которым станут работать князья [37].

Мастерская Кранаха вместе с другими создавала многочисленные пропагандистские образы Лютера для групп, которые хотели завоевать на свою сторону двор и реформаторов. Лютер с готовностью сотрудничал, участвуя в этом предприятии, позволяя изображать себя на портретах так, как желали политики, если сопровождающие строки из Библии помогали продвигать его духовные послания [38]. Для аристократов и богатых бюргеров Лютер изображался в виде бородатого «Юнкера Йорга» [то есть, рыцаря. – Прим. перев.], переводчика Нового Завета на немецкий язык. Для интеллектуалов – как ученый и профессор в круг-

лом докторском берете. Как для образованных, так и необразованных Ганс Гольбейн одинаково изобразил Лютера, как германского Геркулеса, убивающего доминиканского инквизитора из Кельна, Якоба Гохштратена, и прибавляющего его тело к большой груде убитых генералов из схоластической оккупационной армии Папы, от Аристотеля до Джона Дунса Скота. Наконец, для всех немцев, готовых изгнать иностранных хищников с германской земли, Лютер с Библией в руке был изображен рядом с идейным вождем рыцарского восстания, Ульрихом фон Гуттеном, с мечом в руке, под знаменем, на котором было написано «Свобода христианам» [39].

Вкладчики в пропаганду и успех Реформации – гуманисты, саксонский двор, реформаторы, художники, которые служили всем трем группам – признавали деградирующий эффект папской власти на германскую политику и лечение душ. Политики называли это «римскими грузами и злоупотреблениями», а религиозные реформаторы – «ложью и сфабрикованными фактами». Германские юристы, гуманисты и теологи искали в прошлом Германии традиции и примеры, которые можно было бы представить иностранным критикам, в основном римским, в подтверждение германского суверенитета и культурного равенства [40].

Пока еще малоизвестный Лютер стал участвовать в этом поиске и сделал в него один небольшой вклад – обнаружил анонимную мистическую работу, сокращенную и опубликованную под названием «Германская теология». В предисловии к полному изданию он хвалил ее, как «приведшую германский народ к Богу, когда книги на латыни, греческом и еврейском этого не сделали», – доказательство, как он в дальнейшем

заявлял, превосходства германских теологов над римскими, греческими и еврейскими. Он предупреждал иностранцев, имеющих дурные намерения, не принимать простоту немцев за слабость [41]. Этот памфлет был еще одним национальным корнем, за который могли держаться немцы, напоминанием об еще не излеченной, раненой в процессе истории гордости Германии. Публикация памфлета стала ранним шагом к объединению новой религиозной оппозиции Риму с представителями более старого национального движения, которые тогда также восстанавливали германскую историю и культуру.

НОВАЯ ТЕОЛОГИЯ

> Христианин есть свободный господин всех вещей, который никому не подвластен.
> Христианин есть раб всех вещей и пребывает в подчинении.
>
> Мартин Лютер, 1521 г. [42]
> *(перевод дан по: Хроника христианства под научной редакцией М.Воскресенского. – М.: Терра, 1999, с. 233).*

Германское искусство и литературу, философию и теологию, политические трактаты и речи наполняют запоминающиеся выражения самовозвышения и самоуничижения. На одном конце этого спектра – сладкий нигилизм средневековых мистиков, которые хо-

тели полностью раствориться в сущности Бога, «как капля воды в бочке вина», став «единым целым» [43]. С другой стороны – современные «сверхлюди», которые индивидуально справятся с неидеальным миром или коллективно преобразуют его в «тысячелетний рейх». Средневековая церковь сделала из первых еретиков, в то время как современный мир продолжает подбирать куски сказочных утопий последних.

Человек в своем обличье

Мыслители германского Возрождения и Реформации, как католики, так и протестанты, размышляли о предопределениях души и общества гораздо глубже, чем представители любого другого столетия в истории Германии. По крайней мере, вплоть до девятнадцатого, когда такие вопросы снова подверглись тщательному рассмотрению и дали революционный эффект. В шестнадцатом веке результатом стало изображение человеческой природы и судьбы, которое останется в центре германской протестантской мысли и культуры на протяжении трех столетий. Самый знаменитый художник эпохи, Дюрер, и теолог Лютер оставили наиболее памятные выражения.

Непосредственно окружающий мир Дюрера был ограничен отцами германского гуманизма (Рудольф Агрикола) и германского протестантизма (Лютер), карьеры которых поддерживали собственную карьеру Дюрера. Из германских художников эпохи Возрождения Дюрер написал больше автопортретов, чем любой другой. При смене пятнадцатого столетия таких портретов было два, один – в 1500 г., другой – в 1502-03 гг., которые указали путь религиозного перехода, которым являлась германская Реформация.

В первом из автопортретов у Иисуса Христа лицо Дюрера. Современные критики называли это «коперниканским вызовом образу Христа», преждевременно отмечая рождение современного искусства и нового самовосприятия [44]. За этим знаменитым воплощением стояла литературно-художественная традиция. Его сопровождали многие красноречивые гуманистические выступления по поводу величия человека. Пиком этой традиции и стал автопортрет Дюрера 1500 года.

В отличие от первого автопортрета в работе 1502-03 годов Дюрер представил зеркальный образ себя самого, оправившегося от чумы. Он открыл еще один средневековый жанр – Христос – человек печали. Дюрер теперь изображал себя со всеми человеческими непостоянствами и уродством. Абсолютно не похоже на Дюрера-Христа 1500 года, здесь художник появляется безрадостным, обнаженным человеком, в одиночестве смотрящим в лицо неминуемой смерти, без претензий на силу, красоту или гениальность [45].

В то время как образцы обоих портретов тематически существовали и до Дюрера, диалектическая теория возвышения и принижения Лютера ждала как раз за горизонтом, чтобы дать им интерпретацию. Тогда Дюрер втянется в Реформацию, а Лютер выдвинется вперед на германской сцене.

Новый германский христианин

Ровно через пять лет (вплоть до месяца) после получения докторской степени, в октябре 1517 года Лютер всеобъемлюще проклял традиционную теологию, базирующуюся на Аристотеле. Она фокусировалась на добрых делах и самооправдании [46]. Церковь, на дверях которой, как гласит легенда, он выставил свои

знаменитые тезисы, стояла рядом с замком курфюрста Фридриха. Там проходили занятия студентов-правоведов университета, на втором этаже помещалась университетская библиотека. Так очень символично переплелись образовательное, политическое и религиозное движения того времени [47].

Лютер заявлял о восстановлении истинной библейской версии того, кто есть человек и как он будет спасен. Поиском истины он и решил заняться. Ответ на эти первичные вопросы, как считал Лютер, средневековое христианство потеряло или исказило. Такое отношение к христианству не будет встречаться до конца восемнадцатого века и девятнадцатого века. Тогда поразительная плеяда протестантских ученых мужей, начиная с Иммануила Канта и до Фридриха Ницше, подвергнет христианство похожему исследованию и критике. В шестнадцатом веке теология Лютера стала таким же сильным вызовом средневековой религиозной вселенной, как окажется более поздняя философия «смерти Бога» для реформированной иудейско-христианской традиции в современном мире. В дополнение к созданию соперничающих западно-христианских конфессий, труды Лютера объединили немцев против римского папства и усилили германскую территориальную суверенность, следуя по пути, проложенному национальным культурным движением.

Как теология Лютера, так и римская церковь, которую он атаковал, направляли христиан к библейскому обещанию спасения, которое обеспечено воплощением Бога во Христе и распятием Христа. Эти спасительные события жили в проповедях, таинствах и святынях обеих церквей. Однако этот путь разделялся, когда две конфессии смотрели в будущее, где

воскресший Христос ждал, чтобы творить суд. Как подготовиться и пережить эту будущую встречу – вот в чем заключалась суть раздела германского и европейского христианства во время и после шестнадцатого столетия. Глядя вперед, католические паломники шли по пути от милости к суду, их успокаивало определенное обещание Христа Спасителя, тем не менее, их жизнь подвергались внимательному изучению и проверке Христом-Судьей. Средневековая теология учила паству решать этот конфликт путем покаяния, искупления грехов и добрых дел. К пятнадцатому веку те, у кого все еще оставались сомнения, могли купить индульгенции.

Лютеру такие идеи казались гнусными и омерзительными. Проследить их можно было до законодательно оформленного и ритуального иудаизма, который, как считал Лютер, подрывал пророческий и псалмический иудаизм в древности и, через средневековую церковь, в дальнейшем также коррумпировал библейское христианство. В протестантской теологии единственной добродетелью, которая обеспечивала выживание в день Страшного суда, считалась добродетель истинного, распятого, воскресшего и возведенного на престол Сына Божьего, которого могла постичь только вера. Таким образом, лютеранская формула прямо отвергала сложную средневековую формулу веры, обогащенной любовью или добрыми делами. Лютер сравнивал всеудовлетворяющий момент веры со «счастливым обменом» жениха и невесты:

«Когда Христос и душа «будут двое одна плоть» [Еф. 5:31]... все, [принадлежащее каждому], [после этого] делается общим, как хорошее, так и плохое. Ве-

рующая душа может хвалиться и гордиться тем, что есть у Христа [будь то милость, жизнь и спасение], словно это – ее собственное, и что бы ни имела душа [будь то грех, смерть и проклятие], Христос берет это, как свое собственное» [48].

Для современных Лютеру союзов теологов приписывание силы спасения одной вере было верхом невежественности и богохульством. В 1526 году Якоб Гохштратен, доминиканец-инквизитор из Кельна, представил суть традиционного католического учения, показывая смехотворность «счастливого обмена» Лютера:

«[Лютер] не перечисляет никаких предпосылок для духовного единения души с Христом, за исключением одного: того, что мы верим Христу... и верим, что Он дарует всем [то, что Он обещает]. Не говорится ни слова о взаимной любви, которой душа любит Христа... Мы также ничего не слышим о других божественных заповедях, и о том, что тому, кто им следует, обещается и причитается вечная жизнь.

Чего еще добиваются хвастающиеся таким низменным зрелищем, кроме как превращения души... в проститутку и прелюбодейку, которая со знанием дела и хитростью способствует обману своего мужа [Христа] и ежедневно совершает блуд на блуде и прелюбодеяние на прелюбодеянии, превращая самых непорочных из людей в сутенеров? Словно Христос не прилагает усилий... чтобы выбрать... чистую и честную любовницу! Словно Христу требуется от нее только вера и доверие, и его не интересует ее добродетель и другие достоинства! Словно определенное смешивание доб-

родетельности с проступком и грехом, и Христа с Велиаром возможно!» [49]

Единение веры Лютера не было ни средневековым мистическим союзом, ни неправильным пониманием традиционной роли веры. В сравнении со средневековой теологией он радикально переформулировал определение «спасенного» человека на этой стороне вечности. Вместо того чтобы стать по сути как Христос, доброму христианину требуется скорее признать и принять свое постоянное и неизменное отличие от него на этой стороне вечности. Тем не менее, в новом определении Лютером «идеального смертного», Бог и человек были также полно урегулированы и приведены в соответствие друг с другом, как будет в вечности. При этом не происходило какого-либо богохульнического умаления Бога или возвышения человека. Здесь, точно следуя критическим высказываниям, Гохштратена, присутствовало «определенное смешивание добродетели с грехом», тем не менее, не такое, чтобы сделать Христа беспечным и неосмотрительным сутенером, а душу – распутницей-проституткой. В германской протестантской традиции верующий являлся добродетельным и грешным одновременно, simul iustus et peccator – добродетельным благодаря союзу с Христом в вере и грешным благодаря его глубоко пустившей корни конечности и падшему человечеству.

Эта диалектическая теология была единого рода с наложенными друг на друга автопортретами Дюрера – воскресшего Христа и зараженного смертью человека, полного печалей. Хорошая новость христианского Евангелия, по Лютеру, заключалась в том, что от че-

ловека не требуется быть внутренне «как» Бог, чтобы быть с Ним единым. В процессе «счастливого обмена», который повторяется в долгих как жизнь моментах веры, верующий получает ясность и уверенность, что Бог – не фикция, а его библейское обещание, что «все, кто веруют, будут спасены» – не ложь.

С этим ярким духовным прозрением также пришло мрачное осознание, что душа сама по себе, одна и отделенная от своего божественного жениха, остается несчастным и бесталанным существом. Она неспособна ни исполнить Закон Божий в этой жизни, ни пережить Божий суд в следующей. С точки зрения Лютера, германский христианин, в отличие от римского, не видел свою жизнь в духовной бесконечности от уменьшающейся грешности к увеличивающейся добродетели. Его душа простирается на два полюса и ведет двойное существование. Оно безнадежное и сумасшедшее в жизни, которую только он способен вынести на Земле, тем не менее, бесконечно защищенную в высотах, на которые вера мгновенно его поднимает. Германские христиане, которые достигают такого самопонимания, будь то через традиционные вероисповедания, или какой-то светский опыт, получают ощущение постоянной возможности духовного подъема. Хотя это и лютеранская формулировка, в нее вошли бесчисленные моменты напряжения и озарения предыдущего религиозного опыта и понимания. Здесь, одним словом, была теология для народа, вечно начинающего движение вперед и останавливающегося в своей истории, высшая философия «вытягивания себя самого за шнурки ботинок», которая не позволяла ни самоудовлетворения, ни отчаяния. Это был также предостерегающий урок, который Иоганн-

Вольфганг фон Гете в дальнейшем модернизирует в своем пересказе германской истории доктора Фауста шестнадцатого века [50].

Новое гражданское общество

Новая теология критически переоценивала не только проблемы, угрожающие душе, но также и те, что стояли перед всем обществом. В лютеранской версии христиане, являвшиеся «господами всех вещей» в сознании и душе, несли обязанности «рабов всех вещей» в своем телесном воплощении и светских занятиях. Политическому, социальному и бытовому расширению Реформации также способствовали диссидентство внутри лютеранских рядов духовных отцов и требования крестьян и ремесленников во имя христианства и Реформации.

Учитывая чернила, которые современные ученые потратили на описание политических и социальных идей Лютера, как ведущих к триумфу абсолютного германского территориального государства, само выражение «лютеранское гражданское общество» может показаться парадоксальным. Однако религиозные реформаторы принимали не только германское национальное движение, но также и цель достижения справедливого и честного общества для всех немцев. До того, как реформы Лютера изменили церковные законы хотя бы одного города или деревни, он опубликовал крупные трактаты по политической философии, об облегчении доли бедных, браке и семье, еврейско-христианских отношениях и реформе образования.

По двум пунктам соперничающие реформаторы того времени соглашались: победа означала обеспечение и закрепление реформ в законах и нормах поведения,

а самый эффективный способ сделать это – вобрать в себя установленную власть. Соответственно, лютеране изображали сепаратизм и революцию, как уклонение от христианского морального и гражданского долга. Уклонение – это, скорее, оставление и разрушение общества, чем его внутренняя реформа. Это хорошо понимали как Томас Мюнцер, который возглавил Крестьянскую войну, так и радикальные голландские и германские анабаптисты, создавшие царство террора в городе Мюнстере: первый навязывал мирное принятие его реформ саксонским князьям, в то время как вторые пришли к власти законными способами [51].

Для того времени совокупные эффекты реформ, осуществляемых в политике, социальном обеспечении, жизни семьи и образовании, были такими же важными, как и те, которые пытались провести в церкви и религии. В борьбе за справедливые законы и честные институты Бог и дьявол воюют как за отдельные души, так и за правление на Земле. Лютер представил две возникшие и существующие одновременно власти, которым Богом предписано управлять светской и церковной сферами жизни. Князьям и аристократам следует надзирать за телом и собственностью, пасторам и священникам – охранять совесть и душу.

Для Лютера немецкой проблемой шестнадцатого века был успех дьявола в искушении как правителей, так и священников, и подданных и мирян, на продажу своих душ и уклонение от нравственных и духовных обязанностей. Политики делали это, дозволяя несправедливость и создавая препятствия для Евангелия; священники – лживо заверяя о спасении и обладая светскими амбициями; а общая масса человечества – позволяя так легко себя обмануть и запу-

гать и тем, и другим. В дополнение к иностранному врагу – хищническому папству, виделись и два других врага, угрожавших гражданскому обществу в первые десятилетия Реформации. Это были католические правители, которые подавляли протестантские религиозные реформы, а также ренегаты – протестантские проповедники и революционеры, которые подзуживали простого человека взяться за оружие и бороться за якобы христианские права.

Преследуя свои цели, Лютер сделал размытыми линии власти и силы, которые сам и начертил. Прежде всего, это произошло, когда он пригласил христианских господ благородного происхождения из германской нации, как христианских мирян, поддержать его против несговорчивой церкви. В 1523 году он похвалил пример конгрегации мирян немецкого города Лейснига за то, что там заменили католического священника лютеранским пастором, выбранным им самим. Он похвалил действия горожан, как правильное отрицание ложного «человеческого закона, принципа, традиции, обычая и привычки» [52]. Это была новая доктрина о церкви, а рационализация произошла как раз вовремя.

В 1528 году во время посещений Саксонии было обнаружено разнохарактерные и неравномерные религиозные знания и малые улучшения нравственности среди мирян в сельских приходах. И Лютер снова призвал немецких князей, как мирян-христиан, стать «вынужденными епископами». В этой роли им следовало обеспечивать недавно появившиеся протестантские церкви управлением, властью и силой, которые требуются для должной работы и дисциплины [53]. Несмотря на разъясняющие положения, которые под-

черкивали мирской статус князей и исключительную природу их новой власти, эта уступка стала зловещим прецедентом для Германии.

Когда в 1523 году князья начали преследовать протестантов, Лютер попытался, но безуспешно, загнать джина назад в бутылку, читал аристократам лекции о том, «что они не могут делать» [54]. С 1528 года германские правители никогда больше – если когда-то и делали это – не ограничивали свою власть только телом и собственностью. Сплетение Лютером мирской и духовной власти позволило новой церкви пережить детство и продолжать свою миссию в относительной безопасности. Она стала в большей мере готовой к сотрудничеству государственной церковью, наделенной властью и готовой смешивать крупные дозы религии и гражданской жизни – через новые школы, систему соцобеспечения, организацию семьи и быта, которые помогла создать.

Школы и университеты

Первое межрегиональное объединение германского народа было лингвистическим и культурным. Оно концентрировалось вокруг написанных на родном языке проповедей Лютера, памфлетов, Библии, церковных гимнов и катехизисов. Лишь немногие немцы того времени были настолько образованы и готовы наблюдать за реформой германских школ и университетов, как Лютер. Между 1520 и 1546 годами одна треть всех публикаций на немецком языке являлись первыми изданиями или репринтами его работ. Он писал и говорил на простом, ясном и понятном ритмичном немецком языке. И до сих пор это выделяет его письменные работы в «ужасном немецком», где

в состоящих из фрагментов многопредметных предложениях так трудно найти глаголы [55]. Лютер хотел, чтобы этот язык также стал языком саксонского двора и его использовали бы «все князья и короли Германии». Таким образом, это позволило бы им говорить с нацией [56]. Этот диалект также был ранней формой пангерманского языка, известного сегодня, как верхненемецкий язык, который появился из смеси восточно-средненемецкого и нижненемецкого диалектов. Лютер обогатил его словами и фразами коллег и студентов из других регионов Германии. На его творчество повлияла также и его жена, урожденка Западной Саксонии Екатерина фон Бора, ее умение излагать мысли Лютер хвалил и ценил выше собственного [57].

В 1524 году Лютер обратился к магистратам и членам советов по всей Германии за финансированием государственных школ для всех мальчиков и девочек. Он заявил о целях предприятия – воспитании «мужчин, способных править над землей и людьми, и женщин, способных вести хозяйство и правильно обучать детей и слуг». Школы обеспечивали как новое религиозное, так и светское образование [58]. Мальчики получали до двух часов официального образования в день, девочки – по крайней мере, час. Остаток дня посвящался определяемой родителями домашней работе или обучению ремеслу [59].

Реформаторы не доверяли ни простому человеку, который считался неспособным на то, что требовалось, ни князьям – их обвиняли в пристрастии к забавам. Поэтому Лютер и его последователи ждали от городских правительств обеспечения квалифицированных учителей, мужчин и женщин, способных обучить де-

тей языкам, истории и искусству «с удовольствием и в игре». Вспоминая собственные дни в школе, как ад и чистилище, с частыми «порками, дрожанием, злобой и чувством, насколько ты несчастен», Лютер предложил глобальное образование для германских детей, которые теперь живут в новом мире. Это получение знаний, которые могут представить им «как в зеркале, природу, жизнь, мудрость и цели... всего мира, [из которых они могут] вычленить правильные ссылки и... занять собственное место в потоке событий человеческой жизни» [60].

Еще одной целью реформы образования была правильная подача истории Германии. Из-за отсутствия должным образом подготовленных историков, как считал Лютер, мало известно об истории германцев. И это заставляет людей из других земель представлять их, как «зверей, знающих только, как сражаться, набивать утробу и пьянствовать» [61].

Когда в конце 1520-х годов эти амбициозные усилия заново дать образование сельской местности показались полным провалом, ранее прогрессивные учителя потянулись к суровости старой системы. В реакции Лютера после посещения ряда мест разочарование было очевидным. Он писал о сельских пасторах, живущих «как жалкая скотина или несознательные свиньи», больше подходящих для «выпаса свиней и содержания собак, чем наблюдения за христианскими душами». Эти пасторы, как казалось, думали о новом Евангелии, как о послании о «плотской свободе» [62].

Решением стал катехизис на родном языке – для религиозного образования внутри более дружелюбных рамок семейного круга, а также церквей. Имелись

версии как для детей, так и для взрослых. Ежедневные повторения десяти заповедей, посланий апостолов и молитв Богу теперь должны были привести немецкие души к просвещению и защите, которые не смогли обеспечить пасторы [63].

Было бы неправильно думать, что попытки обеспечения лучшего образования закончились проведением катехизических уроков дома и возвращением Аристотеля в лекционные аудитории. «Счастливый обмен веры» не стал невыгодной сделкой за одну ночь. По мере прохождения столетий новая протестантская организация не утратила свои высокие учебные стандарты и не вернулась к схоластическим комментариям, которые ранее отвергала. На протяжении столетий распространенность лютеранской и католической теологии в гимназиях и университетах содействовала германскому государственному образованию и наполняло его религиозным знанием [64]. А это, в свою очередь усиливало и обостряло разделение конфессий. Тем не менее, такое образование сделало немцев наилучшим образом знающими теологию среди европейцев и ускорило сотрудничество обеих конфессий с государством.

Некоторые спорили, что Реформация оставила большинство немцев в религиозно-светском и средневеково-современном отклонении от времени, всегда «спрашивающих и сомневающихся, зондирующих и исследующих, без заборов и надежности» [65]. Именно так реформаторы критиковали средневековое лечение душ и оправдывали реформы. Немцы, которые сознательно перешли в протестантизм в шестнадцатом веке, сделали это, принципиально веря, что многие традиционные духовные утешения были фиктивными

и поэтому приносили мало пользы душе верующего. В сравнении с этим «счастливый обмен верой» Лютера, даже в новой дисциплинарной форме лютеранского катехизиса, казался протестантам духовным обменом, которому можно больше доверять.

Утешение бедных

При смене пятнадцатого столетия две трети саксонского населения проживало в сельской местности. Тогда, как и сегодня, бедные тянулись к городам, где имелось больше возможностей найти работу и просить милостыню [66]. В большинстве случаев средневекового права, регулирующего отношения в обществе и семье, традиционная забота о бедных побуждалась религией. Раздача милостыни являлась изначальной библейской моделью для покаянного христианина, и те, кто занимался благотворительностью, могли ожидать доли Божьей благодати в ответ на милость к бедным. На протяжении столетий эта идея заставляла верующих христиан жертвовать одежду, обеспечивать домами и образованием также и бедных.

В отличие от этого новая лютеранская церковь смотрела на благотворительную деятельность, как на нравственный и гражданский долг, а не духовный. Лютеране верили, что хотя эта деятельность и нравится Богу, она никого не спасает. Добрые дела принадлежат получателю, а не дающему, кого Бог спас по своим причинам, по своей милости, независимо от его дел. Такой аргумент помог расчистить путь для рационализаторской системы утешения бедных, расширив ее охват и поставив ее на более определенную экономическую основу. Этого желали обе конфессии. В результате получилось играющее заметную роль

смещение ответственности за бедных с духовных лиц и церкви на все общество через местные и территориальные правительства.

Лютеране помогли создать образцовые указы и предписания по соцобеспечению, которые разделяли достойных бедняков своей страны и иностранных нищих (не калек), включая странствующих братьев. Последнюю категорию гнали прочь от городских ворот [67]. Ведущим принципом такой дискриминации была ранняя версия формулы, которую позднее принял Аугсбургский парламент для решения вопроса с религиозным разделением. Согласно ей, правителю земли разрешалось выбирать ее официальную религию («его королевство, его религия»). А в плане социального обеспечения правитель земли становился ответственным за бедных внутри нее («его королевство, его бедняки»). При вступлении на трон он связывался клятвой не допускать, чтобы бедняки его земли стали обузой для другой, равно как и того, чтобы иностранные бедняки брали что-либо с его земли или у его бедняков.

В раздаче благотворительности, как безвозвратно, так и в виде займов, наибольшее значение имело исправление, перевоспитание или трудоустройство получателя. На соцобеспечение смотрели, как на средство восстановления, а не постоянное пособие. Виттенбергский городской совет, под влиянием Лютера и его коллег, обеспечивал тщательно охраняемый «общий сундук», или запираемый ящик для бедных, Желавшие получить материальную помощь должны были соответствовать установленными общиной стандартам добродетели (поведение в прошлом и ситуация в настоящем тщательно изучались). После того, как они вновь

становились на ноги, получившие заем должны были выплатить назад полученное. Пытающиеся пробиться в жизни рабочие и ремесленники могли обратиться за займами под малые проценты, существовали субсидии для подготовки и обучения детей бедняков.

Средства изначально поступали от переданной для светских и мирских нужд церковной собственности и конфискованных даров и пожертвований из закрытых монастырей и капитулов. Предвидя перевод этих средств на другие цели, а также возможное иссушение этого источника, городской совет поднимал налоги. Их взимали с духовных лиц и горожан, как лучший способ постоянно держать «общий сундук» наполненным. Благодаря усилиям виттенбергского пастора Иоганна Бургенхагена, к середине столетия ранние лютеранские советы по соцобеспечению были скопированы по всей северной Германии и в Скандинавии.

Брак и домашний уклад

В конце пятнадцатого и в шестнадцатом столетии европейцы перешли от общества преимущественно одиноких людей к обществу, в котором жизнь в браке стала доминирующем стилем жизни. Лютеранская семья представляла собой привлекательную модель внутри и за пределами протестантских земель [68]. Мотивацией религиозных реформаторов также было личное желание светского брака. Они преобразовали брак от эксклюзивно религиозного таинства до социального контракта, который, в первую очередь, санкционирован государством, а не церковью. Собственно, реформаторы добились создания института брака в том виде, в котором мы знаем его сегодня [69]. Как и в случае других гражданских реформ, перестраивание

брака было частью более крупного протеста против средневековой церкви и общества.

В 1520 году Лютер критиковал знатоков канонического и церковного права, которые написали небиблейские законы средневековой церкви, регулирующие брак, как «купцов, продающих вульвы и гениталии». Он проклял их новые законы, как «силки для захвата денег» (имелась в виду плата, которую требовалось передать церковным властям, чтобы не получилось то, что они называли незаконным браком) [70]. В Средние века церковь жестко следовала библейским запретам на брак до четвертого колена – причем, запретным было как родство физическое, так и духовное. Даже при крещении и усыновлении получались родственные связи, недопустимые для брака. Церковь признавала браки между представителями разных вероисповеданий, только если вступающий в брак нехристианин соглашался принять христианство.

В отличие от этого Реформация восстановила библейскую первую степень родства через брак и вторую – кровного родства. Союзы в случае кровного родства допускались, начиная с троюродных братьев и сестер, а в случае некровного родства – с двоюродных. Лютер проклял многочисленные канонические препятствия к заключению брака, как и запрещение для христианина вступать в барк с нехристианином: «Точно также, как я могу есть, пить, спать, гулять с язычником, евреем, мусульманином или еретиком, ездить с ним верхом, покупать у него и говорить с ним, – точно также я могу вступить с ним [или с нею] в брак» [71].

Таким же образом, как к небиблейским, отнеслись реформаторы и к определенным ограничениям по аннулированию несложившихся или нежелатель-

ных браков. На протяжении шестнадцатого столетия они признали несколько приемлемых оснований для расторжения брака: прелюбодеяние, импотенция (половая несостоятельность), полигамия или обман (скрытый первый брак), долгое отсутствие, серьезная несовместимость. В отличие от средневековой церкви, которая разрешала только отдельные постель и стол, но не расторжение брака, Реформация санкционировала современный развод и новый брак для тех, кто хотел этого и готов был на это пойти. Однако количество желающих развода оставалось относительно небольшим до девятнадцатого столетия.

В определение «полностью подтвержденный» брак страсбургский реформатор Мартин Бусер, самый либеральный в этом вопросе, включал «согласие сердец» и «множество плотских половых актов». Реформация предвидела защиту Джоном Милтоном отсутствия «истинного партнерства», как должного основания для развода – то, что сегодня мы называем «непримиримыми противоречиями» [72].

Реформация и евреи

В 1523 году Лютер удивил своих современников, написав дружелюбное обращение к немецким евреям. Непосредственным поводом послужила необходимость опровержения оскорбления самого Лютера эрцгерцогом Фердинандом из Габсбургов, заявившим, что Лютер, как и евреи, не верит, будто мать Христа была девственницей. Лютер ухватился за обвинение, чтобы расширить свои религиозные и гражданские реформы. Четко указав, как учит Новый Завет (Христос – еврей, рожденный девственницей), он одновременно защитил себя от эрцгерцога и оказал услугу немецким

евреям, которые с радостью приняли безопасность и возможности, данные им его добротой. Результатом более мягкого отношения христиан, как ожидал Лютер, будет ассимиляция евреев в христианское общество и, в конце концов, принятие христианской веры «некоторыми», возможно «многими» [73].

К 1530-м годам видение Реформацией культурно и религиозно объединенной Германии с великодушными правителями, крестьянами, к которым справедливо относятся и ассимилировавшимися, даже принявшими христианство евреями, исчезло. Это произошло после крестьянских восстаний, религиозного разделения и из-за нереальных ожиданий. Как и в памфлетах Лютера середины 1520-х годов против крестьян, высказывания Лютера против евреев в конце 1530-х и начале 1540-х годов ушли далеко от его изначального плана. Он просил христиан в 1523 году убеждать евреев «принимать христианство с медом, а не уксусом». Прошло пятнадцать лет перед тем, как он снова публично обратился к вопросу взаимоотношений христиан и евреев. Внутри страны не наблюдалось никакого прогресса, а сообщения о потерях христиан за границей заставили Лютера занять суровую и резкую позицию. В Богемии и Моравии, как ему сообщали, евреи вели проповедническую деятельность среди христиан. Некоторые из обращенных отрицали, что Иисус был мессией, приняли Тору, соблюдали субботу и даже делали обрезание [74]. Вместо того, чтобы обратить евреев в христианство, теперь у Лютера имелись основания опасаться, что его более ранняя доброта позволила евреям обращать в свою веру христиан. После этого он стал рассматривать немецких евреев, как еще одних хищников в долгой истории появления

иностранных захватчиков на германской земле, а не родственных подданных и возможных новообращенных, как говорил немецким христианам в 1523 году.

В самой первой строке его самого длинного и резкого трактата под названием «О евреях и их лжи» говорится о еврейских попытках «заманить к себе даже нас [христиан]» [75]. Лютер сообщает о встречах лицом к лицу с евреями в Виттенберге. Один раз три раввина пришли к его двери в надежде «найти во мне нового еврея», поскольку они ранее слышали, что Лютер изучает основополагающие труды иудаизма [76]. Если бы это был 1523 год, когда Реформация расправляла крылья, а не 1543-й, когда Лютер считал, что его реформа достигла пика и подсчитывал разочарования, его немецко-христианское сознание могло бы воспринять это по-другому. Тогда эта встреча не спровоцировала бы его на последующие действия.

Угроза немецких евреев, успешно играющих дьявола-искусителя, расшевелила германскую память и подозрения. Для Лютера теперь, в конце его карьеры, не могло быть более наглой пощечины, чем попытка евреев обратить его в свою веру. Как германская история, так и христианская теология поддерживали реформатора в этом вопросе. Как христианский теолог, Лютер верил, что разрушение Иерусалима римлянами в 70 году н.э. было передачей факела Богом от евреев к христианам, с тех пор ставших «истинными израильтянами». Для Лютера-немца оскорбление, ассимилирование, поглощение и запугивание немцев умными и хитрыми иностранными народами являлось более древней и приносящей большие расстройства историей, которая восходила к римским временам. Эта история недавно продолжилась в его собственной борьбе

против папского Рима в германском христианском мире. Чтобы задокументировать свое обвинение в том, что евреи стали еще одним «высокомерным, мстительным иностранным присутствием» в Германии, Лютер провел параллели между неуважением евреев к Христу («повешенный разбойник») и Деве Марии («не девственница») и папскими насмешками над ним самим («подмененное дитя») и его матерью («проститутка и банщица»). Евреи, как теперь считал Лютер, доказали, что они – потомки Корея (Корей – предводитель провалившегося диссидентского восстания против Моисея) и больше не являются истинными израильтянами или истинными германцами [77].

Лютер находил показательным, что евреи оскорбляют неевреев, называя их Goyim, что, как указывал он, является не непредубежденным описанием неевреев, а преднамеренным оскорблением, означающим:

«несчастные навозные черви, личинки, вонь и отбросы... грязь и ничто... ввергнутые во мрак невежества язычники... глупые [люди], медленно обучающиеся... Евреи хвалятся, что они... единственный благородный народ на земле... в сравнении с [которым] мы, неевреи, – не люди, [потому что] мы не [их] высокой и благородной крови, родословной, рождения и происхождения» [78].

В ритуальных молитвах еврейские мужчины благодарят Бога за то, что они родились евреями, а не Goyim, человеческими существами, а не животными или рабами, и мужчинами, а не женщинами. Для нееврея это уничижительный и умаляющий достоинство набор параллелей. С такой же гордостью и предубеж-

дениями хвастались греки (Лютер упоминает Платона) и итальянцы из-за того, что не родились «варварами», как германцы. Греки, римляне, византийцы, папство и теперь, в этой последовательности великих культур, германское меньшинство – евреи – «представляют все другие народы мира просто утками или мышами в сравнении с собой». Раввины со своим талмудом не отличаются от Пап со своими декретами и протестантских сектантов со своими отрывками из Евангелия. Все они являются слишком самоуверенными и высокомерными религиозными элитами, которые хотят быть «нашими господами на нашей собственной земле» [79].

Взаимопроникновение исторически оскорбленной германской гордости, самонадеянности и высокомерной христианской уверенности в спасении вдохновило Лютера на поздние работы, направленные против евреев. Оскорбленная гордость была продуктом столетий сведения и принижения немцев до низшего народа, а самонадеянность почти также стара, как проявление христианской гордости.

«Это, – делает вывод Лютер, – яблоко раздора [и] источник проблем между христианином и евреем. Евреи не хотят [и] не могут вынести, что мы, неевреи... над которыми они непрерывно насмехаются, ругают, проклинают, обесчещивают и оскорбляют... равны перед Богом, и мессия является как нашим утешением и радостью, так и их» [80].

В итоге Лютер хотел, чтобы германские князья отплатили за еврейское предательство «грубой милостью». Это означает вынужденное признание евреями,

что Иисус был мессией. Если не получится и такого признания, он хотел, чтобы их выслали в их собственную землю, где они могут отправлять свою религию меньшинства без искушения и насмешек над душами христиан. Для достижения этой цели Лютер рекомендовал сожжение синагог, школ и домов евреев, не желающих менять веру; конфискацию талмудов и священных текстов и запрет обучения раввинами; отказ в охранных грамотах; запрет ростовщичества и передача денег, полученных таким образом, евреям, принявшим христианство; и, наконец, насильственный труд – «приложение рук бездельничающего святого народа к цепу, топору, мотыге, лопате или веретену». Если такие меры не дадут перехода в христианство, то тогда германским правителям советовалось заканчивать с германской исключительной терпимостью путем «следования примеру здравого смысла Франции, Испании и Богемии, [которые уже] навсегда их изгнали» [81].

Разочарование Лютера в германских евреях соответствовало их разочарованию в нем. Йосель из Рошейма, выступавший от имени германских евреев в Священной Римской Империи, объявил эти слова христианского ученого беспрецедентными и едва ли ожидаемыми от автора трактата «Иисус Христос родился евреем». Но у германских евреев также имелся могучий, корыстный, движимый личными интересами союзник в лице императора, который сильно полагался на их финансовые ресурсы. Еще больше помогло им во время Реформации малое впечатление, которые суровые слова Лютера произвели на современников. В курфюршестве Саксонском указ 1536 года, по которому не принявшим христианство евре-

ям отказывалось в проживании и охранных грамотах, был пересмотрен. Мартин Бусер приготовил новый суровый указ, касающийся евреев Гессена, с целью ограничить работу гессенских евреев самой непритязательной. Но, вводя его, ландграф Филипп включил в насильственные меры только ограничения на взимание евреями процентов, запрет на открытие новых синагог, попытки евреев обратить в свою веру христиан и посещение евреями повышающих самосознание проповедей. Нигде ни один князь не сжигал синагоги, не стирал с лица земли дома евреев, не хватал еврейские книги, следуя рекомендациям Лютера [82].

Антиеврейские трактаты Лютера продолжали печататься в полных собраниях его работ, но, как правило, не включались в лютеранские наставления, катехизисы и собрания гимнов. Одним из нескольких исключений было дополнение к катехизису, в котором перечислялись евреи в лютеранской Формуле Согласия. Там евреи появились, как последние в ряду еретиков, специфических для подъема протестантизма, словно не поменявшие веру евреи были еще одним сбившимся с правильного пути ответвлением лютеранства: «Сакраменталисты [цвинглианцы], кальвинисты, исступленные фанатики [анабаптисты], эпикурейцы [спиритуалисты] и евреи» [83].

В 1523 году Лютер открыл дверь культурно негерманским жителям Германии, а через два десятилетия захлопнул ее. Гораздо более влиятельными в германском лютеранском мире были другие реформаторы, включая его коллегу из Виттенберга Юстуса Йонаса и нижнесаксонского реформатора Урбана Регия, которые вместе с большинством политических лидеров протестантизма были готовы бесконечно ждать пере-

хода евреев в другую веру и отрицали запугивание и заманивание [84].

До национал-социализма не существовало прямой связи между христианским анти-иудаизмом и расистским антисемитизмом двадцатого века, присутствовавшим в правительственной программе рейха по уничтожению евреев. Лютер никогда не поддерживал никакого манихейского дуализма «первого» и «последнего» человека, растущего арийца и увядающего еврея (таковы были представления ряда немецких, а также иных интеллектуалов девятнадцатого столетия). Хотя он подозревал, что сменившие веру евреи – неискренние христиане, значение имели отношение и воля, а не кровь или раса [85]. Даже на высотах, на которые Лютер вознес христианский анти-иудаизм, на фоне погромов и преследования евреев христианами в позднем средневековье, Лютеру никогда не был свойственен расистский антисемитизм национал-социалистов. И сам термин «антисемитизм» появился не в конце 1530-х, не в 1540-ые годы, а в 1879 году [86].Если бы Лютер сделал по-своему, то не принявших христианство евреев выслали бы правительства того времени – тем же образом, как высылали «упрямых» анабаптистов и других сектантов-диссидентов, не поддерживавших протестантизм или католичество. Также иудаизм никогда не считался тяжким преступлением по германским законам, как случилось с анабаптизмом в 1529 году.

Тем не менее, нацисты буквально мобилизовали работы Лютера во время Холокоста. Как и в случае с ранними антисемитами, им показал дорогу не Лютер, а евреи, принявшие христианство, «разоблачения» и нападки которых на бывшую веру были собраны не-

мецким кальвинистом Андреасом Эйзенменгером и опубликованы в 1711 году. Под названием «Разоблаченный иудаизм» («Judaism Unmasked») эта печально известная коллекция диатриб принявших христианство евреев была названа антисемитским «боевым литературным арсеналом» девятнадцатого века [87]. Нигде на более чем двух тысячах страниц этого труда не упоминается имя Мартина Лютера.

Сегодня очень малое количество ученых изучает поздние работы Лютера, направленные против евреев, с надеждой найти характерный биографический или исторический контекст, которые могли бы представить его как теолога, или его реформу в менее неприглядном свете. Скорее это объясняется его старостью, ухудшением здоровья и разочарованием в реформе, которая тогда быстро теряла позиции, уступая не только соперникам из протестантов или католиков, но, как искренне верил Лютер, также и оппортунистическим евреям. Еще одним популярным объяснением является предположение о навязчивой идее с неизбежным вторым пришествием Христа, сигналом к которому станет принятие евреями христианства или их удаление из компании христиан [88].

Самым правильным объяснением в данном случае, вероятно, является историческое и лучше всего задокументированное. С самых первых работ Лютер критиковал фундаменталистский иудаизм, как отрицающий учение пророков и раннее христианство, превращающий изначальную религию, полную веры и надежды, в соблюдение ритуалов и добрых дел. К 1530-м годам он боялся, что такая же судьба ждет его собственную реформу. Его анти-иудаизм был перемешан с восприятием германского прошлого, как

истории разграбления и хищничества иностранцев. И Лютер, не чувствуя никакой диспропорции, мог поместить современных ему евреев в длинную последовательность народов и наций, которые давили германцев. Смешение истории и теологии также делало его антиеврейские работы особенно уязвимыми для выбора антисемитами девятнадцатого и двадцатого столетий [89].

Реформация в современной критике

Многие, начиная от современника Лютера, его соперника Томаса Мюнцера, до главного американского историка из изучающих Германию, Гордона А. Крейга, считают историю германской Реформации экспансией абсолютистского германского территориального государства, «которой ничто не мешало» [90] .К подобному выводу пришли и на основе видимого влияния Реформации на семейную жизнь – новая лютеранская семья считается «прототипом безусловно патриархального и авторитарного дома» [91]. Тем не менее, в самом начале Реформация обещала новаторские отношения между господами и подданными, евреями и христианами, мужчинами и женщинами. Новая теология провозглашала духовное равенство и свободу всех христиан, независимо от социального статуса, ставила бок о бок честных крестьян и жадных землевладельцев и коррумпированных священнослужителей, ругала христиан за запугивание евреев, защищала модель брака, основанную на разделении власти в семье. Тем не менее, когда крестьяне стали угрожать насилием, ответ Лютера их предводителям был суровым («страдание, несение своего креста»). А после того, как они восстали в Саксонии и Гессене,

стали грабить, жечь и убивать своих господ, он советовал последним быть в той же мере безжалостными («сметайте, убивайте, закалывайте») [92]. В обоих случаях он говорил за упрочившуюся Германию.

Такие ответы заставили современных ученых и больших знатоков задуматься вслух о том, не сеяли ли люди, стоящие за Реформацией, горький социальный и политический урожай для более поздних поколений немцев. Реформации не удалось завоевать массы на свою сторону прямым обращением. Поэтому говорят, что она подорвала альтернативное, квази-демократическое общественное самоуправление, приняв авторитарное территориальное государство и, таким образом, поставив раннее создание германской нации и парламентское правительство вне досягаемости [93]. Эта интерпретация Реформации, как изначально прогрессивной, тем не менее, в конце (1525) легко вбирающей в себя буржуазное движение, зеркально отражает интерпретацию эволюции Германии в девятнадцатом веке современными германскими историками. Они также рассматривают предательство расцветающей и подающей надежды демократии слабовольным и нерешительным средним классом [94].

Взвешивая Реформацию, современные критики особенно тщательно изучили характер и работу все еще знаменитых до сих пор людей, стоявших в ее центре. Лука Кранах являлся вторым по известности германским художником шестнадцатого века, близким другом Лютера. Пять сроков он занимал пост бургомистра Виттенберга и на момент смерти считался одним из самых богатых людей этого города. К сожалению для его репутации среди современных нам историков, которые видят сочувственный социальный подтекст в

его ранних работах, Кранах прожил восемьдесят один год. Это достаточно долго, чтобы оставить след из полотен, которые рассказывают другую историю. Он прошел путь от евангелических протестов от имени бедных до приятно возбуждающих обнаженных тел для буржуазии и льстивых портретов политической и коммерческой элиты. Поэтому биография и наследие Кранаха также читаются, как метафора к обещаниям и провалу Реформации [95].

Дюрер, как художник, тоже вел двойственную компромиссную политику, он седлал политические и социальные заборы эпохи, и оказался на момент смерти даже богаче, чем Кранах. Тем не менее, поскольку Дюрер умер значительно раньше Лютера и Кранаха, ему не приходилось участвовать в жестких конфессиональных и политических конфликтах более поздних десятилетий. Его репутация в наши дни более позитивна (как у раннего Кранаха), и он кое-чем обязан Фридриху Энгельсу и марксистам девятнадцатого века, которые поместили его в пантеон предмодернистских пролетарских героев. Среди выпускников мастерской Дюрера были три студента, ставшие известными, как «художники-безбожники» из Нюрнберга [96]. Их арестовали и допрашивали после Крестьянской войны за призыв рабочих к забастовке с требованиями более высокой заработной платы. Все трое выразили сомнения относительно силы Бога и магистратов Нюрнберга – а эта деятельность и перспективы в то время ассоциировались с учением революционера Томаса Мюнцера. Скульптор Дюрера тоже оказался в тюрьме за поддержку Крестьянской войны [97].

Более прямая связь с возможными радикальными чувствами Дюрера просматривается в работе, выпол-

ненной в 1525 году, после того, как князья разбили восставших крестьян во Франконии. Она появилась во время изучения перспективы в искусстве, и на ней изображается возможный памятник восстанию, на котором крестьянин сидит наверху курятника, а ему в спину воткнут меч. Это классическая иконография предательства, с соответствующей надписью: «Тот, кто хочет отпраздновать свою победу над восставшими крестьянами, может для этой цели использовать конструкцию, которую я тут нарисовал» [98].

Был ли рисунок выражением сочувствия целям крестьян или отказом их принять? Хотя современные ученые придерживаются и того, и другого мнения, более правильная интерпретация может лежать между ними. Как кажется, в данной работе оплакивается вред, нанесенный как князями, так и крестьянами – этакая графическая параллель с проклятием Лютером перед восстанием как тех, так и других, и описанием после восстания грабивших и убивавших крестьян, как «бешеных собак». Во время работы над этой картиной круг общения Дюрера, друзья и коллеги проклинали восстание, и его собственная деятельность во время конфликта убеждает, что он делал то же самое. В то время как гессенские и саксонские солдаты убивали крестьян, Дюрер писал портреты Фуггерсов, банковских магнатов того времени, и жену и сестру Казимира, маркграфа Бранденбурга-Ансбаха, жестокого убийцу восставших крестьян, который также ослеплял анабаптистов перед тем, как выслать их со своей земли [99].

Профессиональные связи Дюрера с художниками-безбожниками из Нюрнберга, конечно, не означают, что он разделял их атеизм и восстание, – не больше,

чем его связь с политической и социальной элитой указывает на то, что он не мог сочувствовать положению крестьян. Лютер также боролся за справедливое отношение к крестьянам перед их атаками на господ и за милость к ним после того, как их разбили князья [100]. За это Лютер мог бы присоединиться к Дюреру в марксистском пантеоне, хотя ни он, ни Дюрер явно не захотели бы там оказаться.

Через четыреста лет после смерти Дюрера национал-социалисты невольно включили его и Кранаха в свою пропаганду. В 1943 году «Автопортрет» Дюрера 1500 года даже украшал обложку журнала национал-социалистов «Народ и раса», и Гитлер публично хвалил Дюрера и Нюрнберг, как «самых германских» из художников и городов. Когда национал-социалисты очищали германские музеи от «дегенеративного» современного искусства в 1930-ые годы, работы Кранаха и Дюрера заняли заметное место, сменив убранные [101].

Как и в случае ранних и поздних работ о евреях, самые суровые современные критики лучше всего помнят, что Лютер проклял Крестьянскую войну [102]. В начале 1520-х годов протестантские памфлетисты обещали как бюргерам в городах, так и крестьянам на земле новый духовный эгалитаризм («свободу христианина», «священство всех верующих») вместо иерархического излечения душ церковью. Как и евреи в 1523 году, простой человек тоже слышал в Реформации своевременное политическое послание об автономности и социальном согласии. Эти попытки примирения поддерживали обвинения и разоблачения Лютером тирании и господ и робости их подданных:

«Наши правители – сумасшедшие; они на самом деле думают, что могут делать то, что хотят, и приказывать своим подданным следовать за ними в этом, в то время как их подданные в свою очередь, совершают ошибку, веря, что должны подчиняться всем приказам их правителей» [103].

Несмотря на такое сочувствие крестьянам, Лютер верил, что спорные вопросы, касавшиеся тела и собственности, являлись вопросами светских судов и не должны разбираться проповедниками и революционерами. Таким образом, он давал ободряющий совет:

«Крестьяне должны сражаться, как люди, которые не станут и которым не следует терпеть несправедливость и зло, в соответствии с тем, чему учит природа. [Ваши печали относительно] дичи, птиц, рыб и лесов [и несправедливого обложения налогами] услуг, десятин, пошлин, акцизных сборов и налога господину в случае смерти крестьянина – [это вопросы для] юристов... и не касаются христианина... [Вы должны] вести себя, как христиане... как мужчины и женщины, которые хотят своих человеческих и природных прав» [104].

Это было правильной инструкцией для общества, основанного на правлении закона, но горький совет для крестьян. В дальнейшем, подвергнув опасности Реформацию, связав ее религиозные учения с социополитической революцией, крестьянские предводители лишились любого возможного шанса удержать поддержку Лютера. Перед самым восстанием Лютер, говоривший за свое общество, осудил отказ крестьян платить небольшие десятины, как «кражу и грабеж на

большой дороге», и ругал обращения крестьян к Христу за освобождением от крепостничества, как «лишенную одухотворенности» свободу. Бесклассовое, безбожное общество, представляемое крестьянскими революционерами, не было сплоченным гражданским обществом, которое хотела построить Реформация. Он говорил, что «если нет неравенства людей – кто-то свободен, кто-то связан, кто-то господин, кто-то подданные», то общество не в состоянии выжить. Но Лютер также не мог найти ничего христианского на стороне князей. Больше, чем что-либо другое, их репрессии и тирания стали причиной восстания и анархии. Его последнее слово для обеих сторон было просьбой, которая, как знал Лютер, бесполезна: «[Пожалуйста] послушайтесь совета и урегулируйте [свои различия] законно, а не силой или борьбой, и не начинайте бесконечное кровопролитие в Германии» [105].

После того, как крестьяне атаковали своих землевладельцев в Швабии, Франконии и Тюрингии, Лютер, столкнувшись с угрозой полномасштабной революции, призвал князей безжалостно убивать восставших [106].

Если, как спорят многие, его политическая философия подняла Германское государство на новый уровень политической власти и дала новую силу после 1525 года, то это был только последний подъем в долгой серии. Если бы такое повышение было единственным, что Реформация могла предложить князьям, то она оказалась бы для них малопривлекательной. Германское государство впечатляюще выросло само по себе на протяжении Средних веков. К концу тринадцатого и в четырнадцатом веке князья стали верховными правителями на своих землях. А к концу пятнадцатого века

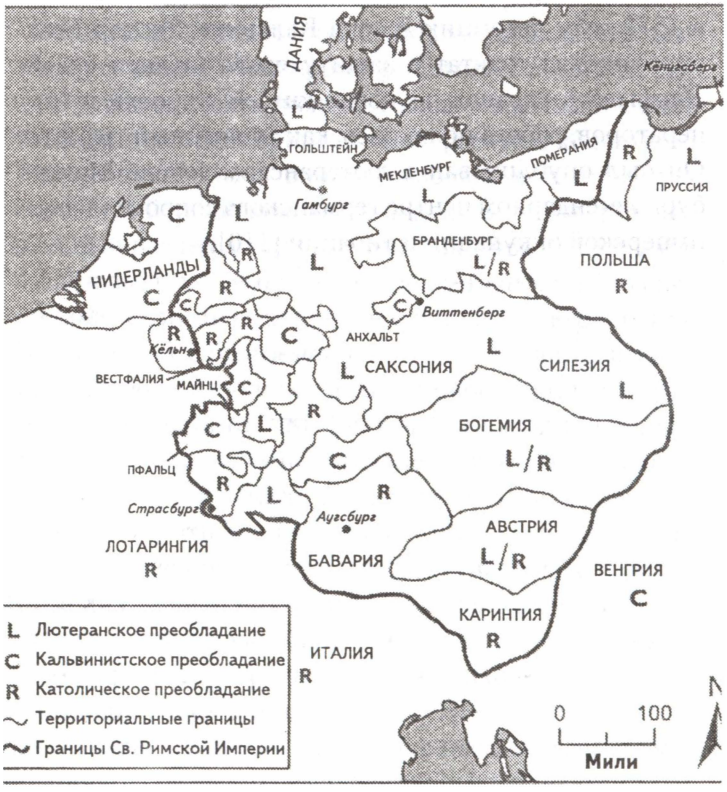
они – все вместе – правили Империей [107]. Задолго до начала Реформации, помогавшей им, они реформировали местные церкви и монастыри по собственной инициативе, наказывали нарушения, совершаемые священнослужителями, и помогали лечить души. Самое главное, что получили от Реформации германские государства, – это возможность развития независимой германской культуры и разрыв с Папой в Риме. Папство к 1519 году стало более разрушительной и подрывной иностранной силой в Германии, чем все еще полезный и уважаемый император из Габсбургов.

Защита протестантской религиозной свободы вызвала создание межтерриториального военного союза – Шмалькальденского союза – и начало политико-религиозной войны с императором Карлом V. Вынесенная после войны резолюция установила германский религиозный плюрализм и конфессиональный раздел западного христианства. После 1555 года правители земель со смешанными религиозными конфессиями определяли официальную религию. Известно об одновременном существовании в ряде мест старого католического и нового лютеранского вероисповеданий [108]. Если люди находили запрещенным публичное исповедание их веры, то могли эмигрировать в землю, где эта вера была легальной, путешествовать в дни праздников в соседние местности, где исповедовалась их вера, нанимать странствующих священников или приехавших с визитом пасторов для проведения нужных служб на границе территории или города. Либо они тихо исповедовали свою веру у себя дома.

Принятие и поддержка лютеранством германского территориального государства не только усилили

его суверенитет, но также придали ему этическую и культурную миссию. За этим предстояло внимательно следить новым священнослужителям и должным образом назначенным низшим судьям, что входило в их обязанности [109]. Наблюдение переросло в принципиальную доктрину сопротивления тирании среди лютеран, которые вышли против имперских и папских армий в середине 1540-х годов, и среди французских и голландских кальвинистов, которые вели подобные религиозные войны во второй половине столетия. Когда после бойни Варфоломеевской ночи в 1572 году преемник Джона Кальвина, Теодор Беза опубликовал трактат в защиту права низших судей сбрасывать тиранов, включая князей, королей и императоров, работа появилась, как анонимный трактат. Он был опубликован в лютеранском городе Магдебург, легендарном центре германского сопротивления имперской оккупации и тирании [110].

Религиозные союзы в германских землях перед началом Тридцатилетней войны, 1618 год



Глава 4

Полигон Европы

ГЕРМАНИЯ ВО ВРЕМЯ ТРИДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ

Тридцатилетнюю войну называли «травмой немцев» перед Мировыми войнами двадцатого столетия [1]. Впервые в своей истории они оказались вовлеченными в катастрофический конфликт, который одновременно был и международным, и бесконечным, и безграничным. На протяжении тридцати лет, когда попеременно велись то активные боевые действия, то «холодная война», Германия невольно стала полем брани. На ее территории превосходившие ее в военном отношении нации решали свои конфликты и увеличивали свои активы. Конфликт был спровоцирован германскими князьями. Но после начала войны ни германский народ, который испытал больше всего страданий и понес самые большие жертвы, ни его руководители, которые заигрывали с иностранными державами, не контролировали ни развития событий, ни условий, на которых война в итоге завершилась.

Неувязанные узлы

Главной причиной войны было намерение императорской Австрии удержать ключевое курфюрстское государство, Богемию, в орбите Габсбургов, одновременно перенаправив все возрастающие там протестантские достижения. С 1438 года император Священной Римской Империи, правитель Германии, был одним из Габсбургов. В соответствии с установочными указами германской коллегии курфюрстов в 1356 году, семь курфюрстов определяли условия правления каждого следующего императора до того, как единогласно его выбирали. Однако после того как корона оказывалась на голове нового императора, он быстро устанавливал свою волю – и это более всего относится к семнадцатому веку.

Ключевые игроки, начавшие войну, провокационно смешивали религию и политику. Первым был эрцгерцог Фердинанд из Штирии, провинции на юге Австрии, который в дальнейшем стал императором Фердинандом II. Между 1598 и 1600 годами он массово изгонял протестантов со своих земель, в их числе – и астронома Иоганна Кеплера. Тот вскоре открыл законы движения планет и присоединился ко двору кузена Фердинанда, императора Рудольфа II, просвещенного покровителя культуры и науки. Другим ключевым игроком, или, если точнее, ключевым игровым полем, в начале войны, было королевство Богемия, земля ревностной религиозной свободы, расположенная на северной границе Австрии. В 1575 году проживавшие там гуситы и лютеране соединились вокруг новой протестантской конфессии – Богемской.

На протяжении первого десятилетия семнадцатого века усилился католицизм – после насильственного

обращения назад в католичество Венгрии и Трансильвании (современной западной Румынии) в 1602 году. Для восточно-европейских протестантов угроза австрийских Габсбургов становилась все ближе и страшнее. Опасаясь, что они могут стать следующими, богемцы попросили у императора заверений, которые он дал им в форме королевской грамоты. Брат императора Рудольфа, будущий император Маттиас, подтвердил ее, как условие своего наследования богемской короны. Однако это обещание оказалось лживым: как только Маттиас стал королем Богемии, он тут же аннулировал религиозную свободу [2].

Протестантские усилия по отражению такого запугивания мощным сюзереном внутри большой германской семьи были сорваны и сведены на нет географическими и политическими разделами. Население Империи приближалось к двадцати миллионам, она включала 2500 независимых политических юридических лиц со стоящими в разных местах политической шкалы правителями – от князя-курфюрста до низшего Schenk (благородных слуг особ королевской крови). Задолго до смены шестнадцатого столетия институты, созданные в пятнадцатом для обеспечения мира и безопасности – парламент Империи, Имперский высший суд, межтерриториальные защитные блоки, известные, как «круги» – были подорваны ростом суверенности территориальных государств, репрессалиями и новыми религиозными разделами [3].

В середине шестнадцатого столетия были приняты новые меры для предотвращения бесконечной войны, основанной на межконфессиональных различиях. Вместе с прагматическим одобрением и поддержкой главенства княжеского суверенитета над религиоз-

ным конфликтом, дав правителю земли право определять ее официальную религию, Аугсбургский парламент также принял и закон, частично повторявший Пассауерский договор 1552 года. По этому закону любой архиепископ, епископ или аббат, который стал протестантом после 1552 года, лишался сана, и ему запрещалось забирать с собой собственность в протестантский лагерь. Высшее католическое духовенство, которое перешло в протестантизм, должно было передать свой сан и имущество своему католическому преемнику. Целью таких мер было предотвращение секуляризации церковных владений изнутри в то время, когда мятежная конфессия была достаточно сильна, чтобы воспользоваться преимуществом.

Чтобы содействовать сдерживанию протестантизма, тогдашний король Богемии и Венгрии, который вскоре станет императором Фединандом I, частным образом договорился с протестантами позволять любому городу, перешедшему в протестантизм к 1552 году, оставаться при своей вере. Однако эта декларация не стала частью постановления Аугсбургского парламента в 1555 году. Также в этом законе отсутствовали положения относительно новых протестантских и католических религиозных объединений, которые появились позднее. Это стало еще одним неувязанным узлом, который вскоре будет болтаться на ветру [4]. Протестанты, со своей стороны, продолжали вспоминать декларацию Фердинанда, чтобы оправдать замену католических священников на протестантских пасторов на территориях, которые они контролировали.

Ни принятый в Аугсбурге закон, отдававший предпочтение католикам, ни декларация Фердинанда, ставившая на первое место протестантов, не определяли

полностью все аспекты. Таким образом, эти исключающие друг друга положения давали обеим сторонам почву для конфликта по вопросам времени и условий, при которых земля или город могут легально стать протестантскими или вернуться в католичество. До семнадцатого столетия вопрос не выходил из-под контроля. На протяжении 1560-х и 1570-х годов германские протестанты решали любой вопрос и разбирались с любой путаницей, которая могла возникнуть, просто ставя своих священнослужителей на пустующие должности, что советовал делать прихожанам-евангелистам Лютер еще в 1523 году [5]. Такая практика продолжалась тридцать лет – до того, как католики положили ей конец в Кельне в середине 1580-х годов. Там сменивший веру архиепископ, державшийся за свой пост после того, как стал протестантом, был низложен Папой и заменен (среди звона мечей) преданным католическим епископом. Таким образом, было покончено с протестантским «воровством» католической собственности [6]. Успешная рекламация подбодрила спасение католиками других ранее обращенных в протестантство католических епископатов в Вестфалии. Дело едва не дошло до войны.

Атмосфера и без того была накалена, но к концу столетия был нанесен новый удар: началась насильственная рекатолизация протестантских городов солдатами Империи. Первым в 1598 году стал северо-западный город Ахен, протестантский с начала 1580-х. Через девять лет религиозно смешанный Донауверт путем принуждения заставили вернуться под крыло католицизма, после того как лютеране захватили контроль над городским советом. Критическая точка, отрезающая путь к договоренностям между двумя конфес-

сиями, наступила год спустя. Парламент Регенсбурга, возглавляемый католическими князьями, потребовал возвращения всех церковных земель, собственности и постов, которые перешли к протестантам после 1552 года. Составлявшая меньшинство протестантская делегация тут же покинула собрание и не посещала заседания имперского парламента сорок лет.

Быстро сформировались соперничающие военные союзы: Протестантская уния, которую возглавлял лютеранин, ставший кальвинистом, Кристиан из Анхальта, курфюрст Пфальца, и Католическая лига, которой руководил герцог Баварский. Как только сформировались эти союзы, каждый начал привлекать на свою сторону европейских союзников. Протестантская уния обратилась к Англии, Нидерландам и Дании, в то время как Католическая лига тут же получила поддержку только от одного союзника – эрцгерцога Леопольда из Верхней Австрии [7].

Начало войны

В 1618 году чешское и германское дворянство возглавило восстание против нового короля Богемии, эрцгерцога Фердинанда из Штирии. Получивший образование у иезуитов Фердинанд за год до этого с испанской поддержкой захватил королевский трон Богемии. Вскоре он также стал преемником своего бездетного кузена Маттиаса, как император Священной Римской Империи. После чего недовольные богемцы, в свою очередь, выбрали кальвиниста, курфюрста Пфальца Фридриха V, на роль преемника Маттиаса в качестве их короля [Богемия была монархией с выборными королями. – Прим. перев.] Это и послужило причиной войны. Предвидя раскол, к которому дол-

жен был привести этот выбор в международном плане, осторожный тесть Фридриха, английский король Яков I (Фридрих женился на его дочери Елизавете в 1614 году) посоветовал зятю отказаться от этого королевства [8]. Хотя Фридрих и обращался за советом к своему тестю, он оказался недостаточно терпеливым, чтобы его выслушать, и недостаточно послушным и покорным, чтобы выполнить его советы.

Хотя война началась плохо для императора, германские протестанты не могли должным образом противостоять имперской армии. Против них выступали гораздо превосходящие по классу военачальники, которые последовательно командовали войсками императора – Иоганн Церклас, граф фон Тилли, Гонзало Фернандес де Кордоба, курфюрст Максимилиан из Баварии и Альбрехт Валленштейн. Протестантские армии не добивались решительных побед до 1631 года. Первое крупное сражение в 1620 году – в окрестностях Праги, на Белой горе – было настолько односторонним, что император заново захватил Богемию и также расширил свое владычество над курфюршеством Пфальц. После такого поражения разрозненные германские князья не могли представить объединенный фронт. Если бы самые сильные из них, лютеране из Саксонии, хотели бы соединиться с кальвинистами курфюрста Пфальца против императора, то результат мог бы оказаться другим. Но они слишком сильно ненавидели своих соперников из протестантских рядов, и война в Богемии тогда им не угрожала. Их история и религия также склоняли их к подчинению власти императора. Между 1619 и 1620 годами они фактически сражались за императора в Лусатии и Силезии в надежде получить там значительные военные трофеи.

Несмотря на унизительное поражение и ненадежных союзников, лишенный трона курфюрст Пфальца и богемский король Фридрих не сдавался и не отступал. Он утверждал, что на его стороне как законы Империи, так и церковь, – именно в таком порядке [9]. Тесть Фридриха был королем Англии, а его дядя – королем Дании. Родственные связи давали Фридриху основания все еще надеяться на значительную помощь. Однако такая помощь оказалась недостаточной. В первые годы она поступала только частями, поскольку английский король хотел, чтобы конфликт решался дипломатически. И пока немцы Пфальца и их крошечные союзники находились в смятении, австрийский император закрепил свои достижения самыми болезненными для них способами. Чтобы почтить своего великого военачальника, Максимилиана из Баварии, одержавшего победы в Богемии и Пфальце, Фердинанд назначил его (незаконно) курфюрстом Пфальца вместо Фридриха [10].

Хотя у испанцев имелись как династические, так и договорные основания для включения в спор в Империи, они изначально этого не делали. В начале 1620-х годов английский король стал искать испанскую невесту для своего сына и будущего наследника Карла. Благодаря этому союзу с Габсбургами он планировал найти и дипломатическое решение для своего безнадежного зятя в курфюршестве Пфальц. В 1623 году английская делегация, включая Карла, прибыла в Испанию для обсуждения брачного контракта и решения вопроса с Пфальцем. Однако до того, как это могло быть сделано, двадцатитрехлетний наследник английского престола получил предложение, от которого мог только отказаться, а именно – руку принцессы в

обмен на его – и будущего курфюрста Пфальца – переход в католичество. Из-за испанской надменности английская миссия в Испанию закончилась помощью Фридриху, поскольку англичане после неудачной миссии нашли общие цели с врагом Габсбургов Францией. Династический брак между Карлом и сестрой французского короля Людовика XIII запечатлел новый англо-французский союз и обещал содействие Фридриху. Оно требовалось для возврата его владений в Пфальце.

Но снова, словно свалившись с неба, религия спутала политику. Новый французский министр, кардинал Ришелье, поспешил указать королю Франции на трудности, с которыми столкнется его католическая земля в международном католическом мире, если он станет помогать германским протестантам в Пфальце. После отправки начальной, скрытой финансовой помощи германским протестантам, – первого из многих крюков с приманкой, заброшенных кардиналом Ришелье в неспокойные германские воды, – французская армия была отправлена на учения в юго-восточную Швейцарию и Италию. То есть, как можно дальше от войны в Пфальце [11].

Датчане

К счастью для германских протестантов, датчане поняли, что поверженная и оккупированная северная Германия станет идеальным плацдармом для поражения и оккупации их империи. Это беспокойство также разделяли и шведы, которые в то время соперничали с датчанами за контроль над Балтийским морем и морскими портами Германии. Как герцог Гольштейнский, датский король Кристиан IV уже имел право на

часть территории Нижней Саксонии [12]. Англия и Нидерланды, две крупные державы, сочувствующие германским протестантам, считали, что датчане будут препятствовать дальнейшему расширению Империи в северном направлении.

Датчане два раза вторгались в Северную Германию, чтобы как раз препятствовать расширению Империи, но армии императора Фердинанда отразили их атаки. Притом в сражении под Луттером-на-Баренберге в земле Брауншвейг в 1626 году поражение стало унизительным для датчан. Оккупация Дании, ради предотвращения которой датчане пошли в Империю, казалась определенностью, и не только датчане дрожали от страха. После победы Тилли под Луттером, армия генералиссимуса Империи Альбрехта Валленштейна захватила Мекленбург и Померанию по пути в Гольштейн. Вслед за этими событиями потенциальные европейские союзники курфюрста Пфальца поняли, откуда дует ветер, и решили убраться с пути императора. Теперь французы присоединились к испанцам против англичан, в то время как шведы повернули на поляков.

Такое расширение Империи на головокружительной скорости угрожало не только Скандинавии, но также и европейскому равновесию сил. Великие державы не могли позволить Империи идти дальше этим курсом. Предприняв слабую попытку вернуться к status quo ante [status quo ante (лат.) – положение, существовавшее ранее. – Прим. перев.], Англия, Нидерланды и Швеция восстановили потерянные датские территории короля Кристиана в 1629 году [13]. Однако это не сыграло роли, поскольку датчане убрались из Империи на обозримое будущее. А гер-

манским протестантам пришлось искать союзников в другом месте.

Поведение Габсбургов после победы ускорило эти поиски. После битвы на Белой горе Габсбурги напугали всю Европу своей безжалостной рекатолизацией своих восточных земель. Они злоупотребляли властью и законами, и не остановились в Богемии. Фердинанд II распоряжался церковной собственностью, словно был Папой, и это угрожало установлением верховной власти правительства над церковью и тоталитарной властью. Это вызвало одинаковое беспокойство как в католических, так и в протестантских землях. Между 1625 и 1628 годами имперские баварская и австрийская армии наказали протестантскую Рейнланд блокадами и густо расквартированными солдатами. В протестантских Богемии и Пфальце конфисковали собственность, изгнали предводителей, а паству заставили, словно детей, сидеть у ног импортированных итальянских миссионеров [14].

Император максимально воспользовался возможностями, которые давали уход датчан и нерешительность и сомнения северных германских протестантов. Он повернул стрелки конфессиональных часов на семьдесят семь лет назад. В своем самом убедительном заявлении, Императорском эдикте о реституции 1629 года, он снова вспомнил дату окончания действия Пассауерского договора (1552 год) о передаче протестантами католических земель. Он постановил то, что католики требовали с 1608 года: вернуть под католическую юрисдикцию все земли и церковное имущество, захваченные протестантами после 1552 года. Это поставило в рискованное положение епископов Нижней Саксонии и Вестфалии, вместе с сотнями более

мелких протестантских объединений [15]. Несмотря на глубокие корни протестантизма в этих регионах, угроза такой полной конфессиональной перестановки была реальной и могла бы произойти, если бы не воинская мощь шведов-лютеран.

Для германского протестантского мира Эдикт о реституции появился в особенно сложное время. Поскольку никакого имперского парламента не собиралось после формирования в 1608 году Протестантской унии и Католической лиги, немцы не представляли свои печали высшему форуму Империи более двух десятилетий. Ситуация изменилась в июле 1630 года. Тогда князья-курфюрсты преуспели в навязывании своей воли императору в Регенсбурге, на одной из немногих встреч после 1608 года. Там немцы заставили себя выслушать и добились отставки в Богемии ненавистного Валленштейна. Но это было небольшое и недолгое утешение.

Рассматривая Валленштейна, как единственного из основных действующих лиц с силой и волей, достаточными для объединения Германии, некоторые историки посчитали его отход ужасающим для имперской стороны. Тем не менее, если бы император вводил свой Эдикт превосходящей военной силой, без каких-либо реальных политических компромиссов с германскими протестантами, то долго ли продлилось бы какое-либо объединение, которое могло получиться в результате [16]? В 1629 году возвращение к статус-кво 1552 года было смехотворным. Чтобы сработать на этом этапе, условия союза должны были допускать определенную степень религиозной свободы. Требуя отставки Валленштейна, протестантские курфюрсты точно определили истинное препятствие к миру.

Шведы

В 1630 году, после поражения датчан и рекатолизации Империи, шведы-лютеране отправились в побитый германский протестантский мир. Их уговорили французские католики и баварцы, никто из которых не хотел, чтобы католический император стал там всемогущим. Как и датчане, шведы вошли в Германию, думая о помощи коллегам-протестантам лишь во вторую очередь. Мобилизованные жестокой экспансией Габсбургов на берега Балтийского моря, опасаясь агрессии со стороны поляков, шведы хотели сделать Северную Германию надежным буфером между Скандинавией и имперской австрийской Германией. В этом они добились помощи двух северо-германских титанов, лютеранской Саксонии и кальвинистского Бранденбурга. Эти государства только теперь запоздало оценили опасность, в которой они оказались из-за императорских генералов. Но там также не хотели, чтобы шведский лютеранский король, Густав Адольф, бросил вызов их суверенитету [17].

Понимая озлобление немцев, Фердинанд помахал исправленным Эдиктом о реституции перед курфюрстами, которых ранее умаслил в Регенсбурге, обещая им новую встречу по этому вопросу до окончания года. Целью обещания было предотвращение любого поспешного действия с их стороны, в особенности создания франко-германского альянса. Однако северным немцам, наконец, надоело служить мышкой для императорской кошки. В марте 1631 года Протестантская уния в Лейпциге получила благословение теологов на сопротивление Эдикту силой оружия. Действуя таким образом, императору дали ясно понять, что протестантские князья 1630-х годов под-

чиняются высшей власти Империи не более слепо, чем делали это лютеранские князья, которые создали Шмалькальденский союз в 1530-ые годы. В результате Лейпцигский манифест в апреле 1631 года собрал протестантскую армию из сорока тысяч человек, которая дала клятву защищать закон Империи – который нарушал Эдикт императора – и германские протестантские свободы [18].

Таким образом, германские князья уведомили своих врагов: императора Фердинанда, который намеревался покорить их военной силой и заставить признать авторитет государственной церкви, и короля Густава Адольфа, который пытался не менее губительно восстановить германские поместья под новым иностранным правлением. Тем временем, французы, строя оппортунистические заговоры против всех сторон, надеялись увидеть восстановление католицизма в германских поместьях, достаточно сильных, чтобы отразить любое восстановление завоеванных протестантских государств. Но французам нужно было одновременно сбросить Габсбургов. Для этой цели они заключили пакт о ненападении с баварцами. При должной поддержке любая из этих новых конфессиональных лиг, лейпцигские протестанты или французско-баварские католики, могла бы решить вопросы раз и навсегда, если бы у шведов не было военного превосходства. И шведы нацелились восстановить мир в северной Германии на собственных условиях.

Шведская оккупация северной Германии обещала поставить еще одну анти-Габсбургскую силу на континентальную часть Европы – силу, которая, как считали французы, никогда не объединится с север-

но-германскими князьями против них. Как и в случае с баварцами, французы предложили шведам пять лет субсидий для проведения дополнительной иностранной политики в Германии. Однако, как случается в тумане войны, шведы и германцы (за исключением баварцев) оказались в объятиях друг друга после того, как армия императора под командованием генерала Тилли в мае 1631 года стерла с лица земли город Магдебург. На тот момент Магдебург был единственным преданным шведским союзником в Германии. Вырезание двадцати тысяч жителей стала одним из самых широко известных зверств войны и привела Саксонию и Бранденбург к неожиданному военному союзу со Швецией [19].

Через четыре месяца, в сентябре 1631 года, новый протестантский альянс, превосходящий противника количеством, тактикой и имеющий более сильную мотивацию, добился своей первой победы в войне в битве при Брейтенфельде. Там силы Католической лиги потеряли двух из каждых трех солдат. Эта была бойня, пропорциональная потерям протестантов в Магдебурге. К маю 1632 года Тилли был мертв, а армии Густава Адольфа в сопровождении курфюрста Пфальца Фридриха вместе вошли в Мюнхен [20]. Удачно проявив себя в Германии, Швеция не допустила доминирования Империи на Балтике и добилась изначальной цели своей континентальной миссии.

Последние сражения

Когда удача отвернулась от него из-за шведов, император не спал. К весне 1632 года он призвал непобедимого Валленштейна из отставки и снарядил его с новой армией. Оправдав выплаченное ему жалованье,

Валленштейн эффектно занял Саксонию к началу ноября. Однако, когда он преждевременно отправил своих солдат на зимние квартиры, шведы преподнесли ему неприятный сюрприз. После битвы при Лютцене в ноябре 1632 года Густав Адольф остался мертвым на поле брани, но потерпевший поражение Валленштейн бежал назад в Богемию. Тем не менее, в этой войне, которая никак не кончалась, противостоящие друг другу армии вскоре нашли новых рекрутов и возобновили военные действия. Валленштейн снова был на коне и командовал армией императора – уже в последний раз. Он стал настолько силен, что представлял угрозу для своего хозяина. Обнаружив доказательства заговора против власти в январе 1634 года, император месяц спустя приказал устроить покушение на своего величайшего генерала [21].

Между 1633 и 1634 гг. шведы окопались в Померании и Пруссии, направив внимание на католический Майнц, вокруг которого разворачивались западногерманские операции. Осажденный город лежал прямо на пути войск. Он потерял 25 процентов жилых домов, 40 процентов населения и 60 процентов богатства. Это были типичные разрушения для немецкого города на новой стадии войны [22]. Хотя курфюрст Бранденбурга поддерживал формальный союз со шведами с 1632 года, он подумывал о нечестивом союзе с императором, чтобы убрать шведов, – настолько сильным стало неприятие северными германцами шведской оккупации. Однако эта перспектива испарилась за одну ночь после того, как имперская армия Габсбургов уничтожила шведов и их саксонских союзников в Нердлингене в сентябре 1634 года, было убито двенадцать тысяч протестантов. К счастью для северных

немцев, понесшие потери и усталые шведы начали в ноябре отступать домой.

Шведы-лютеране ушли, и теперь только католические земли остались достаточно сильны, чтобы спасти северных немцев и протестантские цели от императора. После Нердлингена эти католики не могли быть под австрийскими Габсбургами. Северо-германские протестанты снова обратились к традиционному врагу Габсбургов – Франции. Это был отчаянный шаг назад, и как знали обе стороны, союзничество не могло долго продолжаться. К счастью, оно и не потребовалось, поскольку угроза этого нового союза привела императора за стол переговоров. К маю 1635 года курфюрсты Саксонии и Бранденбурга подписали Пражский мир с императором, три равновесные германские силы теперь согласились удерживать иностранных хищников вне германских земель. Окончательные условия мира запрещали князьям вступать в союзы с иностранцами, предлагалась совместно обеспечиваемая постоянная германская армия под командованием императора. Германским участникам договора (за исключением Богемии и Пфальца) приказывалось вернуться к статус-кво 1618 года. Эдикт о реституции отменялся, а дата легитимизации германского религиозного раздела передвигалась вперед на реалистичные семьдесят пять лет, с 1552 на 1627 год [23].

Хотя Пражский мир был назван победой прагматизма над религией, он фактически был триумфом и того, и другого. Обязан он был в равной мере и физическому изможднию, и инертности истории [24]. Начиная с тринадцатого века император и германские князья попеременно бились насмерть и свободно объединялись внутри слабо связанной Империи. В продолжаю-

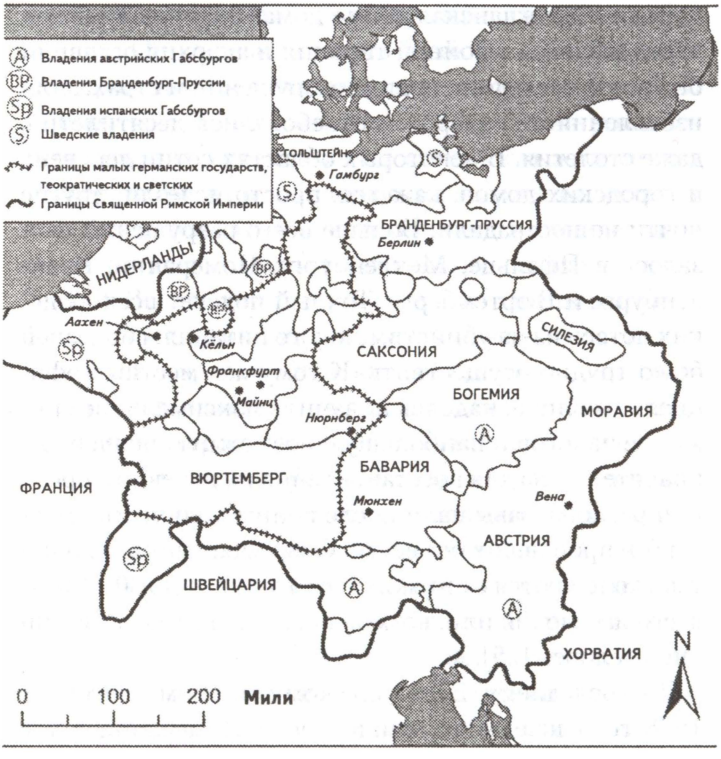
щемся кризисе семнадцатого столетия Пражский мир стал еще одним искаженным актом уравновешивания Германии.

Мир

Тридцатилетняя война началась из-за страха немцев перед своим императором – Фердинандом II. Она закончилась из-за отвращения немцев к иностранным союзникам – Швеции и Франции. Но сами же немцы и пригласили их на свои земли, чтобы противостоять Фердинанду. Пражский мир и смерть Фердинанда II в 1637 году убрали первый из страхов, а вот второй никогда окончательно не исчезал. Причина заключалась в том, что Швеция и Франция слишком много инвестировали в Германскую Империю и не могли позволить, чтобы она исчезла со сцены после заключения внутреннего германского мира. Для скандинавов императорско-протестантский Пражский мир возродил изначальную угрозу вторжения с юга и оккупации. Эта угроза и привела датскую и шведскую армии в Германию. Любой длительный послевоенный договор должен был компенсировать их жертвы и гарантировать будущую безопасность. И французы не собирались уходить без обеспечения плацдармов внутри и вокруг Германской Империи. Такие плацдармы позволили бы им легко вторгнуться заново в случае какой-либо будущей агрессии Империи или германских государств.

В 1641 году города Мюнстер и Оснабрюк стали двойным местом переговоров немцев с Францией и Швецией соответственно. На протяжении шести лет дипломаты, представлявшие три стороны, оговаривали окончательные условия мира. Однако мирные

Германия в конце Тридцатилетней войны, 1648 год



переговоры не сопровождались прекращением враждебных действий в Северной Германии. Тем не менее, даже самые упертые вояки теперь должны были взвешивать политическую и экономическую стоимость продолжения конфликта: для императора Габсбурга – это невосстановимая Империя, для французского короля – гражданская война дома. Внутри Германии чередующиеся с войной тирания и анархия оставили огромное наследство в виде разрушений и страха, для избавления от которого потребовались десятилетия, даже столетия. В некоторых областях сотни деревень и городских домов, кажется, просто исчезли, другие почти не пострадали. Больше всего разрушений оказалось в Пфальце, Мекленбурге, Померании, Бранденбурге и Вюртемберге. Точный подсчет всех людских потерь из-за убийств, плохого питания и болезней было трудно осуществить. К тому же, местные официальные лица, надеясь получить максимальное снижение налогов и наибольшую возможную поддержку правительства для восстановления их деревни, города или региона, завышали после войны количество мертвых и пропавших без вести. Современные оценки потерь колеблются от низких – от 15-20% – до 30-40% от всего населения или, возможно, восемнадцать миллионов человек [25].

По последнему, Вестфальскому мирному договору 1648 года шведы получили части Померании с так сильно желаемыми ими портами Балтийского моря, две епархии и пять тысяч талеров. Таким образом, их изначальные запросы значительно снизили – они хотели всю Померанию, часть Мекленбурга и тридцать тысяч талеров. Французы получили стратегические плацдармы внутри и вокруг Империи: три соседних

епархии, два плацдарма на Рейне и, что важнее всего, Эльзас и Лотарингию [26]. Все эти участки оказались аренами боевых действий в дальнейших франко-германских конфликтах, а для немцев их потеря еще и стала поводом для начала этих конфликтов.

Внутри Империи Вестфальский мир признавал германских князей, как суверенных правителей на своих землях. Они могли вступать в союзы с иностранными державами, если только такие союзы не угрожают императору. В свою очередь, историческая роль императора, как правителя над всеми, кто жил внутри Империи, была просто заново подтверждена, вместе с властью учреждать и давать привилегии университетам и титулы – лицам благородного происхождения [27]. В Вестфалии решились животрепещущие вопросы религиозной свободы меньшинства и восстановления секуляризованных католических земель. Была отодвинута назад, на три года, дата, установленная Пражским миром для перехода в протестантизм – на 1 января 1624 года. Там, где религиозное меньшинство существовало и отправляло обряды до этой даты, оно и продолжало законно существовать, а земля и собственность католической церкви на эту дату или после нее оставались под католической юрисдикцией. Наконец, Вестфальский мир сделал кальвинизм третьей законной религией внутри Империи, хотя оставил запрет на анабаптизм и прочие подобные секты.

Договор расширил приемлемость конфессиональных различий и уменьшил влияние конфессий на политику. В конце семнадцатого века курфюрст лютеранской Саксонии мог перейти в католицизм и все равно возглавлять официальную государственную делегацию в парламенте Империи [28].

После 1648 года тени иностранных крыльев нависали над немцами гораздо тяжелее, чем когда-либо раньше, они оказались над ними согласно международному договору, исполнение которого гарантировалось армиями Франции и Швеции. Германские князья вышли из войны более могучими и более политически разделенными, в то время как статус императора снизился до, грубо говоря, статуса великого германского князя. С тех пор законодательные битвы будут предшествовать битвам вооруженным, поскольку после Тридцатилетней войны Германия стала в большей мере страной международного права и иностранных интересов [29]. В итоге немцы снова оказались в клетке и у них имелись основания негодовать и нервничать. Их будущая свобода от иностранной интервенции зависела прежде всего от внутренней дисциплины. Германия будет в безопасности от великих держав Европы в той мере, в какой ее дом останется в порядке. Иными словами, если она не станет провоцировать конфликты, но будет способна отразить провокацию.

Глава 5

Вражеская мина

АБСОЛЮТИЗМ И ПОДЪЕМ ПРУССИИ

Перекресток международной торговли со времени Средних веков, поле брани для могущественных европейских держав в семнадцатом столетии, – Германия стала землей абсолютных монархий в восемнадцатом. Это случилось оттого, что суверенные германские государства, получившие новые права и возможности по условиям Вестфальского мира, еще дальше отошли от своего исторически объединяющего центра интересов – Габсбургов. Историки называют это развитие Kleinstaaterei, или «малая государственность», но в германской истории последствия усиления государственной власти и соперничества всегда оказывались значительными. Австрия, Бавария, Бранденбург-Пруссия, Саксония и Вюртемберг стали внутренне централизованными силами со своими собственными профессиональными армиями, государственной бюрократией, иностранными союзниками, международными дворами, дворцами в стиле барокко и претензиями жить – и даже говорить – по-французски [1].

Расширение Бранденбург-Пруссии, 1648-1786 гг.

После председательствования над меняющейся иерархией германских князей и городов на протяжении трех столетий, император с 1648 года стал вести переговоры с послами фактически равных государств (а в случае с Пруссией – и превосходящего государства). Вестфальский мир только напоминал государствам об их исторических отношениях с императором. Но каждому оставалась обговаривать частные моменты в большей или меньшей степени по желанию и как вздумается, – если вообще обговаривать. Более мощные государства обращались с императором так, словно он представлял еще одну иностранную державу [2].

На этом фоне правовед Самуэль Пуфендорф, придумавший название «Тридцатилетняя война», описал политическую структуру Империи в 1667 году, как политическое и конституционное «уродство»: одна часть – монархическая – император, Империя; другая – конфедеративная – князья, государства. Тем не менее, после 1648 года Германия была так конституционно организована, чтобы княжеское правление на местах усилилось [3]. Подчеркивая дурные намерения европейских держав, которые создали эту ситуацию, императорский советник сожалел о том, что Вестфальский мир сделал немцев «трофеями для [их] соседей, предметом их насмешек, [народом] разделенным... и ослабленным... разделением, [теперь] достаточно сильным, чтобы принести вред самим себе, [тем не менее] бессильным, чтобы спасти самих себя» [4].

Война и мир ослабили традиционные ограничения, хотя многие из них остались. В ряде государств и городов все еще существовали политические проверки и средства поддержания равновесия сил, и юристы никогда не были так загружены работой. Например, при-

вилегированные сословия – аристократия, духовенство – и простолюдины герцогства Вюртембергского имели действующий парламент до девятнадцатого столетия [5]. Тем не менее, раздел усилил уязвимость старой Германской Империи. В конце семнадцатого века торговые баржи, идущие по Рейну в Северное море, платили пошлины на границах княжеств в среднем каждые шесть миль [6]. И как продемонстрировали французы, захватив большую часть Эльзаса и Пфальц в 1680-ые и 1690-ые годы, вторжение в Германию после 1648 года не представляло особого риска и труда.

Вместо возвращения назад и восстановления утраченных имперских земель и единства, правители из австрийских Габсбургов дошли до того, что новые иностранные и внутренние силы расшатали фундамент страны до основания. Во второй половине столетия Леопольд I вел дорого обошедшиеся войны с Францией и наблюдал, как турки из Оттоманской Империи приводят в панику Австрию, включая его резиденцию, Вену. Оттуда он сам бежал вместе с семьей в июле 1683 года [7]. Во время правления императора Карла VI в начале восемнадцатого столетия, Габсбургам пришлось обеспечивать безопасность своих нетронутых земель и права на утраченные германские владения, переписывая закон о наследовании императорского трона. Потеряв всех своих сыновей в младенчестве, Карл позволил своей старшей дочери Марии-Терезии стать преемницей, императрицей с 1740 года. Сделано это было при помощи противоречивого документа, очень подходяще названного «Прагматичная санкция» [8]. На протяжении тех же лет австрийцы наблюдали, не имея возможности изменить или

контролировать ситуацию, как на севере создается армия Пруссии, – государства, которое вскоре станет их возмездием и новым правителем Германской Империи.

Утратив если и не влияние на изменяющуюся Германскую Империю, то, по крайней мере, способность управлять ею, если, Австрия построила собственную Империю. В ней Венгрия и Богемия стали другими крупными землями. Сделано это было за счет турков. К середине века несколько десятилетий даже титулярной верховной власти над Германской Империей оказались сочтены. Сдерживая в узде свои братоубийственные импульсы почти три столетия, теперь Габсбурги станут их жертвой. На протяжении восемнадцатого столетия объединение Германии перестало быть задачей императора из Габсбургов и сделалось целью самого сильного германского князя. В восемнадцатом веке и очень долго после него такой князь будет пруссаком.

Бранденбург-Пруссия

В 1700 году расползающаяся во все стороны католическая Австрия Габсбургов, численностью в десять миллионов человек, все еще оставалась центром Священной Римской Империи Германской Нации. В сравнении с ней Пруссия была землей, где жили только три миллиона, а десять европейских государств владели большим количеством земель. Тем не менее, к восемнадцатому веку протестантская Пруссия Гогенцоллернов имела третью по силе армию в Европе, и она нацелилась на Австрию. Перед тем, как две державы столкнулись, «северная Спарта» присоединила и объединила своих непосредственных соседей.

Прусское государство формировалось постепенно, более столетия, звено за звеном. Его географическая разноликость соответствовала социополитическому и культурному разнообразию составлявших его земель. Вестфальский договор начал процесс, добавив Восточную Померанию, Магдебург, Минден и Рейнланд к двум крупным территориальным якорям страны: дальней восточной границе Восточной Пруссии, установленной тевтонскими рыцарями, и крупному центральному курфюршеству Бранденбург.

Ключ к успеху Пруссии лежал в династии королей, которые жили долго и обладали редкой способностью как завоевывать, так и строить. Фридрих Вильгельм, известный как «Великий курфюрст», заложил основу экономического и военного фундамента, с успехом заставив аристократию подчиниться своему правлению [9]. Его сын и преемник Фридрих I стал достаточно сильным, чтобы объявить себя «королем Пруссии» в 1701 году и появиться на европейской арене. Пруссия больше не являлась подчиненным государством балтийских держав и теперь стала королевством Гогенцоллернов, со своим собственным наследуемым троном, который будет оставаться таким следующие два столетия. Фридрих также начал экспансию Пруссии, бросив вызов Австрии. Таким образом, началось соперничество, которое сдвинет императорскую власть Германии от Габсбургов к Гогенцоллернам и в 1806 году растворит базирующуюся в Австрии Священную Римскую Империю, оставив Австрию только с одним титулом.

Фридрих был большим покровителем искусств и образования и превратил свой дворец в Берлине в выставку барокко. В восемнадцатом веке он основал пер-

вый германский университет, в Галле, в Саксонии. Его сын и преемник Фридрих Вильгельм I подтвердил кальвинистское наследие династии, сменив богатый и пышный двор отца на сдержанность и почитание прусских добродетелей – дисциплины и покорности. Сии добродетели также были столпами, на которых держалась армия, а ее ряды Фридрих Вильгельм удвоил, считая военную службу главным долгом самопожертвования гражданина. Хотя эта великая армия добавила Западную Померанию к прусским землям в 1720 году, она проводила гораздо больше времени, вышагивая на парадах, чем маршируя по землям иностранных врагов.

Положение изменилось при правлении сына Фридриха Вильгельма, Фридриха II «Великого», который был у власти с 1740 по 1786 год. Он унаследовал непропорционально большую армию из восьмидесяти тысяч человек, которой отдавалось восемьдесят процентов государственного дохода в год его восхождения на престол. Новый король более чем удвоил численность войск и задействовал одну шестую часть населения Пруссии на службе, каким-то образом связанной с армией [10]. В дополнение к этому он успешно занимался двумя другими крупнейшими инициативами своего отца – открытием гражданской службы для средних классов и кодификацией прусского права [11].

Пиетизм и политика

В 1711 году кальвинист Фридрих Вильгельм I перешел к пиетизму, внутреннему реформаторскому движению, и, как считали критики, оно было направлено против установившихся существующих протестант-

ских конфессий. Центр пиетизма находился в Галле. Движение появилось после Тридцатилетней войны и обещало достигнуть того, чего, как считали последователи этого течения, никогда не смогут добиться государственная власть и ортодоксальный протестантизм, лютеранство и кальвинизм. Пиетисты собирались перестроить Германию духовно, нравственно и социально. В обществе жесткого классового разделения, шаблонных религий и жесткого правления обещания пиетизма завладели воображением многих.

Просвещенные и открытые для светского мира пиетисты направляли религию непосредственно на службу обществу и государству. Санкционировав движение, Фридрих Вильгельм открыл двери правительства, армии, больниц и школ для выпускников Галле, которые в непропорциональных количествах становились администраторами, капелланами и учителями. Эта интеграция сверху вниз новой религии и старой политики принесла результаты и оказалась плодотворной для обеих сторон, усилив сотрудничество церкви и государства и мягко проталкивая религиозную и социальную реформы вперед [12]. В дополнение к университету, образовательная система Галле включала школы для девочек, сирот и бедных, латинскую школу-интернат для мальчиков из высшего класса и знаменитую семинарию.

Трое ведущих лютеранских светил указывали путь – Иоганн Арндт, автор мистически окрашенной религиозной книги «Истинное христианство», Филипп Якоб Шпенер, автор другого классического труда пиетистов «Pia Desideria», и Август Герман Франке, успешный бизнесмен и профессор восточных языков и теологии, который сменил Шпенера в роли лидера

движения. Короли из династии Гогенцоллернов видели в пиетизме отличную подготовку для своих граждан и подданных и поддерживали распространение образовательной философии по Пруссии. Пиетизм не только удовлетворял прочувствованные религиозные стремления и внушал и прививал моральные принципы, но также давал студентам и практическое образование. Он требовал учить право и риторику, овладевать как современными, так и древними языками и знакомиться с ремеслами реального мира. Последнее было прагматически-техническим дополнением к традиционным академическим знаниям [13]. Столь различными путями пиетизм бросал вызов ортодоксальности, расширил и углубил усилия Реформации по воспитанию гражданского общества, основанного на инициативе мирян и принципиальном сотрудничестве церкви и государства.

Хотя щедрыми патронами пиетизма являлись короли из династии Гогенцоллернов, движение не стало популярным среди старого духовенства, которое сомневалось в его ортодоксальности и опасалось его влияния на либеральное духовенство. Этот страх проявлялся в эпитетах, которыми критики наделяли Шпенера: «квакер», «розенкрейцер», «хилиаст» (член секты, ожидающий наступления тысячелетнего царства Христа) и «фанатик» [14]. Союз со светской властью затянул пиетистов глубже в политику. Там им пришлось полагаться на моральные ограничения и сдерживающие начала, привязанные к кабинету князя Реформацией и Контрреформацией для обеспечения должного разделения церкви и государства. Эти ограничения изображали князя, как христианского управляющего мирянами, которому доверяет

общественность. Его гражданско-политические цели может разделить церковь и помогать без угрозы для ее духовной миссии. Каждая сторона могла многое получить от этого сотрудничества, но также и многое потерять, если партнер вышел за рамки [15].

Влияние Гогенцоллернов на духовенство из пиетистов и церкви иногда вынуждало к компромиссу с миром. Говорят, Франке вел двойную компромиссную политику (а значит, лицемерную), балансируя между церковью и государством, один день водя дружбу с самодержавными королями, а на следующий пытаясь помочь сиротам на улице [16]. Критики также считали, что перфекционизм в пиетизме делает его уязвимым для объединения с Просвещением. «Мы обязаны достичь некоторой степени идеальности», – любил писать Шпенер, под этим он имел в виду осознанный моральный долг в осуществлении нравственных действий, которым руководит Святой Дух. Здесь он предвосхитил светскую идею категорического императива в сознании Иммануила Канта, требуя универсально применимого ответа на моральный вызов [17]. Однако в двойственности Франке можно различить скорее диалектического, чем «злого» немца. Иными словами, он был немцем, верившим, как учила церковь, что человек должен жить в одно и то же время в параллельных религиозной и светской вселенных.

Просвещенный король

После 1740 года рискованные военные операции и гражданские реформы Фридриха Великого завершили трансформацию Пруссии в главное германское государство и одну из великих держав Европы. Годы формирования не позволяли предположить такой

триумфальный результат и, если бы не скрытая рука истории, то он вполне мог бы быть сегодня известен, как Фридрих Малый. Он вырос в королевской семье, раздираемой конфликтами, страсти и ссоры угрожали испортить его жизнь и даже погубить. Его мать и бабушка были принцессами Ганноверскими, их братья стали английскими королями. Эта родословная давала веские основания для получения влияния дома и за границей. Жизнерадостная и полная сил мать Фридриха некомфортно себя чувствовала в суровом, угрюмом мужском мире мужа и не давала прусским добродетелям задушить ее детей. Она хотела брака с представителями королевской семьи Англии для своих старшей дочери и старшего сына – с принцем Уэльским для Вильгельмины и со старшей дочерью короля – для Фридриха. В отличие от нее, их отец намеревался сохранить династию чисто немецкой и остаться в хороших отношениях с Габсбургами, которые тогда переоценивали свой союз с Великобританией [18].

В борьбе родителей за сердца и сознание детей, Фридрих Вильгельм оказался своим собственным худшим врагом. Он оказался способен настроить против себя и сделать врагом сына даже без вмешательства потворствующей и попустительствующей матери. Отец беспокоился, что потворство, потакание королевы в воспитании ребенка лишают мальчика мужества, «феминизирует» его отпрыска и наследника и, таким образом, ставит под угрозу Прусское королевство. А соседи Пруссии, как король говорил мальчику, когда ему исполнилось двенадцать лет, «хотят только уничтожить нас». Но, наблюдая за геополитическими маневрами Англии и Франции, Фридрих Вильгельм, как отец и король, выражал самый древний из герман-

ских страхов: «Я положу пистолеты в колыбели своих детей, чтобы они могли помочь не пустить иностранцев в Германию!» [19] Он рано направил Фридриха на обучение искусству войны, передав его в руки солдат-гугенотов. Фридриха учили его на протяжении детства и отрочества возраста математике, экономике, фортификации, прусскому праву и современной истории. По настоянию матери ему передали в личное пользование библиотеку из нескольких тысяч книг, и это дало ему возможность Фридриху еще подростком прочесть ведущих французских, английских и немецких писателей [20].

Хотя Фридрих Вильгельм и беспокоился о влиянии королевы на сына, угроза перетягивания его на свою сторону врагами королевства, имеющимися при дворе, волновала короля больше. А еще больше отношения осложняло сопротивление молодого Фридриха планам отца женить его на принцессе Брауншвейг-Бевернской, Елизавете-Кристиане. Фридрих хотел, чтобы его женой стала его английская кузина (если вообще думал о свадьбе) и, пытаясь добиться этой цели, он три раза пытался сбежать в Англию в годы, когда стал совершеннолетним и уже способным получить корону [21].

Еще одним фактором, отдаляющим отца и сына друг от друга, был, очевидно, развивающийся гомосексуализм или бисексуальность Фридриха. Над этим вопросом спорят историки, многие из которых признают только «в целом сдержанную» натуру, в особенности в отношении к женщине, которая стала его женой [22]. Тем не менее, существуют доказательства и известные последствия, позволяющие не отмахиваться от этого вопроса, как от обыкновенных злобных французских

сплетен. Сексуально привлекательным для мужчин могло быть то, что отец имел в виду, говоря о «феминизации» мальчика. Возможно, это желание проснулось в процессе тесного общения с учителями по военному делу, мужчинами, по крайней мере, один из которых был известным гомосексуалистом [23].

Ключевым доказательством является тесная дружба Фридриха в 1729-30 годы с полицейским, который был на восемь лет его старше, Гансом Германом фон Катте. Он, по слухам, имел отношения с Фридрихом «как любовник с любовницей» [24]. Фон Катте сопровождал будущего короля во время третьей провалившейся попытки присоединиться к родственникам королевской крови в Англии. После того, как их вместе арестовали, и было обнаружено, что их побег планировался британским послом, король поприветствовал сына палкой, ударив его по носу. Тогда Фридрих являлся подполковником прусской армии, и его можно было судить за дезертирство и государственную измену. Возможность его казни заставила принцев Европы сплотиться в защиту Фридриха. В буйном восемнадцатом веке казнь королей, в особенности будущего короля его отцом и предшественником, не служила интересам особ королевской крови любой страны.

Хотя отец, в конце концов, простил Фридриха, его поместили под арест, в Кюстринскую крепость на Одере, почти на два с половиной года – с 1730 по 1732-й. Его единственными товарищами были Библия и экземпляр книги Иоганна Арндта «Истинное христианство». В Кюстрине он в наказание жил по строгому режиму, целью которого было превратить его в истинного Гогенцоллерна королевской крови. Поскольку мать и сестра знали о побеге и помогали Фридриху (в

дальнейшем король также почтил поркой и Вильгельмину), им на год запретили вступать с Фридрихом в прямой контакт. Однако он мог получать их письма, если те были на немецком, а не на одном из «предательских» иностранных языков. Самый жестокий удар во время заключения был нанесен вначале, когда отец Фридриха приказал казнить фон Катте во дворе тюрьмы и заставил юношу наблюдать за всей казнью из окна камеры [25].

К концу заключения Фридрих был готов принять волю отца, по крайней мере, внешне. В феврале 1732 года, несмотря на заявления о том, что не испытывает чувств к противоположному полу, он женился на принцессе Брауншвейг-Бевернской. Это, как сообщается, был союз без половых отношений и, конечно, без потомства [26]. К середине 1730-х годов королевская чета жила в Рейнсберге, специально подготовленном замке во французском стиле в сорока милях к северо-западу от Берлина. До этого Фридрих впервые поучаствовал в битве, сражаясь с австро-русскими армиями против французов в войне за польское наследство (с 1733 по 1735 гг.), и получил ценное представление о военной тактике будущих врагов Пруссии [27].

Жизнь Фридриха проходила между книгами и войной, книги и споры соревновались со стратегическим планированием и битвами за его внимание. Как только Фридрих стал королем, он создал Академию наук и искусств в Берлине. Ею руководил французский математик Пьер Луи Моро де Мопертуи. Академия наняла самых талантливых в Европе людей, чтобы сформировать ученый кружок вокруг короля [28].

Фридрих правил как из обновленного Шарлоттенбургского дворца под Берлином, так и из специально

построенного уединенного дворца в Потсдаме под названием Сан-Суси – места сборов для интеллектуалов, которые ему нравились больше всего и в основном были французами. Во второй половине столетия Сан-Суси посещал самый знаменитый философ эпохи Вольтер, а также Жан-ле-Ронд д'Аламбер, соиздатель семнадцатитомной французской «Энциклопедии», сложного справочника по философии, политике и религии просвещенной Франции.

Как во время работы, так и отдыха, король и его соратники разговаривали по-французски. Последние годы его правления сопровождались ранним германским Просвещением и появлением пангерманской литературы – Гете, Шиллер, Лессинг, а также музыки – Бах, Гендель, Гайдн, Моцарт, Бетховен. Но Фридрих презрительно высказывался о родном немецком, как «варварском языке», литературное время которого еще не пришло [29]. В 1780 году он вызвал немалое возмущение, публично раскритиковав немецкий язык. Даже для периода очарования всем французским Фридрих по-настоящему удивлял – германский король, которого все его современники считали величайшим, гораздо легче читал по-французски, чем по-немецки, и приказал перевести интересные немецкие книги, которые хотел прочесть, на французский. Это была забавно, в особенности после того, как Фридрих выразил мнение, что только 1,25 процента французов обладают какой-то силой интеллекта [30].

Собственное литературное наследие Фридриха включало поэзию, трактаты на политические, военные и философские темы, а также обширную переписку с ведущими интеллектуалами эпохи. Он принимал устанавливающие моду и тенденции свободное

масонство и пиетизм, универсальность и идеальность которых отражали его собственные возвышенные амбиции. В первой философской работе, отрицающей политику Макиавелли, «L'Antimachiavel» («Анти-Макиавелли»), он хвалил королей, которые служили и жертвовали ради своих подданных, в укор тем, кто обманывал их и манипулировал ими [31]. Такой юношеский идеализм не пережил Силезских войн, на полях которых Фридрих обнаружил, что даже хорошие князья временами должны следовать советам Макиавелли. Однако отображение им князей подтвердило переход в восемнадцатый век высоких германских политических идеалов, возникших столетия назад [32].

Король-философ

То, что такой ревностный, имеющий твердые убеждения и идеалистичный король мог водить дружбу со столь сомнительной, вызывающей подозрения и циничной личностью, как Вольтер, было оправдано, если и не макиавеллично. Через диссонанс и столкновения две страсти короля – жизнь ума и смерть его врагов – прекрасно подходили и человеку, и его времени. Вольтер служил его целям, экспортируя его репутацию, как короля-философа, по всей Европе. В то же время Фридрих, в свою очередь, предлагал себя Вольтеру, как правитель, готовый позволить французам его просвещать.

Даже до того, как Фридрих стал королем, в двадцать четыре года он написал Вольтеру в надежде пригласить его в Берлин в качестве своего учителя. Периодически на протяжении сорока двух лет Вольтер эксплуатировал очарованность короля, готовый насмехаться, оскорблять, обманывать и шпионить за

молодым человеком, – как и делиться с ним знаниями и злобными сплетнями. Хотя в описании Самуэля Джонсона, Фридрих был «пажом и посыльным у Вольтера», король также знал, как давать сдачи [33].

Они впервые встретились в Клевесе в 1740 году. После этого между ними установились тесные интеллектуальные и личные отношения. Когда Вольтер впервые приехал в Берлин в 1743 году, они с Фридрихом на пару поехали в Байрейт во Франконии. Это были годы, в которые армии Фридриха завоевывали Силезию, что подвигло Вольтера спросить о правильности и пристойности ведения агрессивной, захватнической войны королем-философом. В Берлине Вольтер нашел меньше оснований для раздражения и меньше докучал, но вел себя среди королевской семьи неподобающе, явно успешно ухаживая за сестрой Фридриха Ульрикой под носом у ее брата. Этот визит послужил началом неприятного обмена оскорблениями и насмешками, Вольтер открыто намекал на гомосексуальность короля, в то время как Фридрих более продуманно и осторожно оплакивал неверность Вольтера в своих стихотворениях [34].

Отношения еще больше ухудшились во время посещений Вольтером Берлина и Потсдама в начале 1750-х годов. Ни один человек не оспаривал главенство французского языка и культуры над немецкими, а Фридрих был также готов сдаться и итальянцам. Тем не менее, в то время как король мог скромно признать немецкую отсталость, для Вольтера, от чьего великодушия также зависела дружба, было непростительно злорадствовать по поводу национального культурного раздела. Проза Фридриха могла быть не такой хорошей, как его поэзия, но когда Вольтер обратил свое

внимание на то и другое, то счел все творчество оставляющим желать лучшего – и насмешки над королевской поэзией были только началом. Хотя Вольтер с удовольствием приезжал в Сан-Суси, он продолжал представлять кружок интеллектуалов Фридриха любящими поспелетничать литераторами, как «семь греческих мудрецов в борделе» [35].

Находясь в Сан-Суси, Вольтер также смутил Фридриха, будучи пойманным на незаконных валютных операциях. Вольтеру содействовал посредник-еврей. Это положило конец терпению короля, и он запретил знаменитому гостю посещать Берлин в начале 1751 года. Тогда униженный и разозленный Вольтер представил самое любимое место уединения Фридриха, как цирк гомосексуалистов, и заставил когда-то заискивающего и льстивого короля осознать, – возможно, в первый раз, – истинный размер рогов и копыт великого француза. Уже в 1749 году, завлекая Вольтера в Берлин, Фридрих характеризовал его, как неописуемого труса и вызывающего восхищение гения [36].

Уезжая из Сан-Суси, Вольтер забрал с собой дорогие подарки короля и сборник его стихов, причем последние при условии, что они не будут вывезены из страны. Фридрих беспокоился, что его стихи могут попасть не в те руки – очевидно, его отец успешно вбил ему в голову трудности и опасности, если его станут воспринимать не по-королевски женоподобным. В двух ответных действиях (одно – частное, другое мог видеть весь мир) Фридрих дал ясно понять, как он несчастлив. Он заново оформил комнату Вольтера в Сан-Суси, украсив изображениями животных, которые символизировали моральные недостатки людей (обезьяны, павлины, змеи и жабы), и, сомневаясь

в возврате собственных стихотворений, отдал приказ об аресте Вольтера во время побега. Последнее случилось во Франкфурте в мае 1753 года, где испуганного и обозленного Вольтера поместили под домашний арест [37]. Таким образом, король-философ напомнил королю философов, кто является королем Пруссии. Это был урок, за который Вольтер снова заставил его заплатить в салонах сплетников в Париже и Лондоне.

Силезские войны

В 1740 году Фридрих и Мария-Терезия, он – двадцати восьми лет и, бесспорно, король, она – наиболее обсуждаемая будущая императрица двадцати трех лет, – взошли на соответственно прусский и австро-габсбургский троны. Вскоре после этого армия Фридриха вторглась в Силезию, в то время являвшуюся частью Австрийской Империи, бросая вызов «прагматично санкционированному» наследованию трона императрицей [38]. Так началась первая из трех очень кровавых и потрясших современников австро-прусских войн за эту по большей части германо-протестантскую землю. В то время как большая часть сражений проходила в Силезии, кровь также лилась и в Саксонии, Мекленбурге, Польше, Богемии и Моравии, сделав Силезские войны событием европейского масштаба.

Изначальные захваты происходили в стиле германской «быстрой войны». Прусские силы концентрировались на нанесении удара по сегменту вражеской линии – это была тактика рассеивания, которая восходила к еще германским племенам [39]. Фридрих применил ее против австрийцев в Моллвице в 1741 году, в первом своем крупном сражении. Оно осталось в истории скорее не из-за воинских талантов короля,

а потому, что с него началось соперничество двух великих германских государств. Закончится оно только 125 лет спустя в Кениггреце (теперь Градец-Кралове, Чешская республика). По ошибке новичок Фридрих неправильно развернул свои войска и утратил инициативу, что и предполагал генерал-майор Курт фон Шверин, который спас день и стал героем битвы. Солдаты короля развешивали прокламации о религиозной свободе на двери церквей, а монарх, покровитель кальвинизма, который ожидал пострелигиозного века, обещал равную защиту силезским католикам и протестантам.

У Котусице в 1742 году Фридрих, сражаясь при содействии французских, баварских и саксонских союзников, снова утратил инициативу на поле брани. Тем не менее, он все равно во второй раз нанес поражение австрийцам, что дало ему фактический контроль над Силезией. После победы Фридрих взял титул «король Пруссии», сменив более низкий титул своего отца – «король в Пруссии». Одержав победы под Гогенфридбергом и Соором, во время более короткой второй Силезской войны, король вернулся домой под крики «Фридрих Великий». После пяти лет то начинающихся, то прекращающихся сражений земли Пруссии увеличились вполовину, а доходы – на треть [40]. В стане величайших государств Европы появился новый участник.

Годы войны истощили казну Пруссии, которую Фридрих пополнял, разграбляя только что присоединенные земли и поднимая налоги в старых. То, как все это повлияло на короля, стало ясно в новом введении к его более раннему трактату о Макиавелли. Теперь Фридрих считал, что нет большей жертвы, которую

правитель может попросить от своего народа, чем поражение врагов от его рук. Таким образом, он признавал высокую цену, – как с военной, так и гражданской точки зрения, – заплаченную за победу в Силезии. К 1745 году закаленный король вместе с Макиавелли считал, что успешный правитель в первую очередь должен побеждать.

Правители восемнадцатого столетия практиковали Realpolotik [Realpolotik (нем.) – практичная, выполнимая, реальная политика. – Прим. перев.] без сентиментальности. Тем не менее, трудно найти германского князя или короля до двадцатого века, который бы считал свое правление полностью своевольным, циничным делом, осуществляемым в собственное удовольствие. Фридриха серьезно отрезвила война, но видение им доброго и справедливого общества оставалось таким же ярким в 1746 году, как было в 1739-м, и побудило его написать:

«Князь – это первый слуга... государства, [долг которого –] награждать за службу и заслуги, устанавливать некоторый... баланс между богатыми и бедными, облегчать жизнь несчастных в любой сфере жизни [и] развивать величие в каждой конечности тела государства» [41].

Однако королевский идеализм, здравый смысл и душевное равновесие подверглись главным проверкам во время третьей и последней Силезской войны, так называемой Семилетней войны 1756-63 годов. Одно за другим следовали шестнадцать крупных сражений, происходили сокрушительные поражения, пирровы победы, несколько чудесных спасений и триумфов. В

половине этих сражений победила Пруссия, и практически в каждом – с большими человеческими потерями. На этом последнем этапе завоеваний Пруссия, с поддержкой Великобритании, выступала против кажущейся превосходящей коалиции Австрии, Франции и России, намеренной вернуть Силезию в Империю Габсбургов и направить прусскую экспансию в какую-нибудь другую сторону. Обнаружив, что его государство уязвимо в случае серьезной атаки с трех сторон света, Фридрих, возможно перефразируя слова своего отца, которые тот вдолбил ему в молодости, выразил опасение из-за «окружения... разбойниками» [42]. На протяжении новой войны русские два раза оккупировали Берлин, а вместе со шведами – также Померанию и Ноймарк, в то время как французы взяли Минден и Клевес, а австрийцы заново заняли Силезию.

Вспоминая действия во время первой Силезской войны, Фридрих стратегически отражал удары коалиции, собравшейся против него, сделав Саксонию буфером и плацдармом. В течение года битва у Колина в 1757 года стала для Пруссии первым, а если считать и процент потерь, самым серьезным поражением во всех Силезских войнах: потери составили 9428 солдата, 281 офицера, двадцать два полковых знамени и сорок пять пушек [43]. В тот же год прусские армии, хотя в меньшинстве – два к одному у Росбаха и шесть к четырем у Лейтена – одержали победы. Современники считали победу у Росбаха величайшей победой Пруссии всех времен, но ни один австриец не избежал смерти или плена у Лейтена. В результате пирровой победы у Цорндорфа восемнадцать тысяч русских и тринадцать тысяч прусских солдат остались лежать

мертвыми на поле брани. Затем быстро последовали три сокрушительных поражения между 1758 и 1759 годами: у Хохкирха, где погибла треть армии Фридриха; у Кюнерсдорфа. В последнем случае с поля боя (согласно оценкам) ушло живыми только 3000 человек из начальных 48000; и у Максима, где человеческие потери стоят на втором месте после Колина. Это самая низшая на сегодняшний день точка в военной истории Германии, в дальнейшем о ней вспомнит Адольф Гитлер, когда перед Третьим рейхом встанет угроза полного разгрома в 1945 году. Размахивая перед остатками своего штаба газетными вырезками, в которых рассказывалось о кончине Франклина Рузвельта, фюрер объявил смерть американского Президента предзнаменованием повторения «чуда дома Бранденбурга» в 1763 году – года смены союзов, что привело Фридриха к полной победе [44].

В дополнение к десяткам тысяч смертей солдат, во время Силезских войн погибло полмиллиона гражданских лиц – одна десятая довоенного населения Пруссии. К концу войны в 1763 году четверть населения была в отчаянии и питалась отбросами. Ущерб оказался столь шокирующим, что Фридрих приказал заключить в тюрьму бюрократа, который возглавлял группу, производившую оценку урона [45].

Современное государство

Если заглянуть вперед, то пролитая кровь и потеря богатств не прошли зря. Пруссия сделалась и осталась из крупнейших европейских держав. Как и в начале своего правления, ответом Фридриха на вызов всегда было строительство и перестраивание, чем его правительство и занялось в течение месяца после окон-

чания войны. Его правление получило название просвещенного абсолютизма, поскольку одновременно являлось и иерархическим, и хорошо обеспеченным военной силой. Тем не менее, оно было оптимистичным и прогрессивным для своего времени. На протяжении сорока шести лет правления Фридрих создал особые правительственные институты стратегического экономического развития. Эта инициатива помогла сделать Берлин европейской культурной столицей. Король также разрешал достаточную свободу печати, за что посмертно получил титул «пророка неограниченной свободы прессы» [46].

Также сильно продвинутой стала кодификация прусского права. Этот проект серьезно начали в 1780 году и завершили после смерти Фридриха в 1793-94 годы – в то же самое время, когда французы представили Европе новые этапы анархии, дехристианизации, цареубийства и гражданской войны, известной, как «Террор». После быстрой деградации Французской революции, обещания которой не были сдержаны, германские законодатели оказались отрезвлены. Они отвечали за окончательную версию прусского Общего права, Allgemeine Landrecht, опубликованного в 1794 году, и сделали его более консервативным, чем ранее ожидалось. Тем не менее, по стандартам того времени оно оказалось прогрессивным. Оно позволяло смертную казнь только по политическим причинам – обычное дело и в других государствах. Но, при этом запрещались пытки, произвольный арест и казнь за мелкие преступления, – а все это продолжало существовать в Европе того времени.

Гражданские реформы Фридриха касались социальных проблем семейной жизни того времени, в особенности – рождения детей вне брака и заботы о

сиротах [47]. Образование стало обязательным для всех, и король поддерживал религиозный плюрализм и терпимость к христианским конфессиям. К концу правления Фридриха новый средний класс и гражданское общество стали настолько прогрессивными, что германские интеллектуалы могли смотреть на революции в Америке и Франции, как на запоздалые попытки угнаться за Пруссией и Австрией [48].

Несмотря на королевские реформы, то, что происходило внутри страны, не отличалось столь тщательной подготовкой и дисциплиной, как военное дело. Высшим классам продолжало оказываться предпочтение при назначении на гражданские должности. И хотя король отменил крепостное право в своих личных владениях, он не оспаривал продолжение его существования в поместьях имевшей земли аристократии – очевидно, в благодарность за жизненно важную поддержку и службу юнкерства в годы войны. Отношение Фридриха к прусским евреям также оставалось постоянным. Считая, что еврейские купцы имели несправедливое преимущество перед христианами в больших городах, нерелигиозный король, который терпел католиков и протестантов и требовал от них принятия друг друга, отослал большое количество евреев из прусских городов на приграничные земли [49].

Абсолютный музыкант

Самый последний биограф Фридриха описывает его, как правителя, раздираемого между противоречивыми принципами: с одной стороны – преданного монархической автократии, с другой – правам и свободам отдельной личности. Король всю жизнь восхищался Джоном Локком и зарождающейся американской де-

мократией, в одном из своих последних официальных актов он назвал Соединенные Штаты Америки страной, имеющей самый благоприятный национальный статус в восемнадцатом веке [50].

Конфликт Фридриха между автократией и либерализмом нашел отражение в политике столетия. В сравнении с американскими, французскими и британскими системами правления, Фридрих более консервативно подходил к выбору, принимая старую германскую идею уравновешенного правительства, в котором на самодержавие и порядок смотрели, как на защиту свободы и равенства или же дополнение к ним. Правитель имеет власть над людьми не потому, что он лучше или абсолютен сам по себе, а потому, что представляет и устанавливает порядок. А порядок делает возможными индивидуальные свободы внутри гражданского общества [51].

В этом Фридриха можно сравнить с современником, который доминировал в еще одной сфере и отдал предпочтение еще одной старой традиции – Иоганном Себастьяном Бахом. Бах приехал в Потсдам в 1747 году в гости к сыну Карлу, клавикордисту при дворе Фридриха. Узнав о прибытии великого музыканта, Фридрих пригласил старшего Баха к себе. Встреча получилась неловкой, поскольку Фридрих предложил не горевшему желанием, но готовому к сотрудничеству придворному саксонскому композитору сыграть одну из любимых вещей короля. Фридрих также просил гостя импровизированно создать фугу. Бах выполнил эту просьбу через два месяца, отправив «музыкальное предложение» из Лейпцига.

Неловкость встречи этих двух людей можно было предсказать по двум причинам. Король-философ не-

мецкого Возрождения был смотрящим вперед человеком – и с музыкальной точки зрения в том числе. Он предпочитал более легкий стиль рококо, который к концу столетия популяризируют австрийцы Гайдн и Моцарт, а не традиционный церковный стиль барокко Баха [52]. Во-вторых, что более важно, в этих двух людях столкнулись принципиальная старая немецкая традиция – необходимость уверенности в том, куда шагаешь (Бах) – и новая экспериментальная – попытка освоиться в обновленной обстановке (Фридрих). Это касалось не только музыки, но также философии и политики. Это был конфликт Германии, которая все еще продолжала идти по относительно осторожно проложенному Фридрихом пути, а в девятнадцатом веке дойдет до крайности.

С другой стороны, и Бах, и Фридрих были космополитами и эклектиками в своей сфере деятельности, каждый благословлен и проклят, буквально и культурно проживая на перекрестке Европы. Король-философ и Сан-Суси были интеллектуально и культурно всеядными. Фридрих хотел, чтобы его королевство было au courant [au courant (фр.) – в курсе дела. – Прим. перев.], что на тот момент означало французским. Саксонский музыкант занимался заимствованиями не в меньшей мере, построив собственный репертуар, осваивая и улучшая французские и итальянские модели, как делали и Гендель, и Гайдн, и Моцарт к концу столетия. Даже музыкальный стиль, который считался классическим немецким в то время, вышел из более старых богемских мелодий [53].

Более двадцати пяти лет, между 1723 годом и его смертью в 1750 году, Бах работал в Лейпциге, писал кантаты для городских церквей [54]. Его патроны

ожидали от него одновременно и теологически, и политически правильной музыки, что означало истинное и восторженное выражение лютеранской доктрины. Как условие его найма, от него потребовали дать клятву верности Формуле Согласия шестнадцатого века, определяющему лютеранскому кредо, написанному по завершении культурной войны между консервативными и либеральными лютеранами. Как истинный лютеранин, Бах привносил глубокие теологические знания и верность политической воле в соединенные обязанности. Получающиеся в результате композиции, примерно триста кантат, представляли собой сложные и комплексные заявления двухсотлетнего главного течения в религиозной и национальной вере.

Однако это не была музыка Просвещения, и, подчеркнем, – не французская музыка Просвещения. Произведения Баха выделяла и сделала долговечной музыкально-эмоциональная демонстрация необходимости превосходства и величественности для человечества, тем не менее, полная невозможность объять и освоить и то, и другое. В отличие от него, новая вера Просвещения, в особенности, когда она обрела свой голос в девятнадцатом веке, не сомневалась в способности людей решить загадку истории, как посмеяться, так и поиграть в богов. Здесь амбиция, которая подгоняла модернизирующие движения со времен античности, когда Адам и Ева до грехопадения служили ее моделями, а некоррумпированный свет разума – ее орудием, – достигла самой большой высоты. В отличие от нее, музыка Баха подтверждала диалектический характер реальности и биополярность в центре человеческого сердца, каждая из них – мистическая и сложная, вне пределов человеческого понимания.

Бах передавал это через музыку, подвергая застывшие и неуязвимые темы чередующимся консонансу и диссонансу, повторно разбирая и перестраивая любую слышимую крепость, которую мог надеяться построить слушатель. В процессе разнообразие бросало вызов единству, а беспорядок – порядку, и каждый в свою очередь соревновался с другим. Эти перемежающиеся потеря и восстановление гармонии оставляли слушателя с бесконечно приятным, но никогда не законченным и не закрепленным чувством примирения, что также было намерением наложения и сопоставления Ветхого Завета и Евангелия в современных лютеранских проповедях: единство только в разделении, благочестие только в грехе [55]. Очень похожим и в рамках того же основного течения германской традиции окажется осторожное предупреждение Гете Просвещению не «задерживаться на текущем моменте», независимо от его красоты [56].

Часть III

Просвещение, реакция и Новый век

Глава 6

Троянские кони

ОТ ФРАНЦУЗСКОЙ ДО НЕМЕЦКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В сравнении с американцами и французами, законодательные инициативы, предпринятые дворами прусского короля Фридриха Великого, австрийской императрицы Марии-Терезии и правителями меньших германских государств, кажутся скромными. В Америке и Франции тиранов свергли, граждане получили новые свободы, а правительства фундаментально перестроили. В отличие от них, в Германии при приближении девятнадцатого века национальное единство, свободно избираемый межрегиональный парламент и конституционно подтвержденные личные права имели неопределенное будущее [1].

В конце восемнадцатого и начале девятнадцатого столетия французы представили немцам модель либерального общества и сильно их к нему подтолкнули. Ранее, во время Тридцатилетней войны, они помогли спасти немцев от будущего императора Фердинанда из Венгрии, одного из мясников в битве при Нерд-

лингене в 1634 году, но после этого сами несли Германии только разрушения [2]. Теперь французы снова перебрались через Рейн, как освободители, на сей раз принеся эпохальное Просвещение и социальную революцию, которые обещали освободить немцев как от австрийских Габсбургов, так и от прусских Гогенцоллернов.

Единственные параллели с французским Просвещением и революцией, которые имелись у немцев в собственной истории, – это Возрождение и Реформация пятнадцатого и шестнадцатого веков. Затем они успешно обеспечили собственную лингвистическую, политическую и культурно-религиозную независимость от итальянского папства и правления испанских Габсбургов. Как ранние германские реформаторы, но гораздо более радикально, революционное французское правительство секуляризировало монастырские земли и религиозные ордена, передав контроль над школами и браком от церкви государству. Новые светские законы обеспечивали равенство граждан перед законом и приоритет достижений перед правом рождения при найме на работу и продвижении по службе [3]. Хотя германские интеллектуалы того времени считали французскую культуру поверхностной и искусственной в сравнении со своей собственной, немцам определенно следовало их догонять [4].

ВОЮЮЩИЕ МОДЕЛИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Если оглянуться назад, Франция 1789 года кажется самым ярким светочем западной цивилизации. Во французском Просвещении и революции немцы

столкнулись с новым миром, бросающим им больший вызов, чем какой-либо предыдущий соперник или хищник. Станут ли они присоединяться к этому современному миру, будут держаться за свой старый или попробуют найти средний путь? Немцы не были единственными, кто пытался решить эти вопросы. От Швеции до Италии, и от Англии до России, фактически каждая крупная европейская держава получила свое Просвещение, по большей части появившееся в ответ на французское. В каждой стране считали, что более точно распознали человека, а с этим достигли и обещания свободы мысли и освобождения от политической тирании и социальной несправедливости. Поэтому наиболее верным средством считался суверенный, исправляющий разум человека.

Движение началось в Англии и Франции, где положившие начало движению мыслители Просвещения исходили из природного мира, управляемого поддающимися проверке и контролю законами. Вместо абстрактных гипотез и исторического принципа, «точный анализ вещей», по словам Вольтера [5], открывает и Бога, и мир такими, какие они есть. Иммануил Кант писал об этой новой свободе от наследуемой, в особенности, от церковной, власти:

«Просвещение – это уход человека от навлеченного на себя опекунства [или] невозможности использовать [собственное] понимание без направления другими. Это опекунство самоналожено, если его причина лежит не в какой-либо слабости понимания, а в собственной нерешительности и отсутствии смелости. «Я смею знать! Имей смелость использовать собственное понимание!» – вот девиз Просвещения» [6].

Инициалы никакого иного мыслителя того времени, чем Жан-Жака Руссо, не выбиты более глубоко на камнях, которыми выложена дорога Просвещения и революции во Франции. «Все хорошо, когда покидает руки [Создателя], – объявил он в своем романе-трактате «Эмиль, или О воспитании». – Однако все вырождается в руках человека. Пересаженный из природы в цивилизацию, человек, который родился верным себе и любящим себя, трансформировался и поэтому предал себя и разделился против себя» [7]. Такая гипербола давала первобытной человеческой натуре больше благодетели, а развитой цивилизации – больше зла, чем каждая из них демонстрировала. Тем не менее, в этой базовой идее революционеры по всему социальному спектру нашли санкцию для своих действий [8].

На протяжении последнего десятилетия восемнадцатого столетия поколение французских политиков – Пьер-Жак Бриссо, Жорж Дантон, Жан-Поль Марат, Максимилиан Робеспьер и Луи де Сен-Жюст – превратили просвещенную французскую мысль в социополитическую молнию. Все они умерли насильственной смертью: Марата закололи в ванне, Бриссо, лидер жирондистов, погиб на гильотине в 1793 году, другие – в 1794-м. «Если человек теперь коррумпирован, – перефразировал Руссо Робеспьер, – ответственность лежит на порочных социальных институтах». Во день штурма Бастилии, а через четыре года – во время казни французских короля и королевы, Робеспьер узрел рождение нового «королевства не из этого мира» – того, в котором исполнятся «мечты Мессии» [9].

Немецкие мыслители рано и с энтузиазмом потянулись к французскому Просвещению. С середины

восемнадцатого столетия прусский двор Фридриха Великого демонстрировал французское Просвещение вместе с немецким, и самым главным патроном и примером являлся сам король. Он говорил по-французски лучше и чаще, чем по-немецки и любил видеть французов у себя в Сан-Суси за круглым столом. Однако Фридрих, как и другие немецкие интеллектуалы того времени, считал, что Берлин может не меньшему научить французов, чем Париж – немцев. Эта вера только усилилась благодаря недисциплинированности и бесшабашности приезжающего в гости Вольтера, который развязно противопоставлял самоуправление королевскому правлению, свободу личности – власти государства в лице короля.

Германская альтернатива нашла выражение в конкурсе на написание эссе, который проводился Берлинской Академией в 1780-ые годы. Фридрих, который не дожил до окончания конкурса, поддерживал его проведение. Конкурс привлек большее количество участников, чем любое другое подобное мероприятие в истории Академии. Обсуждался вопрос: полезно ли обманывать людей? Следует ли правителю, как светскому, так и духовному, относиться к своим подданным, как к просвещенным людям, или просто ими командовать? Может ли он доверять им самим нахождение истины или он должен ее им методично вдалбливать? Некоторые эссеисты считали, что наделение разумом и свободой действовать самому по себе гораздо важнее, чем любая истина, которая может быть открыта в процессе. Для других же все держалось на объявлении истины и принуждении ее соблюдать. Штурм Бастилии в 1789 году поднял вопрос, подразумеваемый всеми эссеистами, и очень беспокоивший просвещенного

германского деспота: какова вероятность успеха и каков риск в случае, если правительство будет просвещать массы?

В отличие от Франции, социальная и политическая история Германии тогда не переворачивалась с ног на голову во имя нового бога – Разума. Немцы еще также полностью не поняли последствий Просвещения по французскому пути [10]. Призы Берлинской Академии в равной степени получили лучшие эссе представителей обеих сторон, и это дает ясно понять, что Германия в 1792 году еще не стала Францией. Для немцев должным образом сосуществовали индивидуальное просвещение (разум и свобода) и объективная истина (высшая власть и подчинение ей). Для них моральной необходимостью являлось и то, и другое. Французские Просвещение, революция и оккупация Германии не перевернули эту принципиальную веру. Этого не сделает и собственная демократическая революция в Германии полстолетия спустя.

Немцев к французскому Просвещению и революции привлекали вопросы равноправия: равенство перед законом, отмена привилегий духовенства и аристократии, найм и продвижение работников на основании способностей и навыков, а не принадлежности к определенному классу. Эти права и свободы также являлись частью собственной истории протестов и реформ Германии, восходящей к Средним векам. Таким образом, немецкие интеллектуалы могли дискутировать в берлинских пивных и салонах, обсуждая вопрос, пытаются ли французы своими Просвещением и революцией «установить государство, основанное на здравых прусских принципах». Этот вопрос также поднимали и австрийские интеллектуалы, ссылаясь

на «здравые австрийские принципы» в своих пивных и салонах [11].

Различий определенно набиралось больше, чем сходства. Прусские школы не сталкивали будущих граждан с «порочным обществом», также не поддерживались революции во французском стиле против «неестественной» политической власти. Образование просвещенного немца не было революционным «liberté, égalité, fraternité» [liberté, égalité, fraternité (фр.) – свобода, равенство, братство. – Прим. перев.] просвещенного француза [12]. Целью образования являлось индивидуальное развитие под властью правительства и внутри общества. А общество и государь считались необходимыми и поддерживающими развитие. Кем был осторожный Кант для просвещенной германской философии, тем для просвещенного немецкого образования являлся представитель министерства внутренних дел, отвечавший за дела школ и церквей – Вильгельм фон Гумбольдт. Его мысли о силе государства над личностью, впервые опубликованные в 1792 году, усовершенствовали идеи, выраженные в трактате под похожим названием, написанном тремя столетиями раньше Мартином Лютером. Там протестантский реформатор предупреждал правителей не распространять свою политическую власть на «частные королевства» души и сознания [13]. Для Гумбольдта оберегать право развития и усовершенствования личности являлось главной ролью государства в формировании граждан. Позволяя юношам «развернуть свою сущность» свободно и стать тем, кем предназначено им природой, государство также служит и своим интересам – предполагаемому результату, когда граждане верны себе и преданы государству. Таким образом,

индивидуальная свобода не была, как у французов, конечной целью сама по себе, к которой изначально следует стремиться на общественной арене, выступая против установленной политической власти.

Сравнивая французскую и германскую модели Просвещения, многие историки посчитали немецкую образованием для самореализации, а не для самоуправления. Иными словами, образование по-немецки – это эстетическая или духовная подготовка, а не должное обучение для современной политической жизни [14]. Принимая более позитивные отношения между личностью и государством, немцы отвергали политическое насилие, свойственное Франции, и с большей готовностью считались с королем и страной, подчиняясь им. Поступая таким образом, они выражали больший коллективный страх перед анархией, чем какое-то предпочтение деспотизму. С немецкой точки зрения, французская конструкция свободы угрожала равновесию между свободой и властью, личностью и государством. И «оправданный верующий» Лютера, и «просвещенный человек» Канта, и «естественно раскрывающаяся» личность по Гумбольдту – все это «правильный немец». И этот «правильный немец» вел одновременно и суверенную частную, и общественную жизнь с самопожертвованием. И каждый предполагал, что он религиозно свободен, философски информирован и социально образован, служа своему соседу и государству.

Несмотря на все, что немцам нравилось во французском Просвещении, никто из европейцев не отнесся к последующему перевороту с большей тревогой, чем немцы, никто не посчитал собственные опасения, которые вызывала у них французская модель, более оп-

ределенно подтвержденными случившимся. Сделав свободу главным политическим вопросом, французы в итоге далеко отошли от курса Просвещения.

«ФРАНЦУЗСКАЯ БОЛЕЗНЬ»

Вместе с другими соседями французов немцы напряженно наблюдали за происходившим в июне 1789 года, когда революционное Национальное Собрание (в дальнейшем – Конституционное законодательное собрание) сменило Генеральные Штаты старого французского режима. В результате этой замены два первых сословия – духовенство и аристократия – стали подчиненными более народному третьему – имеющим собственность купцам, ремесленникам и буржуа. Третье сословие включало и многих правительственных чиновников. С неохотного согласия французского короля, новый орган правления собрался и голосовал не как иерархия из представителей различных сословий, а как состоящий из равных депутатов бесклассовый парламент. В июле произошел штурм Бастилии мелкими ремесленниками и лавочниками, в августе – уничтожение крепостничества. Тогда же появилась Декларация прав человека и гражданина, которая гарантировала каждому французу свободу личности, слова, совести, объявляла неприкосновенной частную собственность. В октябре вооруженные парижские женщины присоединились к массам перед дворцом в Версале и потребовали от короля сдаться революции.

Летом 1790 года французское Национальное Собрание уничтожило торговые гильдии, подтвердив подозрения немцев, что свобода, равенство и братство не являлись единственной или даже истинной целью.

Для обычных людей новый эгалитаризм оказался очень дорогим, и в революционные 1790-ые годы из Франции началась миграция [15]. В июне новое правительство оплатило растущие счета революции облигациями, обеспеченными конфискованными церковными землями. Количество этих земель постепенно уменьшалось на протяжении истории – после более ранних мародерств королей из династий Каролингов и салической династии. Теперь же Гражданская Конституция Духовенства, как был назван новый закон, регулирующий конфискацию, сделала французское государство фактическим владельцем французской церкви, способным уменьшать количество священников и трансформировать их в новые типы гражданских служащих. Это законодательство погнало католиков прочь от Просвещения – в руки правителей-реакционеров. Здесь также можно найти и корни так называемого «модернистского конфликта» между церковью и государством, немецкая версия которого будет преследовать более поздние десятилетия германского национального объединения [16].

Революция, которая не знает, к чему идет, не заглядывает далеко в будущее и пугает наблюдателей больше, чем что-либо другое. Беспокойство о направлении французской революции привело к союзу, пусть и на недолгое время, жестоких соперников – Австрии и Пруссии. Это произошло после того, как французские солдаты в большом количестве появились у западных границ Германии. Очевидно считая, что враг твоего врага – твой друг, Пруссия изначально поддерживала якобинцев – организованных, антимонархических республиканцев, в то время активно действовавших во Франции, а также в южных и северных (современ-

ная Бельгия) австрийских землях. Запоздало осознав глупость такой политики, прусский король Фридрих Вильгельм II и новый австрийский император из Габсбургов Леопольд II заключили дипломатическое соглашение – Рейхенбахскую Конвенцию 1790 года. Они согласились сотрудничать в целях уничтожения новой «французской болезни» – революции, фатальной для обеих монархий.

На протяжении следующих двух лет, 1790-92 гг., две Германии предоставляли убежище французским иммигрантам, спасавшимся от революции, и приняли преследуемых гугенотов и католиков на своих землях. Новые союзники также угрожали вторгнуться во Францию, если возникнет угроза ее королевской семье. К 1792 году, когда французские армии собрались на Рейне, Австрия нарушила тридцатишестилетний пакт о ненападении с Францией. Двухлетнее дипломатическое соглашение вскоре после этого было заменено прусско-австрийским договором о взаимопомощи [17].

При первом знакомстве не каждый немецкий интеллектуал благосклонно смотрел на французское Просвещение и революцию. В основном они принимали их осторожно. Отец немецкого Просвещения, Кант, отказался от любого права гражданина поднимать восстание против должным образом учрежденного правительства. Юрист Юстус Мезер также проявлял осторожность, предупреждая, что идея с «абстрактными правами, принадлежащими всем», кажется, ставит индивидуумов на службу себе и одобряет «опасные иллюзии», определенно не на пользу обществу [18]. Гете изначально увлекся Наполеоном, который публично хвалил его работу в Париже. Однако он не хотел, что-

бы Германия копировала Францию. Больше опасаясь глупости, чем чего-то нового, Гете сопоставлял лютеранскую способность «мирного изучения» и французский опыт «углубления беспокойных времен» [19]. За такую вроде бы отстраненность в эпоху революции, наши современные историки обвинили его в «бегстве от ответственности». Как негативно отзывается о нем Джеймс Дж.Шиихан, «[Гете] считал радикальные изменения рискованными, идеалы иллюзорными, а население – непостоянной толпой. Он гораздо больше предпочитал тип политической нейтральности, возможно в хорошо управляемом доброжелательном авторитарном режиме – нейтральность... равноценную принятию статус-кво» [20].

Предпочтение Гете «сладкого фрукта личного счастья» над «вторгающимися политическими силами», в данном случае – французской армией, – может быть также правдоподобно интерпретировано, как раннее предупреждение, куда именно такие силы могут завести мир. Вспоминая «жуткую историю» объединения Германии, он сомневался в мудрости германского политического движения в подражание французам, возможно опасаясь, что немцы станут еще более искушенными в империализме [21]. Вместе с Гегелем он остался уверенным противником романтических нигилистов пост-Просвещения, веривших, что божественная сила над реальностью враждебна, а не благосклонна [22]. Фридрих фон Шиллер также почувствовал «ложные идеалы» в революционной эпохе, с «глубоко пустившими корни разрушительными побудительными мотивами... угрожающими человечеству долгим, рискованным путешествием от варварства к цивилизации» [23]. Для многих других немецких ин-

теллектуалов и простых людей темная сторона революции стала ясна только после того, как она тиранично повернулась против себя самой – и на родине, во Франции, и у немцев – в Рейнланд.

Если в итоге французское Просвещение было идеологически дисгармонирующим для немцев, революция во французском стиле была социологически невозможна. В германском обществе не имелось драматических личностей для восстания в масштабах и в манере французов. Не было соответствующих коммерчески успешных, владеющих собственностью немецких буржуа, чтобы вести атаку, не было масс sans culottes, готовых броситься на богатых и привилегированных [24]. Несмотря на уверенность молодых интеллектуалов 1790-х годов, опустошения как Тридцатилетней, так и Семилетней войн все еще не стерлись из памяти. И лишь немногие немцы так же оптимистично, как французы, верили в способности человечества перепрыгнуть самого себя [25].

Именно по этой причине больше всего экземпляров разоблачения Французской революции Эдмундом Бурком было продано в более густонаселенной Германии, чем в Англии. Когда лидеры немецкого Просвещения прочитали Бурка, вероятно, перед их усталыми от чтения глазами промелькнуло изображение Лютером саксонского курфюрста Иоганна Фридриха. Лютер, как и Бурк, размышлял над вопросом, требуется ли современной политике «какой-то Лютер», не идущий на компромиссы реформатор. Но он отбросил подобную мысль, опасаясь, что общество вместо этого может дать власть «какому-то Мюнцеру», катастрофическому революционеру. Также как и Бурк, Лютер напоминал о подстрекателях и смутьянах своего

времени, имеющих неравные шансы в долгой истории в перестройках тысячелетия, предлагая более умеренное и упорное улучшение и исправление вместо них. «Поскольку нет надежды получить другое правительство в [Священной] Римской Империи... не нужно изменять его. Пусть [каждый], кто способен, скорее будет латать и штопать его, наказывая за злоупотребления и налагая повязки и мазь на оспины» [26].

Французские хозяева

Между летом 1792 года и летом 1794 года Европа снова обратила внимание на Париж из-за возобновления там революционной деятельности. Среди строящих заговоры якобинцев и их желающих выпустить пар союзников, санкюлотов, начался новый этап революции. Эта вторая революция, нацеленная сохранить изначальный утопический характер первой, привела к бойням на улицах, серийным казням, в частности короля и королевы, и так называемому Террору, который сопровождал подъем и падение Робеспьера.

В то время как цели свободы и просвещения вдалбливались на родине путем бойни и гильотины, французы стали экспортировать свою Революцию на север и запад. Объявив войну Австрии и ее нерешительному союзнику Пруссии в апреле 1792 года, великая армия промаршировала по германской Рейнской земле, освобождая города Шпейер, Вормс и Майнц. Затем армия повернула на восток и начала военный поход по Европе, который ужасным образом закончится два десятилетия спустя в огромной, мрачной и холодной России.

Совместно Австрия и Пруссия обладали достаточной военной мощью, чтобы остановить это наступ-

ление в первые годы. Однако в то время, когда их объединенные усилия могли бы сыграть роль, обе державы жадно делили Польшу с Россией, и сражались за другие трофеи – по большей части, в пользу Пруссии. Император Франц II не объявлял войны Франции до марта 1793 года. После этого армии отдельных немецких государств оказались несравнимыми с французской, которая сделала Рейнланд новой лабораторией для своих Просвещения и Революции.

Там, как и в каждой стране, которую они в дальнейшем покоряли, французы подавляли местную аристократию, отменяли крепостное право и устанавливали новые правительства, избираемые всеобщим голосованием мужского населения. Успокаивая более крупные немецкие государства, которые они оккупировали, французы позволяли им открывать охоту на более мелкие. Таким образом, завоеватели обнаружили действенный способ начать консолидацию германской Рейнской земли (Рейнланд) и ассимилировать ее правителей. Подобное разжигание страстей в собственнических захватах германских земель также глушило германское национальное сознание и единство, еще более упрощая оккупацию и эксплуатацию покоренных немецких земель. Но (и это также докажет время) хорошо организованная и поддающаяся управлению Рейнланд, мудро и хитро переоснастилась во время французской оккупации и облегчила германское сопротивление, когда немцы снова оказались способны потребовать назад свою территорию [27].

Решение Пруссии полностью выйти из конфликта обеспечило контроль Франции. Пруссия была занята угрозами якобинцев и своими новыми польскими территориями, и у нее не имелось ресурсов для ведения

войны на двух фронтах. Поэтому она просто обменяла свои оккупированные на Рейне земли на западе, на нейтралитет французов в северной Германии и обещание новых земель к востоку от Рейна (Базельский мир 1795 года). Таким образом, выйдя из французского водоворота, – причем в одиночку, – Пруссия купила себе десятилетие относительного мира, который позволил успокоить и консолидировать ее только что приобретенные земли.

Несмотря на то, что действия Пруссии назывались предательством, она показала пагубный пример другим германским государствам (Баден, Бавария и Вюртемберг последовали ее примеру в 1796 году), увеличив уязвимость Австрии и ускорив кончину Империи [28]. В течение двух лет Австрия оставила свои владения в Рейнланд, Бельгии и Ломбардии завоевателю – Франции, – отойдя назад, в центр своей Империи. Как и франко-прусский Базельский мирный договор, франко-австрийский Кампоформийский мир 1797 года ставил выше региональную идентификацию над просто немецкой, жертвуя Империей в пользу государства [29].

После второго серьезного поражения под Гогенлинденом в 1801 году Австрия отдала Западную Рейнланд Франции. Теперь Франция имела плацдарм на своем восточном фронте и ничем не перекрываемый путь в Восточную Европу [30]. Наполеон выступал составителем проекта, и перестройка Рейнланд шла быстро, унижая смещенных, но к радости новых хозяев. Изменения границ стали официальными после того, как имперский парламент признал подготовленный в Париже, написанный в Регенсбурге «Отчет депутатов». Отчет санкционировал гигантскую французскую ре-

организацию и присоединение германских земель во время оккупации. Император Франц II объявил этот отчет законом 17 апреля 1803 года. Все, кроме трех церковных владений на Рейне, были секуляризованы, сорок пять из пятидесяти одного вольного города прекратили свое существование в качестве вольных; более крупные государства растащили по частям частные земли рыцарей Империи. Также навсегда исчезли 112 маленьких южных и западных государств, большинство их поглотили Баден, Бавария, Вюртемберг и Гессен-Дармштадт. После уничтожения такого количества политических юрисдикций, на которые Германия была разделена со времен Гогенштауфенов, более трехсот суверенных юридических лиц, с которыми французы столкнулись в 1800 году, оказались объединены в тридцать пять ко времени их ухода [31].

Последние капли и последние штрихи

Пруссия соблюдала пакт о нейтралитете с Францией, а Франция нарушила договорные обещания Габсбургам. Австрии пришлось заключить новые союзы с Россией и Англией в последней попытке спасти Империю. Контингенты из Бадена, Баварии и Вюртемберга сражались рядом с Наполеоном в новой франко-австрийской войне, в то время как Пруссия и другие германские государства оставались нейтральными. Это свидетельствует об ослаблении возглавляемой Габсбургами Империи к смене восемнадцатого столетия. Великая битва той войны произошла под Аустерлицем в 1805 году, возможно, это величайшая победа Наполеона. Среди германских государств, получивших австрийские трофеи, был и молчаливый союзник, Пруссия.

В 1806 году Священная Римская Империя официально прекратила свое существование. Наполеон мог бы взять себе императорскую корону после того, как Франц II снял ее в августе. Но из пепла Империи новый император создал Рейнский Союз, еще один буфер между Францией и ее восточными противниками. Из изначальных шестнадцати второсортных государств на Рейне новый союз разросся до тридцати девяти, добавив государства из старой Империи, вместе с Пруссией, Австрией, датским Гольштейном и шведской Померанией.

Сохранив мир и процветая во время французской оккупации, теперь Пруссия просыпалась тяжелее всего из прочих германских государств. В октябре 1806 года французские армии, уже навязав свою волю на юге, разгромили Пруссию в двух сражениях у Йены и Ауэрштадта. На восточном краю Прусского королевства они заняли Кенигсберг (современный Калининград), в то время как на западном создали новое государство Вестфалия, соединив западные прусские земли, Ганновер и двенадцать маленьких государств, где как король правил брат Наполеолна Жером. По окончательному договору после завершения войны в 1807 году Пруссии позволили оставить только восточные земли (Бранденбург, Восточную Пруссию и Силезию), население сократилось вполовину, и на каждого пруссака осталось по четыре француза-оккупанта. Если бы русскому царю не требовался этот остаток Пруссии, чтобы служить буфером между Россией и Францией, то государство пруссаков вполне могло бы и полностью исчезнуть [32]. Такова была цена нейтралитета в продолжающейся германской войне с французами.

На протяжении следующих шести лет французы перестроили оккупированную Германию до основания, в особенности в Рейнланд. Свод законов Наполеона поддерживал сравнительно открытые общества, с большим социальным равенством и большим количеством личных прав (крестьяне были освобождены по всей Рейнской земле), свободной торговлей и веротерпимостью [33]. Под давлением французов Австрия и Пруссия также провели либеральные реформы, по большей части, как компромиссные приспособленческие меры, благоприятные для их освобождения. Простые пруссаки с гораздо большей готовностью пойдут на жертвы, необходимые, чтобы убрать французов, если им дадут большую долю на их земле и роль в их правительстве, – это понимали прусские министры барон Карл фон Штейн и граф Карл Август Гарденберг. Они предприняли шаги для избавления от бюрократизма, освобождения крестьян и расширения среднего класса. Чтобы победить Наполеона, уменьшившейся прусской армии, теперь состоявшей только из сорока двух тысяч человек, также требовалось верить в цель, ради которой сражаться. В армии установилась большая свобода личности и уверенность в себе и своих силах. Звания и повышения по службе давались теперь в основном благодаря личным способностям, заслугам и самопожертвованию [34].

В то время, как возбуждение территориальной ненависти давно являлось доказанной формулой для поражения немцев, оно также имело историю и пробуждения национальных чувств. В пепле германского поражения тлела и ненависть к французам. Как поняли жители Рейнланд в самом начале оккупации, французы пришли не освобождать и учить, а доминировать

и эксплуатировать. Французы и многие современные историки того периода говорят о жителях Рейнланд, приветствующих появление наполеоновских войск. На деле же подавляющее большинство скорее «видело, как грабят и громят их собственность, как портят их урожай, как реквизируют на нужны армии их вещи, их лошадей, телеги, как призывают на военную службу людей, как оскверняют церкви [и] священники подвергаются преследованиям» [35].

Пока французские реформы усиливали юридическую и административную модернизацию германских земель, чем больше французы меняли порядок вещей (в особенности – в Австрии и Пруссии), тем больше немцы хотели, чтобы все оставалось по-старому. Такая реакция стала результатом в большей мере личного отношения французов к немцам, а не реформ. Реформы не были ни полностью новыми, ни запретными для немцев. Но если не считать укоренившиеся и въевшиеся германские обычаи и традиции, французская армия оказалась своим собственным худшим врагом. Французы просвещали немцев, консолидировали их земли, придавали гибкость и рационализировали их политические институты, ускоряли промышленное развитие. Но они также грабили, вытесняли, навязывали огромные налоги и против воли призывали немцев во французскую армию. Теперь торговые барьеры превратили ранее международную германскую экономику в узко сфокусированную на французских рынках. Вместе с новыми налогами Австрия и Пруссия также должны были справляться с пострадавшими и понесшими убытки и ущерб от войны людьми и массовым призывом во французскую армию. И, кроме всего прочего, часто возникали

конфликты с расквартированными французскими солдатами и высокопоставленными чиновниками, которые стояли над немецкими, как господа и хозяева, пренебрегавшие немцами и презиравшие местную культуру и религию [36].

Также существовали давно установившиеся структурные и коренящиеся в национальном характере барьеры. Немцы были философски и социологически плохо готовы к революции во французском стиле. К тому же, они исторически враждебно и неприязненно настроены по отношению к реформам, которые стремились к невозможным идеалам и утопическим целям. По мнению большинства немцев, казнь французских короля и королевы и решения французских революционных трибуналов показывали, что Просвещение и революция вышли из-под контроля и стали неуправляемыми. Также против наполеоновского абсолютизма работало германское политически расслоенное общество [37]. Исторически немцы располагали политическую идентификацию и верность ярусами, в одно и то же время являясь обладающими самосознанием жителями деревни или города, подданными определенной земли или государства, а также подданными межрегиональной Империи.

Образованные и профессиональные классы Германии также уводили нацию от французской модели революции. От церковнослужителей и гуманистов, которые служили советниками князьям и курфюрстам в Средние века, до ученых и гражданских служащих Франкфуртского Национального Собрания и меняющихся политических кабинетов более поздней Веймарской республики, образованная элита Германии одновременно бросала вызов и защищала установив-

шееся общество [38]. В этом заключается склонность к тщательно контролируемым переменам, к прогрессу с хорошим порядком, к обществу, которое может быть одновременно либеральным и консервативным.

Между властной французской армией и внутренним давлением инертности и традиций, успех французских Просвещения и Революции в Германии был понятным образом ограничен. Несмотря на всю их привлекательность для немцев, Декларация прав человека и гражданина и Свод законов Наполеона не являлись панацеей для всего, чем болела Германия. Если немцам предстояло сделать большой скачок вперед, им не требовались для этого указания французов. После 1813 года, чтобы совершить этот прыжок из собственной истории и своими ногами, больше всего требовалась свобода.

ГЕРМАНИЯ ПОДНИМАЕТСЯ

Когда немцы снова пошли против французов, возрожденная Австрия выступила первой и первой потерпела поражение, оставив только британцев, которые наступали в Иберии и думали об организации восстания испанцев. У русских получилось лучше, они, в конце концов, спровоцировали Наполеона на худшее решение в военной истории: послать свою великую армию в Россию. На эту миссию отправились, по крайней мере, семьсот тысяч человек, треть их составляли призванные на военную службу немцы, к которым присоединились итальянские, голландские и польские контингенты, дополнившие французскую армию. Они прибыли в Москву в сентябре 1812 года и обнаружили, что город горит и покинут. Армия на-

чала отступление осенью, когда подходило время русской зимы, ее по пятам преследовали казаки.

В декабре 1812 года прусский командующий Людвиг фон Йорк, почувствовав возможность, перевел своих солдат на сторону русских. Во время уже безнадежной борьбы объединенные прусские и русские армии нанесли врагу достаточно потерь, чтобы вынудить на перемирие и заставить Наполеона сесть за стол переговоров. Австрия выступила в роли посредника для немцев [39]. Провал переговоров подготовил почву для Битвы народов, также известной, как Лейпцигское сражение 1813 года, в котором Австрия и Великобритания присоединились к Пруссии, России и Швеции для разгрома Наполеона. Хотя Наполеон нарушил последовавший мир, начал сражения и снова проиграл, Лейпциг стал началом его падения.

Реставрация

Парижский мир 1814 года вернул потерпевшую поражение Францию к границам 1792 года, а Венский конгресс перечертил карту Европы, практически везде заново восстанавливая дореволюционные национальные границы. Конгресс использовал принцип национальной независимости и государственного суверенитета, и даже восстановил статус Франции, как великой державы, позволив ей удержать Эльзас. Оказавшись среди победителей, Пруссия получила больше всех, вернув назад потерянную Рейнскую область вплоть до Вестфалии.

Выполняя послевоенную задачу восстановления старой Европы, австрийский министр иностранных дел Клеменс фон Меттерних выступал за старую гвардию. Теперь, после двадцати лет войны и гибели трех

миллионов человек, все более прочего боялись подъема новой Империи, способной снова начать войну в наполеоновских масштабах. Рассматривая объединенную Германию, как подобную силу, европейское сообщество под руководством Великобритании, Франции и России нашло временное решение, создав новый, с политически подрезанными крыльями Германский Союз. Туда в качестве участников входили Австрия и Пруссия. Союз состоял из тридцати пяти государств и четырех крупных городов (Бремен, Франкфурт, Гамбург и Любек), новая организация представляла собой неугрожающего другим преемника более нефункционирующей Священной Римской Империи. Законодательное Собрание заседало во Франкфурте, председательствовали многонациональные австрийцы, у которых имелась собственная Восточная Империя [Österreich (Австрия), собственно, и переводится буквально как «Восточная Империя». – Прим. ред.] и которые не собирались дать себя поглотить большей Германии. С налагающим ограничения законодательством и международными «сторожевыми псами», которые сидели за столом переговоров, у Союза было мало возможностей для громкого самоутверждения, но еще меньше – для каких-либо согласованных действий. Для многих вопросов, которые перед ним вставали, требовалось получить две трети голосов, иногда даже единогласное решение, что фактически обеспечивало пребывание в мертвой точке. А короли Британии, Дании и Нидерландов благодаря правам доступа к землям Союза, могли по желанию вмешиваться в его дела [40].

Князь Меттерних знаменито оправдал реакционную повестку дня восстановления, объявив «переход

от старых структур к новым» более рискованным, чем «отступление от новых структур к разрушающимся старым» [41]. Новая тройственная Германия, состоявшая из Австрии, Пруссии и Германского Союза, была слишком разобщена, чтобы представлять угрозу соседям. Она представляется скачком назад к разобщенной Империи Франков после Верденского договора и старой Священной Римской Империи после Вестфальского мира. Однако это восприятие обманчиво, ибо Австрия и Пруссия теперь были великими державами, которые точили зуб на соседние нации и еще больше – друг на друга. Разрешение этих противоречий станет движущей силой европейских конфликтов до середины двадцатого столетия.

Социальный внутренний порядок

Возвращение старых географических и политических границ сопровождалось и восстановлением прежних социальных порядков и иерархии в семье. В середине столетия либеральные критики применяли термин «Biedermeier» [бидермейер – стилевое направление в немецком и австрийском искусстве 1815-48 гг., в нем отразились вкусы бюргерской среды, для него характерно тщательное изображение интерьера, природы, бытовых деталей. – Прим. перев.] к обществу 1820-х годов, сложившемуся после реставрации. Имея дополнительное значение – означая обыденность и простоту – термин стал кодом для аполитичного, ориентированного на себя винтика машины – среднего класса, который жил отстраненно как от крестьян, ведущих жизнь, полную тяжкого труда, так и от беспорядочного промышленного мира. В центре «фамилии бидермейера» изображался удовлетворен-

ный глава семьи, надежный, добрый и вызывающий доверие «немецкий Михель». Если воспринимать эти образы с иронией, то они показывали, что Германия больше не соответствует времени, и ею легко пользуются враги [42]. Однако к смене столетий немцы с сожалением и мечтательно оглядывались назад, на эру бидермейера, которая давала комфорт и спокойствие [43].

Глядя вперед, такие карикатуры преувеличивали часть германской истории, которая не обязательно являлась ее судьбой. Тесно сплоченная, послушная бюргерская семья и общество с твердыми принципами, которое они изображают, давно служили немецким идеалом. Этот идеал был не менее и не более успешным и всеобщим в девятнадцатом веке, чем в предыдущем и последующем столетиях [44]. Десятилетия бидермейера в девятнадцатом веке были также смешаны, как и любые в германской истории. С одной стороны, имелись ограничения, люди были скованы обществом с фиксированной собственностью, основанной на праве рождения и привилегиях. Но, в то же время, с другой – они тянулись к классовому обществу, основанному на достижениях и предпринимательстве. На протяжении девятнадцатого столетия индивидуальный талант и достижения все больше и больше определяли занятие немцами рабочих мест. Это наблюдалось в образовательных и гражданских реформах эпохи Реформации и получило кое-какую почву в аграрной и военной реформах конца восемнадцатого столетия в Пруссии.

Тем не менее, старая аристократия обладала средствами – землей, деньгами и связями – для удержания власти над общественной жизнью. Даже во вре-

мя поражения, вынужденная освободить крестьян на своих землях, аристократия получила очень щедрые компенсации за потерю даровой рабочей силы. Среди слоев аристократии, представляющих самое серьезное препятствие для продвижения среднего класса на гражданской службе, были те, кто состоял при королевских дворах, в правительстве и армии. Однако сопротивление реформе также исходило от тех, кто мог многое получить от кончины старой аристократии. Амбициозные члены поднимающегося среднего класса не оставались безразличными к привлекательности привилегий аристократии. С другой стороны, немало аристократов поддерживали реформы, которые допускали продвижение бюргеров [45].

В более открытом и изменяющемся обществе девятнадцатого века средний класс сформировал свои собственные элитные гражданские институты в 1830-ые и 1840-ые годы. Их успех был в меньшей мере результатом эгалитарной риторики движения за свободу, чем экономической силы, которую они собрали, как высокопроизводительная группа. Однако ценой доносов в десятилетия восстановления стали гонения и потеря занятости, поскольку во власти находилось немало критически настроенных к среднему классу лиц. Но гражданские служащие из бюргеров не могли закрывать уши на просьбы реформаторов и революционеров, добивающихся своих целей [46]. Они часто получали петиции о большей свободе печати и собраний, а также изменениях юридической системы, требования сделать ее независимой от класса и привилегий.

Средний класс имел свою самовыдвигающуюся интеллигенцию, вне представителей гражданской службы, в лице самостоятельных писателей и поэтов, жур-

налистов и издателей, юристов и врачей. Все они были профессионально заинтересованы в более открытом и справедливом обществе. В отличие от гражданских служащих среднего класса, представители этих профессий могли критиковать правительство, как делали Генрих Гейне и Карл Маркс. Как не принадлежащие к данному кругу, они имели общую цель с нижним слоем среднего класса, который больше всего беспокоило материальное благополучие. Ремесленники и владельцы магазинов, которым угрожали как конкуренция со стороны рабочего класса, стоящего ниже их, так и стремительно увеличивающиеся ряды их класса, шли зигзагом – как в социально-консервативном, так и в революционном направлениях. Во время изменчивых 1830-х и 1840-х годов интеллигенция среднего класса и его нижняя прослойка оказались наиболее готовыми для участия в Немецкой революции [47].

К 1848 ГОДУ

Несмотря на два десятилетия реставрации, Германии все еще предстояло встретиться со своим «1789 годом». Ее исторически тянуло в двух направлениях – как в консервативном, так и в либеральном. Немцы были наименее вероятными кандидатами среди европейцев, чтобы считать несовместимыми социополитические альтернативы девятнадцатого столетия. Несмотря на усилия Венского конгресса повернуть часы назад, слишком много немцев видели благословение в увеличивающихся возможностях и свободе, чтобы спокойно возвращаться к зафиксированному, иерархическому миру князя Меттерниха. Теперь большим вопросом для немцев стала степень, в которой старый

и новый мир могут приспособиться друг к другу, поскольку у немцев имелись крепкие привязанности к аспектам обоих.

Вартбург, 1817 год

Первое значительное собрание послевоенной нации случилось в Вартбургском замке в Эйзенахе в Тюрингии, месте перевода Лютером Нового Завета на немецкий язык, и для многих – пункте рождения современной пангерманской культуры. Там 18 -19 октября 1817 года произошло пересечение празднования трех известных новаторских для Германии событий: трехсотлетия протестантской Реформации, недавнего появление национального движения студенческого братства и четвертой годовщины поражения Наполеона под Лейпцигом.

Движение братства было реакцией нового поколения студентов на французскую оккупацию и кажущуюся попытку Венского конгресса заморозить национальное развитие Германии. Оно по большей части привлекало идеалистов из протестантской молодежи, нацеленной сохранить истинную германскую культуру внутри свободного, реформированного и объединенного германского государства. Хотя французские рефрены эхом отдавались в их песнях, они пели германские мелодии, излагая средневековую и имперскую германскую историю.

Количество студентов, которые присоединилось к движению, было относительно небольшим, а прибывших на фестиваль еще меньше. Тем не менее, они представляли сегмент общества с влиянием, значительно превосходящим их количество, и были глубоко преданы идее (многие отрастили бороды и одевались

в стиле более ранних поколений германцев) [48]. Среди националистического пыла и энтузиазма, которые князь Меттерних считал революционными, собравшиеся в Вартбурге маршировали под красно-черно-золотым флагом прусского подразделения Адольфа Фрейхерра фон Лютцова, героев Битвы народов. В дальнейшем этот флаг будет реять над тремя Национальными Собраниями, к которым восходит современная германская демократия: Франкфуртским Национальным собранием 1948-49 гг., Веймарской республикой 1918-33 гг. и послевоенным Парламентским советом 1949 года.

Проявленный национализм был узкошовинистическим. За редкими исключениями братства не пускали в свои ряды некрещеных евреев, вынуждая их формировать собственные объединения. Во время празднований в Вартбурге был сожжен ряд «иностранных» книг: прусские полицейские законы, Свод законов Наполеона и работы раввинов [49]. В этом представители протестантского братства, похоже, следовали за примером Мартина Лютера за три столетия до них. В декабре 1522 года Лютер со своими студентами сжег в Виттенберге книги по каноническому праву, папские указы и схоластическую теологию в виде протеста против проклятия Реформации папством [50].

В 1819 году студент-радикал по имени Карл Санд совершил покушение на известного реакционного писателя Августа фон Коцебу. Это действие дало князьям повод запретить университетские братства и закрыть городские газеты – два средства массовой информации, печатавших революционные речи. Во время встречи в Карлсбаде (совр. Карловы Вары) в 1819 году князья, опять под предводительством Меттерни-

ха, ввели новые репрессивные меры. Они оставались законом до 1848 года.

Хотя главной целью студентов являлась объединенная Германия со статусом великой державы, их политический либерализм был искренним и делал движение прогрессивной силой в годы после консервативного отступления Венского конгресса. С 1819 года движение было загнано князьями в подполье, оно заново выйдет на арену в 1840-ые годы, участвовать в нем станет более старое и более осторожное поколение [51].

ИЮЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ВО ФРАНЦИИ

В 1820-ые и 1830-ые годы дрема и бездействие были самым разумным состоянием для германских либералов и революционеров. В это же время в Швейцарии, Италии, Польше и Франции спорадические протесты и восстания поддерживали национальные движения за свободу. В особенности вывел из себя правящие круги провал династии Бурбонов во Франции. Реакцией на действия короля Карла X, подавившего неожиданную победу либералов на выборах, стала так называемая Июльская революция 1830 года. Беззастенчивое подавление королем несогласия и проведение новых выборов повернуло средний класс против монархии, выгнав более бедных французов на улицы. Во время сражений погибло почти две тысячи человек. После этого либеральная фракция французских депутатов организовала отречение короля от престола и установила конституционную монархию. Хотя новое правительство действовало под революционным триколором, оно предпочитало средний класс и поли-

тический средний путь. Угроза успешного пролетарского восстания делала низший класс таким же отвратительным для него, как и стоявших сверху королей.

Июльская революция оказалась «заразной» и вдохновила на протесты и предосторожности. Хотя в Берлине и Вене почти ничего не происходило, полицию и солдат в состоянии боевой готовности отправили в многочисленные германские земли. На севере (Брюнсвик, Гессен-Кассель, Ганновер и Саксония) и юге (Баден, Вюртемберг и Бавария) местные демократические движения поддерживали протесты. Если не считать законодательных результатов, французы и немцы долго не забывали жуткие июльские дни, когда короли и средний класс заново обнаруживали силу народа – как организованного, так и беспорядочного. Среди тех, кто близко принял к сердцу этот урок, был тогда пятнадцатилетний Отто фон Бисмарк, будущий германский канцлер [52].

«МОЛОДАЯ ГЕРМАНИЯ»

За борьбой во Франции наблюдали влиятельные группы немцев, готовые вести Германию в демократическом направлении. Движение «Молодая Германия» требовало для всех немцев, включая женщин и евреев, прав и свобод. В то время это оспаривалось в других землях. Среди предводителей движения был поэт и эссеист Генрих Гейне, принявший христианскую веру еврей, во всеуслышание поддержавший Июльскую революцию. Известные работы Гейне с описанием путешествий и восхвалением радикальной демократии, привели его к высылке в Париж после 1830 года. Он был не единственным в Германии, кого заставили

замолчать. Как и движение студенческого братства в 1817 году, «Молодая Германия» также провела свою провокационную демонстрацию – в Гамбахе, в Баварском пфальцграфстве в 1832 году. Там собралось примерно тридцать тысяч человек, которые возбужденно промаршировали вокруг руин замка. Этот протест получил название «высшей точки раннего германского либерализма» [53]. В течение года вновь появившиеся на арене участники движения братства осуществили набег на правительственный военный склад во Франкфурте.

В эти десятилетия нарастающих протестов и репрессий движение за свободу имело молчаливого союзника среди промышленных магнатов. Они также сильно стучались в двери прогресса и перемен в своем профессиональном мире, как социальные и политические реформаторы эпохи бились в свои. Во второй четверти столетия газовые фонари превратили Берлин в город, которому больше не требовалось спать. Первые пассажирские поезда ходили между Нюрнбергом и Фюртом на юге и Берлином и Гамбургом на севере. По южной Германии, как одуванчики, появлялись прядильные и ткацкие фабрики. Первый пароход пересек Атлантику, следуя из Бремена в Нью-Йорк.

Точно также жизненно необходимым для германского прогресса и модернизации было освобождение торговли. До 1834 года тридцать восемь тарифных и таможенных зон тормозили межрегиональное движение и угрожали новой коммерции в пользу местной торговли и промышленности. Как средневековые замки, усеивающие землю, эти барьеры сигнализировали о «партикуляризме» и приглашали к конфликту. По инициативе Пруссии в 1834 году был создан Та-

моженный Союз, интегрировав земли с общим населением в двадцать три миллиона человек. Австрия была исключена из него, что выглядело угрозой [54]. Результатом стал быстрый экономический рост для членов Союза, продолжавший напоминать о пользе и преимуществах объединения и свободной торговли.

РЕВОЛЮЦИЯ 1848-49 ГГ.

К середине 1840-х годов средний класс принял социальные и политические цели первых германских движений за свободу. На кон для революционеров была поставлена непосредственная роль в формировании государства через открытые выборы, а также работа в судах, на гражданской службе и в армии. Для этих целей требовались несколько жизненно важных прав: всеобщее голосование мужского населения, свобода слова, прессы, вероисповедания, свобода на труд и учреждение суда присяжных.

Хотя требования варьировались от протеста к протесту, основные печали и желания революционеров оставались четкими и ясными. Они находили красноречивое выражение в немецко-английском путеводителе середины девятнадцатого века для только что прибывших эмигрантов, которые покинули родину после 1848 года. Этот путеводитель подготовил германский пастор-эмигрант, поселившийся в Бостоне. Путеводитель получился лестным для Нового Света, поскольку в нем проклинался Старый Свет и обещалось «большое благословение» эмигрантам, которые добрались до берегов Северной Америки. Тем не менее, он также четко передавал послание Европы о власти и порядке среди свободы и равенства:

«Немецкий эмигрант... приезжает в страну, свободную от... деспотизма... привилегированных порядков и монополий... невыносимых налогов [и] сдерживания в вопросах веры и сознания. Можно путешествовать... и селиться там, где пожелаешь. Не требуется никакого паспорта, никакая полиция не вмешивается в его дела и не препятствует его перемещениям...

Ничто не может быть... более опасным и пагубным, чем предрассудки монархий, которые [утверждают], что некоторые рождаются князьями и аристократами... в то время как другие рождаются подданными, и из этого [положения] ни они сами, ни их потомство не могут подняться. [Это] очень ошибочные точки зрения на естественное равенство людей и от них нужно избавиться навсегда... Здесь единственными источниками почестей являются верность и достижения. Богатые находятся в том же положении, что и бедные; ученый не выше самого скромного механика; и ни одному немцу не нужно стыдиться своей работы...

[Здесь] богатство и владение недвижимостью не дают ни малейшего политического права их владельцу над правом самого бедного гражданина. [Также здесь нет] аристократии, привилегированных орденов [и] постоянных армий, чтобы ослаблять физическую и нравственную силу людей, [или] тучи общественных функционеров, чтобы в безделье поглощать хлеб бедных. Кроме всего прочего, здесь нет князей и коррумпированных судов, представляющих так называемое «божественное право рождения». В такой стране таланты, энергия и настойчивость человека... имеют гораздо больше возможностей для проявления, чем при монархии...

Несмотря на то, что трудящийся заслуживает своей награды... мы очень сильно не одобряем тех, кто, нарушая закон, пытается поддерживать слишком бесцеремонное дерзкое право. Если требования рабочего класса хорошо обоснованы, то легальные средства... находятся в распоряжении людей для обеспечения их прав... Свобода слова и печати, всеобщее право на голосование и неограниченное право вступать в союзы и объединения [отменяет] все предпосылки для насильственной оппозиции закону... Сами люди [являются] и правителем, и кабиной для голосования, и судами, и законодательными органами, а Капитолий в Вашингтоне [служит]... ареной, где бескровное соперничество происходит во имя общественного блага» [55].

После 1846 года аграрные и экономические кризисы обеспечили больше предпосылок для революции. По всей Германии местные парламенты давили на правителей, требуя собрать национальный парламент и написать национальную конституцию, в то время как рабочие и студенты вышли на улицы с требованием политической реформы. В марте 1848 года эти объединенные силы вынудили князя Меттерниха бежать в Лондон и прогнали австрийского императора Фердинанда из Вены [56].

В Берлине прусский король Фридрих Вильгельм IV с горечью наблюдал, как льется кровь у него на дворцовой лужайке. Он запоздало и в отчаянии предложил конституционные уступки революционерам, но был лишь посажен под домашний арест и увидел, как его правительство оказывается в цепких либеральных руках. По указанию мятежников он одобрил майские выборы нового национального парламента. В эти ме-

сяцы будущий германский канцлер Отто фон Бисмарк сделал свой политический дебют, решительно выступив на стороне особ королевской крови [57].

18 мая 1848 года национальный парламент встретился в церкви Святого Павла во Франкфурте, чтобы решить вопрос отношения к монархии, определить основные права германского народа и определить государства-участников новой Германской Империи. Эти дебаты продолжались во Франкфурте до мая 1849 года, после чего погасли, не успев разгореться, среди остатков парламента в Штутгарте в июне [58]. Делегаты прибыли со всех районов Германии и представляли срез общества среднего класса и профессий. Имелось 649 мест, хотя фактически было избрано меньше депутатов. За одним исключением, на одной сессии появлялось не более 450 человек. Подавляющее большинство составляли образованные гражданские служащие и ученые, более 600 имели университетские дипломы, 80 процентов из них – по правоведению, – и все были обязаны государству своей работой [59].

Эти факторы могут объяснить перемежающиеся смелость и нерешительность Собрания. В дополнение к въевшейся германской вере как в свободу личности, так и государственную власть, у делегатов также имелись личные причины не перебарщивать. Отражая ту эпоху, количество представителей от других классов было минимальным. Беднейшая часть среднего класса едва ли вообще была представлена, и среди делегатов не оказалось ни одного посланца рабочего класса. Тем не менее, если либеральная, образованная Германия и доминировала во Франкфуртском Национальном Собрании, то депутаты не забыли ни про социальное,

ни про политическое благополучие всего населения в законах, за которые голосовали.

Объявляя себя суверенным голосом германского народа, с политической властью, превосходящей власть любого государства-участника, Собрание стало временной центральной властью, или официальным национальным правительством. Оно взяло на себя командование армией и право определять политику страны в отношении войны и мира. Собрание намеревалось править в тандеме с временным имперским регентом, или исполнительным лицом, обладавшим властью командовать армией и назначать государственных министров от имени Собрания. Несмотря на очень высокий титул и уступку исполнительной власти, регент фактически являлся низшим партнером в новой конституционной монархии.

Изначально политической целью была самая крупная из возможных германская конфедерация, включая говорящие на немецком языке австрийские земли, под правлением регента из Габсбургов. Эту честь отдали эрцгерцогу Иоганну австрийскому. Но до того как Австрия сможет присоединиться и вести «большую Германию», Собрание потребовало от нее отделить негерманские земли Австро-Венгерской Империи, что австрийцы отказались сделать. Даже если бы они и хотели, все еще имелись веские основания для противостояния большей Германской конфедерации. Хотя она и обещала большее жилище, с семьюдесятью миллионами немцев, насколько плотно может быть заселен этот шатер? Больше всего Собрание хотело добиться неприступного и неуязвимого германского государства, а этому препятствовало присутствие Австрии, дающее о себе знать. Со своей негерманской

Империей или без нее, предводительство австрийских Габсбургов означало продолжающееся австро-прусское соперничество за гегемонию. Недавняя история этого соперничества уже привела к разделу и бедствиям. В марте 1849 года большинство делегатов Собрания высказались за меньшую и более сплоченную Германию под прусскими Гогенцоллернами в лице Фридриха Вильгельма IV [60].

Как и в случае предыдущих германских союзов и конфедераций, успех зависел от признания великими европейскими державами. А оно наступало медленно и робко, если вообще происходило. Эти державы не желали видеть Германию объединенной, как и усиление ее военной и экономической мощи. Только Соединенные Штаты Америки признали Собрание официальным правительством Германии. Даже более обескураживающим и приводящим в уныние было молчание крупнейших германских держав – Австрии, Пруссии, Баварии и Ганновера. Ни одна из которых не желала признавать имперскую конституцию, как стоящую над их собственными [61]. Многие главы государств Германии считали, что Франкфуртское Национальное Собрание – это, скорее, Вавилонская башня, чем какой-либо призывный клич к нации. Крупные германские государства, с большой поддержкой населения отвергли взятие на себя Собранием высшей военной власти. Поэтому даже когда новое национальное правительство готовилось занимать места, его самые сильные составляющие считали что это «пароход без пара», имеющий малую вероятность пережить беспокойные европейские воды, а значит, его лучше оставить в сухом доке... Что и было обеспечено весной 1849 года.

Основные права

В декабре 1848 года Франкфуртское Национальное Собрание зафиксировало продолжающееся несколько десятилетий движение за свободу в законе об основных правах, состоявшем из четырнадцати статей. Законом отменялось аграрное крепостное право, и этот сборник статей, охватывающий несколько сфер и защищающий личные, политические права и право собственности, был назван, несколько преувеличенно, «окончанием Средних веков в Германии» [62]. Преувеличено, поскольку многое из того, что являлось «средневековым», закончилось в более ранние столетия. Но и ликвидация крепостного права не оказалась ни строго принципиальной, ни окончательной и бесповоротной, как предполагает само слово «отмена». Землевладельцы-аристократы получили крупные компенсации за освобождение своих крестьян, но в то время как свобода последних была немалым достижением, новое классовое общество, которое заменило предыдущее, получилось почти таким же расслоенным и суровым, как поместное, от которого немцы пытались уйти, начиная со Средних веков. Процветающее аграрное и промышленное общество продолжало противостоять большим количествам зависимых рабочих, стоявшим близко к низам или в самом низу общества. Это были массы несчастных, которые создавали новые возможности для революционных политических партий. В реальных социальных и экономических терминах Средние века не закончились в Германии в 1848-49 годах, они просто переехали в пригороды и города [63].

В соответствии с французским Просвещением и наполеоновской революцией, закон об основных правах

разделил Церковь (каноническое право) и государство (светское право). Прецеденты подобного существовали уже в эпоху Реформации. Однако в отличие от Франкфуртского Национального Собрания, которое позволило гражданам выбирать местных священнослужителей, как они выбирали членов парламента, секуляризированная религия Реформации никогда не рассматривала полностью секуляризированного государства [64]. Также в отличие от Европы периода пост-Просвещения, правители и духовенство в более ранние столетия возводили свою соответствующую власть к одним и тем же божественному источнику и санкции. Они делались партнерами в гражданско-религиозном сотрудничестве, а не соперниками в ничего не дающей конкуренции церковь – государство.

Учитывая долгую историческую перспективу, Франкфуртское Национальное Собрание оживило средневековые роялистские споры, целью которых было превращение церкви в покорный департамент государства. Усовершенствовав эту более раннюю конфронтацию, Революция 1848-49 годов подготовила почву для «культурной войны», «Культуркампф», между Римом и Берлином, когда протестантская ярость соответствовала ярости Рима [65]. В этом, как и во многом в девятнадцатом столетии, 1848-49 годы шли против основного течения германской истории, которая никогда не отдавала предпочтения униженному подчинению религии обществу или церкви – государству. Исторически немцы предпочитали дуализм: раздельные, но связанные и сотрудничающие гражданскую и религиозную сферы.

Избегая самых радикальных предложений, которые тогда высказывались на немецкой земле, закон об

основных правах был попыткой усовершенствовать общество путем увеличивающегося «обучения» свободе. Иными словами, требовалось привести как можно больше немцев в средний класс, просто расширяя равенство и возможности. Однако этот разумный подход не предотвратил провоцирования обоих королей и общественного мнения особой сессией Собрания в Берлине, в мае 1848 года. Тогда перед Собранием стояла задача конституционно обеспечить прусского короля. Первым пунктом повестки дня стало предложение обессмертить революционеров 1840-х годов – то есть самих себя – как «слуг Отечества». Хотя это предложение и не прошло, оно само по себе стало ложным посланием прусскому королю. А он и без того относился с большим недоверием к конституционной конвенции во Франкфурте с того самого дня, когда был вынужден ее собрать. Теперь эти революционеры сорок восьмого намерены переписывать историю, как и законы? [66]

Учитывая исторический период, отказ Собрания принимать конституцию, написанную только королем, был достаточно оправданным. Но ожидания, что король Пруссии станет чтить проект конституции, подготовленный Собранием, не были оправданными. В декабре 1848 года Фридрих Вильгельм распустил амбициозное Берлинское Собрание и провозгласил свою собственную конституцию. В качестве оправдания он называл подчиненное положение, в которое намеревалась поставить его конституция Собрания. Заметив то, что он называл «заблудшим запахом революции», Фридрих Вильгельм в частых беседах с презрением говорил о короне, которую она может предложить, как о «собачьем ошейнике». Когда 3 апреля 1849 года делегация Собрания на самом деле предло-

жила ему корону, он попросил по отдельности опросить по этому вопросу королей, князей и свободные города Империи. Это было риторическим напоминанием, что он, как монарх, стоит в насчитывающей века последовательности германских правителей, которые получали короны прямо от Бога [67].

После этого Франкфуртское Национальное Собрание могло только распасться. Австрийская делегация сняла с себя полномочия 5 апреля, прусская – 14 мая, оставив небольшую фракцию левого толка, чтобы «выключить свет» в Штутгарте, куда в июне перебрались остатки Собрания. Хотя сочувствующие историки признают революционные эксцессы и сомнительную демократию в конституции Франкфуртского Национального Собрания, современная история считает, что оно нарушило инертность монархии. Стремление Собрания к власти привело к провалу германской демократии в 1849 году [68]. Однако эта точка зрения игнорирует то, что политические мечты Собрания напугали обеспеченный средний класс – особенно более уязвимую беднейшую часть среднего класса, а также рабочих, которые не желали оставаться в положении «низших». В эти прогрессивно-регрессивные десятилетия немцы не хотели рисковать тем, чем имели, начиная политические и социальные изменения, в которых не были уверены. Несмотря на свою ценность, как прецедента, и яркие будущие перспективы, революция 1848-49 годов разделила и политизировала немцев того времени.

Падая вперед

18 июня 1849 года прусские солдаты закрыли двери за остатками Франкфуртского Национального Соб-

рания, работавшего в Штутгарте. В немецкой истории это королевское отвержение демократических сил часто сравнивается с подавлением Крестьянской войны в 1525 году. Каждое событие являлось поворотом назад стрелок исторических часов [69]. Однако это суждение несправедливо оценивает сложность и прогрессивность германской истории до 1848 года. После 1525 года на самом деле имели место мелкие реформы и некоторое облегчение страданий крестьян. Во многих местах отменили десятины, трудовую повинность и налоги на случай смерти. Водоемы, леса, луга возвратили в общее пользование. Также было ограничено право на ведение боевых действий на засеянных полях и выпуск туда собак – приняты меры против вытаптывания полей животными [70]. Что более важно, каждая сторона смогла оценить, когда ждать срыва другой. Для крестьян таким моментом было – произвольное и полное изменение или отмена обычных прав и привилегий, для князей – анархическая и утопическая революция снизу [71].

Германия 1848-49 годов – это история политической и социальной перестройки, которую искали и которой противостояли, это годы репрессий – как королевских, так и революционных. И до, и после Франкфуртского Национального Собрания короли сбегали, подвергались аресту, парламент и конституции произвольно уничтожали. Если после этого монархи и аристократы остались сильными, как всегда, то немецкий средний класс стал еще сильнее. Именно поэтому он сделался крепким центром общества, идущего к увеличивающимся возможностям и надежности. Многие немецкие земли все еще имели конституции, по которым правители и парламенты делили общую власть и

управляли ими. И, как в случае князей и крестьян в 1525 году, обе стороны конфликта поняли, что другая может, а чего не может вытерпеть. И это также не особо отличалось от ситуации после Крестьянской войны [71].

То, что Франкфуртское Национальное Собрание не сделало все по-своему, развеяло столько же страхов, сколько и породило. Большинство немцев с облегчением поняли, что их страна не запрыгнула на скоростные рельсы высокоэкспериментального общественно-политического и экономического будущего. И снова, как на протяжении всей германской истории, великие европейские державы радовались, зная, что на арене еще нет объединенной, более великой Германии.

1848-49 годы – это не грустная история погубленной германской демократии, а еще одно столкновение в долгой серии конфликтов между двумя душами доктора Фауста – то есть, немцев, находящихся в сильном противоречии с самими собой [72]. Франкфуртское Национальное Собрание провалилось не потому, что делегаты были слишком непрактичными или философствующими. Причины не в том, что противостоящие им князья оказались безнадежно отсталыми, а германский народ патологически стремился к иерархическому правлению. В итоге врагами Собрания стали как короли, так и средний класс, как консерваторы, так и либералы. Революция 1848-49 годов провалилась по тем же причинам, что и многие из ранних германских реформ или восстаний – поскольку современники считали, что она неправильно поняла пропорции власти и свободы, безопасности и равенства. Собрание прогрессивно подходило к большинс-

тву базовых германских нужд, и его будут помнить и возрождать, когда более поздние парламенты станут возобновлять поиск ускользающей и трудной для понимания немецкой политической смеси.

Глава 7

Абсолютный дух и абсолютный народ

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ТЕЧЕНИЯ ДЕВЯТНАДЦАТОГО СТОЛЕТИЯ

В первой половине девятнадцатого столетия многочисленные германские земли увидели расцвет демократических движений, когда правители были вынуждены или бежать, или добровольно ступать вниз с трона, позволяя создавать новые парламентские правительства. В сравнении с французской, немецкая революция бледна. Придя в ужас от организованной якобинцами анархии, немцы – как либералы, так и консерваторы – не позволили французской свободе очень далеко продвинуться вниз по социальной лестнице. Когда требовалось сделать четкий выбор, немцы предпочли политическую обособленность или подчинение революции снизу. Однако критики имелись и слева и справа. Одни ругали немецкое Просвещение, как недостаточно реформистское, другие – как неадекватно реставрационное.

Будущий немецкий канцлер Отто фон Бисмарк нашел равнодействующую в этих спорах во второй половине девятнадцатого столетия. Он появился, как национальная политическая фигура, во время предсмертных судорог Франкфуртского Национального Собрания. Бисмарк стал громоотводом для немецкой борьбы в политической сфере, сталкивая соперничавшие либеральные и консервативные парламентские фракции для обеспечения спасительного для нации – по его мнению – среднего курса, от которого часто отклонялись [1].

В интеллектуальной сфере ряд блестящих мыслителей, практически все из которых некогда исповедовали лютеранство, последовательно обращались к жизненно важным вопросам мысли и культуры – начиная с относительно осторожного Иммануила Канта и дойдя до пика в виде яростного Фридриха Ницше. Это было связанное развитие, поскольку немецкие религия и философия не особо далеко отходили от общества и политики. В итоге восстание интеллектуалов помогло повернуть германский политический застой в один из самых продуктивных – и разрушительных – переходов в германской истории, который продолжается до сих пор, до начала двадцать первого века [2].

ОТ КАНТА ДО НИЦШЕ

Коперниканская революция Канта

Философ из Кенигсберга Иммануил Кант может считаться величайшим умом германского Просвещения. Его аргументы открыли глаза, которые давно были закрыты, но также навесили на них и новые

шоры. Диалектический мыслитель в германской дуалистической традиции, Кант ограничивал знания, делая их строго научными – то, что он называл «чистым разумом». Тем не менее, он возвышал знания, демонстрируя трансцендентальную нравственную сторону, или «практический разум». Возвышая человеческую природу, ставя голос Бога в ее основу, он также укорачивал ее, ограничивая этот голос интроспективным сознанием. Таким образом, он делал именно индивидуума (не общество и не политику) целью критических замечаний. Для консервативной Германии перед эпохой перемен учение Канта, объединявшее как старый, так и новый мир, казалось идеальной философией.

В серии дерзких и вызывающих работ Кант анализировал силу человеческого разума, воли и суждения. Для простых смертных его выводы вновь оказывались как лестными, так и ставящими на место. Они были лестными, поскольку Кант демонстрировал, что известный мир в большей мере является созданием сознания, чем каким-либо зеркальным отображением самой реальности. Ставящими же на место их можно считать, поскольку то, что разум может надежно знать, показывалось Кантом, как ограниченное и субъективное. Сфера истинного знания, хотя и наиболее точная, наиболее мала из-за безжалостности чистого разума.

Философы и теологи, которые хотели авторитетно говорить о жизненно важных духовных реальностях – Боге, душе, свободе и бессмертии – находили новые ограничения Канта обескураживающими [3]. Чтобы быть уверенным, чувственные и рациональные силы человека могут надежно воспринимать, обрабатывать и классифицировать объекты окружающего его мира. Но эти земные реальности известны только как «явления»:

их отличительные черты и особенности, или «сути» – Dingen an sich [Dingen an sich – вещь в себе. – Прим. перев.] – навсегда остаются скрытыми. Кроме перьев и чешуи, что такое курица или рыба? Разум не может определенно сказать; внутренние отличительные черты вещей остаются «ноуменальными» за чувственным восприятием и определенным охватом. Одним словом, человеческий разум знает лишь то, что находится прямо у него перед глазами, да и то – только на поверхности. Для Канта это не было ни скептицизмом, ни атеизмом – просто четким признанием человеческих ограничений.

Тем не менее, пока чистый, или научный разум быстро ударяется в стену, разум в полном охвате имеет свойства воли и суждения, которые позволяют ему выходить за эмпирическое. Таким образом, Кант положил в основу доводов и исходил из «практического разума», своего рода нравственного ума, имеющего доступ к впечатляющему, в случае демонстрации, духовному и трансцендентальному миру. Порог такого знания лежит за чистым разумом, тем не менее, практический разум может «интуитивно воспринять» этот мир. Чистый разум знает меньше вещей с большей уверенностью, в то время как практический разум воспринимает больше вещей, но не столь хорошо.

Кант определил трансцендентальные силы разума из прочувствованной предрасположенности к добру, что он считал всеобщим в человечестве. Таким образом, prima facie [prima facie (лат.) – с первого взгляда, по первому впечатлению. – Прим. перев.] он доказывал существование неразрешимого нравственного противоречия внутри: действуй так, чтобы сделать происходящее по твоей воле всеобщим законом. Когда бы практический разум ни столкнулся с нравственной

дилеммой, Кант считал, что внутренний максимум становится постоянным барабанным боем, открывая людей для ответа перед высшим законом и делая способными свободно выбирать добро или следовать в той же мере сильной внутренней склонности ко злу. Этот внутренний закон стал основой для предположения о существовании жизненно важных духовных реальностей за пределами круга познаний чистого разума: Бог, душа, свобода и бессмертие.

В отличие от французских философов, Кант и немецкое Просвещение не могли позволить уйти традиционной религии. Однако они инициировали ее моральную реконфигурацию и окончательную секуляризацию. Кант называл это «религией внутри границ только [практического] разума», где Иисус Христос становился «историческим архетипом» или идеальным воплощением того, что практический разум интуитивно знает. В свою очередь, Святой Дух является идеальным обозначением «добра и чистой предрасположенности к добру» человечества, а библейское Золотое Правило величественно переименовывается в «категорический императив» [4]. [Золотое Правило – чего не хочешь для себя, не делай другому – отрицательная формулировка, приписывается талмудическим авторитетам Гиллелю, рабби Акибе. Для евангельского учения характерна формулировка положительная – не просто воздержание от зла, но и активное добро. – Прим. перев.]

ЯРОСТНАЯ БОРЬБА

В годы, ведущие к Немецкой революции 1848-49 годов и объединению Германии в 1871 году, либеральные

мыслители разжигали искры политических перемен, в то время как консерваторы возводили брандмауэры из немецкого прошлого. К политическим баталиям добавлялись не менее яростные академические, когда философы и писатели пытались извлечь уроки как из радикального французского, так и консервативного немецкого Просвещения. Борьба велась как на параллельных, так и пересекающихся фронтах. На академических высотах плеяда философов, следующих за Кантом, постепенно разрушала традиционное христианство. Один из них, философ Людвиг Фейербах, делал это контринтуитивными аргументами из классического лютеранства. Реакционные интеллектуалы, с собственным коктейлем, смешанным из романтизма, национализма, расистской теории и социального дарвинизма, формировали более простую шовинистическую культуру новой эпохи. Вместе эти параллельные академические и народные движения питали социокультурное восстание против прошлого, которое сделало значительный вклад в катастрофы Германии двадцатого столетия.

Фихте и Гегель

Разделение Кантом разума вызвало возражения как романтиков, так и родственных идеалистов. Ставя абсолютную истину вне пределов досягаемости, новая критическая философия подрывала единство реальности, которое изначально предполагали эти мыслители, и угрожала bona fides [bona fides (лат.) – честное намерение, добросовестность, честность. – Прим. перев.] их трансцендентальных полетов [5]. Профессор Йенского университета, философ Иоганн Готлиб Фихте стал первым, кто предложил рациональный

путь обхода мира явлений Канта, в который невозможно проникнуть. Он заново объединил разум и заново установил его способность далеко простираться, объявив действия человеческого сознания высшей реальностью. Таким образом, мир явлений стал самовоплощением собственного «я»: «реальность» за реальностью не была, как утверждал Кант, «ноуменальной», которой невозможно коснуться. По Фихте это само человеческое «я» – всесоздающее и всезнающее. Этим аргументом Фихте наделил разум абсолютной созидательной способностью, которую средневековые философы приписывали только Богу. Одним словом, человек должен исходить из мира вокруг себя [6].

Весь размах романтическо-идеалистического восстания против Просвещения стал лучше всего виден в философском раскрытии истории «абсолютного Духа», Geist, Георгом Вильгельмом Фридрихом Гегелем. Под этим он имел в виду высшую силу и значение, стоящие за всем. Выражая веру в то, что рациональное реально, а реальное рационально, его «Феноменология духа» получилась смелой и дерзкой научной работой в противоположность осторожному изучению Кантом ограничений разума [7]. Последним в этом ряду мыслителей стоит Фридрих Ницше, или пророк смерти Бога, который ждал прихода Übermensch, так называемого сверхчеловека, или человека за пределами человека – самосделанного, нового типа, способного занять место Бога и его силы.

Но если обычный немец и станет «мерилом всех вещей» и будет «идти один» в манере сверхчеловека, это не даст ему защиты и привилегий университетской должности. Тем не менее, человек с улицы тоже хочет иметь «мировой дух», и может этого до-

стичь, став «коллективным человеком» – скромно присоединившись к хоровому обществу, охотничьему клубу, став членом политической партии – как все увеличивающееся число людей делало с манией величия в девятнадцатом столетии. Таким образом, они сливались с трансисторическим, пангерманским Volk (народом), популярным эквивалентом «абсолютного духа».

Великий германский проект Гегеля

Кант и Просвещение модернизировали старый конфликт между верой и знанием – теперь практическим и чистым разумом – путем проведения более глубокой черты в философских и теологических песках. Как философ, нацеленный поднять интуитивный опыт религии от примитивного чувства рационального сознания, Гегель видел угрозу работе своей жизни в разделении Кантом чистого разума и практического разума. То, что Кант также сделал индивидуума хозяином своих ограниченных владений, мало успокаивало. Приняв вызов Канта, Гегель стал философом своего времени.

Однако он в некотором роде сделал шаг назад к средневековым схоластикам, чей объединяющий девиз «Вера ищет понимания» являлся более скромной или смиренной версией его собственного. Вместе с ними Гегель верил, что Бог, которого нельзя правильно понять разумом, будет забыт в просвещенном мире. Только когда Бог и нравственный закон понимаются на высшем человеческом уровне, что для Гегеля было философским сознанием за пределами религии и искусства, человек получает знания, предначертанные ему судьбой.

«Если не будет никакого знания о Боге, то единственная область, которая остается интересной духу [человека], – это небожественное, ограниченное, окончательное. [Поскольку человек также должен жить в этом меньшем мире], еще более необходимо, чтобы у него в жизни был священный день отдохновения, [в] который он может уйти от своих ежедневных забот... посвятить себя тому, что на самом деле реально и осознать это [разумом]» [8].

Хотя Гегель изображался, как дитя Реформации, его великий страх в большей мере сродни страху схоластиков, с которыми боролся Лютер. Этот страх – непостижимость и непознаваемость Бога и, следовательно, его возможное не-существование. Ничто из этого не беспокоило Лютера, для которого превосходство и реальность Бога были гарантированы простой библейской верой. Лютеран беспокоила возможность неправильной веры в божественную волю. Угроза заключалась в том, что Бог одновременно существовал и лгал, а поэтому был истинным, вечным злым Другим. Именно так в шестнадцатом веке лютеране видели нигилизм, который не только оставлял человека незнающим и одиноким во вселенной, но также и на милость неизвестной и подавляющей силы. Кроме всего прочего, лютеранская вера убеждала, что Бог верен своему Слову, и Ему с уверенностью можно доверять.

Подкрадывающиеся атеизм и нигилизм, которые увидели Гегель и Гете в девятнадцатом веке, эхом повторяли увиденное старыми схоластиками (отсутствие знания Бога, отсутствие Бога, а нет Бога, то нет и будущего человечества), только теперь новое поколение философов воспринимало их, как освободительную

возможность для человечества. Учитывая строгие кантианские ограничения по разуму, мыслители пост-Просвещения верили, что сталкиваются с миром без превосходства или истины за пределами сознания отдельного человека. С отрицанием любого объективного стандарта познания или оценки мира за человеческим разумом, сам мир может быть лишь настолько реален, насколько посчитает этот разум [9]. Гегель считал такие выводы преисполненными не только эпистемологической, но также экзистенциальной и политической опасностей. Поэтому он и предпринял попытки спасения трансцендентальности, демонстрируя ее существование философски, или путем рациональной критики.

Фридрих Ницше, который работал в последней четверти девятнадцатого столетия, нахватался еще более угрожающего нигилизма, чем предвидели Лютер и Реформация. Он полностью предоставлял человека самому себе в мире, которым управляет лживый Бог. Через Заратустру, его воображаемого пророка «сверхчеловека», Ницше представлял иудейско-христианского Бога как ту самую угрозу, которой боялся Лютер – как подделку, без надежной силы, который терял интерес и лишал человечество своей милости, как только оно не удовлетворяло его ожиданий. В этом Ницше видел не Бога, который умер за человечество, а скорее того, который умер ИЗ-ЗА человечества, из жалости и позора за то, что буржуазное общество девятнадцатого столетия сделало из его изначального создания [10].

После Гегеля

Широко споря о трансцендентальных связях разума, Гегель верил, что он может спасти первобытную

общность Бога, человека и вселенной. Подняв эту общность до полностью рационального сознания, он дал новую жизнь взгляду на мир романтиков от Иоганна Готфрида фон Гердера до Гете. И идеалисты, от лица которых говорил Гегель, и романтики, которые еще больше презирали Просвещение, стремились к общности и уверенности в знании, отрицаемым философией Канта. Ведомая своим собственным модернизирующим крылом, церковь также присоединилась к этим философским дискуссиям [11]. В опубликованных речах, обращенных к «презирающим религию культурным людям», берлинский теолог Фридрих Шлейермахер, который вскоре стал самым известным лютеранином после Лютера, обвинял «холодный мировой разум» Просвещения в приготволении наскоро религии, словно это «беспорядок из метафизических и этических крошек» [12].

Эти новые сложившиеся группы – романтики, идеалисты, либеральные католики и пиетисты-лютеране – сталкивались с более внушительными врагами, чем Кант и Просвещение, с которыми, несмотря на жаркие споры, они все еще имели что-то общее. Гегель чувствовал большую опасность и, будучи еще более амбициозным, чем философы Просвещения, поднял разум еще выше – за Канта, Священное Писание и историю – подчиняя каждый авторитетный голос философскому разуму. Такими экстравагантными заявлениями он наивно вкладывал большую киркомотыгу в руки детей Просвещения, ведущих подрывную деятельность, и они назвались в честь него – младогегельянцы. Это были молодые, относящиеся к левому крылу, несентиментальные мыслители, готовые повернуть культурный и социальный порядок вверх ногами [13].

Изначально Гегель вместе с Гете поддерживал основную линию германского дуализма, которая всегда предпочитала несовместимости, отражая веру в то, что человеческая жизнь в своей основе оппозиционна. Николай Кузанский, который утверждал «совпадение противоположностей» в пятнадцатом веке, и Лютер, для которого человек в лучшем случае оставался «одновременно благочестивым и грешным», были ранними примерами [14]. Здесь Бог и человек, вечность и время, добро и зло, сосуществовали диалектически, одно также пустило корни, как и другое, и являлось таким же незаменимым для понимания человечества.

И философски, и политически новые радикальные мыслители искали, что упростить и какие вопросы решить. Предполагая абсолютную независимость разума и объявляя независимые трансцендентальные реальности несуществующими, они приводили в порядок и осуждали демистифицированный мир пост-Просвещения, резко и горячо выступая против него. Основополагающие убеждения и верования старого режима, начиная с классического христианства, подвергались атаке в быстрой последовательности. В отличие от Канта и Гегеля, которые рационализировали Христианство и морализировали о нем, левые гегельянцы отмахивались от него, как мистического и даже вредного.

Давид Фридрих Штраус и Людвиг Фейербах

В «Жизни Иисуса», опубликованной в 1835 году, Давид Фридрих Штраус, церковный историк и ученик Гегеля, отрицал историчность Иисуса и изображал классические христианские убеждения, как исторические мифы, не отличающиеся от мифов других

мировых религий. Для многих в то время его книга показалась тревожной и вызывала беспокойство, и она стоила ему должности профессора в Цюрихе. Философ из Эрлангена Людвиг Фейербах опубликовал в 1841 году «Сущность христианства», которая была тепло встречена Фридрихом Энгельсом и Карлом Марксом. Он утверждал, что теология – это антропология, а от человека одновременно исходят и человеку предназначаются заявления о Боге. Божественное объясняет то, что думает о себе человек, или то, кем он намеревается быть (могущественный, мудрый, хороший, благочестивый, милостивый). В поддержку своего тезиса Фейербарх цитировал хорошо известное заявление Мартина Лютера: «Человек получает от Бога в том размере, в котором верит в Бога», и делает вывод, что эти слова означают: вера, истолкованная как человеческая проекция, создала Бога [15].

Разоблачение Фейербахом христианства нацеливалось на христианский индивидуализм и политическую авторитарность, что было совместимо на протяжении германской истории. Их возвеличивание отдельной личности над обществом, как говорилось, представляет самую большую угрозу прогрессивному буржуазному обществу и либеральной демократии [16].

Когда Фейербах готовил диссертацию, то оказался на стороне Гегеля в основном противоречии Гегеля и Канта. По его мнению, разум не безграничен и индивидуален, а универсален и социален. «Пока я думаю, – писал Фейербах в своей диссертации, – я больше не отдельная личность» [17]. Он утопически представлял просвещенное общество любви, равенства и разделения всего – после того, как христианский субъективизм будет успешно разоблачен и от него откажутся.

Из подобных размышлений он сформулировал новый социальный императив, возможно, учитывая более индивидуалистический у Канта:

«Думайте в существовании, в мире, как его часть, а не в вакууме абстракции, как одинокая монада, абсолютный монарх, безразличный Бог из другого мира» [18].

КАРЛ МАРКС

Как и Фейербах, Карл Маркс был восторженным, но критическим учеником Гегеля. Ни он, ни Фейербах не получили оплачиваемой академической должности после завершения диссертации из-за противоречивого характера работы. После чтения лекций в университете, не имея ставки, Фейербах управлял фарфоровым заводом своего тестя, а Маркс полностью покинул мир науки и работал политическим репортером в либеральной левой газете «Рейнише Цейтунг» до того, как правительство закрыло ее в 1843 году [19]. Во время революционных 1840-х годов оба жили в принявшим их Париже.

Хотя Маркс принял теорию Фейербаха о проекции и антихристианскую социальную программу, он считал, что Фейербах и Гегель имеют один и тот же недостаток. Наделив мужчин и женщин божественными силами разума, ни один из них после этого не отправлял их в апокалиптическое сражение против несправедливости реального мира. Из двух Гегель подошел ближе к этому, восхваляя политического человека, или человека, который живет и работает в государстве, как высшую инкарнацию человечества. Однако, в от-

личие от Руссо и Робеспьера, с которыми соглашался Маркс, Гегель не видел в государстве самого жестокого врага личности, а скорее хвалил за то, что оно дает отдельным личностям стабильность, величие и цель, превышающие те, которые они могли бы коллективно достичь сами по себе [20]. В представлении истории Гегелем, цивилизация начиналась у персов, которые передали ее евреям, те, в свою очередь, – грекам, греки – римлянам, разделившим ее с германцами, которые довели ее до совершенства в современном Прусском государстве [21]. Для Маркса это был великий «воздушный замок» Гегеля – он неправильно понял деспотическое Прусское государство и его уступчивых и хорошо приспосабливающихся граждан-христиан, приняв их за высший политический коллектив человечества.

Несмотря на такую критику, Гегель знал также, как и Маркс, что работа в государстве является «отчуждающей». Этот термин Маркс взял из работы Гегеля и применил к новой промышленной эпохе. В философской традиции, которую представлял Гегель, трансцендентальный «абсолютный дух», Geist, за пределами личности, являлся самой необходимой частью жизни. Без него ни работа, ни правительство не имеют никакой законности, и также нельзя рассчитывать, что какого-либо рабочий или правитель, который считает себя верхом реальности, выполнит свой долг [22].

Левые гегельянцы не желали терпеть реальность, не дотягивающую до идеальной, и давали миру знать о его недостатках. Критика Марксом германского общества и культуры стала самой романтичной и, тем не менее, безжалостной. В то время как он соглашался, что коллективная политическая жизнь – это чело-

веческая жизнь в самом полном выражении, Маркс отрицал христианские идеалы, как какую-либо правильную ее часть. Возвышая личность, религиозно санкционированная трансцендентальность являлась источником спорной социальной и политической власти, скорее подрывая, а не укрепляя общественные и этические основы общества. В этом Маркс полностью соглашался с левыми гегельянцами и их критикой христианства. Как и Фейербах до него и Ницше после, он прослеживал все, что ему не нравилось в современном обществе, к «трансцендентальному христианскому государству», во многом, как Гитлер в 1930-ые годы, когда тот сделает козлов отпущения из евреев и их веры, но также отправит в их лагерь и христиан. Буржуазная демократия и либеральное государство являлись для Маркса наследием соединения церкви и государства [23], в котором личность одерживала победу над человечеством, трагически теряя коллективную жизнь и этическую общность [24].

В поисках окончательного решения Маркс делал мишенью частную собственность, источник разделения между богатыми и бедными, имущими и неимущими [25], что никогда бы не произошло без успеха христианского индивидуализма. Выживание видов, таким образом, виделось зависящим от восстановления общественного человека, или человека массы. А восстановление человека общественного могло вызвать только уничтожение индивидуальных религиозных и политических свобод – смерть Бога и либеральной демократии [26]. Представлялся новый политический коллектив, в котором гражданские служащие и рабочие, буржуазия и пролетариат живут вместе в бесклассовом обществе [27].

Маркс ожидал, что революция 1848 года станет боевым кличем. Из Брюсселя, куда он перебрался в 1845 году, он наблюдал завершение Франкфуртского Национального Собрания. И там же они с Фридрихом Энгельсом организовали Коммунистическую партию и опубликовали окончательную версию «Манифеста» в 1848 году. Изгнанный из Брюсселя Маркс поселился в Англии, где вместе с другими руководил международным коммунистическим движением и среди других работ написал первый том «Капитала». Критикуя капитализм, он описывал «деперсонализацию» рабочих и «варваризацию» гражданской жизни, преступления против человечества, на которые, как считал Маркс, философы и политики того времени закрывали глаза [28].

Там, где Гегель и Фейербах в теории давали человеку возможности и права, Маркс превращал абстрактные построения в реальный протест, призывая массы бедных рабочих идти в политику. Это была пролетарская версия изменения истории кровью и железом. В марксистском захвате власти рабочие – мужчины и женщины – спасали как себя, так и классы, стоящие выше на социальной лестнице, создавая эгалитарное общество за иерархическим национальным государством. Маркс представил описание этого события в терминах, которые его старый учитель и противник Гегель воспринял бы, как пародию: «Истинный коммунизм – это настоящая революция конфликта между существованием и сутью, деперсонализацией и независимой активностью, свободой и необходимостью, индивидуумом и видами, это решение загадки истории» [29].

Его слова были странными и зловещими, но совсем не пророческими. Можно сказать, что они были

странными, поскольку большинство немцев в девятнадцатом веке не верили, что значение истории когда-либо можно будет полностью сделать очевидным и обнародовать, и уж определенно не путем пролетарской революции. Утверждение, что пролетариат, если дать ему контроль над средствами производства, благородно освободит средний класс – что последний никогда для него не делал – являлось своекорыстным гегельянским мифом [30]. С другой стороны, можно сказать, что слова эти – зловещие, поскольку на протяжении девятнадцатого столетия критическая масса людей на самом деле начала разделять такие мечты тысячелетия. Наконец, эти слова следует считать непророческими, поскольку не предвиделась возможность умеренного политического марксизма, прагматично принятого и успешно примененного социал-демократами во время и после 1870-х годов [31].

Эти радикальные течения Просвещения, романтизма и постгегельянского критицизма сопровождались технологическими скачками – газовые лампы, телеграф, железные дороги и пароходы – которые тоже означали неограниченное освоение людьми жизни. В университетах и на гражданской службе в течение жизни Маркса велись разговоры об идеальных человеческих существах и обществах, бросался вызов германскому историческому взгляду на человека и общество, всегда имеющему недостатки. Вместо любых твердых доказательств противоположного, старая Германия советовала улучшение и исправление через образование и самопожертвование, отказываясь от каких-либо идей окончательного решения человеческого конфликта на этой стороне вечности.

Высоконравственная вселенная, обещанная успешной пролетарской революцией, будила новую коллективную необходимость, ту, которая звенела на улицах, как и в сознании, и побуждала к полному социополитическому захвату общества и политики. Для немцев с долгой исторической памятью такая амбиция являлась эхом провалившихся видений Майстера Экхарта и Томаса Мюнцера, героев позднего Средневековья. Их реабилитировали романтики и марксисты – как предшественников и предвестников социокультурного восстания девятнадцатого столетия. Эти ранние революционеры также искали окончательного решения противоречий истории: Экхарт – путем духовного единства «за пределами всех разделений», Мюнцер – путем «кровавого очищения» социополитического устройства [32]. Оба проекта, которые современники считали икарийскими [икарийский – безрассудно смелый, обреченный на неудачу. – Прим. перев.], умерли при зарождении.

Фридрих Ницше

«Мир глубже, чем человек когда-либо осознавал». Так говорил персидский антихристианский пророк у Фридриха Ницше [33]. В этом заключается критика Просвещения за недооценку важности положения человека в современном мире. У Ницше человек девятнадцатого столетия стал «последним человеком», человечество – за гранью спасения как Просвещением, так и левыми гегельянскими критиками [34]. Единственная надежда человечества теперь – это прыжок к новым видам, за пределы производимых буржуазным, христианским, либеральным демократическим обществом.

Ницше поднял своего нового человека из пепла иудейско-христианского мифа, провалившегося Просвещения и со-зависимой либеральной демократии [35]. Наделенный абсолютной волей к власти, сверхчеловек свободен переделать себя и мир так, как пожелает. Его кредо – это вечное повторение и возвращение к старому – жизнь без траекторий и приращений. Новый человек больше не был смиренным христианином, созданным и возвращаемым себе высшим Богом. Он сам стал альфой, омегой и всем между ними – без извинений, сомнений и сожалений [36].

Такие особые личности, не останавливающиеся ни перед чем, которых не тормозит бессмысленность жизни, проложат и отыщут путь для всех [37]. Ницше нашел для них название в имени греческого бога виноградарства и виноделия Диониса. В его построении Дионис был неразрушимым, полярной противоположностью Иисусу «Распятому», который умер. Новый человек выживает в современном нигилизме благодаря жизнеутверждающему, дикому экстазу. Ницше сравнивал опыт с силой музыки, одновременно облагораживающей и трагической, когда она мгновенно примиряет антитетические силы, которым предназначено «вечно находиться раздельно» [38]. Момент веры Лютера раздирался точно таким же конфликтом и оставался таким в музыкальной передаче его Бахом [39]. Но в отличие от экстаза сверхчеловека Ницше, лютеранская вера оставила нестираемое подтверждение трансцендентальности, примирения людей, которым предназначено вечно быть вместе, однако очень ненадолго.

Как и его современник Бисмарк, Ницше верил, что прусские военные успехи и успехи парламента

в меньшей степени являются результатом идей, чем крови и железа [40]. Однако в двадцатом веке идеи Ницше сыграли немаловажную роль. В белградском кафе его работы обсуждали убийцы австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда [41]. А «Так говорил Заратустра» носили в рюкзаках бесчисленные немецкие солдаты. В 1914 году на фронте распространялось специальное издание тиражом 150 000 экземпляров, вместе с Новым Заветом и «Фаустом» Гете – в этом заключался полный, поляризованный спектр старой и новой Германии [42].

Если новая доктрина Заратустры и Диониса помогала гнать солдат в траншеи и утешала их, когда они находились там, то она ничего не делала, чтобы их оттуда вытащить. Современная германская культура подвела и не оправдала ожиданий поколения 1914 года, в той же мере как не оправдала и военная мощь. Это поколение не смогло забыть ужасы поражения и капитуляции, военные репарации и лишения, и со временем отомстило как сверхчеловек.

АБСОЛЮТНЫЙ НАРОД

К высшей цели философии нового века присоединилась цель народной культуры. То, чему Гегель дал название «абсолютный дух», а Шлейермахер – «универсальное существование конечного в Бесконечном и сквозь него», менее известные ученые, народные интеллектуалы, издатели, журналисты и «барабанщики» просто называли «народ», das Volk [43]. В то время как первые скитались по истории идей и играли в умные игры, последние спонтанно реагировали на беспорядки и неурядицы войны, перевороты про-

мышленной революции и вторжения нового германского государства [44]. Но «народ» тоже был ноуменальной сутью – в ней и через нее любой отдельный немец мог стать всеми немцами [45].

Дав немцам очень желаемую месть за французскую оккупацию и порчу их земель, поражение Наполеона в 1813 году разбудило шовинистическую народную культуру, нацеленную увидеть Германию объединенной и великой европейской державой. Эта амбиция едва ли укрепилась перед тем, как Венский конгресс согласился вернуть послевоенной Европе ее монархический status quo ante [status quo ante (лат.) – положение, существовавшее ранее. – Прим. перев.], и попытка реставрации вызвала почти полстолетия протеста и революции в Германии [46].

Среди раннего «мозгового треста» популярного национализма были Эрнст Арндт и Фридрих Людвиг Ян. Эти люди писали под влиянием Гердера и Фихте после освободительных войн и забирались в германские корни, которые уходили гораздо глубже, чем у любого политического государства. Арндт был профессором теологии в Бонне и высокопарно писал о немцах в год поражения Наполеона. Он называл их «изначальным Volk», который все еще сохраняет свою этническую чистоту, он вспоминал трансисторическую германскую культуру для вдохновления верности отечеству. Лютеранский пиетист Ян являлся основателем национального движения братства и создателем современной гимнастики, он соединял физическую форму и национализм в этническую доктрину, которая нравилась студентам университета [47].

Еще одной промежуточной фигурой в немецком народном движении был профессор из Мюнхена Виль-

гельм Генрих Риль, интеллектуал и журналист, различавший «непременную» Германию в родных городах и деревнях каждого немецкого молодого человека. Риль был современником Рихарда Вагнера, но не находил ничего из простоты и теплоты, которые он связывал с немецкой сущностью, в великих операх Байрейтского театра, а вместо них рекомендовал народные немецкие песни [48]. Неотъемлемой частью Риля в философском восприятии «абсолютного духа» Гегеля был эмоциональный уход Volk корнями в землю, что давало простым немцам сравнительное чувство собственного достоинства и превосходства. Указывая на первичную и исконную «немецкую сущность», которую, как он считал, разделяют все немцы, Риль принижал значимость классовых и имущественных различий, как оснований для социального конфликта или политического раздела. Таким образом, он исключал из германского объединения, которому отдавал предпочтение, «хронически беспокойных людей», которые, как он говорил, противостоят ассимиляции – а именно, работающих бедняков, сезонных рабочих, евреев и журналистов [49].

По мере того, как шовинистическая популярная культура росла на протяжении столетия, аргумент Риля повторялся. Если трансцендентальная немецкая сущность присутствовала за пределами классов и имущественных различий, то также существовала и изначальная германская вера – за пределами исторических религиозных конфессий [50]. В этой вере германский народ сам был Открывателем и Тем, кому открывают, коллективный германский Volk – высшей реальностью. Несмотря на всю кажущуюся грубость, допущения и высокомерность, идея о трансистори-

ческой религии народа стала важным шагом от трансформации христианства Канта и Гегеля, и небольшим прыжком от доктрины Ницше о вечном повторении.

В поисках германской индивидуальности, имеющие влияние эксцентрики и провидцы присоединились к трезвомыслящим проповедникам и организаторам типа Арндта, Яна и Риля. Поразительным примером является йенский издатель Евгений Дидерихс. Одетый в брюки из кожи зебры и турецкий тюрбан – эта одежда, по его мнению, демонстрировала, что он является человеком вселенной, каким он себя считал – Дидерихс устраивал пиры Диониса. Он со своими коллегами вел новое поколение романтиков, многие из которых набирались из движения «Молодая Германия», зародившегося в 1817 году [51]. Дидерихс не был ни узкошовинистически настроенным человеком, ни антисемитом, и взял религиозную модель для человечества из мистических учений Майстера Экхарта. Вместе с работами Экхарта он опубликовал многочисленные труды по древней и средневековой германской культуре, намереваясь задокументировать трансисторический германский Volk и дать силы популярному национализму [52].

Поиск вечных расово-этнических корней одинаково легко заканчивался как во тьме, как и на свету. Он вдохновлял «мировое гражданство» в романтиках типа Дидерихса и этнографе Богумиле Гольце. Этот поиск также вызвал рост фанатических усилий по разделу народов мира на типы и разряды – культурно и биологически [53]. Среди наиболее зловещих результатов был расовый разрез девятнадцатого века. В культуре, менее верящей в утопии и идеальность этого мира, такие фантазии не имели бы успеха.

Но две души живут во мне,
И обе не в ладах друг с другом,

– это было напоминанием Гете новому веку о том, что не получившие помощи двойственность и конфликт остаются состоянием человека [54]. То, что идеальное всегда встречает неидеальное на полпути, было трудной аксиомой для выравнивания с фикцией «нового века» о безграничном человеческом и социальном продвижении вперед.

Германские теоретики расизма взяли первый строительный блок у Канта, который строил гипотезы о связи между географией, расовыми характеристиками и тем, что он называл «жизненной силой» людей. Как и теология для Фейербаха, география стала антропологией для Канта: различные места, различные расы, мотивация и поведение. К этой скромной связи расы и культуры изучавший расы ученый граф Жозеф Артюр де Гобино, любимец Ницше, добавил различную судьбу: более чистые расы выживают и подавляют смешанные и увядающие. Следующим расовым краеугольным камнем стало обнаружение так называемых ариев, или арийцев, теоретически допускаемого индоевропейского народа, который, как считалось, мигрировал на запад с родных земель в центральной Индии во втором тысячелении до н.э. Из изучения крестьянских культур местных жителей английские и германские филологи того времени пришли к выводу, что этот ускользающий и, возможно, фиктивный народ являлся изначальным предком англо-саксов [55].

Все эти расовые куски были расставлены по местам, и на поверхность вышел предсказуемый вопрос: кто из народов мира самый чистый и сильный? Многие немцы считали, что это нордическая арийская раса,

или они сами. Зять Рихарда Вагнера Хьюстон Стюарт Чемберлен, который много писал по данной теме во второй половине столетия, сделал дом Вагнеров в Байрейте фабрикой для такого биологически-расистского/националистического мышления. Чемберлен – богатый сын английского адмирала – стал гражданином Германии и крупным авторитетом в вопросе мировых рас, он особо интересовался историей германо-еврейских отношений, и опубликовал бестселлер по этому предмету в 1900 году. Он не был грубым антисемитом и, тем не менее, называл германских евреев главными антагонистами арийской чистоты. В то время, как евреев было мало количественно и они являлись увядающей расой, их приверженность и следование Торе давала им возможность сделаться угрозой немцам, с которой следует считаться [56]. В отличие от Гобино Чемберлен считал, что чистые расы не появляются естественно, но их можно вывести, «как беговых лошадей и фокстерьеров» [57]. Насколько зловещи были эти научные рассуждения, подтвердилось десятилетия спустя. Тогда Адольф Гитлер, пытающийся пробиться глава нацистской партии, который читал книги Чемберлена, встретился со стариком на смертном одре и поцеловал ему руки [58]. Хотя никто в то время не мог такого предположить, этот поцелуй стал началом долгого подъема германского расизма, преследования евреев и геноцида.

АЛЬТЕРНАТИВЫ

В девятнадцатом столетии в Германии не было недостатка в могучих людях, которые выступали против фантазий нового века, исходя из германского прошло-

го. Среди ступивших в революционный огонь, чтобы напомнить своим современникам, кем ранее были немцы, оказались Людвин ван Бетховен и Иоганн Вольфганг фон Гете. Но последний вышел из этой попытки с меньшим количеством шрамов, чем первый.

Между Просвещением и утопией: Людвиг ван Бетховен

Как Бах, который музыкально сохранял германскую дуалистическую традицию в экспериментальном восемнадцатом столетии, Бетховен вырос в музыкальной семье, которая служила курфюрсту Кельна в Бонне. В отличие от Баха, Бетховен не испытывал к семье особой привязанности. В более поздние годы он попытался полностью от нее отделаться, притворяясь попеременно незаконным сыном Фридриха Вильгельма II или Фридриха Великого. При Боннском дворе молодой Бетховен подпал под очарование французского Просвещения и возвышенной доктрины Канта о категорическом императиве. Он не отделался от их влияния, когда отправился в Вену в 1792 году, и они стали источником вдохновения для летящей, героической музыки, которую он писал [59].

До быстрого превращения генерала Наполеона из первого консула республики в 1799 году в императора Франции в 1804 году, Бетховен вместе с подавляющим большинством немецких и австрийских интеллектуалов восхищался французским генералом. Композитор, очевидно намеревался посвятить ему Третью симфонию. Однако он отказался от этой мысли после того, как новый император очернил французское Просвещение и революцию своей экспансией и импе-

раторским правлением. Тем не менее, Бетховен оставался преданным светской, братской утопии, которую пытался воплотить, по крайней мере, в музыкальной фантазии [60]. В процессе он, как Наполеон, прошел эволюцию от Просвещения до восприятия себя в новом веке. К этому выводу приводят девизы, выставленные под стеклом на его письменном столе в более поздний период жизни, очевидно со ссылками на себя самого. Они брались из древнеегипетских источников:

> Я та, кто есть.
> Я все, что есть, было и будет – ни один смертный не поднимал мое покрывало.
> Он сам по себе, один, и этому одиночеству все обязано своим существованием [61].

В египетском оригинале это были слова о человеческой анатомии и самодостаточности, первые два принадлежат женщинам, третье – мужчине. Перенесенные в культуру Германии девятнадцатого века, они стали заявлениями о самообожествлении. В Ветхом Завете «Я есмь Тот, Кто Я есмь» (или «Я есть Сущий») было ответом Бога Моисею, когда тот спросил Его об имени (Исх. 3:14). Такие протоницшеанские заявления проскальзывали ранее у молодого Бетховена, в ту пору вдохновленные Просвещением [62].

Утопизм Бетховена нашел свое самое памятное выражение в Девятой симфонии, в «Оде радости», слова которой фактически заимствованы из студенческой застольной песни, написанной Шиллером. Действуя, как музыкальный Наполеон, выполняющий изначальную мечту Революции, Бетховен создал симфо-

ническое предвкушение Елисейских Полей, мистического пристанища благословенных мертвых. Там, как трогательно передает Ода, объединенное человечество празднует братскую и сестринскую гармонию за пределами всех земных противоречий и конфликтов. Ода воспринимается, как предвкушение вечного союза и мира [63].

Как говорит его биограф конца двадцатого столетия, эта братская и сестринская мечта извиняет его утопизм, поскольку без мечты о невозможном люди не имеют «никакого противовеса засасывающим ужасам цивилизации, ничего, что можно было бы противопоставить Аушвицу и Вьетнаму в парадигме возможностей человечества» [64].

В этих словах утопизм девятнадцатого века перепрыгивает в двадцатый, и представители нового века в обоих столетиях находят в Оде Бетховена оружие для отражения современной трагедии. Извиняет его утопическую мечту (но не Наполеона в начале столетия, и не Ницше в конце века), ограничение ее Бетховеном в коротком опыте экзальтированной веры, музыкальногоэкстазаилилюбви-самопожертвования– моментах, которые не длятся долго, но которые также нельзя победить. Он не питал иллюзий, что такие спасительные моменты перейдут в реальную жизнь и решат загадку истории. В классической германской традиции искушение сделать именно это считалось тоталитарным моментом – тем, в который простой человек представлял себя богом, за что Бетховен с сожалением обвинял Наполеона.

Вера в то, что ощущение общности или видения идеальности могут выжить и постоянно существовать, – каждый день в обычной жизни на этой стороне

вечности, – является преддверием нигилизма и фашизма. Такие убеждения порождают аисторические фантазии, которые никогда не могут материализоваться за идеей. По мере безжалостного продвижения, эти фантазии разбивают утешение, которое могли бы передать ценные моменты милости. Исторически на подобных фантазиях взращивались поколения циников, мизантропов и провалившихся революционеров, которые, уловив решение, не могут простить тяжелые годы неидеальной жизни, которые все еще надо пройти.

Простая реальность: Иоганн Вольфганг фон Гете

Аушвиц и Вьетнам – это реальность. Мир за пределами всех противоречий и конфликтов – это мечты, а для тех, кто не может проснуться, существуют еще и кошмары. Ни один немец не изложил лучше разницу между утопией и реальностью и предсказуемые последствия погружения в то или другое, чем Иоганн Вольфганг фон Гете. Он настойчиво изучал человека, который станет Богом – трагедия «Фауст» являлась классическим, самым впечатляющим в Германии современным вызовом постоянной эволюции мысли и культуры нового века между Кантом и Ницше. Гете начал ее в 1775 году и работал над нею всю жизнь. Первая часть была опубликована в 1808 году. В ней пересказывалась история, восходящая к шестнадцатому веку, об ученом докторе Фаусте, который продал душу дьяволу за знания и власть над человечеством. Вторая часть появилась двадцать четыре года спустя, в 1832 году, и в ней прослеживалась жизнь доктора до ее завершения как во времени, так и вечности.

Не требуется читать много из «Фауста» Гете перед тем, как обнаружишь, что это не современный рассказ, а сознательное усовершенствование средневекового, переиздание германской дуалистической традиции для современной аудитории, забывшей уроки, которые так ясно давала история и традиция [65]. Она начинается с Пролога на небе. Мефистофель, сам дьявол, с удовольствием наблюдает за разделением природы человечества, подвергает сомнению правильность Божьего создания и подвергает критике Просвещение прямо из Реформации.

Божок вселенной, человек таков,
Каким и был он испокон веков.
Он лучше б жил чуть-чуть, не озари
Его ты божьей искрой изнутри.
Он эту искру разумом зовет
И с этой искрой скот скотом живет. [66]

[Перевод Б. Пастернака. Здесь и далее цитируется по: Гете, Иоганн Вольфганг. Фауст. М.: Художественная литература, 1969].

С одной стороны на Фауста морально давит подвергаемая опасности человечность, с другой же он страстно желает подняться путем значительных деяний на высоту богов. Это неумирающий конфликт, который является человеческим состоянием.

Какой я бог! Я знаю облик свой.
Я червь слепой, я пасынок природы,
Который пыль глотает пред собой
И гибнет под стопою пешехода...

Набравшись духу, выломай руками
Врата, которых самый вид страшит!
На деле докажи, что пред богами
Решимость человека устоит! [67]

Бог спорит с Мефистофелем, что человек, когда-то хорошее создание, все еще остается хорошим, и позволяет своему противнику подвергнуть Фауста проверке. Хотя Фауст благодаря своей падшей натуре, пойман в капкан в жизни «однообразной [моральной] неопределенности», Бог уверен, что он пойдет по Его пути, будет сражаться за добро и получит Божественное прощение, соразмерное с его стремлениями. Фауст слишком хорошо знает это и свободно признается, что он и не удовлетворенный, и не хороший человек. Его ученые достижения не приблизили его к бесконечности и не дали ему спокойствия. Он страстно желает глубже погрузиться в жизнь и решить ее загадку, Для этой цели он принимает «дьявольские оковы». Когда Бог уходит, Мефистофель делает как раз такое предложение – он лично будет вести Фауста по жизни, а Фауст получит силу для достижения своих целей – познания мира. И Фауст принимает это предложение в обмен на свою душу [68].

Едва я миг отдельный возвеличу,
Вскричав: «Мгновение, повремени!» –
Все кончено, и я твоя добыча,
И мне спасенья нет из западни. [69]

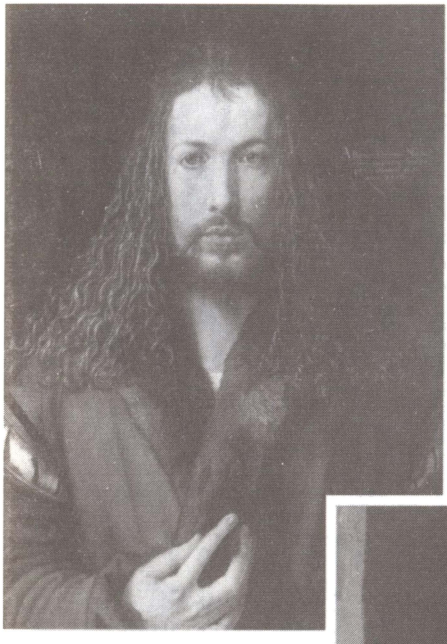
В завершении Фауст нашел момент истинного успокоения не в каком-либо личном слиянии с Бесконечным, или в потере себя в «великом», и ни в чем-то

1. Памятник девятнадцатого века Арминию, под Детмолдом в Тевтобургском лесу (фото любезно предоставлено Мартином Виландом, Институт археологии при Кёльнском университете).

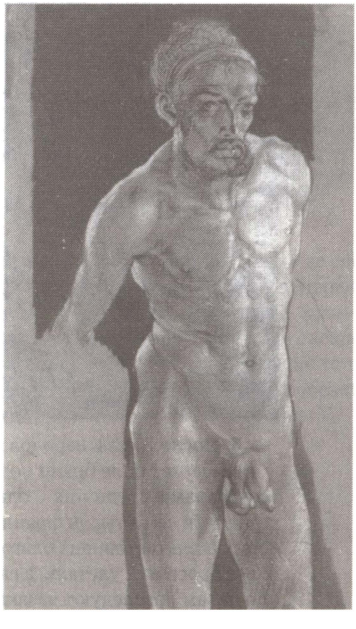
2. Германские рабы первого столетия, взятые в плен римлянами под Майнцем (фото любезно предоставлено Майнцким земельным музеем).

3. Сидящий на лошади франк Хлодвиг из династии Меровингов просит Иисуса Христа даровать ему победу над племенем алеманнов, обещая принять христианство (репродукция любезно предоставлена «Бетманн / Корбис»).

4. Ганс Гольбейн изобразил Мартина Лютера как германского Геркулеса. У его ног – поверженные философы и схоластики, на основе работ которых строилась ложная доктрина средневековой церкви: Аристотель, Ломбард, святой Фома Аквинский, Уильям Оккам и Николай из Лиры. Лютер вот-вот казнит Якоба Гохштратена, следующим на очереди Папа, свисающий с зубов Лютера (репродукция любезно предоставлена Центральной библиотекой Цюриха).



5. Автопортрет Дюрера в виде Иисуса Христа, 1500 год (репродукция любезно предоставлена Баварской государственной картинной галереей).



6. Автопортрет Дюрера, выздоровевшего после чумы, 1502-03 гг. (репродукция любезно предоставлена «Бетманн / Корбис»).

7. Вольтер просвещает Фридриха Великого в саду у замка Сан-Суси (репродукция любезно предоставлена «Бетманн / Корбис»).

8. После Битвы народов в 1813 году Наполеон пересекает поле брани под Лейпцигом со своими генералами, среди них – один мамелюк. Видя около тридцати семи тысяч французских трупов, устилающих поле, он говорит благодарным воронам, чтобы все бросали и улетали, а сам убегает со сцены, его по пятам преследуют казаки (репродукция любезно предоставлена Bildarchiv Preussisher Kulturbesitz).

9. Простой, честный Михель, в виде которого изображается более свободная и объединяющаяся Германия, поднимается в 1848 году против разделивших и эксплуатировавших ее европейских держав – французы сбиты наземь, русские поставлены на колени, англичане спешат прочь, папство полностью отступило, как отступают и служащие только своим интересам германские аристократы (репродукция любезно предоставлена Германским национальным музеем (Нюрнберг)).

10. Императорская семья Германии (слева направо): крон-принц Фридрих Вильгельм, в дальнейшем – кайзер Фридрих III (правил девяносто девять дней в 1888 году); кайзер Вильгельм I (1871-88); (ребенок) принц Вильгельм (род. в 1882 году, старший сын кайзера Вильгельма II); принц Вильгельм, в дальнейшем – кайзер Вильгельм II (1888-1918) (снимок любезно предоставлен «Бетманн / Корбис»).

11. Немцы запомнили подписание Версальского договора 28 июня 1919 года. На снимке, сделанном четырнадцать лет спустя, когда новый нацистский режим начинал работу по отмене договора, школьная учительница объясняет классу, что союзники забрали у их страны после Первой Мировой войны (снимок любезно предоставлен «Бетманн / Корбис»).

12. В 1923 году за один американский доллар давали 4,2 миллиона немецких марок. Немецкие дети строят из бесполезных денег игрушечные домики (снимок любезно предоставлен «Бетманн / Корбис»).

13. Усталый Гитлер обсуждает стратегию с уполномоченным представителем прессы Эрнстом Ганфштенглем и новым президентом парламента Германом Герингом за день до того, как Курт фон Шлейхер стал канцлером. Через семь недель канцлером стал Гитлер (снимок любезно предоставлен «Бетманн / Корбис»).

другом, что будет длиться вечно. Он скорее обнаружил покой, который искал, в самоотверженном и бескорыстном земном нравственном деянии. Максимально использовав силы, данные ему Мефистофелем, он добился положения в жизни, которое позволяло ему быть щедрым к другим, что он и делал, строя защитные крепостные рвы и осваивая болота вокруг собственности его соседей, из этой анонимной службы он получал личное удовлетворение, неизвестное ему ранее:

Мильоны я стяну сюда
На девственную землю нашу...
Стада и люди, нивы, села
Раскинутся на целине...
Народ, умеющий бороться,
Всегда заделает прорыв.
Вот мысль, которой весь я предан,
Итог всего, что ум скопил.
Лишь тот, кем бой за жизнь изведан,
Жизнь и свободу заслужил...
Народ свободный на земле свободной
Увидеть я б хотел в такие дни.
Тогда бы мог воскликнуть я: «Мгновенье!
О, как прекрасно ты, повремени!» [70]

По условиям их соглашения эти завершающие слова позволяли Мефистофелю взять душу Фауста. Однако Бог аннулировал их сделку и отправил ангелов забрать «бессмертную часть» Фауста на небо [71]. Но это не было грандиозной утопической концовкой. Фауст только призвал проходящий момент; он не пытался на него воздействовать или мобилизоваться для

его применения. Он также и не стал безоговорочно хорошим человеком, или чем-то больше, чем просто человек. Он остался личностью с недостатками, разделенной, какой и был всегда, только теперь лучше знал себя, получив это знание из неудач и моментов службы другим. И подарок, который он сделал соседям, не был ни в коей мере божественным. Тем не менее, как Бог и утверждал в споре с дьяволом, Фауст поставил других перед собой, а это и имело значение.

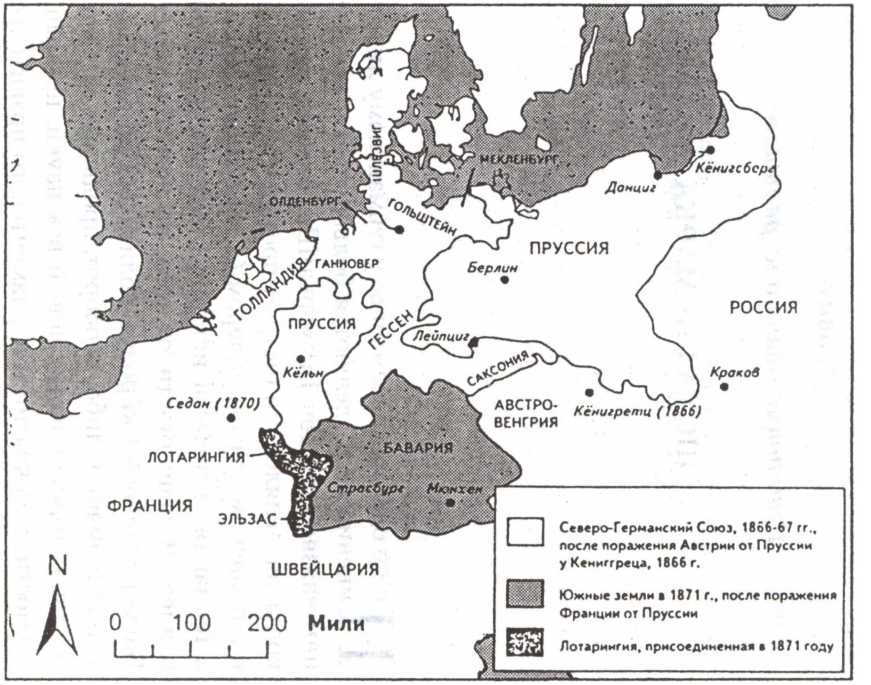
Глава 8

Революционный консерватизм

ЭПОХА БИСМАРКА

Ни по одному современному германскому лидеру мнения не разделяются больше, чем в отношении князя Отто фон Бисмарка-Шенхаузена, в годы, когда он являлся министром-президентом Пруссии и германским рейхсканцлером (с 1862-го по 1890-й), а Германия впервые в истории стала объединенной нацией. В зависимости от того, на кого ссылаться, Бисмарк либо блокировал политическую модернизацию Германии, либо, наоборот, продвигал ее. Одна группа историков видит новый век науки, промышленности, демократии и парламентского правительства, просто проходя мимо него. Для другой Бисмарк является умным орудием «невидимой руки», которая двигала Германию вперед, несмотря на неприятные и горькие компромиссы, а действовал он за пределами возможностей «истинных солдат будущего» [1]. Этот средний студент и провалившийся гражданский

Объединение Германии вокруг Пруссии в период канцлерства Бисмарка



служащий успешно урегулировал порядок и свободу. Во всяком случае, более успешно, чем элитные академики и профессиональные гражданские служащие, которые составляли Франкфуртское Национальное Собрание. Или его канцлерство стало самым роковым поражением германской государственности?

Будущий граф и князь вырос в семье, где оба родителя усиленно пытались склонить его на свою сторону и перегибали палку. Его образованная, светская и амбициозная мать направляла сына к карьере в правительстве, отдавала в лучшие берлинские школы, а отец, отличавшийся легким характером, погружал его в сельскую жизнь померанского юнкерства. После учебы, которая давалась ему тяжело, и недолгой гражданской службы, где Бисмарк был несчастлив, он вернулся к родителям для успокоения, утешения и выбора нового направления [2]. Однако он продолжал держать по одной ноге в каждом мире – причем на все более повышающихся уровнях власти и влияния.

РЕЛИГИЯ И ПОЛИТИКА

Бисмарк стал лютеранином в шестнадцать лет, при поддержке пастора Шлейермахера, и духовно развивался в двадцать с небольшим, находя мрачное удовлетворение в работах Шекспира, Гейне и младогегельянцев. Померанские пиетисты открыли ему дверь в новую жизнь, познакомив его с Иоганной фон Путткамер, дочерью померанского помещика, на которой он женился в 1847 году. Во время периода ухаживания Бисмарк глубже занялся изучением религии, что углубило его веру в исторические силы, не подверженные воздействию воли любой личности. С тех

пор это стало основным догматом его политической философии.

В более поздний период жизни Бисмарк носил с собой библейские стихи с аннотацией Лютера. Он часто использовал афоризмы из лютерано-пиетистских учений о том, что служба ближнему возможна только через бескорыстную религиозную веру, отказ себе во многом и принесении в жертву своих интересов. Это наследие также вдохновило отрицание им веры Просвещения в силу разума для улучшения человечества. В данном вопросе он разделял мнение Гете. В июне 1847 года молодой провинциальный аристократ Бисмарк защищал германское «христианское» государство и противостоял предоставлению политических свобод евреям. В то время как он заявлял, что не является врагом евреев, и признавался «возможно, даже в любви к ним», Бисмарк беспокоился, что в первую очередь они всегда будут верны нонконформистской религиозной нации [4], во многом подобно католикам ультрамонтанистам [ультрамонтанист – сторонник абсолютного авторитета римского Папы. – Прим. перев.]. А с последними Бисмарк яростно сражался в 1870-ые годы.

В то время немецкие евреи не представляли угрозы германскому государству и христианству, – по крайней мере, не больше, чем в шестнадцатом веке. К 1870 году евреи составляли только 1,25 процента (грубо говоря, пятьсот тысяч человек) по отношению к германскому населению, исповедовавшему христианство. Причем две трети христиан были протестантами, если исключить Австрию [5]. Но, как и малое число анабаптистов, которые жили во времена Лютера, евреи раздражали большую часть общества времен Бисмар-

ка непропорционально их количеству. В шестнадцатом веке внезапные значительные миграции анабаптистов в германские города, в основном Мюнстер и Вестфалию, вызвали подозрения и преследования [6]. Во второй половине девятнадцатого века выделение и влияние еврейского меньшинства привело к негодованию и репрессиям. Городские евреи занимали места в школах и университетах совершенно непропорционально их количеству в обществе. Они выделялись в банковских кругах, в бизнесе и торговле, издательском деле, либерально-левых политических партиях, – причем столь же неравномерно [7]. Германские христиане считали еврейскую элиту, обладавшую властью и влиянием, способной обеспечить угрожающее новое будущее. Говоря словами историка из Гарвардского университета Давида Блакбурна, они делали еврея «идеальным символом, вызывающим нарушение равновесия и тревогу в современном мире». Тогда и был отчеканен термин «антисемитизм» [8].

В отличие от юношеского желания Бисмарка, евреи все больше завоевывали полное юридическое и гражданское равенство в германских государствах на протяжении 1860-х годов. Им частично помогло филосемитское Франкфуртское Национальное Собрание [9]. В 1869 году Северо-Германский Союз признал равные права всех германских граждан, «независимо от вероисповедания». Несмотря на давние христианские барьеры вокруг гражданской службы, офицерства и школ с учащимися одного вероисповедания, это положение стало законом Империи в 1871 году [10]. Если двадцать лет назад Бисмарк верил, что евреи, находящиеся на государственной службе, «принижают» христианское государство, то, как новый канцлер, он

объявил о получении ими политических свобод. Он также хвалил навыки и умения евреев в ведении государственных дел, свидетелем чего стал за десять лет совместной работы с Национал-либеральной партией [11]. В частных беседах он рекомендовал браки представителей разных вероисповеданий и хвалил детей, родившихся от браков евреев с христианами, в особенности, если муж был христианином, а жена еврейкой [12].

Еще по одному жизненно важному вопросу старая Германия также указала путь Бисмарку во время периода его становления, соединив традиционные религиозные убеждения с классическими политическими. В мае 1847 года, среди потока протестов, разросшихся до революции 1848 года, Бисмарк, которому было тридцать два года и который сам ушел с государственной службы, выступал, как новый консервативный юнкер, член прусского парламента. В подготовленном заявлении он бросил вызов аргументу, что Германия после 1813 года обязана своим единством и прогрессом либеральным реформам, которые прошли под давлением германских революционеров. Германское единство и прогресс были вдохновлены не социальной философией и не политической пропагандой, а «плохим отношением и унижением» со стороны французов – грубых и примитивных исторических сил, которые нельзя предвидеть и контролировать [13].

Наивность такого убеждения в дальнейшем была продемонстрирована в письме к жене после того, как французы сдались у Седана в 1870 году. В тот день Бисмарк посетил захваченного в плен императора Наполеона III, который попросил его организовать встречу с прусским королем. «У нас состоялся труд-

ный разговор, – писал он Иоганне. – Мне требовалось избегать упоминания вещей, которые могли оказаться болезненными для тех, кого сбросила могучая рука Бога» [14]. Бисмарк думал, что не в германских национальных интересах рассматривать как победы, так и поражения Германия, как вечные ключи к истории. И то, и другое бросается немцам, как и их противникам, непредсказуемым Провидением. Таким образом, нации лучше всего быть начеку – по отношению к тому, что ей еще уготовано историей. По этой причине Бисмарк резко критиковал фанатиков, угрожавших общественному порядку в годы, которые вели к революции 1848-49 гг.

После революции он никогда не забывал, что, несмотря на все свои идеалы и философствование, либеральные законодатели Франкфуртского Национального Собрания усилили раздел Германии, как и австро-прусское соперничество за германское лидерство. Как представитель Берлина в федеральном парламенте во Франкфурте в 1851 году, он стал свидетелем нового международного вызова. Там он дерзко, вызывающе и пророчески заявлял, что Германия недостаточно велика для Австрии и Пруссии одновременно. В то время Австрия была значительно больше и более могущественной. Она пыталась влезть в Таможенный Союз, которым руководила Пруссия [15].

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР И КАНЦЛЕР

Несмотря на аннулирование Фридрихом Вильгельмом IV национальной конституции, принятой Франкфуртским Национальным Собранием, и тщательную подготовку урезанной собственной, в германских го-

сударствах продолжали существовать парламентские правительства наряду с монархиями. Также, несмотря на политические приливы, продолжался и шел к модернизации промышленный и экономический рост. В 1862 году новый прусский король Вильгельм I, заметив в Бисмарке «безошибочный инстинкт для определения политически возможного», назначил Бисмарка премьер-министром. Когда Вильгельм стал императором в 1871 году, Бисмарк сделался его канцлером. Эту должность он будет занимать с невероятными полномочиями на протяжении девятнадцати лет – дольше, чем кто-либо из немецких канцлеров [16].

С первого года своего царствования Вильгельму очень требовался такой человек. С конца 1850-х годов разногласия с парламентом угрожали конституционным кризисом, в частности по вопросу контроля над военным бюджетом. К 1860 году мощь Пруссии в живой силе и боеготовности снизились по сравнению с главными соперниками – Францией и Австрией. К сожалению для короля, желавшего увеличить армию, парламент контролировало либеральное большинство и, как предписывала конституция, оно ревностно следило за армейским бюджетом. Поскольку эти бюджеты утверждались на временной основе, король не мог односторонне усилить армию, хотя члены парламента подозревали (и правильно), что монарх с премьер-министром делали это украдкой.

Во время выборов в мае 1862 года наступил критический момент из-за увеличения количества делегатов от лево-либеральной Прогрессивной партии. Вильгельм был нацелен сделать все по-своему и угрожал или подавить своих противников в парламенте, или отречься от трона [17]. Его от этого спас Бисмарк, ко-

торый оказался идеальным клином между королем и его противниками в парламенте. Каждая из сторон боялась Бисмарка: либералы – потому что считали его «мертвой рукой» прошлого, король – поскольку знал, что его премьер-министр обладает большой властью при нынешних обстоятельствах.

Несмотря на приверженность старой Германии, Бисмарк обещал конституционный средний путь – то, что вполне мог осуществить, поскольку принял реальность, которую не могли принять Вильгельм и другие короли эпохи Реставрации: Французская революция изменила мир, а парламентское правительство останется как в Германии, так и других европейских государствах. Соответствовало этому пониманию и умение Бисмарка приводить в равновесие противоборствующие силы – в данном случае, союзных и центристских политиков, государства и Империю [18].

По жизненно важному вопросу прусской армии Бисмарк не разочаровал короля. На протяжении лет он находил пути, часто коварные и хитрые, и, – по крайней мере, в одном случае – неконституционный, чтобы раздобыть средства для армии [19]. После передачи парламенту в 1867 году права ежегодно утверждать военный бюджет после 1871 года, Бисмарк добился в тот год смены парламента каждые семь лет. Эта поразительная карусель удерживала в игре парламентскую оппозицию, в то время как освобождало правительство для развития прусской военной мощи по своему расписанию [20].

Обеспечив рост армии, Бисмарк мог свободно следовать своей главной цели – объединенному федеративному германскому государству под руководством Пруссии. Для достижения этой цели он должен был

считаться с Австрией, которая все еще являлась соперником в говорящем на немецком языке мире. Потерпев позорное поражение от итальянцев в 1859 году, Австрия превратилась в теряющую силы международную державу в начале 1860-х годов [21]. Но Бисмарк все еще дипломатично настаивал на совместном австро-прусском руководстве Германским Союзом. Он также приветствовал идею нового общегосударственного парламента, надеясь одновременно и успокоить, и получить поддержку от демократического движения после 1848 года. К середине 1860-х, в результате этих примирительных шагов, Пруссия оказалась в состоянии объединить Германию. Как сказал Бисмарк в сентябре 1862 года, это было объединением «кровью и железом» [22].

Ему сильно помогла в этом передача Данией северных датских герцогств Шлезвиг и Гольштейн. В обоих герцогствах население говорило по-немецки, немцы преобладали в Гольштейне, который являлся членом Германского Союза. При мощной поддержке более крупного германского мира солдаты из Ганновера и Саксонии заняли Гольштейн в ожидании австро-прусского вторжения на следующий год. Поскольку Дания оказалась значительно слабее, она сдала оба герцогства Австрии и Пруссии в октябре 1864 года. На следующий год Бад-Гастейнская конвенция поставила их под совместное австро-прусское управление, при том, что Австрия оккупировала Гольштейн, а Пруссия – Шлезвиг [23]. Поскольку оба герцогства находились «на заднем дворе» Пруссии, было логичным, что, в конце концов, ими станет управлять Пруссия, на что имеющая финансовые проблемы Австрия была готова согласиться в обмен на куски оккупированной

Пруссией Силезии на своей северо-восточной границе. Однако Силезию Пруссия заполучила с большим трудом в предыдущем столетии, хотя это не являлось основной причиной отказа Бисмарка разрезать ее. Он давно верил, что две державы не могут дружественно сосуществовать в более великой Германии. Последовал отказ от Бад-Гастейнской конвенции и выход из Германского Союза. Прусские солдаты были направлены в Гольштейн [24].

В провальной попытке забрать себе новые владения и удержаться на севере, Австрия мобилизовала армию из сочувствующих союзных земель. Габсбург и Гогенцоллерн окончательно урегулировали вопрос в 1866 году на поле брани под Кениггрецем в Богемии. В крупнейшем отдельном сражении девятнадцатого столетия Пруссия разбила объединенную австро-саксонскую армию. По условиям Пражского мира, заключенного в августе 1866 года, Австрия отделилась от Германии, после чего появилась новая монархия – Австро-Венгрия. По условиям того же мирного договора был распущен и Германский Союз. Вместо него появился новый Северо-Германский Союз, включавший Саксонию и «большую Пруссию» – то есть Пруссию с присоединенными землями Шлезвиг-Гольштейном, Ганновером, Гессеном-Касселем и Франкфуртом. Это было значительное объединение восточных и рейнских земель [25].

Когда поражение Австрии сняло один большой барьер к новой Германской Империи, на пути Пруссии появился еще один, более высокий. Исторически Франция была государством, наиболее чувствительным к переменам в Германии, по важности равным Кениггрецу. Теперь Франция стала более слабой из двух

держав, и у нее имелось больше оснований проявлять осторожность. Она провела мобилизацию в ожидании экспансии Гогенцоллернов.

В итоге относительно безболезненное развитие привело воюющие державы на поле брани, и это столкновение получило название Франко-прусской войны 1870-71 годов. Родственник короля Вильгельма, Леопольд Гогенцоллерн-Зигмаринген получил приглашение взойти на испанский престол. Представив себя в германских клещах, французы стали громко жаловаться прусскому королю, который изначально склонялся к тому, чтобы отговорить Леопольда. Однако французы потребовали у Гогенцоллернов обязательства никогда не садиться на испанский трон, а этого прусский король обещать не мог.

Коммюнике Вильгельма, дипломатично отказывавшего на требование французского короля, попало в руки Бисмарка, словно зебра в наводненную крокодилами реку Замбези. Главной целью Бисмарка было объединение Германии путем войны с Францией, а Гогенцоллерн на испанском троне казался полезным отвлекающим маневром. Послание короля дало ему еще одну возможность спровоцировать французов. Перед тем, как телеграфировать его французскому послу, Бисмарк перефразировал послание, чтобы максимально оскорбить французскую гордость, обеспечив войну, которой, как он правильно предположил, французы не станут избегать и которую проиграют [26].

Шесть дней спустя, 19 июля 1870 года, Франция и Пруссия находились в состоянии войны, а через четыре месяца, после осады Парижа германскими армиями, французские армии сдались под Седаном и

Мецем. По условиям окончательного мира немцы получили Эльзас и Лотарингию и потребовали от Франции военные репарации в размере пяти миллиардов франков. Это было разумным возмещением ущерба немцам, которые помнили, как французы грабили Германию во время предыдущих войн и оккупаций. Хотя французы выплатили долг в течение нескольких лет, о нем нескоро забыли. Он способствовал будущим войнам между двумя странами и назначению репараций, которые остались в памяти, как карательные [27].

ВСТРЯХИВАНИЕ ЕВРОПЫ

После прусских побед над Данией, Австрией и Францией германский национализм ярко разгорелся в 1870-ые годы, а Северо-Германский Союз вырос под предводительством Пруссии (к нему быстро присоединились Вюртемберг и Бавария). То, чего больше всего боялись великие европейские державы, теперь, казалось, происходило: Германия объединилась и стала достаточно сильной, чтобы навязывать Европе свою волю. Согласно язвительным словам Бенджамина Дизраэли, немецкая «революция сверху» была «более великим политическим событием», чем французская революция снизу. Этот комментарий оказался особенно правдивым в отношении способности Германии перестраивать и перегруппировывать европейские государства. [28].

Одновременно с новым политическим и военным успехом страны воплотилось в жизнь то, чего Германия боялась больше всего: началось формирование коалиций мощных держав против нее. Германское руководство не спало по ночам, думая об угрозе австро-

русско-британского или австро-русско-французского союза, каждый из которых гарантировал невозможность войны на трех фронтах. На протяжении 1870-х годов главными целями внешней политики Германии было сдерживание России и изоляция Франции [29].

В апреле 1871 года конституция Северо-Германского Союза стала, с мелкими поправками, конституцией новой объединенной Германской Империи [30]. Глядя ретроспективно, можно сказать, что это была хорошая конституция для того времени, поскольку в ней попытались сбалансировать как монархически-исполнительно-авторитарные элементы, так и федеративно-законодательно-демократические. Новое правительство имело контролирующий общегосударственный совет (Bundesrat, верхнюю палату) из пятидесяти четырех князей и свободно избираемый парламент (Reichstag, нижнюю палату) из 382 депутатов. Последний делал возможным референдум по желанию нации, независимо от элиты государств-участников, а законопроекты должны были проходить через две палаты перед тем, как стать законом. Однако князья все еще имели большую власть, а Пруссия – голоса, чтобы насаждать свою волю. Тем не менее, представители со всех концов новой Германии также могли сказать свое слово [31].

По настоянию, Бисмарка в январе 1871 года король Вильгельм, ранее являвшийся президентом Северо-Германского Союза, получил в Версале титул императора, беспокоясь, не принижает ли его новый титул прусские достижения Гогенцоллернов. Король выразил желание оставаться истинным немцем, и заявил о важности отдельных германских государств и продолжении династий, составлявших Германскую

Империю. Но в отличие от императорской короны Франкфуртского Национального Собрания, от которой так грубо отказался старший брат Вильгельма, король Фридрих Вильгельм IV, корона, которую принял Вильгельм, была получена из рук королей и князей Империи, а не просто депутатов парламента. Как новый прусский канцлер, Бисмарк тоже получил важный титул. Путем этой церемониальной трансформации Северо-Германского Союза в Империю, его «меньшая Германия» приобрела историческую привлекательность, как более древнее и больше включающее в себя королевство [32].

Когда-то историки называли новую Германскую Империю ограниченной, искусственной и нелиберальной, ссылаясь при последнем определении на деспотичность Бисмарка [33], но в более поздние времена оценили открываемые ею возможности. Даже для Бисмарка новая Империя всегда была продолжающейся работой и никогда – нацией, отлитой в бронзе. Он рассматривал руководителей и государства просто как инструменты более мощных провиденческих и коллективных человеческих сил и, руководствуясь этой философией истории, считал новую Империю созданием ее народа (включая либеральных депутатов парламента), а не результатом работы короля или канцлера.

Несмотря на прусский характер новой конституции, либералы того времени относились к ней настолько позитивно, насколько можно было ожидать. Многие отдавали должное Бисмарку, добившемуся того, чего не смогла революция 1848 года – правительства с одновременно сильной исполнительной властью и сильного представительного парламента. Если, как они

считали, Бисмарк и дает армии слишком много независимости, то он также делает ее эффективной для того времени, достаточно сильной для обеспечения политического выживания новой нации и ее эволюции. Привлекательность для либералов и их исключение из политики Бисмарка между триумфами 1866 и 1871 годов были памятно суммированы философом и историком того времени Рудольфом Гаймом:

«Иногда... он заходит слишком далеко в направлении либерализма [как и в своей поддержке всеобщего и равного избирательного права], в другое время он проявляет вызывающие сожаление склонности и сочувствие [к] консерватизму. И еще он поддерживает политику групп по интересам, которые... с пренебрежением относятся к более благородным мотивам в политической жизни и должны иметь коррумпирующий эффект. Но... напоминаю я себе, никто другой так живо не воспринимает идею сделать молодую Империю жизнеспособной, постоянной и имеющей запас сил... Все его вывихи, повороты и непоследовательность можно объяснить силой этой идеи» [34].

Господствующее влияние Пруссии (ее король, премьер-министр и армия теперь являлись стержнем Германской Империи) не стало разрушительным. Это подтверждается независимыми правительствами и армиями, которые продолжали существовать в двадцати других германских государствах [35]. Несмотря на всю власть Бисмарка, в особенности в вопросах внешней политики, ему все равно приходилось работать внутри определенных конституционных границ. Император и армия действовали независимо от него,

и ни один закон не проходил через парламент, не получив большинства голосов депутатов.

В 1870-ые годы это означало большинство голосов либералов, поскольку различные либералы занимали три из каждых четырех депутатских кресел. Несмотря на их успешную риторику, помогавшую им получать голоса, Бисмарк считал, что истинной целью национал-либералов и представителей Прогрессивной партии было интервенционистское государство. Они сами обвиняли канцлера в стремлении к консервативной версии такого государства [36]. Хотя Бисмарк яростно критиковал оппозицию, называя социал-демократов «подрывниками» во время первого десятилетия в должности рейхсканцлера, он чаще прикусывал язык и хвалил могущественных людей, с которыми не соглашался. Современные историки иногда представляют его виртуозным Макиавелли, исполняющим роль либерала, если того требовали коалиции правящей партии, и затем, когда позволяли обстоятельства, мстящего бывшим союзникам. Но они упускают его преданность прагматичной подготовке законов и предпочтение получить лучше половину буханки, чем вообще ничего.

ЗАЩИТА ЦЕРКВИ

Создав новую Германскую Империю вокруг Пруссии, Бисмарк потопил имперские мечты многих римских католиков, которые представляли более крупную Германскую Империю под руководством Австрии. Те же самые враги также точили зуб на модернистскую протестантскую культуру, восходящую к французской оккупации, когда были конфискованы церковные

земли, а в Рейнланд уменьшилась власть духовенства. Эта культура признавала Бога только «внутри границ одного разума» (Кант), или только как самопроекцию – полезным, по мнению некоторых (Фейербарх); вредным по мнению других (Маркс); и – в одном случае – недавно почившим (Ницше) [37].

Ответ католической церкви на модернизм был в девятнадцатом веке таким же, как и в шестнадцатом: бегство ультрамонтанистов за Альпы, под власть римского Папы. К 1870-м годам только папская власть, казалось, предлагала верное спасение от лавины модернизма. Впервые к ультрамонтанизму обратились иезуиты в восемнадцатом веке, он был заново возрожден в Германии после наполеоновской революции, при поддержке папства, которое видело угрозу своей духовной миссии при малейшем компромиссе с новым светским миром. Однако некоторые представители католического духовенства и миряне хотели более четкого, организованного в соответствии с современными требованиями и просвещенного христианства. Они находили более привлекательными национальные массы и не столь соответствующее установленным правилам, не такое церемониальное лечение душ [38].

Этот новый кризис в церкви вынудил папство заново утверждать свою власть в спорных новых догмах и назначать духовенство из ультрамонтанистов на пустующие должности в Германии. В 1854 году Пий IX провозгласил доктрину непорочного зачатия Божьей Матери. Этим он совершил для церкви девятнадцатого века то, что сделали доктрина евхаристического пресуществления и продажа индульгенций для церкви в Средние века – столкнули мирян

и правителей с исключительной высшей силой Папы над этой жизнью и следующей. Дистанцируя церковь от «прогресса, либерализма и передачи власти гражданским лицам, введенных в последнее время» государством, энциклика Пия, к которой был приложен список («Силлабус») из 80 «заблуждений современной эпохи». И то и другое было опубликовано в 1864 году и шокировало либералов и консерваторов проклятием некоторых достижений, которыми светский мир больше всего гордился: разделения церкви и государства, школ, в которых учились представители разных вероисповеданий, религиозного плюрализма и терпимости. Последним ударом стала так называемая папская непогрешимость. В этой доктрине, появившейся в 1870 году и напоминающей буллу «Unam Sanctam» Папы Бонифация VIII 1302 года, Пий отчаянно протестовал против французской экспансии за счет церкви. Он объявил королей, как христианских мирян, ниже себя, подчиненными Папам во всех вопросах веры и морали [39]. [В булле «Unam Sanctam» Папа Бонифаций учит, что «светская власть должна подчиняться духовной... Всем людям необходимо подчиняться Папе Римскому ради спасения». – Прим. перев., цитируется по: Хроника христианства, с. 179].

Во время последующей «войны за цивилизацию» (Kulturkampf), как известный патолог и делегат от Прогрессивной партии Рудольф Вирхов определил конфликт, и церковь, и государство считали, что на кон поставлено выживание их института [40]. Для Национал-либеральной партии заявления и проклятия Папы являлись атакой на все еще слабое демократическое движение, в то время как Бисмарк считал,

что они представляют папскую курию, как еще одно захватническое иностранное государство. Он отверг особое обращение к католикам лидера Центристской партии Людвига Виндхорста с горько-сладким юмором, объявив в одном случае, что его жизнь поддерживают двое: «Моя жена и Виндхорст – одна любовью, второй – ненавистью». Выступив за разделение церкви и государства, Бисмарк пришел к выводу, что лучше всего держать церковь и теологию как можно дальше от парламента [41].

Германские католики, которые поддержали «Силлабус» и доктрину папской непогрешимости, рассматривались, как немцы, родившиеся за пределами Германии. Предполагалось, что они в первую очередь преданы не новому германскому государству, а угрожающей иностранной силе в Риме. На том же основании Бисмарк критиковал консерваторов Центристской партии и либералов Социал-демократической, как «подрывные элементы», выражающие большую преданность политической идеологии, чем новой германской конституции [42].

Отказываясь «пойти в Каноссу» (т.е., засвидетельствовать почтение Папе), Бисмарк взял сторону современных критиков. Таким образом, он отказывался от исторического сотрудничества германского государства и церкви. Это сотрудничество, существовавшее со времен Реформации, создало политически сплоченную бюрократическую государственную церковь, которая и ускоряла, и сдерживала начинания и государства, и церкви. Во время «Культуркампф» правительство ограничило христианские церкви строго морально-обрядово-духовной сферой, убрав духовенство из государственных школ и запретив по-

литическое лобби конфессий. Новый Департамент по вопросам религии наблюдал за обеими конфессиями, и «пункт о духовенстве» запрещал священникам комментировать политику во время лечения душ. Наконец, «Майские законы» 1874 года обязали всех кандидатов от духовенства проходить государственный квалификационный экзамен, или «культурный экзамен» [43].

Большинство германских епископов и католиков-мирян выступало против «Силлабуса» и доктрины папской непогрешимости. Это дало правительству важный клин для отделения местной католической власти от папского государства за Альпами. Германское духовенство, которое публично приняло сторону Папы, рисковало потерей своих епархий и приходов. С другой стороны находились католики, которые показали себя гораздо менее критичными по отношению к церкви, когда голосовали, отдав Центристской партии три четверти голосов католиков. В конце концов, безрассудная и отчаянная борьба правительства с Центристской партией и церковью стала жертвой избирательной урны, так как консервативные протестанты, которые знали, что могут стать следующими, также проголосовали против Бисмарка. Также эффективным в сдерживании нападок правительства на церковь оказалось выступление лидера Центристской партии Виндхорста, который стыдил Бисмарка за то, что поставил на своих политических противников клеймо врагов государства [44]. Смерть Пия IX и восшествие на папский престол Льва XIII позволили обеим сторонам отступить, спасая лицо. Новый Папа направил свою деятельность на христианские социальные акции и прочь от политических конфронта-

ций. Таким образом, он больше устраивал изменяющийся мир, чем его предшественник [45].

Кто выиграл в культурной войне? Поскольку основные игроки были абсолютистами, каждая из сторон получила кое-что из того, что хотела. Во время конфликта были проведены нестираемые черты, а после него и папство, и германское государство выступали против более дисциплинированной германской католической церкви. В то же время Бисмарк и либеральные партии оказались у руля поистине государства-интервента. Хотя лиц, подобных Бисмарку, запугивающих германское христианство, не появится до 1930-х годов [46], правительство оказалось в более сильном положении для проведения своих законов как среди верующих, так и остальных граждан. Однако оно делало это при большой потере национального единства и доверия, и многие граждане покинули Германию, отправившись в Америку и другие свободные земли [47].

ИСТИННЫЕ ЦВЕТА

Три события 1870-х годов к концу десятилетия позволили практически целесообразному правлению Бисмарка стать более принципиальным. Это были нарастающий экономический кризис, увеличивающаяся склонность к левому направлению Национал-либеральной партии и две попытки убийства императора Вильгельма.

Внутренний фронт

Экономический кризис разразился в начале десятилетия. Вместе с «Культуркампф» он повернул консерваторов против канцлера. При тех обстоя-

тельствах единственной реальной альтернативой для Бисмарка в процессе законодательства было большинство Национал-либеральной партии. Он нашел с ней общую цель ранее, во время кризиса военного бюджета, и она поддерживала его стратегию развития Германии, объединенной под Пруссией. Однако союз оставался и неудобным, и необходимым. Причиной стала левая фракция партии, социал-демократы, лидера которых, Эдуарда Ласкера, Бисмарк возненавидел еще сильнее, чем лидера Центристской партии Виндхорста [48]. В начале и середине 1870-х годов Бисмарк был в некотором роде просящим канцлером, вынужденным идти на компромиссы с несколькими парламентскими фракциями, чтобы его программы прошли.

Экономический кризис сильно ударил по промышленным и аграрным интересам, в особенности по металлургам, фермерам и рабочим мануфактур, а иностранный импорт еще и ухудшил положение. Нарастающее давление с требованием защиты тарифов поставило правительство на курс столкновения с Национал-либеральной партией, ключевым пунктом платформы которой значилась неограниченная свободная торговля. Хотя тарифы обещали столь необходимые доходы правительства, Бисмарк колебался и не говорил ни «да», ни «нет» до 1877 года. В это время, когда Папа Лев не желал закончить «Культуркампф», а Центристская партия поддерживала новые налоги на металлургию, казалось, что избиратели легче приняли тарифы [49].

Бисмарк сделал первый выстрел в войне тарифов, предложив правительственную монополию на табак. В ответ социал-демократы сорвали работу парламента

путем вовлечения его в вербальную классовую войну, обвиняя правительство в предпочтении богатых фермеров [50]. Враждебность и предубеждение Бисмарка против этой либеральной фракции были и философскими, и шли от сердца. В то время как он поддерживал страхование на случай болезни, несчастных случаев, увечья и старости [51], канцлер считал, что более щедрые меры его либеральных оппонентов только нереалистично поднимают ожидания и угрожают нарушить хрупкий социальный баланс в сторону пролетарского восстания. Вера в это стала убеждением после успешного, но краткосрочного пролетарского восстания в Париже в 1871 году. Десять лет спустя Бисмарк все еще предупреждал, что Германия тоже также легко может выйти из-под контроля, как и Париж, если люди с «неразбиваемым оптимизмом и безграничной верой в социальный прогресс» захватят власть. Времена, как он полагал, призывают к затаптыванию пламени социального прогресса, а не к тому, чтобы позволить ему разгореться сильнее [52].

После личных атак Бисмарк искал конфронтации с национал-либералами, надеясь изолировать радикальное крыло партии и перетянуть большинство поближе к правительству. Две попытки покушения на императора с разницей в два месяца (ему исполнился восемьдесят один год) в 1878 году обеспечили необходимый предлог. В обоих случаях наемные убийцы стреляли в императора, когда он ехал верхом по Унтер-ден-Линден [Унтер-ден-Линден – главная улица Берлина. – Прим. перев.] В первом случае стреляли из пистолета и промахнулись, во втором – Вильгельма тяжело ранили из дробовика [53]. Бисмарк ранее обратил в политическое преимущество две неудачные

попытки покушения на собственную жизнь. Первая произошла перед австро-прусской войной, когда в него стреляли в упор, во втором случае в него чуть не попали, протестуя против антикатолических «Майских законов». Оружие, из которого стреляли, он повесил у себя в кабинете в виде трофеев, использовал первую попытку покушения, когда пособничал войне с Австрией, и собрал урожай при помощи второй, подогревая антикатолические настроения во время «Культуркампф» [54].

Хотя нет никаких доказательств, подтверждающих участие социал-демократов в попытках покушения на жизнь императора, благодаря трудным временам и уличным протестам Бисмарку было легко обвиняюще показать пальцем на своих политических противников. Неделю спустя после первой попытки был представлен проект антисоциалистического закона («Против насилия социал-демократов»), который запрещал свободу собраний и слова всем социалистическим организациям. Хотя проект потерпел поражение при голосовании (пять к одному), он послужил началом трехгодичного крестового похода против «подрывных элементов» и дал эффект охлаждения, к которому и стремились. После второй попытки покушения Бисмарк воспользовался своим правом на случай чрезвычайного положения и распустил парламент с единогласного одобрения депутатов. Кабинет министров отказал в его просьбе о введении военного положения, тысяче новых полицейских и установление полицейских постов при въезде и выезде из Берлина [55]. На новых выборах национал-либералы потеряли на одно место больше, чем получили консерваторы, и две стороны оказались примерно в рав-

новесии. В следующем году, 1879-м, стали действовать новые тарифы, что завершило разрыв Бисмарка с национал-либералами [56].

В конце 1870-х годов Бисмарк мог проводить свои программы с меньшим количеством политических компромиссов. Хотя историки видят что-то из «перехода на другую сторону», его более целенаправленное и активное правление кажется скорее отражающим новую силу правительства после войн с либералами и церковью [57]. Теперь Бисмарк провел антисоциалистический закон, к которому давно стремился, и тот действовал с 1878 по 1890 год. Тем не менее, ему не удалось предотвратить застывания более ровно разделенного парламента в мертвой точке. Как и раньше, или цели канцлера не дотягивали до того, чего хотела оппозиция, или цели оппозиции превышали то, что канцлер считал подходящим или желательным – его критики обвиняли его в сдерживании прогресса, он обвинял их в том, что они хотят убежать вперед. Учитывая требования эпохи, сдерживание Бисмарком новой Германии при помощи старой было лучшим путем удержать вместе разрозненную, проблемную молодую нацию [58].

Берлинский конгресс

Германская Империя вызывала страхи в Европе, опасающейся немецкой экспансии, в Германии же боялись ударов европейцев. Эхом повторяя мысль Фридриха Великого о том, что немцы всегда «окружены разбойниками», Бисмарк говорил о «кошмарных снах о коалициях» [59]. Как и в годы после Тридцатилетней войны, когда иностранные державы имели юридические права и держали войска внутри

Германии, дисциплина и бдительность на внутреннем фронте и за его пределами были жизненно важными для выживания государства. Беспокойство о безопасности страны серьезно сдерживало захват Германией иностранных колоний и завоевание международного престижа – это было озлобляющим самоотречением для гордой новой Империи.

Вскоре после попыток покушения на императора Вильгельма летом 1878 года, страх перед панъевропейским конфликтом привел Австрию, Францию, Великобританию и Россию вместе с Германией на Берлинский конгресс, которым приветствовалось новое положение Германии в мире. Самым важным вопросом, стоявшим перед конгрессом, было успешное наступление России через Болгарию и Оттоманскую Империю, что ставило ее в доминирующее положение на Балканах и давало возможность отправлять боевые корабли через Дарданеллы в колониальный мир. Эти возможности русские получили по Сан-Стефанскому миру в марте 1878 года после поражения Турции. У Австрии, Великобритании и Германии имелось достаточно поводов для беспокойства, чтобы думать о том, чем заняты другие, и каждая страна была нацелена ограничить экспансию России за счет Турции и Австрии. Поскольку ни одна из великих держав не хотела начинать войну за Балканы, созвали конгресс с целью убедить Россию добровольно изменить условия договора. Для ведения сложных дипломатических переговоров великими державами был избран государственный деятель – Бисмарк [60].

Кроме решения Балканского кризиса, конгресс также созывался для повторения правил, по которым каждое государство-участник будет вести себя по от-

ношению к другим – это, в особенности, касалось новой Германской Империи. Ведущим принципом было: жить самим и дать жить другим. Каждый участник соглашался не наступать на жизненно важные интересы другого, претворяя собственные интересы на мировой арене. Можно брать небольшие куски менее важных земель, но не доводить до формирования коалиций великих держав и последующего панъевропейского безумия. Германию беспокоили два вопроса – Россия, которую Бисмарк сдерживал, дипломатически склоняясь в сторону Великобритании, и старый враг – Франция, чьи союзы с иностранными державами исторически приносили печали Германии [61].

Благодаря государственной деятельности Бисмарка и соглашениям, независимо достигнутым главными державами, мир был спасен. Германский канцлер покинул конгресс в некоторой степени героем. Позднее, во время его ухода в отставку и после смерти европейское сообщество вспомнит и почтит его успешную дипломатию на этом конгрессе.

Император Вильгельм II

В 1888 году болезненный старший сын Вильгельма I, кронпринц Фридрих Вильгельм, сменил на троне своего отца, как император Фридрих III – но только на девяносто девять дней. В двадцать девять лет старший сын Фридриха, Вильгельм, мать которого была дочерью королевы Виктории, сменил на троне отца, как император Вильгельм II. Политически либерально настроенный, как и его отец, молодой Вильгельм считал себя полностью современным человеком, готовым с головой окунуться в будущее – и прыгнуть через Бисмарка или парламент, если тот или другой

заблокируют ему путь. Несмотря на неравенство политического опыта, Бисмарк, которому недавно исполнилось семьдесят три года, оказался более уязвимым. Сомневавшиеся в его политической воле на протяжении 1870-х годов твердые консерваторы теперь считали его ответственным за новую волну антиюнкерского социалистического движения и усиление католической Центристской партии. Первое прослеживалось до его поддержки всеобщего избирательного права для мужчин, а второе – до его безжалостного преследования «Культуркампф» [62].

После того, как Вильгельм II стал императором, Бисмарк попытался сделать себя незаменимым, поднимая ложную тревогу – говоря об угрозе грядущего восстания пролетариата и правительственного хаоса, навыки предотвращение которых есть только у него одного. Однако идеализм и неопытность императора делали его бесстрашным перед лицом опасности и робким в навязывании внутренней политики. Эти реакции разоружили Бисмарка. И добавляя оскорбление к обиде, император полностью разделял самоуверенность Бисмарка и его стиль конфронтации [63].

Полтора года плевков через два поколения закончились уходом Бисмарка в отставку. Великий человек обеспечил свое увольнение путем выступления против законопроекта о защите труда, который поддерживал император. В это время Бисмарк продвигал еще один мстительный собственный законопроект против социал-демократов. Дед Вильгельма, который признал гениальность Бисмарка, мог бы отдать ему свою голову, а теперь же поднявшийся на арену внук требовал голову канцлера [64]. Император приказал Бисмарку отозвать свой законопроект, и канцлер, ко-

торый недавно понес чувствительное поражение на выборах, понял, что его время прошло. В марте 1890 года он подал прошение об отставке. Вопрос, в формулировке Вильгельма, стоял о том, «будет ли править династия Гогенцоллернов или династия Бисмарков» [65]. Уход Бисмарка не был приятным. Его снисходительное прошение об отставке являлось предупреждением императору о том, куда именно его политика, скорее всего, приведет нацию, – к войне. И этот совет оказался пророческим [66].

Паладин германского прошлого

Главным недостатком канцлерства Бисмарка была его неспособность искренне поверить в либеральное парламентское правление среднего класса. Он говорил в молодости, когда клеймил бездушных бюрократов и законодателей, и клялся, что никогда не станет таким: «В голове и конечностях [правительства] – раковые опухоли; только живот у него здоров, а законы, которые оно испражняет, – это самое откровенное дерьмо в мире» [67].

Бисмарк верил, что нация, которой он управляет, имея свои чрезвычайные полномочия канцлера, не может оставаться в безопасности при таком правительстве. Для поддержания национального единства и безопасности среди возможных коалиций германских соперников требовалась авторитарная политика – сообразительная и дисциплинированная монархия и бюрократия [68]. Стремление к такому государству дало ему много врагов. Лишившись должности, он стал уязвимым для их давно лелеемого презрения. На восьмидесятый день рождения в 1895 году парламент отказал ему в ожидаемом поздравительном приветс-

твии. За такое пренебрежение император в дальнейшем извинился после протестов, которые поступили от государственных деятелей по всему миру, помнивших Бисмарка, как сторонника международной стабильности и мира [69].

Это оскорбление было в той же мере отказом от классического германского прошлого, как и от канцлера. Для критиков того времени и современных Германия Бисмарка стала меньше не только размером. Большинство утверждает, что прогрессивное развитие, сопровождавшее его канцлерство – национальное единство, промышленная экономика, государство-интервент и международная система правления – имело бы место и без него [70]. Учитывая его философию истории, которая отвергала идею, что великие люди производят великие события, Бисмарк вполне мог бы согласиться с этой мыслью. Но даже многие его современники считали, что его пребывание в должности все и сделало – во имя добра и зла.

Сегодня даже сочувствующие биографы иронично относятся к Бисмарку, как к человеку, который привел Германию в современный мир, и делал все, что только мог, чтобы сдержать ее. Эта характеристика особенно неточна относительно экономического и технологического прогресса эпохи, который Бисмарк полностью приветствовал. Его собственные инвестиции, которыми хорошо управляли банкиры Ротшильд и Блейхредер, сделали Бисмарка богатым человеком и одним из крупнейших землевладельцев Германии [71].С другой стороны, черты эпохи, которые он ненавидел больше всего, также были связаны с современным миром, – в особенности, нарастающие социальные ожидания социал-демократов, только дразнившие революции,

цели которых превышали понимание обществом. В этом отношении, как считал Бисмарк, он жил в отсталую эпоху бегства от реальности.

Вспоминая приветствие короля Вильгельма в 1866 году после триумфа Германии в Шлезвиг-Гольштейне, Бисмарк пришел к мысли, которую считал мудростью веков. В то время король решил, что победой над Австрией Пруссия обязана только Бисмарку. Бисмарк считал, что, скорее, она навязана Провидением – он назвал это «уроком, который человек хорошо усваивает в этом деле [политики и войны]», то есть «человек может быть таким мудрым, как мудрецы этого мира, и, тем не менее, в любой точке оказаться в следующий момент идущим, как ребенок во тьме» [72].

Столкнувшись с непредсказуемыми поворотами истории, философов и революционеров мечты об улучшении мира не соответствовали тому, что животная страсть и чистая сила могут сделать кровью и железом, если поставить реальную цель. Германия стала великой Империей во время Бисмарка не благодаря учениям Вольтера или Канта, или революциям 1789 и 1848 годов, а потому, что немцы творчески ответили на элементарные страдания, которым подверглись из-за своих врагов.

Часть IV

Немцы в современном мире

Глава 9

Последняя Империя

ОТ ВИЛЬГЕЛЬМА II ДО ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Германия никогда не нуждалась в Бисмарке больше, чем после того, как его не стало. Тем не менее, когда старый канцлер подал в отставку, время ухода для него уже давно пришло. Он обладал неуравновешенным характером и в конце правления страдал паранойей. Правительство, которое он сам создал, вызывало у него отчаяние, и он даже задумывался о его свержении. Бисмарк оставил после себя сильные и хорошо закрепившиеся парламентские фракции католиков, социалистов и левых либералов. Среди них выделялись социал-демократы – наиболее сильная фракция. В его отсутствие они бросали вызов молодому императору Вильгельму II, который не обладал ни харизмой Бисмарка, ни его навыками и умениями создавать коалиции и не знал, как можно их перехитрить. Новый император также совсем не разбирался во внешней политике. У него росли амбиции, он же-

лал продвигать Германию вперед на международной арене, но этот импульсивный внук королевы Виктории вопреки интуиции нацелился на британцев, от доверия и нейтралитета которых зависело как выживание Германии, так и равновесие сил в Европе.

РЕГРЕСС И ЭВОЛЮЦИЯ

Вначале Вильгельм казался монархом-мечтой любого либерала. Внешне это был «человек сорок восьмого года», преданный наследию Франкфуртского Национального Собрания. В начале своего царствования император был социально просвещенным. Он поддержал прогрессивное законодательство для работающих женщин и детей (меньшее количество часов, лучшие условия, увеличение пособий и новая процедура рассмотрения трудовых конфликтов), подверг критике направленные против социалистов законы Бисмарка, которые действовали с 1878 по 1890 год. Несмотря на неразвитую левую руку, поврежденную в результате родовой травмы, он был в полной мере немецким мужчиной: отцом шести сыновей и дочери, прусским милитаристом и страстным охотником. За громкими словами о политике и хвастовством скрывался добрый и мягкий в частной жизни человек и весьма сложная личность [1].

Как и его предшественники на троне, Вильгельм считал себя императором из династии Гогенцоллернов по воле Божьей. Несентиментальное увольнение им Бисмарка дало ясно понять, что он также не будет и «тряпкой» социал-демократов. Он стал непосредственно участвовать в работе парламента и мог бросать ему вызов, фактически, когда желал этого.

Таким образом, Вильгельм ослабил репрезентативное правительство и одновременно взял в свои руки большую власть, не будучи способным добиться консенсуса [2].

Вильгельм хотел быть императором, канцлером и парламентом одновременно, точно того же хотели и политические партии, и карьеристы-бюрократы, выступавшие против его политики. Оппозиционные социал-демократы и леволибералы стремились определять законодательную повестку дня и командовать министрами императора – фактически они стремились к выборной монархии. В результате получился фракционный парламент, в котором каждая фракция хотела командовать, – это не в меньшей степени шаг назад в Средние века, чем заставляющий повиноваться себе и запугивающий других Вильгельм [3]. Рост как военного бюджета, так и волнений голосующих за либералов свидетельствовали о двух противоположных направлениях, в которых шло государство: центристское выбирал император, партикуляризм – правящие партии.

За сорок три года между объединением и началом Первой Мирвой войны население Германии выросло на 60% – до шестидесяти восьми миллионов человек. Только у Соединенных Штатов Америки имелись большие производственные мощности. В те годы расширялись общегерманские ценности, росла уверенность немцев в себе, преодолевались социальные барьеры [4]. Несмотря на существующие препятствия для политического единства и колониальной экспансии, они считали, что их культура имеет глубокие исторические корни и важнейшую судьбу среди европейских государств. В 1890 году в школах и во время нацио-

нальных праздников стал исполняться «Deutschland ber Alles» – межрегиональный гимн Германии, который подпитывал национальное самосознание [5].

На смене столетий немцы гордились еще одной старой добродетелью, исторически синонимичной их нации: хорошим порядком. В 1590 году английский дипломат отправил английской королеве послание из Нюрнберга, в котором восхищался улицами города, отличавшимися от лондонских отсутствием навозных куч, а также тем, что потерявший кошелек, браслет или кольцо днем может ожидать, что их ему вернут к вечеру [6]. Несмотря на большую нищету и трудности, германский город конца девятнадцатого столетия стремился к подобному порядку. Современные историки видят в таком стремлении то, что постмодернистский французский философ Мишель Фуко назвал «обществом, уже страдающим раковой опухолью» – он видел в нем исторически связующие шаги на пути к фашизму двадцатого столетия. Даже если немцы девятнадцатого века не были врожденно послушными и покорными (что спорно), тем не менее, они окружали себя дисциплинарными институтами (школы, сумасшедшие дома), формирующими «состояние ума субъекта». За один год, как пишет пораженный историк, полиция Дюссельдорфа, города с населением в 91 000 человек, посетила и допросила 13 500 родителей об их детях [7].

Хотя «Большой катехизис» Мартина Лютера был написан почти четырьмя столетиями ранее, он представляется более гуманным, чем действия полиции Дюссельдорфа. Основное для поколений германских лютеран и все еще используемое сегодня, религиозное руководство выдвигало городские магистрату-

ры, связанные при вступлении в должность клятвой действовать «честно» по отношению к гражданам, которые в ответ им «покорно» подчиняются. В классической германской традиции, в основе всякой власти лежит жизненно важная связь и сплоченность народа и правительства. Об этом говорил Лютер в своем «Катехизисе» и это чувство также разделяли германские католики. Дети, как учил Лютер в поразительно современном ключе, не принадлежат только своим родителям. Каждый взрослый, имеющий власть над ребенком – учитель в школе, мастер в мастерской или магистрат в городской ратуше – должен защищать, исправлять и беречь детей, доверенных ему. В то же время дети, в свою очередь, должны слушаться их наставлений, словно эти наставления исходят от их родителей [8].

Германские историки, политики и ученые, которые писали в восемнадцатом и девятнадцатом веках, говорили о подобных оправданиях хорошего порядка на основании предыдущих примеров социальной и политический дезинтеграции, в особенности Тридцатилетней войны [9]. Такие исторические религиозные учения и предупреждающие рассказы давали менее уничижительные объяснения немецкой дисциплины и бдительности, чем аргументы, возникшие из идеологии или предполагаемой патологии.

Что бы ни стало последним спусковым крючком, но германская гражданская культура треснула в 1890-е годы. Профессиональные ассоциации и лиги множились в торговле и промышленности, сельском хозяйстве и фермерстве, гражданской службе и армии. Политические партии видели постоянных избирателей среди таких групп, которые в свою очередь создавали

собственные правительственные лобби. Среди социально поднимающихся групп промышленный пролетариат нашел поддержку у марксистской социал-демократии, которая после 1890 года стала крупнейшей политической партией Германии и получила треть голосов в 1912 году [10].

К концу девятнадцатого века эти ассоциации и лобби расширили трещины внутри германской политики. Оставив позади старое поместное общество, успех предпринимательства привел к власти новые политические, социальные и профессиональные группы. А это, в свою очередь, создавало фракции и угрожало прогрессу, достигнутому к 1871 году, сплоченной национальной культуре [11]. Как император и парламент, государство конца девятнадцатого века тоже было в некотором роде регрессом, отступлением к старой, разделенной на части Германии, но теперь сюда примешивались новые зловещие элементы. Редко в германской истории правитель держал в руках б льшую, но одновременно менее практичную дирижерскую палочку, чем император Вильгельм II. Также нравственные и религиозные нормы, которые направляли немцев в прошлом, оказались в начале двадцатого столетия более чем когда-либо наполнены сомнением и презрением.

Игра с огнем

Политика и общество периода правления Вильгельма II имело соответствующую раздробленную, разлагающуюся декадентскую интеллектуальную культуру. Два главных оратора, философы Артур Шопенгауэр и Фридрих Ницше, приходили в отчаяние как от новой, так и старой Германии. Они возвышали волю

отдельного человека, как единственную определенную реальность. Эти предшественники современного экзистенциализма отрицали либерально-умеренное Просвещение конца восемнадцатого и начала девятнадцатого столетий (Кант, Гегель и Гете) точно также, как отрицали германское реформаторские движение шестнадцатого века (Дюрер, Пирхгеймер и Лютер). Столь же зловеще разочарованное поколение юношей-идеалистов после 1871 года обменяло культуру своих родителей на предполагаемо более чистый, истинный, мифологический собственный мир. Свободные и рискующие в новом мире «пост-объединения» молодые немцы перемещались от одной импровизированной трибуны к другой, на которые все больше взбирались имеющие влияние демагоги, милитаристы, нигилисты и расисты [12]. Фактически, то же самое будет происходить, причем в еще больших количествах, в 1920-е годы.

Однако лишь немногие немцы хотели сдать позитивные достижения модернизации – определенно не достижения науки и техники, и не завоеванные с трудом личные и социальные свободы, которыми тогда наслаждались все. Усовершенствования сопровождались конструктивным критическим состоянием умов, которое как делало изобретения и изменения возможными, так и позволяло им продолжаться. Тем не менее, даже в самом полезном и непротиворечивом варианте, новый материализм беспокоил умы и озлоблял души в стране, исторические, религиозные и философские ценности которой разделяли как протестанты, так и католики, и в которой никогда не забывали о внутреннем мире. Входя в молодую нацию, которая внезапно стала экономическим, про-

мышленным, бюрократическим и военным гигантом, многие немцы спрашивали – не все ли это, что у них есть? [13] И если заявление о том, что немцы задыхались в государстве Вильгельма или страстно желали очищающего апокалипсиса, которым станет Первая Мировая война, вероятно является утрированием, многие из них все-таки искали недостающее не в тех местах [14].

Когда общество трещит по швам, как произошло в поздний период Германской Империи, можно воспользоваться лекарством – своим и иностранным, доказанным и новым. На протяжении тысячелетия римско-католическая церковь заботилась о германских душах, даже в «безбожные» 1860-е и 1870-е годы она могла считать своей треть германского населения. Во время «Культуркампф» церковь, как делала со Средних веков, все еще предлагала благочестивым немцам и высшую альтернативу современному миру, и политическую альтернативу германскому государству.

Светские люди, большинство протестантов и немалое количество католиков считали позицию церкви, выступавшей против модернизма, отсталой и полной предрассудков. Отдельно от традиционного христианства существовало множество философий новой эпохи и средств для излечения всех. Они привлекали немцев всех социальных классов и уводили многих от основной религии и разумно просвещенных взглядов на мир [15]. Если Германия и не являлась самой религиозной европейской страной, то она наиболее активно занималась теологией со времен Реформации. Из-за такой образованности (а, быть может, несмотря на нее) все возрастающее количество немцев отказывались от традиционных духовных убежищ в

пользу тех, которые обещали просвещенный разум, эмпирическая наука и неформальные движения эпохи пост-Просвещения. За этим переходом, который происходил по всей Европе, лежали столетия излишней фамильярности с главной религией и отдаление от нее. В Германии движущими вперед силами стали богатство и идеализм гордой, молодой нации, которая все может, которая, как кажется, стоит на своем Stunde Null [Stunde Null (нем.) – нулевое начало. – Прим. перев.], новом начале своей истории.

То, что такое мечтательное мышление шло вразрез с реальностью, показывают разнообразные убежища, которые предлагались убегающим душам-пилигримам. Многие присоединились к романтизму прошлого, другие – к относительно мягкому ультрамонтанизму, третьи – к мистическому или расистскому шовинизму. Бессчетное количество пыталось успокоить умы и развить души через современные занятия, погружаясь, как подсчитал Давид Блакбурн, в «философию, сексологию, физическую культуру, холистическую медицину, антропологию, паранормальное, спиритизм, буддизм [и] деревенскую идиллию Толстого» [16]. В таких поисках за пределами истории и традиций значительное количество ранее послушных немцев расправили новые крылья, раздувая пламя нового века.

В своей собственной модернизированной версии великой предупреждающей немецкой сказки «Доктор Фаустус» Томас Манн, чья жизнь протекала во времена Империи, Веймарской республики, национал-социализма и послевоенной Германии, уходит в прошлое страны, чтобы увековечить переход, за которым наблюдал на протяжении своей жизни. Усовершенс-

твовав историю Фауста в 1947 году, он наделил знаменитого персонажа, который продал душу дьяволу, чертами Фридриха Ницше и вставил случаи из его жизни. В этом современном воплощении доктор Фаустус появляется, как композитор Адриан Леверкун, который заражается сифилисом во время сексуального подтверждения пакта с дьяволом. После этого он страдает от паралича, безумия и умирает [17]. Манн, очевидно, придерживался классической немецкой традиции, выступая против нигилизма девятнадцатого века, и создал хорошего германского рассказчика, доктора Серенуса Цайтблома, принципиального человека, находящегося в мире с самим собой – во многом подобно Фаусту Гете в конце жизни.

ВСТУПЛЕНИЕ В МИРОВУЮ ВОЙНУ

Культурно австро-германский мир конца девятнадцатого столетия являлся миром иконоборцев – бунтарей, борющихся с традиционными предрассудками, которые стали иконами: Ницше – в философии, Зигмунд Фрейд – в психологии, Альберт Эйнштейн – в науке, Рихард Вагнер – в музыке, Манн – в литературе и Макс Вебер – в социологии. Вильгельм II являлся известным покровителем искусств и активно вмешивался в культурную жизнь. Последний император из Гогенцоллернов не обладал талантами этих людей, хотя бросался в мир политики, словно был там самым главным [18]. Увольнение им Бисмарка на второй год своего царствования принесло много разочарований и не сделало его самого героем. Современники кайзера больше замечали неспособность Вильгельма учиться на истории, что отметил старый канцлер в своем

снисходительно-покровительственном заявлении об отставке.

Бисмарк сделал Германию сильной, сконцентрировав ее вокруг Пруссии и держа в фокусе внешнюю политику. Он отразил попытки австрийцев и баварцев увековечить старую разваливающуюся Империю с ее древним разделом и соперничающими государствами. Его компактная Империя давала канцлеру свободу в решении вопросов с парламентом и великими европейскими державами. Вместо того чтобы отбрасывать ненавистную тень Империи на Европу, Германия стала в ней честным посредником, использовав географическое положение в Центральной Европе для получения преимуществ в международном масштабе и сохранения мира.

В отличие от него император Вильгельм провоцировал международный конфликт, намереваясь расширять страну. Нацеленный увидеть Германию мировой державой, он погнал Империю в Европу и на захват колоний. Хотя никто не знал, что принесет будущее, все шаги императорского правительства в этом направлении вели к войне.

Однако если сбалансированная Европа Бисмарка начала выглядеть как карточный домик, нельзя в этом винить одного императора Вильгельма. В итоге на провал внешней политики Германии больше повлияли не столько вмешательство и бравада императора, сколько просчеты Министерства иностранных дел. А именно на него полагался новый канцлер императора Лео фон Каприви. Каприви ранее возглавлял военно-морское министерство и был неудачным кандидатом на должность канцлера для быстро меняющихся 1890-х годов. Он быстро попал под влияние назначен-

ного Бисмарком и ненавидевшего его Фридриха фон Гольштейна, который теперь контролировал министерство. По рекомендации Гольштейна Каприви не стал возобновлять договор с Россией, который с 1887 года гарантировал нейтралитет этой страны в случае вторжения в Германию с запада или с юга. Утверждая, что этот договор отдает предпочтение России, министерство скорее рассчитывало на своего исторического союзника – Великобританию, в то время европейскую супердержаву. Была надежда, что та вмешается дипломатически в случае появления воинственно настроенных сторон, и придет Германии на помощь в случае нападения на нее.

В течение пяти лет после прекращения действия договора 1887 года между Германией и Россией, Франция и Россия стали торговыми партнерами, а до того, как истекли еще два, они стали и оборонительными союзниками. Каждая из стран обещала другой нанести удар по Германии, если Германия мобилизуется против одной из них [19]. Внезапно Германия оказалась в огромных мощных клещах, чего так боялась. Подтверждение договора о нейтралитете России помогло бы избежать этой ситуации. Когда для Великобритании пришло время выбирать, чью сторону брать, немцы, к их сожалению, стали ее экономическими и военными соперниками.

В 1894 году Вильгельм показал свое истинное лицо социал-демократам и левым либералам, которые ранее считали его своим союзником. К их отчаянию, он выразил опасения по поводу руководителей промышленности, поддержал новые законы, направленные против социалистов, и законы о цензуре. Ничто из этого не понравилось парламенту. В ходе внут-

ренней борьбы в самом парламенте, при готовности императора раздавать привилегии или предавать как либералов, так и консерваторов, в 1890-ые годы в Германии мало что осталось от демократического правительства, к которому немцы попеременно стремились, и которое подрывали, начиная с середины столетия [20].

Удачно соперничая с Францией и Россией в колониальном мире, Великобритания открыла двери для Германии, которая отчаянно пыталась там укрепиться. Без нейтралитета Великобритании прыжки Германии вперед в 1890-е годы – как колониальные, так и европейские – были бы невозможны. Но после смены столетия Великобритания постепенно перестала быть другом Германии. Продолжающееся наращивание Вильгельмом германской армии – теперь самой большой в Европе, – и еще большего военно-морского флота, пугало европейцев. Сделав линкоры национальной навязчивой идеей (к 1900 г. были спущены на воду не менее тридцати восьми линкоров) адмирал Альфред фон Тирпиц нацелился на британские морские силы в соперничестве, которое у Германии не было шанса выиграть [21]. После смелой проверки британской храбрости в колониальной Южной Африке немцы вновь столкнулись с сотрудничеством Великобритании и Франции. Эти страны в 1904 году вместе с царской Россией вошли в Антанту («Тройственное согласие»). Их союз будет только усиливаться и расширяться.

Уже в 1907 году британские дипломаты описывали Германию, как «нацелившуюся доминировать в Европе», в то время как Россия, боявшаяся Германию больше, чем когда-либо, начала сплачиваться с Вели-

кобританией [22]. Договорившись о своих владениях в колониальной Азии, две великие державы объединились с Францией, чтобы создать неформальную, но пугающую ассоциацию из противников Германии, которых та опасалась больше всего. Создания подобного союза ранее помогала избежать дипломатия Бисмарка. Теперь, если начнется война, Германии пришлось бы отражать атаки как на восточном, так и на западном фронтах, а союзниками могли выступить только занятая своими проблемами Австро-Венгрия и вечно отступающая Италия (старый и усталый «Тройственный Союз»). Германия сделала себя центром внимания великих держав по большей части благодаря звону своих сабель – и это привело к ее падению.

Немец с улицы мог понять, как сильно затянулась петля, в которой оказалась его страна благодаря правительству, прочитав интервью, которое император Вильгельм дал лондонской газете «Дейли телеграф» в октябре 1908 года. Вильгельм читал британцам лекцию об их колониальных провалах – причем в таком тоне, словно был своим, а не посторонним человеком. В то же самое время он говорил о невинности Германии в милитаристской экспансии и колониальных набегах. Это провальное выступление, в нарушение установленных порядков и недостоверное, так смутило оба правительства, что Вильгельму пришлось пожертвовать канцлером Бернардом фон Бюловым, который допустил публикацию интервью [23]. В 1909 году коммерческая конкуренция между Германией и Великобританией усилилось по всему миру, она дошла до точки конфронтации. Эту перспективу нервно обсуждали внутри дипломатических корпусов и высшего руководства обеих стран [24].

Конечно, еще никто не призывал к тому, что вылилось в Мировую войну. И когда эта война спонтанно началась, то взрыв произошел не в Северной Европе, а на давно находящихся в кризисе Балканах. Атаковали друг друга не великие державы, а малые, давно зажатые Австро-Венгрией и Оттоманской Империей, которые пытались решить местные проблемы. На протяжении десятилетий возглавляемый Сербией панславянский национализм стучался в австрийские ворота, которые, к огорчению сербов, закрывали после 1908 года Боснию и Герцеговину. Присоединение Боснии к Австрии произошло с благословения союзника Сербии – России и союзника Австрии – Германии. За эту поддержку Австрия обещала русским боевым кораблям проход через Дарданеллы и еще один шанс стать Средиземноморской державой – исполнение старой мечты, которую не позволяли воплотить в реальность Великобритания и Франция [25]. В результате великие и малые державы разозлились на Австрию, и «Тройственной Союз» сотрясся до основания.

Немецкие завоевания в колониальном мире еще больше отравили внутриевропейские отношения. Дважды, в 1905 и 1911 годах, немцы ловили рыбу во французских марокканских водах. В 1911 году они нацелились на Французское Конго, которое в итоге оказалось не только мелкой рыбешкой, но еще и было взято за гораздо более высокую дипломатическую цену, чем оно того стоило. Заявляя, что присутствие военно-морского флота Германии необходимо в Марокко для защиты находящихся там немецких граждан, немцы поставили канонерскую лодку в порту Агадира и вынудили французов на скромные уступки.

Это действие вызвало тревогу у англичан и еще больше укрепило англо-французские отношения, которые теплели с 1904 года. Теперь англичане заключили с французами официальное соглашение против Германии.

Немцы также оставили метки на колониальной карте Ближнего и Дальнего Востока. Впечатляющее строительство на протяжении десятилетий железной дороги между Берлином и Багдадом открыло оттоманскую торговлю и сделало доступной ближневосточную нефть. Предприимчивые немцы также получили угольное месторождение в Китае и построили там большую пивоварню [26]. Однако эти достижения не притушили огонь, разгоревшийся из-за австро-сербского конфликта на Балканах и новых германских провокаций в колониальном мире. Когда Уинстон Черчилль, тогда – Первый Лорд Адмиралтейства [должность Первого Лорда Адмиралтейства соответствует посту военно-морского министра. – Прим. перев.], выразил беспокойство о том, что правительство, которое командует германской армией и военно-морским флотом, считает себя стоящим выше собственного парламента, это показалось пророчеством войны [27].

Между 1912 и 1913 годами Балканы снова были в состоянии войны, как с Турцией, так и между собой. Победителями вышли сербы. После этого Сербия, ищущая порт на Адриатическом море с целью добавить мощь военно-морского флота к мощи своей армии, вызвала новый кризис в отношениях с Австрией. Среди австрийских криков с призывами нанести упреждающий удар по Сербии, император Франц Иосиф и его наследник эрцгерцог Франц Фердинанд

удивили многих соотечественников, попросив мирного решения короткого конфликта. Проклинаемые как «прославянские», они оба стали целями австрийских и сербских экстремистов. 28 июня 1914 года боснийские террористы, действующие с явной поддержкой сербов, совершили покушение на эрцгерцога и его жену в Сараево – на двух миротворцев, смерти которых сделали войну неизбежной. Внезапно Австрия оказалась в состоянии стабилизировать свои славянские интересы с предполагаемой поддержкой Германии.

Конечно, Германия также хотела утвердиться в Европе, хотя и необязательно через затянувшуюся и расширяющуюся Балканскую войну. Но австрийцы, и среди них Адольф Гитлер, пылко протягивали руки к своим братьям-немцам, вспоминали общую кровь и историю, – и амбиции вкупе с оппортунизмом толкнули Германию в войну Австрии с Сербией. Велось много споров о том, что внутренние политические проблемы дома стали причиной вступления Германии в войну, что война давала возможность завоевать новые рынки для контролируемой Германией Центральной Европы (желательность этого германская элита обсуждала в предвоенные годы) [28]. Однако лишь в конце сентября 1914 года, после того, как немецкая армия увязла в траншеях вдоль Марны, высшее командование Германии, предвидя более долгую войну, чем планировалось изначально, одобрило обширные присоединения земель [29].

Целенаправленная германская программа по оккупации Центральной Европы появилось после, а не до начала войны, которая вначале должна была быть оборонительной, несмотря на наступательную

стратегию в завершении. Многие государства, помимо Германии, были готовы рискнуть войной, как решением проблем, с которыми они столкнулись [30]. Однако ни Германия, ни кто-то другой в то время не имел особого плана доминирования в Европе. Но к 1917 году послевоенные стремления всех участников расширились. Суровое отношение Германии к России после поражения последней на Восточном фронте показывает, что немцы были готовы сделать в Европе, если бы выиграли войну на Западном фронте [31].

Однако в июле 1914 года перед тем, как стали стрелять орудия, Германия взвешивала свою поддержку Австрии против реакции России. Высшее командование Австрии рассчитывало на германских союзников, чтобы сдерживать Россию и не дать ей броситься на помощь Сербии. Таким образом, было бы обеспечено быстрое покорение Австрией Сербии. И немцы продемонстрировали, что также предпочитают этот вариант. 19 июля Австрия вручила Сербии ультиматум из десяти пунктов, сформулированный в самых обличительных терминах, и потребовала ответа в течение сорока восьми часов. Среди требований было немедленное подавление антиавстрийской пропаганды и арест сербских офицеров, задействованных в покушении на эрцгерцога, причем список обвиняемых прилагался [32].

И мобилизующиеся сербы, и русские восприняли ультиматум, как объявление войны, и также начали мобилизацию. Когда Австрия и Россия готовились к войне, глаза Германии сфокусировались на союзнике России – Франции. 29 июля русские объявили военное положение. На следующий день Германия

ответила тем же – последней из крупнейших задействованных держав. Поддержка Германией Австрии не остановила русских, а поддержка Россией Сербии не удержала и не отпугнула австрийцев и немцев. Теперь все надежды на мир рухнули, и четыре великие державы вывели свои амбиции, ультиматумы и армии на поле брани [33].

У военных Германии имелся долгосрочный план на случай конфронтации, которой она больше всего боялась: война на двух фронтах с Россией и Францией. Фельдмаршал Альфред фон Шлифен подготовил упреждающую ударную стратегию в 1905 году, которую регулярно совершенствовал до своей смерти в 1913 году. Она предполагала наступательную войну, и отправление точно рассчитанных волн германских солдат на запад через Бельгию и на юг – на Париж. Из Парижа им предстояло идти на восток и встретить там медленно идущую, как надеялись, русскую мобилизацию на Западном русском фронте. В целом это был план молниеносной войны с целью застать врасплох и разбить надвое клещи великих держав, зажимающие Германию [34].

Успех плана зависел от трех возможностей: легкость для Германии в позиционировании своих сил (застревание войск в траншеях не учитывалось); поддержание линий поставки для армии, идущей с запада на юг множественными подразделениями; продолжающийся нейтралитет Великобритании после того, как германские солдаты пересекут Бельгию по пути во Францию. Поскольку Великобритания, Франция и Пруссия уважали нейтралитет Бельгии на протяжении трех четвертей столетия, план Шлифена казался с самого начала трудноосуществимым.

КОЛОКОЛЬНЫЙ ЗВОН ВОЙНЫ

Избегая укреплений «линии Мажино» [«линия Мажино» – система французских укреплений на границе с Германией, однако само название появилось гораздо позднее. – Прим. перев.], защищавших восточный фланг Франции, немцы оккупировали Бельгию за первые три дня августа, но недостаточно быстро, чтобы броситься на Париж и нанести поражение отступавшим французам. Когда немецкие солдаты перевели дыхание на четвертый день, англичане послали им навстречу экспедиционные войска, еще более нарушив план Шлифена. Давно убежденные в приближении войны, Великобритания, Франция и Россия нашли способы помочь друг другу в остановке немцев. Хотя вину за начало войны можно предъявить нескольким нациям, только очень импульсивная Германия могла вызвать вынужденное объединение против себя различных стран – Антанту – которая выступила против немецкой армии в конце лета и осенью 1914 года. [В ходе Первой Мировой войны против Германии в союз объединились более двадцати государств. – Прим. перев.]

Война разворачивалась на малой территории три из четырех лет – по большей части из-за медленного ведения войны в траншеях, в которых соперники разместились в течение месяца после начала боевых действий. В сентябре 1914 года обе стороны окопались вдоль реки Марны, где встали французские и британские силы. За эту границу война против Франции не проникла никогда. В последующие годы скорость увеличилась благодаря наступлению танков, неограниченной войне подводных лодок и прибытию американцев. К тому времени романтика и слава скон-

чались пугающей смертью среди колючей проволоки, пулеметов и иприта.

Германская армия добилась больших успехов на Восточном фронте, где обладала большей мобильностью и лучшими командирами в лице Пауля фон Гинденбурга и Эриха Людендорфа, соответственно – главнокомандующего армии и начальника квартирмейстерской службы (после 1916 года). Между их победой под Танненбергом в 1914 году, когда на одного убитого немца приходилось пятеро русских, и Брест-Литовским мирным договором, заключенным в марте 1918 года, Гинденбург и Людендорф стали фактически нарицательными именами. Они сыграли важную роль и в послевоенной Веймарской республике.

Неожиданные трудности войны и ее шокирующий исход дискредитировали императорское правительство и оставили немцев разочарованными и униженными. В 1914 году одна пятая часть населения Германии оказалась мобилизована или находилась на службе, как-то связанной с военными нуждами. К концу войны треть мужского населения была убита, ранена или покалечена в результате ранения или болезни. Правительству пришлось выплачивать пособия шестистам тысячам солдатским вдовам. На протяжении четырех лет войны и нескольких после нее количество женского населения оставалось нормальным, в то время как остро ощущался недостаток мужского. В семьях, промышленности, торговле дисбаланс полов перевернул традиционные структуры власти вверх ногами. Немецкие женщины, которые работали и до войны, стали выполнять традиционные роли мужчин дома. На фермах и в промышлен-

ности, на фабриках и железных дорогах количество задействованных женщин удвоилось в сравнении с довоенным [35].

Для многих немцев, которые считались обеспеченными до войны, незабываемо позорными и горькими оказались внезапные трудности, возникшие из-за снижения торговых оборотов, инфляции, голодных зим, когда люди питались в основном репой, и просто физической уязвимости. Даже до окончания войны Германия увязла в долгах; к сентябрю 1923 года за один американский доллар давали 240 миллионов немецких марок [36]. Снижение морального духа, падение нравственности и страдания сеяли цинизм и подрывали порядок и покорность.

Вместе с гражданским населением возвращающиеся с фронта солдаты яростно топали ногами, словно в любой момент могли отбросить новую жизнь и вернуть себе прошлую. Единственное, что оказалось общим у тех и других – это невозможность больше верить правительству [37]. За гневом, крушением надежд и чувством бессмысленности следовал шок от предательства властью, которой раньше доверяли. Хотя немцы не в первый раз чувствовали, что их обманули их руководители, тот факт, что так много людей, совсем недавно считавшихся обеспеченными, потеряли все, породил страстное желание отплатить и все исправить.

После войны немцы оказались между провалившейся (а для многих – и неправильно рожденной) монархией и поспешно созданной и раздающей туманные обещания Веймарской республикой [38]. Монархия слишком многое выпустила из рук, и по этой причине должна была уйти, в то время как республика предлагала то, что немцы еще не пробовали: либеральную

демократию. Сможет ли новое правительство выдержать курс и компенсировать потерянное?

ВЕЙМАРСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Через четыре года после того, как Германия уверенно ввязалась в войну, она пережила «бедствие, которого мир не видел никогда раньше», – так это было названо [39]. Сразу же после войны шок и унижение от потерь вызвали внутреннюю революцию по всему общественно-политическому спектру. На руинах за контроль над нацией в политическом свободном падении соперничали друг с другом три лагеря. Одним было правительство, которое начало войну и теперь пыталось сохранить столько от своей прошлой власти, сколько позволял новый хаос. Ему прямо противостояли вновь сформированные политические советы, R te, представлявшие массы безработных солдат и гражданских лиц, среди которых были будущие национал-социалисты. R te требовали полностью порвать с прошлым. Наконец, имелся «Союз Спартака», в дальнейшем ставший Коммунистической партией Германии, которая хотела переделать Германию в социалистическое государство. Противостоя остаткам императорского режима, а также друг другу, эти новые правые и левые движения сцепились в гражданской и культурной войне за государство и душу Германии [40].

Сразу же после войны официальная власть и правление на короткое время попало в руки героя войны Эриха Людендорфа. Зная, что имперское правительство переживает предсмертные судороги, он цинично назначил в качестве примирительной меры князя

Макса Баденского канцлером нового правительства. Само правительство состояло из социал-демократов, либералов и представителей Центристской партии. Как выразил это историк Хаген Шульце, первое демократическое правительство Германии было «генеральным штабом, поставленным в тупик» [41]. После поражения в войне и демобилизации армии никакая значительная часть бывшего имперского правительства не могла продержаться долго, и князь Макс подал в отставку всего через месяц, в ноябре 1918 года. Отказавшись от поста, он объявил об отречении от престола императора Вильгельма и кронпринца из династии Гогенцоллернов и назвал лидера социал-демократов Фридриха Эберта своим преемником на посту канцлера. Император и кронпринц отправились в Нидерланды, а Эберт стал первым президентом Веймарской республики [42].

Даже до появления конституции республики первые акты временного правительства не принесли ей доверия общественности. В ноябре 1918 года она подписало договор о прекращении военных действий, таким образом, закончив Первую Мировую войну и признав безоговорочную капитуляцию. И неслучайно подписывала этот ненавистный документ делегация нового гражданского правительства, а не высшего германского командования. Способные предсказать будущее генералы и политики предвидели поражение Германии уже летом 1917 года и уже тогда начали готовить почву для заключения мира, который поможет им спасти лицо. Либеральная и Центристская партии независимо, но, в итоге, тщетно продвигали предложение о заключении мира, которое предложило революционное русское правительство. К весне 1918 года

германское высшее командование приняло неизбежность поражения, но, тем не менее, скрывало это от все еще доверяющей правительству немецкой общественности, которая оказалась совершенно не готова к суровым последствиям безоговорочной капитуляции.

Высшее командование обещало нации быструю победу и не представляло никаких оснований для полного поражения. Высшее командование, которое полностью отвечало за ведение войны, знало, что от него потребуют объяснений и ему отомстят. Генералы рано определили, что новое гражданское правительство, а не военные, будет преподносить неприятные новости общественности. В этом им одновременно помогали и мешали требования президента Вудро Вильсона [президента США. – Прим. перев.] о подписании мирного договора представителями, независимыми от политических и военных машин эпохи войны. По условиям мира от немцев требовалось принять и претворять в жизнь так называемые «Четырнадцать пунктов» президента Вильсона: идеалистические принципы свободы и самоуправления, взятые из американского опыта демократии (они будут снова представлены немцам в 1945 году, когда будет оказываться еще большее давление).

Как и просчитали военные, те, кто подписал мирные договоры, стали «преступниками» в глазах многих их соотечественников, обвинявших их в нанесении Германии удара ножом в спину. Возглавлявший делегацию представитель Центристской партии и исполнявший обязанности госсекретаря Маттиас Эрцбергер стал ненавистным вестником. Его убили в результате покушения два года спустя, в 1921 году. Однако если и произошло фатальное нанесение удара ножом по

германской нации, то можно поспорить, что удар наносился спереди, в глаз, а не спину, притом – рукой генерала Людендорфа, который в дальнейшем оказался одним из изначальных союзников Гитлера. Людендорф считал поражение неизбежным и обратился к союзникам – спорят, насколько опрометчиво – с просьбой о немедленном «прекращении военных действий во избежание катастрофы». Поступив таким образом, он обеспечил Германии гораздо более суровые условия (безоговорочная капитуляция), чем были бы, если бы перемирия достигли в результате переговоров воюющих сторон [43].

После окончания Первой Мировой войны ни одно правительство не могло действовать достаточно быстро, чтобы удовлетворить требования непрощающей нации, получившей такой удар. Новое правительство обвиняли за проигрыш войны, за суровые условия капитуляции и хаос послевоенной жизни. Следовательно, оно начало работать, постоянно подвергаясь нападкам.

Эберт занял пост неконституционно и сразу же предложил новый германский эксперимент, считая демократию имеющей лучшие шансы на успех. Но, столкнувшись с революционными советами с одной стороны и вновь сформированными социалистическими и протокоммунистическими партиями – с другой (и советы, и коммунисты бросали вызов его власти и сами были готовы возглавить правительство), – принципиальный Эберт обнаружил, что управлять ими невозможно [44]. Однако он мог назначить выборы нового парламента, что быстро и сделал. Хотя Национальное Учредительное Собрание провело первое заседание только в январе 1919 года, а новая консти-

туция не начала действовать до августа, внутри этого органа зародилась Веймарская республика, получившая свое название от города, в котором была написана окончательная версия конституции.

Веймарская конституция состояла из пятидесяти шести статей, в которых определялись «основные права и обязанности» немцев в будущем демократическом государстве. По новому закону президент и парламент должны были избираться народом, а канцлер – большинством голосов парламента. Впервые женщины, которых ранее допустили в университеты в качестве вольнослушателей, получили избирательное право. И они воспользовались им, чтобы провести 41 свою кандидатку из 423 избранных представителей, – это наибольший процент женщин, чем в любом последующем германском парламенте и Федеральном Собрании периода после Второй Мировой войны [45].

Конституция также содержала зловещие новые статьи. Широким демократическим жестом и благодаря указанной тактике создания коалиций, неформальные движения получили места в пропорции полученным ими голосам. Исполнительный суверенитет заключался в праве президента назначать собственного канцлера и принимать на себя «суверенную законодательную и исполнительную власть» при чрезвычайных обстоятельствах, о возникновении которых только он может объявить. Эти меры, известные, как статья 48, в дальнейшем позволят недолго править канцлерам президента Гинденбурга, а последнему из них – Адольфу Гитлеру – делать это неопределенный период времени [46].

Появившись без фанфар, парламентское лидерство новой республики было определенно социалистичес-

ким, однако не в современном революционном или коммунистическом смысле [47]. В выборах в январе 1919 года умеренные социал-демократы и их союзники, Центристская и Демократическая партии Германии, получили более трех четвертей голосов. Это была победа, которая дала послевоенной Германии новый свежий политический взгляд. Тем не менее, не прошло и полутора лет (июнь 1920 года), как легко поддающиеся переменам настроения избиратели отозвали более трети этих мандатов. Это резко изменило положение либеральной коалиции и стало началом политики «русских горок», которая предстояла Веймарской республике в 1920-ые годы.

Версальский мирный договор

Какие бы реалистические надежды ни зародило новое правительство, Версальский мирный договор, в котором представлялись условия мира союзниками, угрожал им всем. Эти условия шокировали немцев в той же мере, что и проигрыш в войне и прекращение военных действий. Они были навязаны без предварительных переговоров и без присутствия германской делегации должного состава при их обсуждении. По этим причинам «Версаль» стал призывным кличем, призывающим к сопротивлению, перевооружению и уходу в отставку нового правительства. Он отбросил тень на 1920-е годы – тень, дошедшую до 1933-го.

Договор состоял из отдельных частей, которые подписывали на протяжении нескольких месяцев, начиная с мая 1919 года. Окончательная церемония проходила в июне 1919 года, и ее преднамеренно провели в Зеркальном зале в королевском дворце в Версале. Там в январе 1871 года Германия унизила побежденную

Францию, провозгласив прусского короля Вильгельма I императором. Теперь пришел черед французов напомнить немцам, кто есть кто. Новое правительство в лице социал-демократа Германа Мюллера и члена Центристской партии Иоганнеса Белла опять было названо главным виновником подписания еще одной униженной капитуляции. К этому моменту краткой истории правительства самые суровые критики считали его в не меньшей мере иностранным захватчиком, чем новую Лигу Наций, созданную союзниками для проведения в жизнь условий договора [48]. У Лиги не было никакой коллективной армии. Поэтому страны-участники – Великобритания, Франция, Италия и Япония (немцев и русских подчеркнуто исключили) – отдали задачу претворения в жизнь условий государству, способному лучше всего это сделать и более всего желающему этого – Франции [49].

Договор положил конец Империям Габсбургов, Гогенцоллернов и Османов, он уменьшил территорию довоенной Германии на четырнадцать процентов. Отсоединенные земли включали жизненно важные области с тяжелой промышленностью. Союзники провели реконфигурацию привлекательных частей Силезии и Восточной Пруссии для создания «польского коридора» к Балтийскому морю. Немцы жестоко отомстили за это унижение в 1930-е годы. По договору Германия также лишилась Эльзаса и Лотарингии, города Данцига, богатого углем Саара, окончательная судьба которого должна была решиться путем плебисцита. С этими потерянными землями ушло десять процентов населения Германии, несколько миллионов поглотила Польша. Также были потеряны германские колонии, половина запасов железа, угля, половина поголовья

молочного скота, пять тысяч локомотивов и четверть мощностей химического и фармацевтического производства.

По Версальскому договору численность германской армии ограничивалась цифрой в сто тысяч человек, военно-морского флота – пятнадцать тысяч человек. Также запрещалось все тяжелое вооружение, танки, самолеты и подводные лодки. Немцы оказались в трудном положении – нужно было искать пути для увеличения военной мощи в целях обеспечения внутренней безопасности. Решили вопрос большие количества бывших солдат и офицеров, не желавших возвращаться к гражданской жизни. Они организовались в местные армии добровольцев, известные, как Freikorps [Freikorps (нем.) – добровольческий или свободный корпус. – Прим. перев.], которые первоначально были добавлены к местной полиции и земельным армейским силам и, в конце концов, превысили их количественно. Поскольку немцам запретили содержать самолеты с двигателями, они усовершенствовали планеры для разведывательных целей и, таким образом, поддерживали навыки авиации в хорошем состоянии [50].

Версальский договор возлагал всю ответственность за войну только на Германию. По нему были назначены военные репарации за связанный с войной ущерб, нанесенный на всех оккупированных немцами территориях, включая стоимость военных пенсий союзников. Это являлось необычной репрессивной мерой. Изначально репарации были оценены в 480 миллиардов марок – более 1700% ежегодного национального дохода Германии. Союзники уменьшили эту цифру в два этапа: до 269 миллиардов в январе 1921 года и

132 миллиардов следующей весной. Платежи должны были растянуться на тридцать лет. Бельгии и Франции предстояло использовать свои доли для выплаты американского долга, получившегося в результате военных действий [51].

В это время известный английский экономист Джон Майнард Кейнес осудил оценку величины ущерба, как «встряску», которая обещала будущей Армагеддон, когда немцы окажутся в состоянии нанести ответный удар [52]. Находящиеся в изоляции американцы покинули все еще испытывающую нужду и опасную Европу, не присоединившись к Лиге Наций. Они также считали репарации, затребованные союзниками, своевольными и вызывающими агрессию. Если не считать Францию, исторически самого часто появляющегося и успешного браконьера на немецких землях, члены Лиги Наций не проявляли особого энтузиазма в установлении или получении изначальных репараций [53].

Оценивая назначенные немцам репарации макроэкономически, в терминах роста населения и промышленной экспансии на протяжении 1920-х годов, историки заявляют, что эти платежи не были таким грузом, как утверждали немцы. Также свою роль сыграл тот факт, что предоставлялась гибкость в платежах. Теоретически немцы могли понять, что международное сообщество не хотело калечить производство побежденного народа [54]. Заслуживает внимания факт, что Германия наложила еще более жесткие репарации на Россию в 1918 году, требуя, по крайней мере, три четверти ее угля, железа, нефти и хлопка, а также отделения трети ее населения и железных дорог [55].

Между ноябрем 1923 года и апрелем 1924 года, комиссия Дауэса [56], возглавляемая американцами, обеспечила германские репарации, связав их с экономической деятельностью Германии и предоставив краткосрочные американские кредиты и займы. После обвала на американской фондовой бирже в 1929 году немцев ждали новые испытания, поскольку они уже получили ряд займов. Однако в промежуточные годы, с 1924-го до 1929-го, заимствованные миллиарды стабилизировали германскую экономику и позволили высокопоставленным немцам, как и высокопоставленным американцам, запомнить, по крайней мере, часть 1920-х, как «золотые» годы и время «процветания» [57].

До обвала на фондовой бирже еще одна возглавляемая американцами делегация, комиссия Юнга, изменила график репараций, установив фиксированный процент в рамках предполагаемого ежегодного экспорта Германии, заменив установленные Дауэсом от 1 до 2,5 миллиардов марок в год на твердые 1,6 миллиарда [58]. Однако новый план удивил немцев, поскольку платежи растягивались до 1987-88 гг. Этот пункт скоро стал спорным из-за мирового спада, из-за которого Германия не могла выплачивать репарации или какой-либо другой долг. Репарации отложили до 1931 года, а покончено было с ними летом 1932 года [59].

Шли споры о том, что версальские репарации обеспечили необходимый стимул для ослабленной экономики Германии [60]. Независимо от того, правда это или нет, но не только одни суммы делали репарации нарушающими спокойствие немцев. Более важным было серийное унижение за то, что их вынуждают од-

них нести ответственность за войну, что отрицается какая-либо роль Германии в прекращении военных действий и мирных переговорах. Также был установлен семилетний мораторий на членстве страны в Лиге Наций [61]. Перед началом Первой Мировой войны Германия была мировой державой, которая шла второй после США, а к концу войны два миллиона немцев умерли на европейских полях сражений. Последующее отношение к Германии, как к рабской нации среди предполагаемо «более чистых» главенствующих народов, находилось в рамках традиционных параметров победы и поражения. Но это отношение ударило по немцам, обладавшим исторической памятью. Для них это было самым непростительным оскорблением.

Достижения и провалы

Попеременно консервативное и либеральное направления Веймарской республики отражали политический спектр современной германской истории. Об ее четырнадцатилетнем периоде говорилось, как о попытке подчинить имперскую Германию Французской и Немецкой революциям [62]. Хотя консервативно-регрессивные элементы в итоге выжили, усилив политику правых, отличительным достижением Веймарской республики была конституционная экспансия либерального «государства всеобщего благоденствия». До 1920-х годов только революционная Россия оказалась достаточно смелой, чтобы обещать удовлетворение базовых социальных нужд всех своих граждан. Количественный скачок Веймарской республики в правительственных услугах для семей и защита рабочих объяснялся не Россией и не Немецкой революцией. Его основа заключается в прогрессивных

законах о социальном обеспечении, принятых при Бисмарке в 1880-ые годы [63]. Амбициозное законодательство республики предоставляло решения фактически всех социальных проблем – от здравоохранения и жилья до антисоциального поведения и даже генетического уродства. Оно беспрецедентно щедро расширило помощь нуждающимся и безработным в программе соцобеспечения. Один из восхищенных историков отозвался о ней, как о «кульминации утопической мечты Просвещения по обеспечению самой лучшей еды [для] самого большого количества» [64].

Однако мечтатели часто являются плохими бухгалтерами. Веймарские либералы приняли законы о социальном обеспечении, не подсчитав полной стоимости. Хотя тяжелые времена не позволяли дать столько, сколько обещалось, получалось достаточно, чтобы более чем в два раза увеличить социальный бюджет между 1915 и 1925 годами. Правительство брало большие кредиты в американских банках для выплат по социальному обеспечению. Таким образом, новые долги нарастали, в то время как положение в экономике Германии ухудшалась [65].

Кроме «государства всеобщего благоденствия» имелись структурные проблемы, которые было не менее трудно решать. Невозможность забыть военные потери продолжала генерировать подозрение и недоверие к правительству, которое многие считали замешанным в случившемся. Нации была дана новая, демократическая политическая структура. Но ее введение Веймарской республикой оставалось робким и абстрактным. Немцам отчаянно требовалась работа, помощь семьям, также необходимо было послевоенное восстановление. А новый парламент, как казалось, был за-

нят пунктами конституции и законопроектами, далекими от главных требований ежедневной жизни [66]. Новые политические партии левого и правого толка были готовы заменить республику недемократическими средствами при первой же возможности. Крепкая старая гвардия, одолеваемая антиреспубликанскими настроениями, обеспечивала конфронтацию и застой, цепляясь за судебные и административные должности. Уже в марте 1920 года восстание под предводительством основателя правого крыла Партии Отечества Восточной Пруссии, Вольфганга Каппа, послужило предзнаменованием насилия, которое будет периодически расползаться по Веймарской республике на протяжении десятилетия. И к этому опасному тупику новая конституция добавила собственную структурную проблему, дав президенту республики власть распускать парламент и править непосредственно через своего канцлера во время кризиса [67].

На протяжении десятилетия антиреспубликанские настроения также усилились внутри германского высшего командования. Оно уже приходило в отчаяние, не надеясь получить ту армию, которую желало, от руководимого социал-демократами парламента. Думая о контрактах, которые заключит с ними расширяющаяся армия, крупный бизнес и промышленность (в особенности – металлургическая и сталелитейная) давили на правительство, требуя переместить инвестиции из соцобеспечения на оружейное производство [68].

На этом фоне провал Веймарской республики можно проследить год за годом, событие за событием. Даже при ее возникновении в 1919 году подул ветер противодействия: 75 из 337 членов Национального Собрания проголосовали против ее создания. Первые

парламентские выборы 1920 года дали критикующим или враждебным партиям небольшое преимущество над ранее правившей либеральной коалицией [69]. Многие из голосов несогласных поступали из района Восточной Эльбы, где видели, как цены на пшеницу упали на 40 процентов с 1919 по 1922 год [70]. Наиболее зловещим предзнаменованием для правительства оказалось начало потери поддержки среди среднего класса. Опасаясь удара по карману от вмешательства нового либерального правительства и тяжелой конкуренции от воинственно настроенного рабочего класса, основная масса ремесленников и владельцев магазинов стала такой же своенравной, как низшие классы и уязвимые секторы высшего общества. Видя нарастание угрозы их жизни, эти группы также стали восприимчивы к тому, что Детлев Пойкерт назвал «самыми дикими идеологическими и квази-мистическими идеями», которые мешали и помогали немцам. Вместе с сельскими избирателями, городской средний класс все больше терял веру в либеральные партии. После 1928 года он также покинул консервативную Национальную народную партию Германии. Эта партия под руководством газетного магната Альфреда Гугенберга в 1929 году объединилась с национал-социалистами для защиты графика репараций комиссии Юнга. Такая связь привела немалое количество ее членов в партию Гитлера [71].

Желая, чтобы все складывалось по-другому, немецкие избиратели привели к власти последнюю социал-демократическую коалицию под руководством Германа Мюллера. Следующая подобная коалиция под руководством Вилли Брандта появится только в 1969-74 годах. Кабинет Мюллера находился у власти

в республике дольше прочих – с 1928 по 1930 годы. До этой точки Веймарская республика обязана своим ограниченным успехом Фридриху Эберту и его не менее принципиальному канцлеру и министру иностранных дел Густаву Штреземану. Между 1923 и 1929 годами Штреземан поддерживал теплые отношения с другими нациями путем экономического сотрудничества и разделения рисков, что особенно видно в его поддержке крупных кредитов и займов у Соединенных Штатов. Стабильность и нормальность, которыми немцы наслаждались между 1924 и 1929 годами, являлись прямым результатом этой успешной дипломатии [72].

Идеальный шторм

Оглядываясь на события, которые развалили Веймарскую республику и подготовили арену для правления национал-социалистов, находишь как ошибки людей, так и силы вне человеческого контроля, наступавшие по всем направлениям. Считая, что Сербия, Россия и Франция были способны на совместный, ослабляющий первый удар, немецкое правительство готовилось к войне уже в 1912 году. Высшие германские офицеры и бдительные иностранные дипломаты свидетельствуют о «многочисленных планах экспансии с манией величия», которые ходили в Германии. Историки давно считали, что имперское правительство стало главным нарушителем мира и начало Мировую войну в первую очередь для того, чтобы избежать внутреннего политического вызова, который бросали демократия и социализм [73]. Необходимость Германии удовлетворить растущее население и индустриализацию, обеспечить так называемое Lebensraum

[Lebensraum (нем.) – жизненное пространство. – Прим. перев.] и буферные зоны, – это лучше признаваемая часть истории. Точно также признается и самонадеянное и высокомерное желание догнать другие государства в колониальном мире. Одним словом, имелись подходящие для периода причины начала войны [74].

Сокрушительное поражение в 1918 году послужило началом внутренней революции в германских землях. Революция определила, нация какого типа поднимается из остатков побежденной Империи. Созданная в 1919 году для решения национального конфликта Веймарская республика, вместо этого сделала внутренний конфликт своей составной частью. В итоге она не смогла предотвратить превращение фракционной политической борьбы в фашистскую массовую демократию и национал-социалистическое государство. Для Германии, перед которой стоял вопрос роспуска имперской монархии и суровые указы союзников, веймарский опыт был единственным перспективным и дающим надежды политическим курсом. То, что так много людей настолько быстро стало рассматривать новое правительство, как внутреннего врага, и делать его козлом отпущения для уязвленного самолюбия и невозвратимых потерь, не изменяет этого факта.

Популистское заявление заключалось в том, что немцы ухудшили свое положение, отказавшись взять на себя ответственность за войну. Они, скорее, избрали перенос вины на других и строили несбыточные планы [75]. Однако послевоенные немцы не держали монополию на иллюзии, а иллюзорные идеи невиновности и вины и ранее существовали в двадцатом веке – как в Германии, так и других странах. Какая бы

степень самообмана и мечтаний ни вдохновила новые политические организации и правительства, которые появились после войны, Веймарская республика начинала достаточно здраво и рассудительно и с основанием для надежды.

То, что случилось после этого, было в меньшей степени отступлением в иллюзорный мир, чем броском в идеальный шторм [76]. На протяжении 1920-х годов над Германией собрались три фронта: один – экономический, второй – политический и третий – социокультурный. Каждый из которых строился с конца девятнадцатого столетия и являлся потенциально фатальным сам по себе. Экономический обрушился первым – беспрецедентной инфляцией в начале десятилетия и вновь – беспрецедентной безработицей в конце 20-х. Политический ударил в виде невозможности для Веймарской республики обеспечить либеральную демократию, создав прогрессирующий и беспрецедентный обвал социального порядка и общественной безопасности. Наконец, долгое разрушение в девятнадцатом веке германской истории и традиций, в особенности – беспрецедентная интеллектуальная и духовная атака на основную мораль и религию, сказались к 1920-м годам. Многие немцы оказались запутавшимися, циничными и идущими темными и незнакомыми тропами, часть которых вела к национал-социализму [77].

Каждый из этих фронтов нес свое особое разрушение и то, что они сошлись, имея один шанс из миллиона, в 1920-е годы, сделало немыслимое реальностью. Результатом стало создание неопределенной третьей Германии после Германской Империи и Веймарской республики. На протяжении следующих двенадцати

лет, с 1933 по 1945 гг., в Германии будет продолжаться работа. Большая часть немцев оказалась на буксире, и национал-социалисты стали придавать форму новому веку, структура и ценности которого будут определяться ad hoc [ad hoc (лат.) – на данный случай. – Прим. перев.] сильнейшими [78].

Глава 10

Варварский князь

ПОДЪЕМ И КРАХ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА

Законное германское правительство шло от левого к центристскому на протяжении 1920-х годов, в то время как общественная политика зловеще перемещалась от центристской к правой. Как в начале, так и в конце десятилетия, правили социал-демократические коалиции. В начале 1930-х годов новая крайне правая партия, Национал-социалистическая, и неожиданно выдвинувшийся фашистский лидер Адольф Гитлер методично брали под контроль усталое германское правительство, преимущества над которым они добились искусными маневрами. И захват, и то, что произошло после, были не имеющим прецедентов разрывом с германской политической и культурной традицией.

Беспрецедентные условия предшествовали беспрецедентному событию. Между 1922-м и началом 1923 года гиперинфляция отбрасывала смертельные тени на Германию. Она стала результатом слишком больших трат в полные оптимизма годы войны и бесконтрольного печатания денег после для поддержания бастующих немцев и оккупированной французами Рейнланд. За один год, 1921-22, индекс оптовых цен взлетел на 1800%. Первый год кризиса, 1923-й, закончился с этим индексом на непостижимой отметке – в 1261 миллиард раз больше, чем в базовом 1913 году, когда инфляция еще не являлась серьезной концепцией для немцев. Эти тени, казалось, рассеялись во времена правительства Штреземана, чтобы вернуться, став еще темнее, чем когда-либо, к концу десятилетия. После обвала на Нью-Йоркской бирже в 1929 году Германия, которая давно полагалась на краткосрочные американские займы для выплаты своих долгов, осталась одна с вывернутыми карманами [1].

За четыре года, между 1929-м и 1933-м, безработица в Германии подпрыгнула так высоко в человеческих единицах, как немецкая валюта упала в денежных: от 1,3 миллиона безработных до более чем 6 миллионов. Многие пострадавшие все еще прекрасно помнили хорошую работу, в то время как другие жили на социалку, или просто попрошайничали уже пять лет – и все это было очень горьким опытом [2]. Новое правительство Веймарской республики было подавлено кризисом и периодически усугубляло его [3]. Каждый проходящий болезненный год делал радикальные политические решения более заслуживающими доверия, а привлечение немцев в партии, выступающие в их защиту, – легче.

ГИТЛЕР

Хотя при основании Национал-социалистическая партия имела смехотворные перспективы, вскоре она и ее малоизвестный лидер, родившийся в Австрии Адольф Гитлер, приобрели все признаки, свидетельствующие об их эпохальной судьбе. Несмотря на усилия правительства Гинденбурга предотвратить это, Гитлер пришел к власти в Германии быстрее и увереннее, чем кто-либо предполагал, за исключением, возможно, его самого.

Адольфа, четвертого ребенка в семье сурового, строго следящего за дисциплиной отца, по словам сестры, ежедневно пороли. В школе он не получал высоких оценок, провалил экзамены в Линце в Realschule (реальное училище), где изучал науку и технологию, и не смог закончить техническое училище в Штайере. До двадцати лет он попусту тратил время в Линце, в котором жило много немцев, поддерживавших возвращение Австрии в состав Германской Империи. В двадцать Гитлер работал на разных временных работах в Вене, где, пытаясь удовлетворить амбиции и стать художником или архитектором, дважды провалился на вступительных экзаменах в Венскую Академию Искусств [4].

Через тридцать лет после этого Гитлер отрицал факт провала и заявлял, что произвел в тот момент впечатление на экзаменатора, как обладающий «бесспорным талантом к архитектуре» [5]. Немедленной же реакцией было вызывающее поведение, стремление уйти от действительности и компенсирующие мечтания об альтернативных карьерах, еще дальше лежащих за пределами его способностей. Гитлер одновременно увлекался музыкой Вагнера, которая

служила бальзамом для многих гордых и озлобленных юношей [6]. Похоже, рана долго не заживала. Внимательно наблюдая за Гитлером после 1931 года, Альберт Шпеер, главный архитектор и министр вооружений при Гитлере, описывал человека, который чувствовал себя настолько отверженным и был настолько отрешен, что предпочитал компанию собак обществу людей [7].

Вена стала школой суровых ударов для Гитлера – как для тела, так и для души. Она кипела социальными и религиозными конфликтами, была усеяна активно работающими антисемитскими типографиями. Этот город сформировал его ранние предубеждения против евреев, которые селились там в больших количествах, чем в каком-то либо другом городе с говорящим на немецком населении (8,6% в 1910 году) [8]. Гитлер жил в пристанищах для бездомных в районе, наиболее плотно заселенном евреями, и зарабатывал деньги, рисуя открытки, которые помогали ему продавать два партнера-еврея. Он также с беспокойством наблюдал за ростом марксистской Социал-демократической партии, политическая философия которой все больше становилась для него bête noire [bête noire (фр.) – предмет ненависти, отвращения. – Прим. перев.]

Мюнхен

Гитлер покинул Вену, уклоняясь от призыва в армию, а полиция Линца шла за ним по пятам, поскольку военная служба в Австрии была обязательной. В Мюнхене он обнаружил свой истинный талант – споры и пропаганда, или революционная политика. На протяжении этих лет он внимательно наблюдал за

жизнью на улицах, собирая сведения и набираясь опыта. Он обладал необычной способностью воспринимать и произносить то, что люди хотели слышать или приобрести, независимо от пристойности, вероятности или осуществимости [9]. После Муссолини и с гораздо большей эффективностью он стал первым политиком двадцатого века, который поставил культ личности в центре своей деятельности [10].

Изначально Гитлер исповедовал католичество, в дальнейшем указывал на противоречия между верой и разумом и являлся энергичным «представителем нового века», не отягощенным традиционными вероисповеданиями и глубокими историческими знаниями. С самого начала он считал, что вечные законы жизни еще предстоит установить. На протяжении своей истории немцы никогда не видели более храброй, решительной и успешной личности, задумавшей отомстить, или более упрямой, исполнительной политической партии, чем Гитлер и национал-социалисты [11].

В Вене и Мюнхене Гитлер поглощал экзистенциализм Артура Шопенгауэра, который учил, что нет ничего за отдельной волей. Гитлер заявлял, что носил его книги с собой на протяжении военных лет. Две книги Ницше – «Так говорил Заратустра» и «Антихрист», обе – эссе о смерти Бога, эхом отражались в его застольных беседах, когда он яростно нападал на иудаизм и христианство [12]. В Вене Гитлер поддерживал личные отношения с венскими евреями, увлеченно читал имеющие хождение в городе антисемитские дешевые низкопробные романы. Он наблюдал за антисемитской деятельностью Карла Люгера, лидера местной Христианско-социальной

партии. Искрам его врожденных христианских предубеждений против евреев в те ранние годы помогли разгореться работы теоретиков расизма – графа Жозефа Артюра де Гобино и Хьюстона Стюарта Чемберлена, а также вновь ставший популярным социал-дарвинизм [13].

Первая Мировая война

После времени ничегонеделания и странствий двадцатипятилетний Гитлер нашел заинтересовавшие его структуру, дисциплину, товарищество и цель в армии. Несмотря на иностранное гражданство, он поступил на военную службу в Мюнхене, в баварский полк – это была ошибка немецких властей, от которых по закону требовалось сообщать о беглых австрийцах и депортировать их [14]. Таков первый из нескольких поворотов судьбы, которые, если бы дело обернулось по-другому, могли изменить ход истории [15].

Гитлер отслужил четыре года войны на Западном фронте – по большей части, курьером. Он действовал с необычной храбростью, был два раза ранен – вначале в бедро, а два года спустя – в глаза. За каждое из ранений он получал «Железные Кресты» – что считалось редким достижением для человека в его звании. В эти годы он отточил свое природные политические навыки, завоевав уважение и любовь своих товарищей, которые знали его, как «Ади» или «Долфи». Уже тогда он готовился к послевоенному конфликту с партиями-конкурентами – либеральной и коммунистической, а кроме этого – к переговорам, на которые многое будет поставлено, и которые приведут к власти национал-социализм [16].

ПАРТИЯ

В послевоенные годы в Германии сложилось фракционное правительство, а по всей стране вспыхивало недовольство граждан. В Баварии за полтора года после войны правительство перешло от левого либерализма к правому консерватизму. После убийства временного президента еврея Курта Эйснера, недолго продержавшийся солдатский совет сместил революционную социал-демократическую коалицию [17]. Примиренческое правление было в свою очередь свергнуто национальной армией (Рейхсвером) при помощи местных воинских подразделений (фрайкорпс). Эти боевые подразделения остались от Мировой войны и состояли из ветеранов, которые, как Гитлер, не хотели возвращаться к гражданской жизни, где было практически не из чего выбирать новое занятие. Хотя и непредсказуемые, фрайкорпс обеспечивали германские государства дополнительной полицейской и вооруженной силой сверх норм, установленных Версальским договором. Именно с помощью фрайкорпс реакционные военные правительства пришли к власти в Баварии, превратив государство в магнит для несчастных ветеранов со всей Германии [18].

Все еще носивший форму Гитлер два года работал в Мюнхене, как офицер связи для правящей социал-демократической коалиции и временного политического совета, который пришел ей на смену. В этой роли он исследовал подозрительные подрывные элементы и распространенную государственную пропаганду. Его политическая карьера по-настоящему началась после того, как он вступил в местную Рабочую партию и быстро взял ее под контроль. Это была одна из

более чем семидесяти v lkisch групп [v lkisch (нем.) – народный], рожденных войной. Партию создали в марте 1918 года, она являлась одной из избранных, отправившей делегатов в Национальное Собрание, заседавшее в Веймаре в январе 1919 года для написания новой конституции [19].

Имея такую скромную базу, Гитлер заключил важный, хотя и родившийся под несчастливой звездой политический союз с революционным лидером Эрнстом Ремом. Рем был начальником штаба в Мюнхенском военном округе и не скрывал своей гомосексуальной ориентации. Он был известен в народе, как «король пулемета». Поставив свое клеймо на партию, эти двое в 1920 году переименовали ее в Национал-социалистическую рабочую партию Германии. Гитлер лично разработал свастику – на основе символа австрийской партии под тем же названием. Вкладом Рема были штурмовые отряды (CA, или Sturmabteilung), наиболее закоренелые из фрайкорпс. Изначально это были вышибалы партии, но на протяжении десятилетия они дорасли до соперников национальной армии Германии. В этом партнерстве между Гитлером, словесным кузнецом партии, и Ремом, который обеспечивал исполнение приказов и проведение идей в жизнь, зародился новый тип германского правительства.

Платформа партии состояла из двадцати пяти пунктов и обещала массам то, что, по мнению автора, они хотели, и одновременно атаковала то, чему, как он считал, люди противились. Среди первого числилась «более великая Германия» (включая Австрию), за которую эмоционально просил Гитлер на первых страницах «Майн Кампф»; новые земли и колонии, как для проживания, так и международного престижа;

экономические послабления для мелких торговцев, изначальной базы партии [20]. Атаковались же Версальский договор, репарации, либеральная пресса, капитализм, евреи, крупная промышленность и крупные землевладельцы. В эти ранние годы национал-социалисты и коммунисты обращались к одной и той же аудитории – рабочим и беднейшей части среднего класса. Стратегия Гитлера была двоякой: разжечь классовую зависть и негодование и заклеймить позором богатых, либеральных оппонентов за проигрыш в войне. На протяжении лет партия привлекла на свою сторону больше «белых воротничков», чем «синих» (рабочих), одновременно демонстрируя существенную привлекательность по всему социальному спектру [21].

Посредники

Между 1921 и 1923 годами Гитлер стал самым успешным зазывалой на политическом правом фланге. Он играл роль Иоанна Крестителя для нового политического лидера, которого еще предстояло обнаружить, и который откроет новую эпоху в Германии [22]. В отличие от толп на его ранних импровизированных речах на временных трибунах, у его близких соратников имелись деньги, средства массовой информации и связи в высших сферах. Кроме Рема, его военные друзья включали Рудольфа Гесса, который служил в том же полку во время войны, и Германа Геринга, еще одного героя с именем нарицательным. Журналист и бонвиван Дитрих Экхарт, один из немногих людей, имевших близкие отношения с Гитлером, привлекал и вербовал успешных представителей среднего класса. Они материально поддерживали партийную газету

«V lkischer Beobachter» («Национальный обозреватель»), которую редактировал Экхарт [23].

Из близких к Гитлеру на тот период людей упомянем две богатые супружеские пары – пангерманистов Хуго и Эльзу Брукманов (он – издатель, она – румынская княгиня), и Карла и Хелену Бехштайнов (он – лучший производитель пианино, она – светская дама). Последняя стала одной из многих «мамочек» Гитлера, обожала его и обучала манерам этого социально неуклюжего политика для представления германскому высшему обществу. Среди авторов Брукмана был Хьюстон Стюарт Чемберлен, с которым Гитлер познакомился позднее и высказал свое почтение ему на смертном одре [24]. В один октябрьский день 1923 года, который Гитлер никогда не забывал, Бехштайны представили его Вагнерам из Байрейта. Еще одним открывателем дверей в высшее общество для зарождающейся нацисткой партии стал родившийся в Мюнхене Эрнст Ганфштенгль, у которого была американская мать, диплом Гарвардского университета и два генерала времен американской Гражданской войны в материнском генеалогическом дереве. Наконец, имелся издатель из Нюрнберга, антисемит Юлиус Штрейхер, который расширил радиус партийной пропаганды после того, как Гитлер увел его из конкурирующей Социалистической партии Германии [25].

Французская оккупация

Между летом 1921 года и зимой 1923 года Бавария задумывала бросить традиционный вызов национальному правительству в Берлине. Партия Гитлера поддерживала этот государственный переворот. Серия подталкивающих вперед событий, связанных с пре-

творением в жизнь положений Версальского договора, придала смелости решившим выступить против властей. В 1921 году была установлена окончательная цифра репараций и выложен «польский коридор» из восточных германских земель. В августе 1922 года Германия объявила себя несостоятельным должником, ее иностранный долг не выплачивался и рос. Окончательным ударом стала французская и бельгийская оккупация Рура в январе 1923 года после того, как сократились поставки германского леса и угля, положенные по договору [26].

Немцы сопротивлялись, уходя из шахт, с фабрик и железных дорог. Но в то время как вызов и неповиновение утоляли национальные страсти, они также ставили берлинское правительство во все более сложное положение, поскольку требовалось материально поддерживать бастующих рабочих. Промышленность на Руре прекратила работу, рабочие в других местах потеряли работу на связанных с ней производствах и, таким образом, увеличилась сумма пособий, которые требовалось выплачивать правительству. Учитывая иностранные обязательства Германии, выплаты безработным можно было осуществить только в случае инфляции. Это было сделано так успешно, что марки стали бесполезны к концу года, взрослые использовали их на топливо или оклеивали ими стены, а дети играли с ними в кирпичики.

Хотя двадцатые годы отмечены беспрецедентной инфляцией в начале десятилетия и беспрецедентной безработицей в конце, в середине двадцатых была относительная стабильность и даже культурно созидательный «золотой век». Но все равно коллективная боль 1923 года оказалась опытом, изменившим нацию.

Корни огромной национальной мести были незаметно посажены в этот беспрецедентный год экономического обвала и трудностей [27].

Поскольку немецкие страдания и успех национал-социализма шли рука об руку, французская и бельгийская оккупация Рура стала в некотором роде благословением для партии Гитлера. Это было плохо, поскольку подвигло немцев на поддержку правительства в борьбе против оккупационных армий. Но это помогло партии после того, как экономически сломленное правительство приказало рабочим Рура вернуться к работе. Зрелище уступающего врагу правительства дало критикам возможность снова обвинить его в нанесении удара ножом в спину.

Штреземан

Появление Гитлера на исторической арене совпало с назначением члена Народной партии Густава Штреземана канцлером и министром иностранных дел в 1923 году. Кроме совпадения по времени их подъема и выдвижения, у этих двух людей было мало общего. Штреземан пережил многочисленные парламентские коалиции и кабинеты, он верил в Веймарскую республику и нравился немцам. После того, как правительство заставило рабочих Рура отказаться от забастовки, нравиться стало труднее, случившееся повлияло на продолжительность его канцлерства. Позднее он отправил федеральные войска для разгрома регионального государственного переворота в Саксонии и Тюрингии, а также Гамбурге и Мюнхене, там, где правительство вызвало враждебность. Он также запретил замешанные в деле Коммунистическую и Национал-социалистическую партии [28].

Кроме конфликта на Руре, правительство Штреземана стабилизировало германскую экономику, напечатав новую марку, обеспеченную золотыми запасами и инвестициями. Несмотря на последовавшие сокращения государственных служащих, новая фискальная дисциплина дала Германии немного отдышаться от репараций [29].

У Штреземана имелись и другие политические успехи. Он прекратил оккупацию Рура летом 1925 года, завоевал признание союзниками неприкосновенности германских границ путем заключения Локарнских договоров и обеспечил Германии место в Лиге Наций в 1926 году. В качестве признания нормализации им отношений Германии с другими странами Штреземан получил в 1926 году Нобелевскую премию мира вместе с французом Аристидом Брианом [30].

Мюнхенский путч

Именно во время короткого канцлерства Штреземана национал-социалисты попытались захватить региональную власть. К 1923 году Бавария стала консервативным военным бастионом, где национальные амбиции поднимались в тандеме с проблемами Веймарской республики. Президентом Баварии был Густав фон Кар, баварской национальной армией командовал генерал Отто Герман фон Лоссов. По мнению национал-социалистов, новый политический союз под их совместным командованием обещал получиться достаточно сильным, чтобы бросить вызов Берлину.

Гитлер думал, что власти придерживаются одного с ним мнения, но колебался из-за страха перед генералом Гансом фон Зеектом, командующим баварс-

ким контингентом германской национальной армии. Поэтому Гитлер решил передать руководство представителям власти. Он выбрал 8-9 ноября для государственного переворота. Это были два дня, когда президент Кар, генерал Лоссов и начальник баварской полиции Ганс Риттер фон Зайсер должны были оказаться в Мюнхене на праздновании пятой годовщины послевоенной революции против императорского правительства. Празднования только начались, когда Герман Геринг и контингент штурмовиков провели Гитлера на подиум, где сидели Кар, Лоссов и Зайсер. Взяв микрофон и объявив национальное восстание против Веймарской республики, Гитлер также сообщил о назначении временного правительства и назвал Кара, Лоссова и Зайсера занимающими высшие посты в нем.

Зная о малых шансах переворота на успех, вновь назначенные члены временного правительства воспользовались первой же возможностью покинуть зал и уведомить генерала фон Зеекта. После этого провала лидеры национал-социалистов решили продемонстрировать показную храбрость и силу. На следующий день в полдень рядовые участники, две тысячи человек, промаршировали рука об руку по городу – пока их не остановила армия. Четырнадцать человек застрелили, включая члена партии, который шел рядом с Гитлером – это был еще один выстрел, который мог бы изменить историю, уйди он на несколько дюймов в сторону. Геринга ранило в ногу, в то время как Гитлер с вывихнутым плечом побежал в дом Ганфштенгля, где его в дальнейшем арестовали [31].

Между 26 февраля и 27 марта 1924 года руководство национал-социалистов было подвергнуто суду за

государственную измену. Поскольку суд проходил в реакционном Мюнхене, а не в Берлине, лидеры не поплатились жизнью. Гитлер с «Железным Крестом» на груди стоял у скамьи подсудимых, как герой войны, и обвинял своих обвинителей – Кара, Лоссова и Зайсера – в том, что они являются истинными предателями, так как предали Мюнхенский путч. Презрительно описывая Гитлера, как «только барабанщика» – агитатора или пропагандиста – Лоссов сыграл ему на руку, поскольку многие в зале суда, недовольные происходящим в стране, не считали «работу барабанщика» такой уж незначительной [32]. В конце судебного процесса Гитлер оказался региональной фигурой, с которой следовало считаться.

Лидер

Поскольку политические ветры Баварии дули вправо в 1925 году, Гитлер отсидел в тюрьме только тринадцать месяцев из определенных ему пяти лет. Если бы он отсидел полный срок, то это означало бы политическое забвение [33]. Во время проведенных в крепости Ландсберг месяцев он надиктовал то, что станет книгой «Майн Кампф». Изначально она представляла поток сознания, автобиографию в защиту своей жизни, по большей части – с конца войны. В первой редакции книга называлась «Четыре с половиной года борьбы против лжи, глупости и трусости». За первым, более биографическим томом, в 1926 году последовал второй, более программный. Вместе их опубликовали в 1930-ые годы, и они сделали канцлера Гитлера богатым человеком. Общей темой была расистская, социал-дарвинистская игра на ницшеанский мотив высшего и низшего человека, кото-

рые для Гитлера означали «арийца» и «еврея» (или «еврея-большевика») соответственно. Противопоставляя этих двух, он эхом отражал многочисленные диссертации девятнадцатого века, от Фейербаха до Ницше, и от Риля до Вагнера и Чемберлена, в то время как презрительно отзывался об основных учениях классической германской философии и теологии, которые изображали всякого и каждого, как высшего и как низшего.

После освобождения в декабре 1924 года Гитлер быстро восстановил свою власть во все еще запрещенной партии. Во время тюремного заключения он пришел к мысли, что сам является «суперлидером», которого ранее предсказывал. Воздержание от алкоголя и мяса могли бы стать внешними признаками просвещения, хотя причины, которыми Гитлер его объяснял, были желание сбросить вес и избежать пищи, вредной для его тела [34]. Он стал яростным вегетарианцем. При этом он прилагал усилия, чтобы не навязывать свои взгляды большинству, составлявшему основные ряды национал-социалистов (а там были и охотники, и те, кто от мясной пищи не отказывался). Правда, Гитлер не колебался, подшучивая над ними из-за несправедливой природы их кровавого спорта [35].

Уважительно относясь к угрозе, которую он собой представлял, правительство Веймарской республики запретило Гитлеру публичные выступления на два года (три – в Пруссии). В духе предпринимательства, который продолжит завоевывать на сторону партии поддержку общественности, национал-социалисты провели более двух тысяч публичных собраний и встреч в течение первого года после выхода Гитлера на свободу. Гитлер, которому запретили публичные выступления,

использовал это для себя, назначая бесконечные частные беседы с влиятельными группами [36].

В 1925 году фельдмаршал Пауль фон Гинденбург стал вторым президентом Веймарской республики после того, как Фридрих Эберт умер от аппендицита. После инаугурации Гинденбурга, принципиального, консервативного лидера, начался политический уклон правительства в центристско-правую сторону [37]. Благодаря стабильности, которую они со Штреземаном принесли в Германию различными путями, шокированная нация, казалось, наконец, приходит в себя и начинает нормальную жизнь. Тем не менее, за любой существенный подъем морального духа и усиление ощущения надежности и стабильности в оставшиеся годы десятилетия следовало благодарить иностранные займы, а не политические прорывы или реформы [38].

ОБНОВЛЕНИЕ НАЦИИ

К концу десятилетия, среди обвала на Нью-Йоркской фондовой бирже, депрессии в Европе и увеличения в три раза безработицы в Германии, критика и предсказания краха Гитлером в предшествующие годы казались многим провидческими. Раздел углубился внутри государств и в национальном парламенте, а увеличивающееся количество избирателей – землевладельцев, фермеров, промышленников и рабочих – голосовали за национал-социалистов. Таким образом, произошло еще одно крупное разделение немецкого электората. К началу 1930-х годов канцлеры Гинденбурга не могли обеспечить парламентскую коалицию, способную проводить правительственные программы [39].

Центральная сцена

Гинденбург оказался в безвыходном положении, поставленный парламентом в тупик. Он воспользовался своим конституционным правом и распустил его в июле 1930 года, после чего правил, издавая президентские указы. Фактически использование статьи 48 было возвращением к иерархическому правлению, когда Гинденбург действовал, как новый император через своего канцлера. Вместо представителя старой гвардии из социал-демократов, канцлера Германа Мюллера, он в марте 1930 года доверил свои программы лидеру Центристской партии Генриху Брюнингу [40].

Правительство, созданное по указу о чрезвычайном положении, было непопулярным, и Гитлер ругал его со своей известной яростью и сарказмом. Тем не менее, через три коротких года его партия создаст такое правительство, которое заставит смотреть на отчаянный режим Гинденбурга после 1930 года, как на верх благоразумия. По пути к своей цели национал-социалисты продолжали вовлекать людей в свои ряды и получили поддержку другой партии правого толка, Национальной народной партии, реакционной группы ветеранов, известной, как «Стальной Шлем». Это смещение власти к крайне правым стало особенно заметным во время выборов в сентябре 1930 года, когда количество депутатов от Национал-социалистической партии взлетело от 12 до 107 – за них проголосовало более шести миллионов избирателей [41].

Подбодренный Гитлер обуздал нетерпеливого Рема и нацелился захватить всю власть «законно». Под этим он имел в виду методично проводимую критику правительства, делая козлами отпущения непопуляр-

ных коммунистов и евреев и в целом пугая избирателей. Несмотря на тактическую сдержанность, он знал, что большая часть его привлекательности, в особенности после 1920 года, заключается в четко передаваемом намерении игнорировать закон, если это требуется для прекращения плачевного состояния Германии и наказания виновных. К 1930 голосование за национал-социализм стало голосованием во имя подчинения средств цели.

Самым главным в сознании большинства простых немцев было облегчение тягот, возникших в результате экономического кризиса и неэффективной работы правительства. На основании города Нортгейма в Нижней Саксонии, с населением в десять тысяч человек, были проанализированы тактика и привлекательность партии Гитлера, когда она «бросила цивилизованную демократию в нигилисткое диктаторство» [42]. Этот город разделился между сплоченным, консервативным средним классом, который хотел стабильности, надежной власти и государственного регулирования, и тесно сплоченным рабочим классом, который требовал радикальных перемен. Он был готов к нацистской пропаганде. Партия Гитлера расширяла трещины постоянными маршами, собраниями, нарушениями общественного порядка и беспокоящими действиями. Поступая таким образом, она также нашла неосторожного союзника в лице местной Социал-демократической партии, леволиберальная риторика которой много сделала для того, чтобы погнать средний класс Нортгейма в объятия национал-социалистов. В итоге две трети электората проголосовали за национал-социалистов, веря, что эта партия и закончит депрессию, и предотвратит марксистский

захват местного и общегосударственного правительства (успех такого предприятия обещал среднему классу только больше ограничений). Голосуя за нацистов, жители Нортгейма голосовали не за то, чем стал Третий рейх, а за то, что Гитлер обещал сделать, положив конец текущему политическому и экономическому кризису [43].

Историю Нортгейма можно читать, как историю Германии в миниатюре. Во времена, которые прочили решения и возмездие, национал-социалисты преуспели, представив себя несравненными людьми дела и победителями. Немцы голосовали за Гитлера во все возрастающих количествах, потому что он, как никто другой, представил образ лидера, более возмущенного и негодующего их отчаянным положением, чем они сами. К тому же, он обладал волей и умом, чтобы положить конец негативной ситуации – то, что Гинденбург и Веймарская республика давно потеряли способность сделать [44].

Обхаживание Гитлера

Столкнувшись с быстрым ростом национал-социализма (количество членов партии увеличилось более чем в два раза в 1931 году) и собственной непопулярностью, правительство Гинденбурга осенью 1931 года начало переговоры с непреклонным Гитлером. В тот период канцлер Брюнинг просил только нейтралитета на время оставшейся части срока правления Гинденбурга. Вторая встреча по этому вопросу произошла в начале января 1932 года, и Гитлер все еще хотел отставки Брюнинга и новых выборов.

Перед первой встречей с Гинденбургом 31 октября 1931 года Гитлер вспомнил, что госсекретарь Отто

Майснер (он в дальнейшем будет служить Гитлеру на этом же посту) сообщил, что у Гинденбурга вызывает отвращение и неприязнь все, за что выступают национал-социалисты [45]. Однако Гинденбург старался скрыть свое отношение из-за способности партии Гитлера обеспечить правительство парламентским большинством, которое было столь необходимым. К июлю 1932 года национал-социалисты составляли более одной трети Рейхстага, а их штурмовые отряды насчитывали триста тысяч человек и все увеличивались.

Офицер генерального штаба и будущий канцлер Курт фон Шлейхер позволил правительству проталкивать включение Гитлера. Он был убежден, что союз с национал-социалистами упрочит правительство, усилит национальную армию и исключит угрозу коммунизма [46]. В частных беседах фон Шлейхер обещал Гитлеру отставку Брюнинга взамен на поддержку национал-социалистов, пока не закончится экономический кризис, намекая, что тогда его ждет канцлерство. Однако это могло означать еще один срок действующему президенту, что являлось неприемлемой перспективой, учитывая противостояние Гинденбурга Гитлеру.

Гитлер отверг мольбы Брюнинга и Шлейхера. Единственным путем реализации амбиций для него было баллотироваться на пост президента во время выборов в апреле 1932 года [47]. Используя самолеты (кампания называлась «Гитлер над Германией») и рекламные фильмы впервые в немецкой политической кампании, он получил 30% голосов против 49% Гинденбурга. Во время второго тура голосования в мае они получили соответственно 37% и 53%. Хотя Гитлер проиграл, выборы стали впечатляющей демонстраци-

ей силы Гитлера и его партии, которая после национальных выборов в июле получила 230 мест [48].

То, что Гитлер превратился в доминирующую политическую силу в Германии, стало ясно после выборов, когда Гинденбург запретил все полувоенные формирования, включая штурмовые отряды, охрану Гитлера и новые СС (Schutzstaffel, или «защитный эшелон») будущего шефа гестапо Генриха Гиммлера [49]. Гитлер и глава СА Рем сразу же потребовали отмены этого запрета взамен на сотрудничество национал-социалистов. На это вскоре пошло усталое, пытающееся удержаться правительство Гинденбурга.

Через три недели после выборов, 5 мая 1932 года, непопулярный Брюнинг подал в отставку, став в той же мере жертвой собственной дефляционной политики, как и действий оппозиции. Поставив на то, что Германия, объявленная несостоятельным должником, скорее будут освобождена от репараций, он преднамеренно позволил безработице и нужде взлететь вверх, за что получил кличку «канцлер голодных времен». К сожалению, репарации не сняли с Германии до июля 1932 года, а к этому времени ограничения стали политикой всех наций [50].

С согласия Гитлера Гинденбург заменил Брюнинга Францем фон Папеном, доверенным членом Центристской партии. Поскольку Папен с Гитлером не испытывали особой любви друг к другу, согласие последнего напоминало рекомендации лисы для цыплят. После июля половина парламентских голосов находилась в руках национал-социалистов и коммунистов, которые также продемонстрировали совместную способность создать хаос на улицах. Папен, как и Брюнинг, боялся государственного переворота

и не мог перетянуть на свою сторону правящую коалицию в парламенте. Таким образом, Гинденбург снова использовал статью 48 и стал править, издавая президентские указы. Однако это процедура явилась ядом для демократии, и такое положение дел не могло долго продолжаться. Если правительство собиралось проводить свои программы через парламент, ему требовалось сформировать коалицию большинства, а это означало выведение на арену национал-социалистов.

После лоббирования Шлейхером и заверений своего кабинета в том, что национал-социалистов можно контролировать, Гинденбург пригласил Гитлера к правлению, назначив Папена вице-канцлером. Почувствовав победу, Гитлер согласился лишь сотрудничать с новым правительством – и только при условии, что оно снимет запрет на штурмовые отряды и проведет новые выборы. Первое произошло в середине июня, второе – в конце июля [51]. Теперь он оказался в состоянии добиться своей истинной цели: канцлерства с почти абсолютной властью, того, что Гинденбург дал Брюнингу и Папену.

Подъем Гитлера

Геринг стал президентом парламента [должность, аналогичная спикеру. – Прим. ред.], а национал-социалисты сплотили ряды со своими давними врагами – коммунистами, чтобы в декабре 1932 года обеспечить вотум недоверия в отношении канцлерства Папена [52]. Хотя Гитлер двигался к тому, чтобы занять место Гинденбурга, обструкция президентом человека, которого он называл «богемским капралом», еще не закончилась. Позиции Гинденбурга усилились после того, как во время ноябрьских выборов национал-

социалисты получили меньшее количество голосов. Президент указал на отсутствие у партии парламентского большинства и восстановил Папена в должности [53]. В итоге защитник Гитлера Шлейхер, который теперь строил заговор с целью получения поддержки национал-социалистов и потери Гитлера в процессе, изворотливо обеспечил себе канцлерство [54].

В январе 1933 года Гитлер и Папен с успехом совместно выступили против Шлейхера, положив конец его краткосрочному канцлерству, и оставили правительство на произвол судьбы. Это оказалось болезненным развитием событий для Гинденбурга, которому давно было не из кого выбирать. 30 января 1933 года Гитлер стал канцлером [55]. Вспоминая ритуальные празднества готов и франков шестого века после получения большой власти или победы над римлянами [56], Гитлер подумывал об увековечении новой эпохи (он считал, что эту эру откроет его канцлерство), изменив германский календарь по типу французского революционного [57]. Германский эксперимент с либеральной демократией, начавшийся в 1918 году, теперь подошел к концу. В предстоящие полтора десятилетия вместо нее появятся новые и невообразимые раньше формы диктаторства.

НАЦИСТЫ НАВЕРХУ

В первые шесть месяцев национал-социалисты свели на нет остатки свобод Веймарской республики. Ко времени смерти Гинденбурга в августе 1934 года Гитлер был главным хозяином Германии. Едва ли прошел месяц, когда судьба дала ему фактически карт-бланш. 27 февраля 1933 года психически больной двадца-

тилетний голландец Мартин ван дер Люббе поджег Рейхстаг. С криком «коммунистический путч» Гитлер на следующий день положил перед президентом указ, вызванный чрезвычайным положением – «Указ о защите народа и государства». Разработанный для таких прусских проблем, как поджог, восстание и террор, указ теперь распространился на весь рейх и обеспечил юридическую базу для правления национал-социалистов [58].

В начале марта 1933 года помогли избиратели, отдав новому режиму 43,9% голосов – не правящее большинство, но определенно прирост по сравнению с предыдущими результатами. После указа о чрезвычайном положении от 28 февраля и результатов мартовского голосования, новый парламент 23 марта провел закон о предоставлении чрезвычайных полномочий правительству – «Закон об избавлении от нищеты и страданий немецкого народа и рейха». За него депутаты проголосовали в пропорции четыре против одного [59]. Всех, кто мог ранее сомневаться в намерениях нового режима, теперь увидели его истинные цвета реющими на мачте.

Начиная с апреля, Гитлер отправлял собственных губернаторов в государства-участники для учреждения своего официального присутствия на всех германских землях. Губернаторы на местах наблюдали за претворением в жизнь политики канцлера. В отличие от премодернистских эмиссаров императора, которым приходилось полагаться на непостоянные региональные армии для продвижения своих целей, к услугам губернаторов Гитлера были местные штурмовые отряды, СС, контингенты «Стального Шлема» в дополнение к национальной армии [60].

Национал-социалисты использовали закон, чтобы попасть во власть, не скрывая намерений его нарушать. Оказавшись у власти, партия действовала так, как обещала. Как знал любой читатель «Майн Кампф», истинный ариец в каждой культуре – это не тот, кто играет по правилам, а тот, кто побеждает, несмотря на них. Гитлер ненавидел христианство и коммунизм за их социальное равенство и статические общества, а главными корнями обоих видов чумы называл больше всего ненавидимых им евреев [61]. Хотя антисемитизм не являлся острием копья пропаганды и успеха нового режима, канцлер рано попробовал провести антиеврейские законы. В первые дни апреля прошел однодневный бойкот еврейского бизнеса, навязанный, несмотря на громкие протесты внутри страны и в международном масштабе. Через неделю после бойкота новые законы исключили евреев из гражданской службы и юриспруденции, отказали еврейским врачам в доступе к пациентам, пользующимся государственной страховкой, снизили квоту еврейских детей, принимаемых в государственные школы. Римским католикам тоже заткнули рты; по согласованию с Ватиканом священнослужителям запретили давать социальные или политические комментарии во время лечения душ [62].

К июлю 1933 года после заключения в тюрьмы, высылки или запугивания политических оппонентов, которых национал-социалисты заставили замолчать, в партии оказалось 2,5 миллиона человек. Фактически она стала единственной политической партией Германии. Всего за несколько месяцев большое количество немцев, от гражданских служащих до содержателей местных клубов для игры в боулинг, были успешно

gleichgeschaltet [gleichgeschaltet (нем.) – унифицированы], или поставлены на место. К середине ноября Рейхстаг распустили, Германия больше не являлась членом Лиги Наций и массово перевооружалась в нарушение Версальского договора. Когда после ноябрьских выборов собрался новый Рейхстаг, национал-социалисты получили последнее орудие, которое им требовалось для начала мировой войны: все депутаты поддерживали Гитлера. Пришло время, как и обещали избирателям национал-социалисты, отплатить тем, кто втыкал нож в спину Германии [63].

Прежде тем, как сделать это, Гитлеру требовалось провести домашнюю чистку. Он намеревался избавиться от руководства штурмовых отрядов, которые на протяжении лет оставались подстрекателями и смутьянами, а их начальник, Эрнст Рем, хотел, чтобы его солдаты стали основной армией Германии. Нельзя было исключать, что Рем сможет бросить вызов и самому фюреру. Это беспокоило командующих национальной армии, которые теперь держали ключ к успеху Гитлера.

30 июня 1934 года осталось в истории, как «ночь длинных ножей». К рассвету 2 июля представители СС убили высшее руководство штурмовых отрядов и многих других политических оппонентов. Оставшиеся возможные оппозиционеры либо сбежали, либо оказались в тюрьме [64]. После бойни сокращенное количество штурмовых отрядов осталось под командованием СС, а войска СС с тех пор стали давшими Гитлеру клятву телохранителями и приверженцами. Бойня получила одобрение подавляющего числа членов парламента, как и общественности – помогли слухи о планируемом Ремом перевороте и карикатуры

на тему его сексуальной ориентации [65]. Убийства послужили цели, ради которой и осуществлялись. От немецких военных подобной угрозы Гитлеру не возникало до 1944 года.

Аннулирование Версальского договора

Между 1934 и 1936 годами Германия восстановила свой политический и географический статус, существовавший до Версальского договора. Самый большой урон Первая Мировая война нанесла западному берегу Рейна, где заключенный ранее пакт о ненападении с Польшей позволял теперь сконцентрировать германские войска. Годом позже, ранее оговоренным решением путем плебисцита Германии был возвращен Саар. После марта 1935 года германские военно-воздушные силы на давно запрещенных моторных самолетах вернулись в небо. Поскольку союзники тоже перевооружались, правда, на другой скорости, Лига Наций не бросала вызова этим зловещим инициативам. К марту 1936 года изготовление мечей перешло в звон мечей, когда германские солдаты, не получая сопротивления, двинулись в демилитаризированную Рейнскую область. Ответом союзников стало признание агрессии – с отведением глаз и скрещиванием пальцев в иллюзорной надежде, что первый большой отхваченный кусок может оказаться последним.

К 1938 году куски стали только больше, а голод сделался неутолимым. Бросая вызов Версальскому договору дальше, германская армия, восстанавливая сказочную «великую Германию», которая вдохновляла Гитлера еще школьником в Линце, промаршировала в Австрию. Та, по большей части, ее приветствовала. Эта вновь объединенная, осознающая свою

этническую общность Германия отправилась силой отбирать землю, которую считала необходимой для своего растущего населения – в основном, у чехов и поляков. Чехословацкая территория у Судет, где большинство населения также говорило по-немецки, пала следующей, но в отличие от Австрии, она лягалась и кричала. Ее крики слышали, но игнорировали союзники. Прибыв в Мюнхен в сентябре 1938 года, чтобы выступить по вопросу захвата Германией территории в районе Судетских гор, премьер-министр Великобритании Невилл Чемберлен блаженно закрыл глаза на потерю жизненно важного чешского буфера. А через шесть месяцев германские солдаты уже шагали по Праге. Затем, после подписания пакта о ненападении, смертельные враги – Германия и Советский Союз – осуществили неожиданное нападение на Польшу в сентябре 1939 года, завоевали и разделили несчастную нацию в соответствии с ранее оговоренными тайными положениями договора. После этого в 1940 году германская армия методично прокладывала путь в Данию, Норвегию, Бельгию, Нидерланды, Люксембург и – в сопровождении итальянских союзников – во Францию. Среди великих держав Европы свободной на западе осталась только Великобритания.

Гибель Германии

3 сентября 1939 года Великобритания и Франция объявили Германии войну, тем не менее, мало что делали большую часть года. Германия не могла выйти победительницей без триумфа над Великобританией и Россией. Если бы немцы сделали по-своему, то Россия стала бы для Германии тем, чем Индия была для

Англии – Lebensraum [Lebensraum (нем.) – жизненное пространство] для «высшей» расы. Гитлер считал русских даже ниже евреев, называя их «грубыми первобытными животными». Он сравнивал их организационные способности скорее с кроличьими, чем муравьиными или пчелиными. Тем не менее, он также верил, что «капля арийской крови» все еще течет в венах русских, делая их нацией, среди которой можно навести порядок. Евреи являлись более опасным народом из-за их дисциплины и установок, которые им вдалбливаются Торой. Считая большевизм «незаконным ребенком» иудаизма и христианства, Гитлер рассматривал поражение русского народа, как освобождение его от трех калечащих идеологий [66].

В конце июня 1941 года, после достижений ближайших целей на Западном фронте, немецкая армия начала продвижение на восток. Если бы она вместо этого повернула на девяносто градусов и вторглась в Северную Африку и на Ближний Восток, Вторая Мировая война, не исключено, закончилась бы по-другому. Там немцы могли бы более эффективно ударить по англичанам, взять под контроль Средиземное море и Суэцкий канал и получить доступ к нефтяным месторождениям Ближнего Востока. Однако легкая победа над Францией и мертвая точка в отношениях с Великобританией заставили Гитлера совершить нелогичный и противоречащий совету генералов поступок – броситься в Россию. В дальнейшем он заявлял, что действовал на основании разведданных, утверждавших, что один завод в России производит больше танков, чем все немецкие вместе взятые [67]. Из-за русской зимы, неудачно выбранных немцами времени и тактики наступление остановилось на подступах к Москве.

Это позволило русским выжить в самой жуткой бойне из имевших место до тех пор.

Второй германский удар летом 1942 года был нацелен на захват южных нефтяных месторождений России. Он закончился полным разгромом германской армии под Сталинградом. Эта битва стала общеизвестной точкой, с которой уже не было возврата к прошлому для обеих армий. Она значительно уменьшила шансы Германии на победу в войне. Огромный кит, Великобритания, и огромный медведь, Россия, оказались непосильными для германской армии. Американцы подключились к войне к началу 1943 года. К тому времени союзники уже хотели бомбить гражданское население, немцы стали дичью, а поражение Германии – только вопросом времени. После вторжения в Нормандию 6 июня 1944 года союзные армии снова приобрели силу и стали прокладывать путь в Берлин, где в мае 1945 года нашли русских занявшими город, а Гитлера – совершившим самоубийство [68].

КОРНИ ЗЛА: ЕВРЕИ, ХРИСТИАНЕ И БОЛЬШЕВИКИ

Ярость немцев и желание отомстить привели Гитлера к власти, но они не дали ему мандата на охоту по собственному желанию на евреев – по большей части, сделавшихся вскоре беспомощными козлами отпущения. Отношение Гитлера к немецким евреям, использование их для очернения фюрером своих оппонентов и продвижения его собственной программы, не объясняется предшествующими столетиями еврейско-христианского конфликта и взаимного отторжения. В сравнении с большинством других государств,

Германия девятнадцатого века была хорошим местом для проживания евреев. Предоставление им свобод началось в начале столетия, и небольшое количество германских евреев, грубо говоря, один процент населения, стало относительно богатой группой, хорошо заметной к концу столетия. Прусские евреи, которые составляли 37% от всех германских евреев, получили гражданство в 1808 году и в течение десяти лет перемещались, работали, женились и покупали землю, как любые не-евреи. В середине столетия Франкфуртское Национальное Собрание дало свободы всем германским евреям, и этому примеру последовали отдельные государства [69].

Тем не менее, евреи оказались в противоречивом положении. Несмотря на малое количество, они к 1860-м годам выделялись в элитных профессиях. Не-евреи обратили на них внимание, когда еврейские дети составили более 8% учеников гимназий и 12% студентов университетов в 1870-е годы в Праге и Вене [70]. Традиционно сильные в пошиве одежды и розничной торговле, евреи составляли 17% германских банкиров, 16% юристов и 10% врачей. Политически подавляющее большинство было левыми либералами, а еврейские юристы занимали высокое положение в либеральных партиях. Эдуард Ласкер, главный критик Бисмарка в 1870-ые годы, обвинявшийся в экономической депрессии, которая началась в 1873 году, возглавлял национал-либералов. Полвека спустя, в 1922 году, Вальтер Ратенау, министр иностранных дел Веймарской республики, возглавлял правительственную группу, которая вводила репарационные выплаты по Версальскому договору. Это представительство стоило ему жизни, его убили в том же году [71].

Хотя ненависть к евреям давно существовала среди германских христиан, она медленно фокусировалась и развивалась в систематизированную кампанию, что объясняется как успехом евреев, так и медлительностью немцев в реакции на него с проявлениями ярости. Исторически ораторы, представлявшие большинство христианского населения (две трети которого, исключая Австрию, в девятнадцатом веке исповедовали протестантизм), хотели, чтобы евреи сменили веру и ассимилировались в христианском обществе [72]. Мнение, что германские католики и евреи в первую очередь верны религиозному сообществу, а не германскому государству, не способствовало любви к ним ни светских кругов, ни атеистов, ни протестантов – таких же граждан, как и они сами [73].

Тем не менее, в 1900 году антисемитизм был гораздо сильнее во Франции и царской России, чем в Германии. Во время Первой Мировой войны 120 000 германских евреев отдали жизни за отечество, и никакие антиеврейские восстания или погромы не омрачали военных лет. Антисемитизм также не играл никакой важной роли в захвате власти Гитлером в 1932-33 годах. Антисемитская деятельность его правительства, как вначале, так и позднее, удивила и вызвала беспокойство у подавляющего числа немцев, которые отреагировали на новое правительство с большим страхом, чем их соседи-евреи. Фактически Kristallnacht, «Хрустальная ночь» (9-10 ноября 1938 года) разделила даже нацистскую элиту, а министр пропаганды Йозеф Геббельс, ее главный организатор, подвергся суровой критике. В эту печально известную ночь, годовщину Мюнхенского путча, по-настоящему началась кампания геноцида. Заявляя о возмездии за

убийство сотрудника германского посольства в Париже молодым немецким евреем, штурмовые отряды убили множество немецких евреев, сожгли синагоги и в целом разрушили еврейские торговые и коммерческие предприятия по всей Германии. В дальнейшем показательным было то, что руководители кампании геноцида прилагали усилия, пытаясь вначале скрыть эти факты, а потом объяснить «Хрустальную ночь» – они считали, что большинство немцев с ними не согласятся [74].

Если кому-то из современных историков представляется, что высшее командование Германии, как кажется, вело Вторую Мировую войну прежде всего, чтобы уничтожить евреев в Европе, это определенно неразумное обоснование. Это не основная причина войны для германских солдат, которые воевали с армиями союзников на Восточном и Западном фронтах, или для тех, кто работал в тылу ради них и ждал их возвращения [75]. Изначальные мотивы войны были полностью эгоистичны, а не сконцентрированы на евреях или антисемитизме. Немцы хотели отомстить и исправить случившееся с ними – отменить полной победой драконовские репарации, которые их заставляли платить, и отомстить за ужасные страдания, которые они вынесли после Первой Мировой войны. В начале Второй Мировой считалось, что победители Первой сильно задолжали Германии. Многие немцы с нетерпением ждали результатов войны, схожих с русско-германским Брест-Литовским мирным договором. По этому договору Германия лишала Россию территории Балтии, Финляндии, Польши и Украины вместе с тремя четвертями сталелитейной промышленности и четвертью текстильной про-

мышленности. Подтверждая распространенное среди немцев мнение, Гитлер объявил Брест-Литовский договор «бесконечно гуманным» по сравнению с Версальским [76].

В 1941 году, когда польские гетто стало разбухать от депортированных австрийских и германских евреев, рассматривались такие причудливые решения, как депортация в Сибирь и на Мадагаскар. В ходе войны, с ее безнравственностью и порочностью, казнь стала оптимальным решением, а газовые камеры – самым эффективным и наименее стрессовым методом для назначенных палачами [77]. Когда в 1944 году оптовые убийства евреев стали проводиться в концентрационных лагерях, война повернулась против немцев, и этого уже нельзя было изменить. Союзники наступали в Германию, а евреи и еврейский труд перестали иметь значение для тех, кто содержал лагеря. Теперь немцев беспокоило только быстрое уничтожение лагерей и версии, которые они представят.

Новые бойни также были связаны с давно нараставшей проблемой, скрываемой за предположением нацистов о своей неуязвимости. Осажденная Германия не могла одновременно обеспечивать растущее число евреев и других рабов в концентрационных лагерях, обеспечивать отступающую армию и защищать гражданское население, бегущее от танков союзников и «ковровых» бомбардировок. Уже в 1941 году, цитируя «законы, которые начинают действовать в чрезвычайных обстоятельствах», Гитлер приказал Гиммлеру «ликвидировать все... в концентрационных лагерях» при первом знаке «проблем» дома, таким образом «одним ударом» лишив нарушителей спокойствия их лидеров [78].

Хотя германские евреи, как евреи в других европейских странах, являлись только малым процентом населения, ни один другой народ, как считал Гитлер, не принес миру столько вреда и не был все еще способен приносить зло в будущем, чем они. Однако во время своего подъема к власти и первых месяцев его режима, на повестке дня национал-социалистов первыми стояли коммунисты, а не евреи. До и после сожжения Рейхстага партия Гитлера использовала широко распространенный страх о коммунистическом перевороте, а не о грядущей еврейской угрозе.

Однако это резко изменилось после бойкота еврейского бизнеса. Между угрозой коммунизма и несоответствием Веймарского правительства, национал-социалисты ввели в политику германских партий собственный, хотя и пользующийся меньшим спросом товар – антисемитизм. Изобразив русских социал-демократов левого крыла, верных большевиков-ленинцев, как «создание евреев», Гитлер навесил «конспиративные» марксизм и иудаизм на шею Социал-демократической партии Германии. С 1920 года эти «германские большевики» являлись самыми сильными политическими оппонентами национал-социалистов и лучшей надеждой Германии на современную демократию. Гитлер считал, что марксистов, социал-демократов и евреев связывало общее желание выровнять общество экономически и политически. В его видении истории большевизм зародился в первом столетии с «еврейской мобилизации рабов» против римлян. Этот революционный проект превосходил возможности евреев, но был успешно подхвачен более мощным отпрыском – христианами. Противопоставляя класс классу и низшего высшему,

иудаизм и христианство преуспели в подрыве основ Римской Империи. Эти религии сумели завоевать положение и преимущества, которых не заслуживали [79]. В двадцатом веке Гитлер увидел, что история угрожает повторением – теперь в форме большевизма и социальной демократии и за счет Германской Империи. Он сваливал в одну кучу в качестве «еврейских созданий» демократию, капитализм, либерализм, интернационализм и даже модернизм в искусстве [80]. Это, как он считал, были различные, но, тем не менее, похожие пути, используя которые никто становился кем-то. Так Гитлер воспринимал незаслуженный успех других, который мучил его со студенческих лет, когда он был вынужден сталкиваться с собственными провалами.

Хотя иудаизм хронологически предшествовал христианству и был значительнее его в понимании истории Гитлером, христианство вводило в действие социполитическую ярость. Современное еврейство было «ферментом, который вызывает гниение народа», но современное христианство «систематически культивировало... человеческий провал», угрожая гораздо худшим: «Чистое христианство... очень просто ведет к уничтожению человечества; оно... – истинный большевизм под мишурой метафизики» [81].

Подвергая германских евреев «окончательному решению», Гитлер выделил избавление от «прогнившей ветви христианства», как «конечную задачу» национал-социализма – вместе с уничтожением славян, цыган и гомосексуалистов [82]. За еврейским Холокостом лежало стирание с лица земли христианства [83]. Таким образом, «религиозная проблема» теоретически получалась двухъярусной. Целью был не иудаизм,

а его более многочисленный и крепкой потомок, павликианское христианство – прототип русского большевизма и германской социальной демократии. По мнению Гитлера, именно оно разрушило Римскую Империю в древности, а теперь угрожало ее преемнику, Германскому рейху, в современном мире. В понимании Гитлером истории эта Империя была большим другом германского народа, германских племен. Соединение Рима и Германии, арийца с арийцем, омолодило и восстановило Рим и продолжило его правление в древности. В отличие от этого христианство подавляло римскую религию, «общую для всех арийских народов», заменив ее веру в социальную солидарность и этническую общность новой идеей равенства всех людей под одним Богом – независимо от социального положения и расы. В то время как Иисус вел «местное движение арийской оппозиции по отношению к еврейству» и взял сторону римлян в конфликте с евреями, обученный раввинами Павел из Тарса повернул массы против римлян, развязав еврейскую месть, через христианство направленную на римлян и последующую европейскую цивилизацию [84].

Элита национал-социализма верила, что традиционные христиане в итоге выступят против проповедуемых партией «принципов расизма... неограниченной агрессивной войны... и полного подчинения церкви государству» [85]. В отличие от еврейского меньшинства, христиан очень много, они слишком сильны и в них слишком много немецкого, чтобы их прямо атаковать. Лидеры партии также считали, что церкви, которые исторически всегда адаптировались к целям правящей политической власти, могут со временем прийти к принятию национал-социализма. Эта надеж-

да лежала в основе статьи 24 программы национал-социалистов, которая в достаточной мере принимала историческое христианство, чтобы оставить открытой дверь для колеблющихся христиан. По этой причине Гитлер приказал лидерам партии, независимо от вероисповедания, оставаться в церквях, как делал он сам до своего самоубийства [86].

Либеральная протестантская теология Просвещения и учения левых гегельянцев были гораздо более уязвимы для поглощения и ассимиляции национал-социализмом, чем традиционное христианство [87]. В ранние годы правления национал-социалистов многие церкви – как протестантские, так и католические – молчали о правах человека и гражданских свободах. Они искали пути удовлетворить новый режим, в то время как сами пережили бурю. В обмен за контроль над своими школами и организациями Ватикан заставил своих священнослужителей замолчать в июле 1933 года, таким образом, надеясь сохранить базу, с которой мог бороться, представляя свои принципы. Одно такое сражение велось по поводу программы эвтаназии, на основании которой было убито путем инъекции, плохого питания или газа примерно 72 000 физически или умственно ущербных детей и взрослых между 1939 и 1941 годами [88].

В 1933 году пронацистское, ведомое протестантами германское христианское движение приблизилось к слиянию руководства главной христианской конфессии Германии с руководством новой политики. Среди догматов и принципов движения было исключение неарийских пасторов, а также пасторов, имеющих неарийских жен, из церквей. Когда в 1933 году избирался германский христианский епископ рейха,

только семь из восемнадцати тысяч представителей протестантского духовенства присоединились к оппозиционной Лиге пасторов [89]. Однако в мае 1934 года антинацистские протестантские церкви, верные Библии, прокляли идею о том, что Гитлер или его партия могут каким-либо образом рассматриваться, как открывающие волю Бога [90].

В новом веке, представляемом национал-социализмом, библейское христианство являлось политически подчиненным, даже «восстанием... против природы» [91]. У Гитлера в школьные годы в Австрии сложилось о нем впечатление, как об абсурдности. Он насмешливо вспоминал, как ученики посещали занятия по катехизису в десять утра, чтобы послушать библейскую историю Создания. После этого, в одиннадцать утра, они слушали дарвинскую версию того же самого на занятиях по естественным наукам. Причем последняя версия завоевывала больше сторонников [92]. В годы войны Гитлер рекомендовал медленную «естественную смерть» для христианства путем высвечивания его догм светом науки [93].

Гитлер считал, что история задокументировала скачок от Павла из Тарса до Карла Маркса, Римская Империя была «большевизирована» христианством, а Российская Империя «большевизирована» В.И.Лениным. Он боялся, что неосторожный Германский рейх станет следующей жертвой еврейско-христианского-большевистской могущественной группы. Зимой и весной 1933 года он поднял вопрос об угрозе грядущего и неизбежного «обновления [древнего христианского] эксперимента» с новой «порчей расовой целостности», что, как он считал, случилось в период поздней античности в Древнем Риме. Осе-

нью 1941 года, не признавая такие страхи во время застольных бесед, он выразил мнение, что большевики именно в эти часы депортируют сотни тысяч русских мужчин и одновременно отправляют возможно равное количество русских женщин в постели низших нерусских мужчин, импортированных с других земель [94]. Такое преднамеренное скрещивание рас угрожало Европе несоответствующими и низшими по качеству отпрысками и проводилось во имя эгалитаризма христиан и большевиков [95]. Следовательно, на протяжении христианства и большевизма, древняя, разрушающая империи сила евреев жила дальше в современном мире. В этом для Гитлера заключалась необходимость «окончательного решения» для евреев и послевоенного террора для христиан.

ПОЧЕМУ ГИТЛЕР?

Значение и меры

«Да, мы варвары! Мы хотим быть варварами! Это почетный титул. Мы омолодим мир!» [96] Так Гитлер с пафосом ораторствовал за столом в 1933 году, принимая эпитет, который немцы исторически ассоциировали с принижением и подчинением. Успешные лидеры не следуют традиции слепо, и они также просто не затыкают пробкой прошлое. Это касалось правительств Фридриха Великого, Бисмарка, Густава Штреземана и Пауля фон Гинденбурга. Хотя нацистская пропаганда ставила Гитлера в компанию трех из этих немцев, он считался самым лучшим лидером. Сам он находил в прошлом и настоящем только провалы и крах, обещая немцам идеальную

новую эпоху. Как австриец, который стал гражданином Германии только в 1932 году, Гитлер не имел глубоких германских корней, был легковозбудимым человеком, погруженным в самого себя. Он мало интересовался германской историей, за исключением ее полезности для продвижения своей карьеры. В 1928 году он был, по словам современного биографа, «мелким политиком, мало известным за пределами Южной Германии, и... частью экстремистского крыла баварской политики» [97].

Захват власти в 1933 году нельзя считать явной германской победой [98]. Его партия никогда не пользовалась поддержкой большинства немцев, и ее успех пришел только во время кризиса и путем однобокой поддержки уязвимых социальных групп и хорошо организованного лобби. Ни одна группа так последовательно и постоянного не голосовала за национал-социализм, как untere Mittelstand [untere Mittelstand (нем.) – среднее сословие, мелкая буржуазия. – Прим. перев.], которая в среднем составляла более 50% членов партии между 1925 и 1932 годами [99]. Немцы, поддерживавшие национал-социализм до выборов в марте 1933 года – последних свободных выборов до того, как закон Гитлера о предоставлении чрезвычайных полномочий правительству не превратил Германию в страну одной партии – голосовали за избавление от боли и нищеты. Они давали позитивный ответ на вызывавшую в то время доверие программу экономического облегчения, политических реформ и национальной безопасности. Пока месть и репарации были главными мыслями большинства, лишь о немногих можно сказать, что они голосовали за ведение мировой войны до последнего человека или за унич-

тожение шести миллионов германских и европейских евреев.

Однако 43,9%, которые получили национал-социалисты во время голосования в марте 1933 года, – самое высшее достижение партии – нельзя считать только результатом личных корыстных интересов. Это произошло менее чем через неделю после сожжения Рейхстага и среди наглых нацистских запугиваний, видимых всем. Лишь немногие избиратели могли не заметить темную и безрассудную сторону национал-социализма. Дополнительные примеры не требовались.

Амбивалентность продолжала окутывать успех нацистов. В то время как некоторые заявляют, что девять из десяти немцев «верили в фюрера» к 1938 году, также нельзя отрицать распространявшееся индивидуальное и организованное сопротивление режиму на протяжении двенадцати лет нацистского правления. Оно включало в себя и организованные проволочки рабочих на производственных линиях, и проклятия церковью безнравственных погромов – вплоть до усилий аристократов взорвать Гитлера [100]. Партия правила только при помощи страха и террора и совсем не преуспела в превращении Германии в добровольное, сплоченное национальное сообщество, которое пропагандировалось [101].

Тем не менее, для народа с такой долгой историей, с навязчивой идеей иностранного вторжения и самоограбления, сопротивление бледнеет перед действиями или бездействием такого количества немцев в допуске самого разрушительного из когда-либо появлявшихся хищников в свою среду. На заднем плане оказались чрезвычайные обстоятельства, которые, хотя и спор-

но, могли привести любую другую нацию того времени к надлому. Позорное военное поражение в 1918 году, после мифических ожиданий того, что принесет война, усугубилось жестокими военными репарациями в 1921 году. К этим шокирующим факторам добавились экономический обвал и безработица, которые раньше никогда не видели в таких масштабах. В то же время новое правительство после тринадцати лет либерально-консервативного правления не могло предоставить никакого верного избавления от углубляющегося кризиса.

Есть бы такие несчастья одно за другим не случились с Германией, если бы правительство Веймарской республики оказалось способным спасти страну, национал-социалисты могли бы остаться экстремистской группой. Результаты ежегодных выборов после 1925 года дают ясно понять, что поддержка возрастала и падала в соответствии с успехами правительства по обеспечению выхода из кризиса. Решавшее проблемы веймарское правительство очаровало бы гораздо больше немцев, чем все громкие напыщенные речи Гитлера. Однако ни либералы Эберта, ни консерваторы Гинденбурга не смогли помочь германскому народу в самые тяжелые для него дни. В итоге именно этот факт дал Гитлеру, политику, который знал, как заполнить пустоту обещаниями, решающее преимущество.

Угроза успешного коммунистического государственного переворота особенно пугала зажиточную и беднейшую часть среднего класса Германии. Средний класс хорошо понимал, что такое правление еще больше уменьшит их личную собственность и ухудшит условия жизни. Большинство немцев также имели основание считать, что коммунистический го-

сударственный переворот более реален с правительством левых либералов, чем правых консерваторов [102]. После того, как Гинденбург стал президентом Веймарской республики в 1925 году, защищаясь от этой возможности, установили барьер. В итоге было отдано предпочтение захвату власти национал-социалистами.

Игнорируя законные средства и не гнушаясь насилием, партия Гитлера представила себя, как ни с кем не сравнимых специалистов по решению проблем и безжалостных мастеров исправления того, что было не так. Не видя способа уйти от Веймарского опыта и называя Гинденбурга и иностранные державы виновными в своем бедственном положении, увеличивающееся число избирателей просто понадеялись на магию Гитлера. Они хотели, чтобы он освободил их и наказал виновных. Для многих гордых немцев, которые потеряли все и у которых почти не осталось ничего, что можно терять, этот подход – «все или ничего» – казался на завершающей фазе борьбы идеальным посланием. Но те, кто его принял, должны были знать: он, по крайней мере, означает войну с внешними врагами и «пятые колонны» дома.

Вполне современные нацисты?

Обвинение в успехе национал-социализма упорно авторитарного германского прошлого глубоко укоренилось в историографии современной Германии. Даже сегодня можно встретить споры о его хронологической глубине: когда был сделан фатальный шаг – в период Фридрихов Гогенштауфенов, Лютера, Фридриха Великого или Бисмарка? Когда бы и какими бы ни были давние прецеденты, большинство историков

находят судьбоносное стечение обстоятельств в Империи Вильгельма II [103].

Недавний противоречивый ответ на вопрос «Почему Гитлер?» предполагал современные мотивы для принятия национал-социализма, указывая на его эгалитаризм, или массовую демократию и яростные обещания более идеального народа и государства. Отвергая как Германскую Империю, так и Веймарскую республику, партия Гитлера не искала указаний ни в прошлом, ни в настоящем. Она лишь двигалась вперед, к будущему, которое еще предстояло определить. Она приглашала всех немцев стать равными партнерами в «придании формы популистскому национализму» – это был широкий подход, который приглашал как аристократов, так и беднейшую часть среднего класса, а также включал шовинизм и социальное самосознание [104].

Гитлер являлся кульминацией старой, авторитарной Германии и лидером обновленной страны, дающим нереальные неосуществимые обещания. Но он также стал первым политическим лидером двадцатого века, который принял суть социокультурной революции предыдущего столетия, с ее отходом от традиций и экзистенциальными ценностями [105]. Целью партии являлась замена прошлого с твердыми принципами, к которому относились и Германская Империя, и Веймарская республика, полностью экспериментальным будущим. Страдая от ран тысячи постгегельянских иллюзий, многое из старой политической и культурной Германии умерло на полях сражений девятнадцатого века. Духовно истощенное и профессионально обделенное веймарское поколение стало легкой добычей национал-социалистической пропаганды. Это поколение можно сравнить с недовольными молодыми

людьми периода Вильгельма II, которые стремились к менее социокультурным, расистским и утопическим мирам под очарованием ультрамодных ученых мужей и народных гуру [106]. Фантастические идеи о развивающихся арийцах и увядающих евреях, а также о политической и экономической расплате очаровывали аудитории в университетах, залы заседаний советов директоров и пивные. Так был санкционирован самый дикий отход от того, что немцы исторически считали здравомыслящим, нравственным и человечным. Несмотря на все прилипающие яичные скорлупки старой Германии, сложилась новая ментальность одновременно уверенных и отчаявшихся людей, готовых принимать в расчет речи Гитлера.

Глава 11

Неоднозначный немец

ГЕРМАНИЯ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

8 мая 1945 года война в Европе официально закончилась безоговорочной капитуляцией всех немецких сил генералу Дуайту Д.Эйзенхауэру, которая произошла в предыдущий день в Реймсе. К этому времени в результате бомбардировок союзников уже были разрушены крупные города Германии, а общее количество мертвых немцев дошло до 4,5 миллионов человек. Из них 500 000 составляло гражданское население городов, 2 миллиона солдат умерли на полях сражений, еще два миллиона беженцев вынужденно покинули занятые немцами Венгрию, Польшу и Чехословакию между 1944 и 1946 годами. Последнее было названо «крупнейшим миграционным движением современности» [1].

Празднующие победу союзники, которые теперь хотели восстановить порядок и объединить повер-

женную Германию, сами разделились, имея разную историю, политику, культуру. Эти различия, которые наиболее ярко проявились в дальнейшем в оккупационных зонах во время холодной войны, также формировали будущее Германии. Французы и леволибералы из немецких интеллектуалов считали, что решение германской проблемы лежит в постоянном разделении Германии. Однако в итоге именно необходимость союзников решить собственные разногласия создала две Германии.

На Тегеранской конференции в ноябре 1943 года Великобритания, Соединенные Штаты Америки и Советский Союз согласились разделить Германию на оккупационные зоны. Во время второй встречи, на Ялтинской конференции в феврале 1945 года, обсуждалась необходимость разоружения и денацификации Германии в полном объеме. В трех западных зонах союзники стали обращать немцев в демократов, в то время как в восточной Советы пытались сделать из них социалистов. Во всех четырех зонах немцы неохотно обращались, подавляющее их большинство надеялось на демократическо-социалистический «третий путь», который поможет сохранить германские земли объединенными и доступными для всех немцев.

Потсдамская конференция претворила в жизнь договоренности союзников летом 1945 года. Она проходила под руководством президента Гарри С.Трумэна и премьер-министра Великобритании Клемента Р.Эттли. Союзники приняли решение о прагматическом правлении. Оно уже спасло немцев после еще одного панъевропейского кризиса несколькими столетиями ранее: правитель земли, или в данном случае,

командующий военной зоной союзников, будет править в этой зоне так, как посчитает наилучшим.

Среди разнообразных вопросов обсуждались репарации. Советский Союз оккупировал территориально крупнейшую, но наименее заселенную и имеющую меньше всего промышленных предприятий зону. СССР настаивал, чтобы имеющие лучший доход западные союзники, зоны которых включали индустриальный Рур, отдали ему дополнительно 10% своих репараций. Нуждающиеся советские разобрали большое количество немецких фабрик, чтобы транспортировать их к себе на родину и собрать там, показывая, что они не собираются надолго оккупировать Германию. Французы тоже разобрали свою зону во время первых четырех лет оккупации. Однако к 1948 году западные союзники, с которыми к тому времени Франция пришла к соглашению, вспомнили последствия Версальского договора и выбрали политику восстановления и реконструкции вместо наказания и разграбления. Стратегические инвестиции в сумме 1,4 миллиарда долларов, в рамках рассчитанного на четыре года плана Маршалла, предоставленные Соединенными Штатами для быстрого восстановления Европы, помогли сохранить целостность Западной Германии и производительность, которая шагала в ногу с европейской, что впечатляло [3].

К концу войны в Западной Германии жило мало истинных демократов, на Востоке также насчитывалось мало истинных коммунистов. С точки зрения союзников, обе Германии были словно созданы для их работы. Коллективно рассматривая немцев, как нацистов, западные союзники изначально отрицали существование антифашистских групп и их роль в восстанов-

лении страны. Таким образом, была упущена возможность раньше начать строить германскую демократию и поставить ее под местное политическое руководство [4]. Также немцев держали вне игры в западных зонах из-за рьяных усилий союзников по денацификации и переобучению. У американцев имелись анкеты по выявлению нацистов, они нашли 136 обязательных причин для исключения немца из послевоенной занятости. Для допрошенных немцев существовало четыре возможных категории вины и только одна – оправдания [5]. Такое послевоенное изучение и обучение, которые продолжались в различных формах на протяжении холодной войны, создавали бюрократические кошмары для одновременно несчастных и виновных. Они вызвали сильное негодование у репрессированных немцев [6].

В отличие от этого Советы нацелились, скорее, на германские социополитические структуры, а не на отдельных людей. Вместо старого нацистского режима появился марксистско-ленинский коллектив, в который направили существовавшие ранее Социал-демократическую и Коммунистическую партии. Новая Социалистическая единая партия Германии с тех пор стала единственной законной восточно-германской политической партией. [Утверждение не вполне корректно, в ГДР существовала номинальная многопартийная система, хотя о реальной многопартийности и демократии речи не шло. – Прим. ред.] Подавляя личные свободы и предпринимательство, новая экономика под руководством по типу советского постоянно подрывала ранее завоеванную политическую стабильность.

Несмотря на изначальные проверки, значительное число бывших членов нацистской партии заняло важ-

ные посты в восстановлении Германии. Во многих случаях у них были лучшие навыки и опыт, и по большому счету их наем являлся более практичным. Во время суровых нацистских лет многие работы и должности требовали членства в партии, что вынуждало бесчисленное количество немцев становиться номинальными нацистами не из идеологических причин, а по необходимости. В первые месяцы реконструкции нацеленность союзников на выявление и наказание истинных нацистов создала конфликт, который продолжается до сих пор – а именно, как сбалансировать человеческую ответственность перед воспоминаниями с жизненно важной необходимостью двигаться дальше. Первое, конечно, имело больший вес для союзников, второе – для немцев, которые пережили самое ужасающее поражение в своей истории. Ведь еще не забылось и предыдущее, напоминающее нынешнее [7]. Получался очень знакомый для немцев перекресток: в свое время для них невозможность забыть 1918 год и горькие годы Веймарской республики проложила путь к 1933 году.

В мае 1949 года по наказу союзников германское Учредительное Собрание ратифицировало новую временную конституцию для западных зон, известную, как Основной закон. Президент Собрания Конрад Аденауэр, семидесятитрехлетний бывший обер-бургомистр Кельна, католик и антикоммунист, подписал законопроект, ставший законом, за три месяца до того, как сам стал первым послевоенным канцлером Западной Германии. Западной Германии больше требовалась стабильность, чем перемены. Два десятилетия там у власти находился консервативный Христианско-демократический Союз – экуменическая послевоенная

реконфигурация старой католической Центристской партии. Между 1948 и 1952 годами план Маршалла позволил жесткому и умному Аденауэру встать еще выше, практикуя то, что некоторые без восхищения называли «канцлерской демократией» [8]. Целью было восстановление промышленности Западной Европы и построение экономической стены, отгораживающей от коммунизма восточной зоны – первой из двух великих стен, которые поднимутся между двумя Германиями.

В декабре 1946 года англичане и американцы объединили свои зоны («Бизония»), а через два года, в июне 1948 года, к ним присоединились французы («Тризония»). В июне 1948 года произошла реформа западной валюты. Это была оригинальная мысль, детище министра экономики Людвига Эрхарда, она дала слившимся западным зонам второй большой толчок к созданию государства в Западной Германии. С момента печатания новой немецкой марки в Соединенных Штатах Америки и введения ее в своих зонах после уведомления в сорок восемь часов 20 июня, западные союзники стали продвигать новую валюту в занятые ими сектора Берлина, которые находились внутри русской зоны. Оттуда она проложила путь в советскую зону и Восточный Берлин, где на следующей неделе советскими оккупантами была введена отдельная валюта – восточно-германская марка. Западная акция нарушила понимание с Советами и послужила началом блокады главных западных дорог в Берлин. Тремя месяцами ранее, после обнаружения плана союзников о создании отдельного западногерманского государства, Советы вышли из Наблюдательной комиссии союзников. Во время кризиса самолеты союз-

ников сделали 270 000 вылетов менее чем за одиннадцать месяцев, чтобы обеспечить 2,5 миллиона людей, не имеющих запасов провианта, в западных секторах Берлина. Из этой конфронтации родились Восточная и Западная Германии [9].

ЧУДЕСА И СМЕНА НАПРАВЛЕНИЯ

Подавляющее большинство немцев надеялись на гибридный союз Востока и Запада. Вместо этого новые правительства повели свои государства в противоположных политических направлениях, указанных оккупационными силами. Однако новые режимы имели и кое-что общее: в отличие от Веймарской республики и Третьего рейха, каждый стал очень предсказуемым и производительным государством.

Восточногерманский коллега Аденауэра, Вальтер Ульбрихт, провел годы войны в Советском Союзе, откуда вернулся в Восточную Германию, как глава Коммунистической партии в 1945 году. К концу того же года крупные сельскохозяйственные поместья были национализированы, а привилегированный класс юнкеров исчез. На протяжении двадцати двух лет в должности руководителя Германской Демократической Республики, с 1949 по 1971 год, Ульбрихт национализировал финансы и промышленность Восточной Германии. Он превратил пять отдельных восточногерманских земель в партийные округа [в административном отношении ГДР делилась на десять округов, после воссоединения Германии на ее территории образовано пять земель. – Прим. ред.] и коллективизировал сельское хозяйство. 17 июня 1953 года жители Восточного Берлина восстали против советской оккупации, дви-

жение было жестоко подавлено. После присоединения к странам Варшавского договора (военный союз Восточной Европы) и СЭВ – Совету Экономической Взаимопомощи (экономический союз стран Восточной Европы [впоследствии он расширился и за счет стран на других континентах, в него входили 10 из 16 официально признанных СССР соцстран. – Прим. ред.]) в 1955 году, новое сталинистское государство стало самым важным зубцом Советской империи. В 1960 году новый этап сельскохозяйственной коллективизации вызвал очередные протесты, большое количество людей пыталось сбежать на Запад. К тому времени, когда на следующий год была построена Берлинская стена, 1,65 миллиона жителей Восточной Германии перебрались в Западную [10]. В 1968 году Социалистическая единая партия Германии объявила о своем суверенном правлении в новой конституции.

Федеративная Республика зеркально отражала западные демократии с политикой конкурирующих партий, недрогнувшим материализмом и запретом Коммунистической партии [11]. Между 1950 и 1980 годами западногерманская марка увеличивалась по стоимости в среднем на 8% в год, в то время как марка ГДР поднималась на 3%. Это очень значительный рост, учитывая более резкую трансформацию Восточной Германии [12]. В дополнение к экономическому успеху, Федеративная Республика Германии смогла сделать так, чтобы симпатии ее граждан были на стороне демократии. В этом она достигла высот, о которых Франкфуртское Национальное Собрание могло только планировать и мечтать, а Веймарская республика – реализовывать прерывистыми этапами. Доверие вызывали эффективное правительство и банковская

надежность. Основной закон содержал новые положения, разработанные для предотвращения анархии и фашизма, которые разрушили Веймарскую республику. По нему запрещалось получать места в Бундестаге, федеральном парламенте Германии, партиям, которые получили менее пяти процентов голосов, а парламент определял преемника действующего канцлера [13]. Таким образом, Федеративная Республика Германия стала более стабильной демократией, принципы и цели которой не выходили за определенные пределы, не пыталась кого-то перехитрить или испугать.

Политика совместного принятия решений промышленностью и трудящимися поддерживала западный промышленный бум тридцать лет – с 1950 по 1980 год. В дополнение к этому консенсусу успех Западной Германии во многом обязан способности немецких трудящихся сделать больше и лучше за тридцатипятичасовую рабочую неделю, чем у многих их конкурентов получается за сорокачасовую [14]. В Восточной Германии подобная рабочая этика, одновременно направляемая и подавляемая коллективизацией, национализацией и политическим конформизмом, устанавливала уровень производительности внутри СЭВ.

Западная Германия

В то время как новое материалистическое общество приводило в смятение и тревожило некоторых жителей Западной Германии, поднимающиеся стандарты жизни и свободы вместо рискованной, направляемой идеологией политики, радовали большинство. Однако в 1960-е и 1970-е экономическое чудо стало целью нарастающей леволиберальной критики, которая также обращала внимание на медлительность правитель-

ства в обращении к нацистскому прошлому в школах и университетах. Такая критика помогла отправить в отставку коалицию трех партий Курта-Георга Кизингера – Христианско-демократический Союз, Христаинско-социальный Союз и Социал-демократическую партию Германии. К власти в 1969 году пришел Вилли Брандт и новая коалиция Социал-демократической партии Германии и Свободной демократической партии. После этого начался четырнадцатилетний период правления леволибералов. Смело высказывавшему свои мысли социалисту Брандту угрожала опасность, и поэтому он провел годы войны в Норвегии, помогая движению Сопротивления внутри и за пределами Германии. До того, как стать канцлером, он был популярным бургомистром Западного Берлина и министром иностранных дел, оттягивавшим внимание на себя в правительстве Кизингера.

В отличие от него Кизингер был членом нацистской партии на протяжении 1930-х и 1940-х годов и работал в Министерстве иностранных дел, как пропагандист на радио. Он был задержан в 1945 году, но признан невиновным в каких-либо военных преступлениях в 1947 году. То, что такая странная на вид пара смогла создать коалиционное правительство, было истинным отражением послевоенной Германии в процессе перехода. Брандт победил Кизингера в 1969 году, и к тому времени прошло тридцать девять лет после ухода последнего канцлера от социал-демократов. Брандт сыграл роль в Сопротивлении, а предыдущий социал-демократический канцлер, Герман Мюллер, вел последнюю коалицию, работавшую в истинном партнерстве с германским правительством до захвата власти нацистами.

Послевоенные немцы на Востоке и Западе жили в обществе, по большей части лишенном властных элит, хотя Социалистическая единая партия представляла очень привилегированную группу в бесклассовой ГДР. На Западе только остатки старого юнкерства, значительный сегмент которого противостоял Гитлеру, удерживали аристократическое прошлое Германии живым в глазах общественности [15]. Послевоенные немцы, скорее, смотрели на себя не как на этнополитический союз или старую иерархию зафиксированных поместий и различные классы – они воспринимали себя и нацию прагматично – как «общество профессий» (berufständische Gesellschaft [berufständische Gesellschaft (нем.) – профессиональное объединение]). Они стали гражданами, сгруппированными вокруг профессии и определяемыми по результатам свободно выбранного производительного труда [16].

После 1961 года Берлинская стена лишила жителей Восточной Германии свободы. На Западе же в 1960-ые годы утвердились идеалы общественной системы, при которой высшие должности занимают наиболее талантливые люди, и система образования, при которой наибольшими привилегиями пользуются наиболее способные учащиеся. Идеалы эгалитаризма, в особенности в университетах, также были утверждены [17]. Между 1959 и 1988 годами количество поступивших в университеты увеличилось почти в восемь раз: от двухсот тысяч до 1,5 миллионов. Оно наиболее быстро росло во время канцлерства Брандта (1969-74) и Гельмута Шмидта (1974-83), которые постоянно расширяли возможности для высшего образования [18]. Большое количество студентов различного происхож-

дения училось в теоретически открытых и либеральных университетах, все еще заполненных очень консервативными преподавателями – многие профессора отказывались отвечать на вопросы на своих лекциях. Это оказалось верным рецептом для конфликта поколений.

Однако это только одна причина, объясняющая, почему германские университеты стали теплицами инакомыслия в конце 1960-х годов. Это десятилетия также увидели быстрый рост автономной молодежной культуры как в Европе, как и США. Большие количества идеалистически настроенных молодых людей, со своими деньгами, музыкой, сексуальной свободой, и беспрецедентной массовой политической властью, нашли, что они больше не связаны и совсем необязательно предназначены для профессиональных и социальных миров своих родителей. В дополнение ко многим местным «тиранам», которые словно просили себя атаковать, также появился «имперский» враг на международной арене, который породил боевой клич недовольной молодежи везде: американская армия во Вьетнаме с напалмом и «B-52s». (Когда я уезжал из университета в Тюбингине весной 1968 года, то видел, как студенты пишут на стенах университетских зданий «США», только вместо средней буквы рисуют свастику: U – свастика вместо S – A. [Нечто похожее рисовали и у нас, в особенности, после бомбардировок Югославии в 1999 г. – Прим. ред.])

В 1967 году ставки конфликта поколений поднялись еще выше, после того, как полиция застрелила протестующего студента во время государственного визита шаха Ирана. Этот эпизод оказался еще более зажигательным после того, как газеты медиа-магната Акселя

Шпрингера обвинили в этой смерти протестующих. На следующий год Руди Дучке, пацифист и марксист из Восточной Германии, предводитель студенческого протеста Западной Германии, стал калекой из-за пули покушавшегося на него представителя правого крыла. Это вызвало новый всплеск молодежного недовольства. Для некоторых радикалов эти два акта насилия трансформировали протест в терроризм. Самый яростной группой, действовавшей в 1970-е, была «Красная Армия», известная в народе, как банда Баадера – Майнхоф, названная в честь первых террористов Андреаса Баадера и Ульрике Майнхоф. Первый был профессорским сыном, вторая – дочерью пастора, журналисткой и матерью двоих детей. Они также стали любовниками. Вместе с другими подобными группами «Красная Армия» убила 28 человек, ранила 93, взяла 162 в заложники, ограбила 35 банков на 5,4 миллиона марок перед тем, как их нейтрализовали [19].

В конце 1960-х и в 1970-е годы увеличился конфликт между парламентскими консерваторами и либералами. Вилли Брандт потратил свой политический капитал на нормализацию отношений с Восточной Германией, проводя Ostpolitik [Ostpolitik (нем.) – восточная политика] – дипломатию, популярную у избирателей, которые всегда хотели большего контакта с родственниками и друзьями по другую сторону Стены. Политические попытки примирения и завязывания дружеских отношений с Востоком не только сделали две Германии ближе, но и вывели Восточную Германию на европейскую и международную арену. А это привело к ее членству в ООН и состоянию, обычному для европейского государства. Для критиков Брандта его Ostpolitik была еще одним словом в

предоставлении помощи и комфорта врагу, и они насладились сладкой местью, когда обнаружилось, что один из его главных помощников оказался восточногерманским шпионом [20].

Имелась еще одна крупная проблема, зерна которой были посеяны в начале 1960-х, объяснявшаяся быстротой послевоенного восстановления и в не меньшей мере – физическим разделением двух Германий, олицетворенным Берлинской стеной. Переживающая бум западная экономика создала много очень малооплачиваемых непрестижных рабочих вакансий, которые не привлекали жителей Западной Германии. После построения Стены постоянный поток дешевой восточно-германской рабочей силы, на которую полагался Запад, прекратился. Вместо них появились иностранные рабочие (Gastarbeiter) с востока и юга, по большей части – турки и представители народов средиземноморского происхождения.

Прибывшие в полной мере воспользовались послевоенной щедростью Германии и ее эмоциональной необходимостью продемонстрировать доброту к чужакам. Новые иммигранты получили зарплату, пособия, привилегии и права человека, которых не имели на родине. Они прибывали во все увеличивающихся количествах и часто не имея желания когда-либо возвращаться к неблагословенной жизни, которую оставили позади. К 1990 году новая рабочая сила стала проблемой для заново объединяющейся Германии. В Германии жили около 4,8 млн. иностранных рабочих и их постоянно растущие семьи, треть из них составляли турки-мусульмане. По большей части они плохо интегрировались в германское общество и культуру, в то время как успешно повторяли свои собственные

на германской земле [21]. В 2000 году 30% населения Франкфурта составляли турки-мусульмане, которые отправляли религиозные потребности в двадцати семи городских мечетях [22].

В германской истории родившиеся за пределами Германии немцы и иностранные захватчики часто сливались в единое целое. Теперь это снова происходило в лице современных иностранных рабочих. Однако рабочие, прибывающие в последние десятилетия, пересекают германские границы с юга и востока не как агрессоры или захватчики, а как приглашенные «гости», чтобы помочь поддержать германскую экономику и стиль жизни. Посему их, скорее, следовало рассматривать как федератов, а не чужаков. Но со временем их постоянство, пролиферация [пролиферация – быстрое размножение. – Прим. перев.] и неассимиляция также стали грузом для экономики. Они угрожают германскому единству и культурной идентификации. С ними также прибыли сотни тысяч экономически мотивированных лиц, ищущих убежище (Asylanten [Asylanten (нем.) – беженцы]), которые пользуются послевоенной германской необходимостью искупления грехов – быть убежищем для тех, кто подвергается политическим преследованиям в мире. По германскому законодательству, любой иностранец, просто ступивший на германскую землю и заявляющий, что он – беженец от тирании, получает возможность слушания дела в суде по вопросу предоставления убежища за счет государства, включая проживание и питание на протяжении процесса. Среди других послевоенных иммигрантов, приглашенных в Германию после распада Советского Союза, оказались восточные евреи, которых ждали в своих странах во-

зобновленные преследования, и почти два миллиона этнических немцев.

По Закону о национальностях 1913 года (иначе именуемому законом о кровном родстве) германское гражданство скорее основывалось на родословной, чем на земле рождения. Закон об иностранцах 1990 года изменил это положение, предоставив рожденным немцами с пятнадцатью годами проживания в Германии и их детям, рожденным на германской земле, право просить натурализации. Это была суровая проверка, которую проходили только 5% подавших заявку [23]. Как в Соединенных Штатах Америки и других богатых странах, примерно две трети тех, кому отказали в постоянном проживании, стали незаконными иммигрантами, исчезнув в устоявшихся общинах иностранных рабочих.

По новому закону, вступившему в действие 1 января 2000 года, любой ребенок, рожденный в Германии, в настоящее время является законным гражданином Германии (при условии, что один из родителей являлся законным резидентом на протяжении восьми лет подряд и имел действующее разрешение на проживание, по крайней мере, три года) [24]. Однако новый закон препятствует двойному гражданству. Рожденные за границей германские граждане должны выбрать одну или другую национальность к двадцати трем годам. В случаях, когда отказ от негерманского гражданства невозможен или нежелателен, о двойном гражданстве можно попросить до двадцати одного года. Таким образом, новый закон о гражданстве отдает предпочтение германскому воспитанию в соответствии с нормами жизни данного общества в очередной попытке свести к минимуму большое количество «рожденных

за пределами Германии» германских граждан. Предполагая, что немцы желают принимать большие количества таких граждан, их способность платить за них и поддерживать объединенную германскую культуру в процессе остается большим вопросом, на который не найден ответ.

Восточная Германия

В 1950-е годы политическая стабильность и экономический успех Западной Германии превышали ожидания как союзников, так и немцев. В 1960-е и 1970-е студенческие протесты и терроризм среди беспрецедентной иностранной иммиграции угрожали потерей этого единства, свободы и процветания. Такое дурное предзнаменование сыграло значительную роль с том, чтобы сделать консервативное правление Гельмута Коля, продолжавшееся шестнадцать лет, самым долгим канцлерством после Бисмарка.

Эгалитарная Восточная Германия с самого начала воздвигла более крепкий защитный панцирь, установив правление одной партии в 1946 году. [Формально в ГДР действовала многопартийная система, как в Польше, Болгарии и еще нескольких соцстранах. Но в ГДР эта многопартийность сыграла важную роль на завершающем этапе в 1989-90 гг. – Прим. ред.] Это правление постоянно ужесточалось на протяжении 1950-х и 1960-х годов после прекращения существования пяти отдельных государств Восточной Германии, ее присоединения к странам Варшавского договора и СЭВ, строительства Стены, и введения придерживавшейся жесткой линии и ориентированной на Советский Союз конституции. Последняя усиливала статус Германской Демократической Республики,

как отдельной нации, по сравнению с Западной Германией [25]. Хотя там не устанавливалось никакой нацистской диктатуры, ГДР являлась полицейским государством с самого начала своего существования, со своей собственной службой безопасности – «Штази» – которую поддерживали советские солдаты. После 1960 года восточные немцы не могли свободно ездить на Запад и, таким образом, оказались привязаны к своей родине не только патриотизмом и свободным выбором, но также и кирпичными стенами и пулями. Это были отчаянные меры, предпринятые коммунистическим государством, опасающимся потерять свою жизненно важную рабочую силу и raison d'être [raison d'être (фр.) – разумное основание, смысл существования чего-либо] в пользу Запада [26].

В 1970-е годы, после двух с половиной десятилетий тоталитарного правления ГДР сделала шаг вперед к диалогу с Западом. Однако коммунисты сожалели на протяжении десятилетия о своей самой либеральной акции. В 1978 году Социалистическая единая партия Германии признала независимость протестантской церкви, позволив ей стать убежищем для протестующих и желающих реформ, таким образом, косвенно сделав первые шаги по направлению к объединению с Западом [27].

В отличие от внешних впечатлений, признание государством церкви не означало политики умиротворения или кооптации со стороны любой из сторон. Это был шаг, сделанный из глубин германской истории, когда обе стороны рисковали, получая что-либо взамен. Как многие восточногерманские интеллектуалы и писатели, протестантское духовенство также способствовало успеху собственной миссии, сотрудничая

с государством [28]. В 1971 году восточно-германский епископ Альбрехт Шенхерр, выступавший от имени Лиги протестантских церквей, говорил о восточногерманской церкви, уже тогда незаменимой в работе государственной системы соцобеспечения, как о готовой «работать скорее «против», чем «рядом» с социализмом» [29]. Таким образом, соглашение, достигнутое с государством, выполняло религиозные и политические цели, в которых были взаимно эгоистично заинтересованы обе стороны. Не означая политического плюрализма с Социалистической единой партией Германии, соглашение подтверждало важность и силу исторического сотрудничества между немецкой церковью и государством, восходящую к Средним векам. В попытке способствовать духовной миссии и облегчить ее в период даже более настоятельной необходимости политической поддержки, Лютер, столетиями ранее, объявил саксонское правление и христианское лечение душ независимыми задачами, но, тем не менее, имеющими одинаковую судьбу [30]. Современную версию этой мысли епископ Шенхерр высказал в 1971 году.

Сотрудничество церкви и государства являлось не единственной частью германского прошлого, от которой восточные немцы получили пользу для себя. В конце 1970-х годов исторические саксонские и прусские личности – Лютер, Фридрих Великий и Бисмарк – были широко известны [31]. На протяжении своей истории восточные немцы нашли ресурсы для придания собственному государству формы, отличной от советской и американской моделей. Обе Германии считали и ту, и другую имеющими недостатки. Советскую – за подавление индивидуальной свободы

и коллективизм. Американскую – за повышенный индивидуализм, материализм и социальный раздел. Классическое германское прошлое также предлагало альтернативу политической универсальности, которую тогда представляли новому поколению на Западе интеллектуалы леволиберального толка, советовавшие немцам воспринимать себя в европейских и глобальных терминах, а не как граждан частной нации-государства. Президент ФРГ Рихард фон Вайцзеккер хвалил жителей Восточной Германии за «более стабильное, серьезное и правдивое осознание германской истории», независимо от провалов коммунистической партии в «идеологизацию» [32].

Официальные лица Социалистической единой партии Германии эксплуатировали прошлое, пытаясь поддержать проваливающуюся политическую систему. Но многие восточные немцы, подсчитывающие утерянные свободы и пользующиеся первой возможностью, чтобы сбежать на Запад, считали, что подходящие ответы для личностной и национальной идентификации лежат как раз в прошлом. Тем, кто бежал, прошлое рассказывало историю о германских мужчинах и женщинах, которые от века к веку воплощали волю нации в сильных, действенных и убедительных акциях. В этом саксонцы второй половины двадцатого века имели что-то общее с саксонцами первой половины шестнадцатого. Тогда национальное движение за реформы также исследовало по большей части неизвестное германское прошлое в поисках говорящих примеров, вокруг которых церковь и государство могли бы объединить свои усилия.

Более позитивное восприятие своей истории восточными немцами резко контрастировало с воспри-

ятием выдающихся западногерманских интеллектуалов. Они считали прошлое только прелюдией современных ужасов – в особенности, в эпохи сильных правителей. Полагая, что прошлое запятнано и ни в чем не является авторитетным и поучительным, многие послевоенные германские историки, философы и писатели отмахивались от его политики, обществ и культуры точно также как делали мудрецы девятнадцатого столетия. Наиболее критичные слышали мольбу послевоенных канцлеров о нормальности, как звуки сирены рейха Бисмарка и Германии кайзера Вильгельма II [33].

ОБЪЕДИНЕНИЕ ГЕРМАНИИ, 1990 ГОД

Союз двух Германий и возвращение отправившихся в ссылку немцев из зарубежных земель сделало германскую идентификацию еще более важным вопросом. На протяжении двадцати восьми лет раздробленности, разделенные семьи продолжали надеяться на воссоединение. Соломинки, разожженные церковью, начали ровно гореть и направлять Восток к Западу в 1980-е годы. В обеих странах евангелистские и католические церкви продолжали проповедовать доктрины, привлекательные для людей – духовную свободу и равенство, вне светских ограничений марксизма-ленинизма и капитализма. Эти доктрины соответствовали как восточным коммунистическим, так и западным демократическим идеалам. В то же самое время Михаил Горбачев стал проводить в советском блоке программу гласности – свободы задавать вопросы, и перестройки – права на реформы. После согласия руководителя Восточной Германии Эриха Хоннекера

в 1987 году позволить своим гражданам совершать краткосрочные визиты на Запад без обычной бюрократической проволочки, движение в сторону Запада стало не остановить.

Как холодная война вызвала раздел Германии, так и ее завершение сделало возможным объединение [34]. При растущих затратах на гонку вооружений и провале демонстрационных коммунистических государств, у Советов не оставалось выбора, кроме разоружения. После того, как они вывели коллективистское государство за пределы здравого смысла и человеческих возможностей, страны Восточного блока стали деморализованными диктатурами. А их граждане отдалились как от своей работы и результатов труда, так и от своих правительств.

Первая трещина в «железном занавесе» появилась в 1989 году, когда новая демократическая Венгрия, оставленная на произвол судьбы Советским Союзом, открыла границу с Австрией. Вскоре дырявой стала и чешская граница. В Восточной Германии начали падать меньшие занавесы, несмотря на целостность Берлинской стены. Заново обнаруживая себя, Социал-демократическая партия Германии (ФРГ) бросила вызов Социалистической единой партии Германии (ГДР), и новое интеллектуальное лобби, «Новый Форум», потребовал политических перемен. Под знаменем «Мы – народ» прошли революционные протесты и марши, в особенности в Лейпциге летом 1989 года. Выступления стали слишком многочисленными и настойчивыми, чтобы их могло разогнать и сломить государство. Влиятельные граждане – среди них Курт Мазур, в то время – дирижер Лейпцигского оркестра «Гевандхауса» [«Гевандхаус» – музыкальный центр.

– Прим. перев.] – успешно советовали проводить разоружение, а не пускать танки. После подталкивания Горбачевым, Хоннекер подал в отставку 1 октября и, в конце концов, эмигрировал в Чили. В первую неделю ноября новое правительство Эгона Кренца признало право граждан свободно путешествовать в Западную Германию и даже обещало им демократические выборы. 9 ноября Берлинская стена была проломлена, и тысячи людей в тот день ходили взад и вперед. В следующие выходные это сделали 4 миллиона человек [35]. К новому году ГДР уже рушилась, и это заметил западногерманский коллега Кренца. В то время как события развивались за пределами чьих-либо ожиданий, Гельмут Коль оказался в состоянии соединить две Германии.

Немцы называли его выборы в 1982 году Machtwechsel, или «смена власти» – а именно с четырнадцатилетнего либерального правления Социал-демократической партии Германии и Свободной демократической партии Брандта и Шмидта на шестнадцатилетнее консервативное правление Христианско-демократического Союза и Христианско-социального Союза Коля, с центристско-либеральной помощью Свободной демократической партии. Коль придерживался своих обещаний нормальности и стабильности, данных во время кампании. После того, как происходящие события сделали объединение двух Германий практически осуществимым, он надел на себя ярмо и никогда не оглядывался, правильно прочитав то, что было на уме у большинства немцев, которые хотели немедленного объединения своей страны. Обещая восточным немцам зеленые пейзажи и заверяя западных, что это может быть сделано

с малой болью – ничто из обещаний не оказалось правдой – Коль бросил все силы на «объединение сейчас» [36].

Через несколько месяцев после падения Берлинской стены Коль выиграл выборы в марте 1990 года, пообещав немедленное объединение Германии. Социал-демократическая партия Германии говорила в своей кампании об осторожности, что привело ее к краху на выборах. Коль и его коллега из Христианско-демократического союза на Востоке, Лотар де Мезьер, практически сразу же начали переговоры об объединении. За Machtwechsel последовало die Wende, «падение Стены», когда две Германии объединились сами по себе, без присмотра и диктаторства союзников. Коль подсластил перспективы для восточных немцев, предложив обмен валюты один к одному первых четырех тысяч марок зарплат и пенсий (после этого курс выстраивался в зависимости от возраста и богатства). В то время как это было благодеянием для бумажников восточных немцев, восточногерманская промышленность оказалась неспособной составить конкуренцию своим западногерманским двойникам [37].

Немецкая сущность

Со времен Рима немцы боролись за определение себя, как народа. Сегодня граждане всех других европейских стран скорее не знают иностранных языков и не говорят на них, как немцы, – а если и говорят, то не так хорошо, как немцы. В таком поведении можно увидеть только волю к власти. Скорее, это рефлекс народа, которому на протяжении своей истории приходилось и который вынуждали демонстрировать свои

способности и достоинство сильным, недоверчивым и опасным соседям.

Между падением Рима и созданием Империй франков и саксов, немцы, которым бросался культурный вызов, принимали институты, языки, законы и обычаи более высокоразвитых греко-римского и иудейско-христианского миров, которым они служили и которые покоряли [38]. С тех пор немцы тщательно изучали другие народы. Сегодня они гораздо чаще отправляются за границу во время отдыха, чем представители какой-либо другой нации [39]. С самого начала география и история делали центральные германские земли перекрестком международной торговли и культуры, а таким образом, – и учебными аудиториями со многими неродными учителями. Во время и после Тридцатилетней войны и затем снова, при Наполеоне, немцы продемонстрировали способность принять и переработать иностранные модели. В обоих случаях размах иностранного завоевания и оккупации давал им основания сомневаться в продолжение их существования, политически и культурно, как народа. Во время обеих этих войн и во время восстановления, большие группы потерпевших поражение немцев жили на родных землях, подвергшихся реконфигурации иностранцами. Максимальное использование своего окружения стало немецким путем выживания и открытия себя.

Эта история особенно хорошо рассказана в истории германской музыки, где заимствующие немцы превзошли своих иностранных учителей. Начиная с гимнов Реформации, которые установили новую теологию как для старой религиозной, так и для новой популярной музыки, немцы стали пионерами во вклю-

чении в свое чужого музыкального искусства [40]. Во время периода барокко лучшие немецкие композиторы улучшали музыкальные заставки и песни других народов. Бах, Гендель и их австрийские коллеги – Гайдн и Моцарт – нарушали авторское право в случае итальянских опер. Бах находил дополнительные модели у французских мастеров, в то время как Гендель адаптировал оратории Англии, где жил. Некоторые из этих ораторий прославляли древних евреев [41].

Такое заимствование и использование культуры других не ограничивалось музыкой. Изучая старонемецкий язык и фольклор, Якоб и Вильгельм Гриммы сравнивали многие не-немецкие примеры. Якоб учился у Фридриха Карла фон Савиньи, вероятно, самого великого правоведа и историка права своего времени, который пытался постичь немецкую культуру через изучение права и сводов законов. Братья Гримм подобным образом рассматривали международную фольклорную литературу. Они писали Вальтеру Скотту и его коллегам в Ирландии, Англии, Норвегии, Дании, Чехии, Сербии и России. [42]. После французской оккупации многие немцы боялись, что становятся свидетелями конца своей культуры, по этой причине они утешались и вдохновлялись учениями Савиньи и братьев Гримм [43].

В девятнадцатом веке Рихард Вагнер, в тридцать лет ставший дирижером Дрезденского оперного театра, яростный сторонник событий 1848-49 годов, с гордостью нес провал революции на своей дирижерской палочке. Присоединившись к романтической реакции после поражения демократии, он смотрел внутрь в поисках высот, которые не смогла достичь политика. Поступая таким образом, он более мощно, чем какой-

либо другой музыкант девятнадцатого века, отражал новую критическую культуру, указывавшую путь к двадцатому столетию. С одной стороны, он боялся «иностранных интеллектуальных продуктов», как музыкальных, так и немузыкальных, считая, что они коррумпируют более чистого немца. Тем не менее, этот самый völkisch из германских композиторов стремился сделать иностранный талант всеобщим.

В тридцать семь лет он под псевдонимом написал небольшую работу, поднимая на смех «еврейство в музыке». В результате, после того, как было выяснено авторство, он подвергся публичной критике и даже остракизму [44]. Из этого он, очевидно, извлек урок. Через тридцать два года он пригласил немецкого еврея, маэстро Германа Леви, дирижировать на первом исполнении «Парсифаля» в 1882 году, дав музыкальному таланту запоздалый и, к сожалению, единственный приоритет над антисемитизмом нового века [45].

Бессознательно подготавливая путь для более темной стороны 1930-х годов, немецкие музыковеды девятнадцатого века упрямо продолжали поиск «немецкой сущности» в древности, пытаясь задокументировать специфическое для расы «нордическое чувство музыки». Этот поиск сфокусировался на древнем племени алеманнов и учитывал популярность лиры среди германских племен в целом, инструмента, который предполагает полифонию, что подразумевает музыкальную находчивость и изобретательность. Однако этот вывод был таким же ошибочным, как опасен был популярный расовый профиль. Классический стиль немецкой музыки кажется, скорее, происходящим от богемских корней, а не точных, определяемых германских [46].

В 1860-е годы поиск германской общности усилил размышления о германской идентификации. Среди запущенных в то время сетей ничья не выловила более разнообразного улова, чем у много путешествовавшего этнографа девятнадцатого века Богумила Гольца. Самоучка, изучавший мировые культуры, Гольц писал о самых разнообразных предметах – таких как естественный ход развития женского организма, гений Шекспира, немецкие пивные и малые египетские города. Это изучение обеспечивало контекст и контраст для исследования им черт немцев, которые он находил присутствующими как за пределами германских земель, так и вне девятнадцатого века [47]. Создавая модели «универсального народа», которым он считал немцев, Гольц не был единственным. Между семнадцатым и девятнадцатым столетиями немецкие ученые были среди основных мировых экспертов по Древней Греции и Риму – если не самыми выдающимися из них. И они посвящали еще больше внимания изучению современных себе французского, английского и американского обществ [48].

Гольц писал в десятилетие «Культуркампф» и национального единства. Он экстраполировал германскую индивидуальность от исторической роли Германии, как носителя греко-римской и иудейско-христианской культур в Европу. Соединяя точки, которые вели за Европу, он обнаружил космополитичный народ (Weltbürgerlichkeit), который одновременно знал слишком много и слишком мало о себе:

«Как человек стоит над всеми другими существами, немец привилегирован внутри человеческой расы, поскольку соединяет в себе характерные черты, та-

ланты и добродетели всех рас и наций... Мы... – космополиты, всемирный исторический народ... и по этой причине не можем шовинистически сгоняться в стадо и нас нельзя гнать как тупых животных... Мы - народ, в котором все другие народы и расы земли могут найти свои корни и кроны.

Мы такие же трудолюбивые, упорные и умелые, как китайцы, и нам свойственны... их почтение к родителям, старикам... и князьям, [также] их уважение к учению и прошлой истории...

В нашем учении и других занятиях мы проявляем еврейскую талмудическую тонкость, организационные навыки, настойчивость... и неразрушимость, [также] еврейские злословие, клевету, зависть и склочность в нашей частной жизни, тем не менее, без нанесения ущерба еврейской общительности, теплоте, сочувствию и нежным семейным чувствам...

Мы склонны одновременно к сепаратистско-гражданскому кастовому духу [Индии и] его крайней противоположности, бесформенной арабской сказочной фантазии и мечтательной мифической теософии древних индейцев...

Мы ждем примирения династической автократии и демократии, отсталости и движения вперед, педантичности и открытий, утонченности и первобытности, имманентности и трансцендентальности, центробежного и центростремительного, [старой] власти и [новых] идей, социализма и индивидуализма...

Если есть один народ, который от [ранних европейских] миграций до сегодняшнего дня освоил и сохранял мировую культуру при всех обстоятельствах, то это немцы. Римская история течет в немецких венах, потому что немцы ассимилировали римское право и

обычаи, а после этого поднялись на новый уровень христианством, которое позволило немецкому народу стать новой реальностью... [49]

[Таким образом] немец, который не может объединить собственную землю политически, и имеет такие трудности в понимании концепций нации-государства и равновесия власти с другими государствами, в то же самое время помогает основывать государства и города в далеких частях мира... И он делает это, потому что так легко идентифицируется с чертами каждого другого народа, одновременно не отказываясь от своих» [50].

В десятилетие, когда промывание мозгов новым германским государством было в моде, Гольцу приписали создание «самого длинного списка невероятных моделей» [51]. Однако целью его аргумента было вычленение германской индивидуальности из исторической амальгамы иудейско-христианской, греко-римской и древней, и средневековой германских культур, таким образом, поставив немцев в центр европейской и колониальной мировых культур. Классический немецкий дуализм появляется в сопоставлении немецких желаний и иронии – народ, который предполагает, что говорит за всех остальных, не может создать собственный длительный политический союз.

Представленный автором немец такой же самоуверенный и самонадеянный, как и выдающийся и исключительный. Тем не менее, этот «немец во всем» не был арийским суперменом. В десятилетие, когда антииудаизм, расовый профиль, социал-дарвинизм и философский нигилизм соединились, чтобы сделать антисемитизм именем собственным, сильные сторо-

ны и неудачи ни одного другого народа не оказались в большей мере в центре сложного и неоднозначного немца Гольца, чем сильные стороны и провалы евреев. В отличие от этого мифический сверхчеловек, который материализовался в дальнем конце левого крыла гегельянской критики [52], не смотрел ни назад, ни по сторонам, а только вперед – в одно будущее. «Сверхчеловек» выбирал не изучение человека, каким он был ранее, или присоединение к нему – такому как есть, – а оставление его позади.

Немецкая демократия

Учитывая ужасы двадцатого столетия, лишь немногие сегодня с готовностью думают о немцах, как зеркале человечности. Для многих Германия остается страной позднего, возможно полностью остановившегося политического и нравственного развития – не образцовый мировой народ, а особый сорт, по поводу которого миру всегда следует беспокоиться. Простое несогласие с американской внешней политикой в Ираке недавно привело к осуждению американцами, а также сомнениям и подозрениям, что немцы сами опять стремятся к мировому господству. На это немцы ответили той же монетой. Сочувствующие историки и известные немцы уже давно представили отсталого германца, для которого время под солнцем еще не пришло. С 1076 года, когда император Генрих IV наблюдал за тем, как германские князья и римская церковь разделяют его королевство, до 1930-х и 1940-х годов, когда национал-социализм оставил Германию в руинах, долгая история Германии казалась, по словам Джеффри Барраклоу «историей развития, которую обрезали, историей незавершенности и заторможенности» [53].

На фоне эйфории, сопровождавшей падение Стены и объединение двух Германий, предыдущие попытки создания объединенной и свободной Германии кажутся более пророческими, чем зачаточными. Тем не менее, то, что Федеративная Республика задним числом называет «краеугольными камнями [германской] демократии» [54], многие историки рассматривают амбивалентно, как и будущие перспективы Германии. Оглядываясь назад с 1989-90 годов, представляется, что Франкфуртское Национальное Собрание 1848-49 годов искало политику, более близкую и подходящую революционерам, чем разделенной земле, восстанавливающейся после французской оккупации и реакционной реставрации после освобождения. Когда в 1871 году немцы добились национального единства в первый раз, это было прусское решение – самое сильное германское государство силой построило в ряд более слабые. В 1918-19 годах Веймарская республика дала немцам истинную демократию, тем не менее, ее конституция была фатально неудачной, а ее руководители не могли заверить потерпевшую поражение и бедствующую нацию, что у нее есть жизнеспособное и практически осуществимое будущее [55].

В послевоенном Основном законе также учитывались более ранние прецеденты германской демократии. Он был навязан немцам военными губернаторами союзников в 1945 году, и немцы, опять же под покровительством союзников, временно ратифицировали его в 1949 году. Союзники диктовали демократию немцам в западных зонах точно также, как представители Советского Союза диктовали коммунизм в восточной. Истинно немецкая, собственная конституция страны появится только после объединения двух

Германий в 1990 году – достижения цели, которой, как заявлялось в Основном законе, собиралась следовать Западная Германия [56]. Этому эпохальному событию предшествовали пятьдесят два года национал-социализма и диктаторства Восточной Германии. Заново воссоединившись и став свободным, германский народ по собственной инициативе установил политику демократического правительства. Немцы сделали это сами и для себя. С новым, объединенным правительством Германия стала одной из самых молодых демократий в мире.

В годы строительства нации германский демократический эксперимент – это идущая работа, в чем и заключается трудность для друзей и врагов Германии. Объединение было могучим возрождением ранее потерпевшего поражение либерального национализма. Пока не появлялось зловещих знаков пангерманского утопизма, которые могут вернуть к жизни темное германское прошлое. Несмотря на близкие выборы и разногласия с союзниками, немцы повернулись внутрь, не разваливаясь на части и не бросаясь ни на кого. Сегодняшние промышленная и экономическая политика по всем признакам соответствуют демократическим требованиям [57]. Если смотреть на долгую историческую перспективу, Германия после 1990 года кажется на грани обеспечения того, что Джеффри Бараклоу назвал единственным устойчивым решением ее политических проблем: «ограниченная демократическая Германия внутри исторических границ» [58].

После объединения легко забывается, что более ранние германские попытки либеральной демократии не только проваливались, но проваливались жалко. В то время как новая германская политика дает все надеж-

ды на решение исторического вопроса политического разделения Германии и правления сильной личности, это всегда оказывалось очень долгим процессом и, до недавнего времени, по большей части подстегивалось извне. Когда прочная и неизменная старая Германия и порывистая и стремительная новая нация продолжают обстоятельно обсуждать и прорабатывать вопросы, можно только рассуждать о результате. Если посмотреть на долгую историю Германии, как на путеводитель, то эта страна, похоже, станет более крепкой демократией в сравнении с сегодняшней. На протяжении долгой истории немцы всегда ценили власть и порядок, как и свободу и равенство. Они были убеждены, что лучшая политика нуждается и в том и другом, она защищает и то, и другое.

Способность действовать коллективно – национальное единство, – и право действовать индивидуально – политическая репрезентативность – одинаково беспокоили немцев. Беспокоили, по крайней мере, с шестнадцатого столетия. Первое требовало самопожертвования и конформизма, второе позволяло самоутверждение и диссидентство. Исторически информированное, опытное германское государство, вероятно, будет больше ограничивать свободу, чем эгалитарные демократии Франции и США, которые вроде бы забыли, как дисциплинировать свободу, и, соответственно, утратили контроль над личностью. В эволюции Франции Руссо и Робеспьера, и Америки Джефферсона и Эмерсона индивидуальная свобода, кажется, стала правом самопоглощения, угрожая ответственности гражданина перед обществом и обязанности верующего перед Богом. Немцы не считают, что истинная свобода должна быть неаккуратной, или что

свободные люди имеют право выйти из-под контроля и стать неуправляемыми. Новая германская демократия, вероятно, будет терпеть более радикальное, но краткосрочное диссидентство и сопротивление государству. Ослабление власти и порядка стало большей проблемой для старых мировых демократий, чем расширение свободы и равенства. А новая германская демократия может предложить решение для современных болезней либерализма.

В свете германской истории нужно также спросить, может ли одна политика быть решением всех германских проблем? Этот вопрос выталкивается на поверхность очень успешным восстанием модернизма против старомодности во время социокультурных войн в Германии девятнадцатого столетия. Имперская Германия ограничивала борющуюся демократическую, сильная, разрушительная, леволиберальная интеллектуальная культура подрывала германское Просвещение. А оно, в отличие от французского, пыталось ввести тяжелые нравственные и религиозные уроки прошлого в современность. Ораторы той культуры с презрением относились к верованиям старой Германии (в особенности, знающие иудейско-христианское учение), и провозглашали новую эпоху, в которой личность обновит мир, свободный от каких-либо учений прошлого.

Огни освободительных движений двадцатого века с тех пор очищали мощные эгалитарные этносы, которые теперь процветают на большей части Запада, от остатков имперского правления девятнадцатого века, а также расизма и социал-дарвинизма. Однако радикальный индивидуализм, атеизм, элитизм и утопизм интеллектуального и культурного восстания того сто-

летия также дожили до двадцать первого века. Амбиции той революции, все еще сильные сегодня, являются такой же большой угрозой крепкой демократии, как и любое вероятное оживление фашизма [59]. Против того и другого лучшей защитой является старая и показавшая себя: факты и доказательства, скептицизм и здравый смысл, ясный ум и честность, смиренность и сила.

Страх перед немцами и немецкие страхи

С объединением Германий на горизонте, в выпуске журнала «Тайм» от 26 марта 1990 года в передовой статье спрашивалось: «Стоит ли миру беспокоиться?» Около 61 миллиона западных немцев, из самого большого государства Европы, объединялись с 17 миллионами восточных немцев, к которым постепенно добавятся неведомые количества немцев, разбросанных по всему миру. Несмотря на политические и культурные различия и поразительную стоимость, большинство комментаторов в то время представляли скорое появление политической и экономической могущественной группы. Тем не менее, за исключением Израиля и Польши, опрос общественного мнения показывал подавляющее одобрение объединения – даже в Советском Союзе, где война унесла 26 миллионов человек.

В заслугу Западной Германии «Тайм» отметил провал партий правого крыла после войны, которые не могли набрать необходимых 5% голосов, чтобы получить места в Бундестаге. Гельмут Коль отмечал, что большинство немцев, живущих в 1990 году, не родились в военные годы, и их нельзя винить за творившееся тогда. Во многом, как канцлер Герхард Шредер, он указывал тем, кто судит немцев, на позитивные акции

Германии после войны, немаловажной из которых была выплата 33 миллиардов долларов в виде военных репараций гражданам Израиля и другим евреям – эта сумма почти удвоилась к 2000 году и все еще растет [60].

Несмотря на эйфорию 1989-90 годов, Германия после объединения остается беспокойной и разделенной страной. Граждане Федеративной Республики несут груз наследия двадцатого века, которое никогда не будет полностью забыто, определенно не придерживаясь приводимых восточными немцами логических объяснений. Объявив нацизм вариантом капитализма, от которого политика ГДР была свободна, ГДР полностью отстранилась от преступлений Третьего рейха, на основании чего не платила репараций Израилю после войны, а до объединения лишь предложила извинения [61].

Кроме духовного и экономического груза войны и Холокоста, две стороны принесли в свой союз почти три десятилетия разнонаправленной политики и культуры, тяжелый багаж для повторного объединения. После исчезновения Берлинской стены осталась так называемая «стена в голове» [62]. Многим восточным немцам не хватало безопасности все обеспечивавшей ГДР, в особенности в плане работы, в то время как западные немцы негодовали из-за высокой стоимости спасения старого государства «Штази» и обустройства такого количества этнических немцев на своих землях. В 1989 году 370 000 восточных немцев перебрались в ФРГ; между 1990 и 1992 годами там поселилось более 1 миллиона. В отличие от них очень мало западных немцев переехали на Восток, но этот жалкий ручеек имел силу речного порога. Ведь

немалое их количество отправилось туда предъявить права и забирать назад собственность, конфискованную советским режимом после войны, или конвертировать государственную промышленность в западную рыночную экономику. Восточные немцы часто не желали этого и смотрели на происходящее, как на мародерство и грабеж после объединения [63].

Когда возбуждение от объединения спало, каждая сторона нашла причины для недовольства другой. В глазах западных немцев репрессивное восточногерманское государство, не взявшее на себя ответственности за национал-социализм, имело с ним гораздо большую политическую связь, чем демократический Запад. Учитывая послевоенные успехи, западные немцы, которые стали инструктировать своих восточных коллег по политическим и экономическим вопросам, принесли с собой дух морального превосходства. Восточные немцы называли их Besserwessis, или «всезнайками» [64]. Со своей стороны, восточные немцы считали себя более истинными антифашистами. Они гордились германским наследием с легкостью, которой не могли похвастать многие западные немцы. Сегодня леволибералы побуждают обе стороны превзойти свои национальные особенности и вести исторически анонимную и политически нейтральную жизнь европейцев и граждан мира.

Во время 1950-х и 1960-х годов леволиберальные германские ученые, общественные деятели и интеллектуалы продолжали раннюю денацификацию и прилагали усилия по переобучению, подвергая германскую историю и общество радикальной критике. Дети Фейербаха, Маркса и Ницше, эти германские критики интересовались не классическим германским про-

шлым, а людьми, способными начать все по-новому. С такими целями они в меньшей степени стремились к восстановлению и нахождению падшего Отечества, чем созданию нового германского государства, сильного в покаянии и падании ниц перед миром. Узко представляя германское прошлое, как протофашистское и неспособное просветить современный мир, они предприняли попытку скорее похоронить его.

Многие из самых суровых критиков выросли в военные годы, некоторые состояли в «Гитлерюгенд», в то время как другие недолго служили в Вермахте. Все считали, что жили на земле с «демократическим дефицитом» [65] и чувствовали за собой долг бросить вызов родителям, обвинив в военных преступлениях и ненормальностях в германской истории. Среди новых критиков выделялись философ и социальный теоретик Юрген Габермас и писатель и политический активист Гюнтер Грасс. В отличие от других известных левых, либеральных фигур, которые теперь, в мирное время служат германскому правительству, также готовые решать и военные вопросы в случае необходимости, – например, канцлер Герхард Шредер, бывший марксист, министр иностранных дел Йошка Фишер, бывший руководитель студенческих протестов и давний член партии зеленых, министр внутренних дел Отто Шили, со-основатель вместе с Петрой Келли партии «зеленых» и адвокат защиты для руководителей банды Баадера-Майнхоф – Габермас и Грасс сохранили свой юношеский идеализм и по-старому критикуют государство и в семьдесят лет [66].

Как ведущий интеллектуал марксистской франкфуртской школы, Габермас поддерживал философию «конституционного патриотизма», требуя абсолют-

ной лояльности по отношению к трансцендентальному политическому идеалу, который всегда трубит о настоящей государственности [67]. Те, кто обладает такими принципиальными знаниями и использует их, являются самыми истинными патриотами государства и правильно судят о его действиях от имени всех и во благо всем. Во многом действуя, как лютеранские проповедники шестнадцатого века, только в меньшей мере соглашаясь на компромиссы, эти современные критики ставили задачу возбудить и поднять общественность, когда бы правители ни переходили границы, определяемые когда-то божественным, а теперь строго гражданским мандатом на правление. Это был новый вид рожденных за пределами Германии немцев, это не те, кто принадлежал другому обществу, нации или правителю за пределами германского государства. Это самоназначенные наставники родных граждан с более ранней преданностью высшему нравственному императиву.

Грасс писал речи для Вилли Брандта в начале 1970-х годов и, как и он, стал лауреатом Нобелевской премии – в 1999 году, за работу, которая началась сорок лет раньше с «Жестяного барабана», яростного раскрытия нацистского сознания. Грасс также выступал против объединения Германии, как нового аншлюса [аншлюс – насильственное включение Австрии в состав фашистской Германии. – Прим. перев.], считая, что заново объединенная Германия вскоре поглотит Европу, как сделала после присоединения Австрии в марте 1938 года. Грасс хотел, чтобы Германия в виде епитимьи за военные преступления отказалась от нормальных амбиций государства: мощи, безопасности и богатства. Хорошая Германия останется разделенным,

децентрализованным, аполитичным государством, с более тусклым Востоком, играющим роль «контрапунктной страдающей нации» перед более ярким гедонистическим Западом [68].

Предлагаемое Грассом можно считать самым худшим историческим кошмаром Германии. Быть внутренне разделенным и внешне вызывающим негодование народом – это груз германской истории. Навязывание послевоенной Германии такой судьбы, как вопроса принципа, и надолго, – это самый опасный курс, который могла бы выбрать Германия, как для себя самой, так и мира в целом. Как и с более ранним консервативным поворотом правительства Аденауэра, колебания социал-демократов в вопросе объединения Германии помогли сделать Гельмута Коля дольше всего правившим канцлером Германии после Бисмарка. Одним из последних о крахе утопизма Грасса писал Марсель Рейх-Раники, критик и литературный редактор «Франфуртер Альгемайне». Его фотография появилась на обложке германского еженедельника «Дер Шпигель» в 1995 году, в котором он раскритиковал последнюю работу Грасса – исторический роман, действие в котором происходит в Берлине после объединения [69].

Поскольку сила Германии так велика и ее сотрудничество жизненно важно для Европы и мира, отступающая, сомневающаяся в себе Германия – это самый худший сценарий [70]. Сегодня ни взлетающие вверх стоимость объединения и иммиграции, ни стойкость «стены в голове» не останавливают Германию. Правительства канцлеров Коля и Шредера не только не уходят от новой ответственности в Европе и мире, наоборот они взяли на себя определенные обязатель-

ства на самых высоких европейском и международном уровнях [71]. Отказ Шредера поддерживать американскую внешнюю политику в Ираке не являлся ренегатством и не противоречил обязательствам. И уж, конечно, это не темный новый Sonderweg («особый путь»), как быстро предположили американские и германские критики. Независимо от того, была ли эта позиция сдерживания политически целесообразной или нет, но она являлась правильным действием для нормальной нации, и ее поддержало большинство немцев, знающих о собственном историческом опыте [72].

Тогда в чем заключается опасность для немцев и откуда она исходит? Современный немец – это пять человек в одном, трое из которых остаются нестираемо немцами, в то время как двое других – относительно новые экспериментальные сущности. Каждый развивался хронологически от другого, каждый превосходит другого по размаху, если не по привязанности и верности. Один – это житель города или деревни, самый основной немец. Сразу же за ним идет немец, являющийся гражданином одной из шестнадцати немецких земель. С 1871 года каждый немец также еще и гражданин объединенной германской нации, управляемой выборным межрегиональным парламентом. В более позднее время немцы стали частью транснационального Европейского Союза, выходящего за пределы родной, городской, государственной и национальной идентификации. Наконец, сегодня немцы – это глобальные личности, вездесущие и повсеместно встречающиеся из-за особенностей международной торговли, иммиграции и коммуникаций.

Несмотря на всю силу и привлекательность новых европейского и глобального образов, они не представляют угрозы для истинного немца. Этот труизм памятен по интервью с германским режиссером Роландом Эммерихом, который стал известен своим соотечественникам, как «король Голливуда» после режиссерской работы – американского кассового хита «День Независимости». Работая и перемещаясь между высокотехнологическими студиями Лос-Анджелеса и Людвигсбурга, он признался, что часто ничего не хотел больше, чем швабского национального кушанья Maultauschen, которое великолепно готовит его мать, – фаршированные макароны, которые напоминают пельмени [73].

Требовалось успокоить опасающийся немецкой силы мир, и Гельмут Коль объявил, что первая особенность Германии заключается в том, что она является европейской и глобальной державой. Однако Германия обладает несмываемой историей и судьбой нации-государства, которую нужно принимать, – как славные моменты, так и позорные, – если ей предстоит стать нормальной нацией. Попытки прикрыть национальную особенность европейской и глобальной угрожают снова разделить немцев и снова поднять угрозу захватчиков изнутри – старую, как германские племена, проблему, которую правительство Шредера, как кажется, восприняло более серьезно, чем правительство Коля [74].

Европа и мир лелеют как реалистичные, так и нереалистичные страхи перед немцами. Самый главный из первых – это германская возможность нарушить важные сегменты их экономики. Между 1998 и 2000 годами крупнейшие германские компании купили

крупные иностранные – «Фольксваген» приобрел «Роллс-Ройс Мотор Карс», «Дойче Банк» – «Банкерс Траст», Нью-Йорк, «Даймлер-Бенц» – корпорацию «Крайслер», а «Маннерсманн» – производителей сотовых телефонов в Великобритании и Италии. В то же самое время немцы угрожали взять под контроль Лондонскую фондовую биржу [75].

Большее беспокойство вызвала немецкая способность доминировать в Европейском Союзе. План канцлера Шредера 2001 года увеличить централизацию ЕС по германской федеральной модели, что усилило бы и парламентскую власть над членами-государствами, и дало бы увеличение прав последних, вызвал одобрение и радость англичан – и негодование французов. Поскольку Германия является самым густонаселенным и богатым членом ЕС и оплачивает непропорциональное количество его счетов, то предложение породило страхи о еще большем влиянии Германии [76].

Под этими страхами скрывается подозрение, что правительство Шредера не европоцентрично и не глобально, хотя Коль обещал, что Германия будет и европейской, и глобальной державой. Вместе с предложениями по частичной переделке ЕС, Шредер настаивал на признании миром Германии, как нормальной нации-государства. Под последним он имел в виду государство, которое может свободно следовать национальным интересам пропорционально своей силе, свободно быть эгоистичным и ошибаться. Этот вопрос являлся очень щекотливым, если вообще не запретным для Коля, которому требовалось подготовить скептически настроенный мир к объединению Германии. Если смотреть на иници-

ативы Шредера в целом, то они предлагают новый германский патриотизм, нацеленный не оставлять Германию погрязшей в трясине калечащего прошлого двадцатого столетия [77].

Кроме реалистичных страхов относительно экономической и политической мощи Германии внутри Европы, остается и нереалистичный: якобы немцы близки к антисемитизму и потенциально могут вернуться к нацизму, а поэтому миру требуется постоянно внимательно наблюдать за ними и оставаться начеку. Даже когда немцы спорят между собой, вопрос о «хорошем немце» быстро всплывает на поверхность. Оглядываясь назад и глядя вперед с провокационной роли Германии в годы, ведущие к Первой Мировой войне, историки двадцатого века тесно связали Германскую Империю с Третьим рейхом. В более позднее время это кажется несправедливой оценкой сложной, если и не славной Германской Империи. Точно также историк Эрнст Нольте вызвал жестокую «ссору историков» в 1980-е годы, поставив национал-социализм и Холокост внутрь более крупного, генетического образца фашизма и геноцида двадцатого века, предположив, что немецкий пример только отличается размахом. От Юргена Габермаса до колонки редактора «Нью-Йорк Таймс» – все заново подтверждали уникальность преступности нацистов, а Нольте проклинали за «обеление» нацистов [78].

Возрождение неонацизма было также продемонстрировано в феврале 2000 года, когда консервативная Австрийская партия свободы получила 27% голосов – пока самое большое количество голосов для западноевропейской послевоенной партии правого толка. Она заняла места в австрийском правительстве. Европейс-

кая и мировая реакция последовала незамедлительно. Впервые в истории Европейский Союз наложил санкции на одно из своих пятнадцати государств-членов, а «Нью-Йорк Таймс» за пять месяцев опубликовала три крупные предупредительные статьи в связи со случившимся.

История получилась громкая, потому что к победе Партию свободы привел человек по имени Йорг Гайдер, сын известных родителей-нацистов из того же района, что и Гитлер. Гайдер получил известность, как положительную, так и печальную, отказавшись безоговорочно ругать как германское, так и австрийское военное прошлое. Гайдер также настаивал, что хорошие немцы служили не только в Вермахте, но даже и в войсках СС. Этот красивый мужчина много путешествовал по миру и отполировал свой образ в Калифорнии и Гарвардской бизнес-школе. Гайдер критиковал все возрастающий приток иностранных рабочих в Австрию и выступил против выплат Австрией репараций Израилю. Эта позиция обеспечила ему поддержку большого количества «синих воротничков» и молодежи [79]. Критики также обвиняли его в неонацизме, что является преступлением в Австрии, но оказались проигравшей стороной во время судебных процессов. 80% австрийцев выступили против санкций ЕС, и меньшие государства-члены также стали протестовать против тяжелой руки «большого брата». ЕС снял санкции с Австрии через семь месяцев [80].

Несмотря на выкручивание рук в то время, главный урок дела Гайдера – это не карт-бланш неонацизму в большем германском мире и не моральная трусость Европейского Союза. Это нежелание в то время Австрии и других европейских государств подчинять

национальную политику новому брюссельскому коллективу – чувство, одновременно предсказуемое по истории и совместимое с развивающимися демократиями.

Тем же летом 2000 года, когда ЕС вел дебаты по поводу снятия санкций с Австрии, канцлер Шредер отреагировал на патетически маленький, но вызвавший большое беспокойство взрыв неонацистского насилия в Восточной Германии. Он ездил по городам, в которых проживает большое количество иностранных рабочих и успешно действуют крайне правые партии, и пытался напомнить их гражданам, кто такие истинные немцы. В Эггесине и Вольфен-Норде он предложил слушателям «крепче ухватиться за свою судьбу... и выступать за слабых, старых и иностранцев». Его правительство последовательно демонстрировало намерение положить конец насилию скинхедов, предложив щедрые вознаграждения для участников, желающих покинуть банды: до 45 000 долларов на человека – включая наличные, новое имя и работу, переезд на новое место и юридическую помощь [81].

После объединения двух Германий, правительство вело дела, всячески демонстрируя добрую волю. Оно предпринимало усилия, чтобы сделать более широкую европейскую индивидуальность вторым «я» немца. Несмотря на повторяющиеся угрозы жизни министра финансов Германии, надежная и любимая марка уступила евро [82]. Хотя немцы удерживают львиную долю власти внутри ЕС сегодня, действия Федеративной Республики не оставляют сомнений, что цель Германии – быть активным партнером, а не командной силой над ЕС [83]. Германия также продолжает выплачивать репарации Израилю, и это было назва-

но «покаянием в большом масштабе» [84]. Во время визита Вилли Брандта на мемориал в Варшавское гетто и более поздний визит Шредера в Берлинский еврейский музей, германское правительство буквально падало на колени, выступая национальным примером сочувствия. Бывший президент ФРГ Рихард фон Вайцзеккер убеждал послевоенные поколения принять коллективную ответственность за Холокост и продолжать помнить о нем [85].

Сегодняшние немцы также испытывают реалистичные и нереалистичные страхи перед миром вокруг себя. Немецкий журнал «Виртшафт Вохе», деловой еженедельник, 22 ноября 1999 года поместил на обложке рисунок, на котором восстанавливалось вторжение в Нормандию. На нем изображались иностранцы, деловые мужчины и женщины, которые неслись на берег под заголовком: «Вторжение! Атака на общество согласия». Таким образом, новый захватчик Германии, мировая экономика, угрожает разделить и покорить сказочно интегрированную сеть правительства, банков, промышленности и трудовых ресурсов, которые поддерживают современную Германию.

Издатели имели в виду два недавних примера. Первым был экономический обвал и вынужденное спасение правительством ведущей строительной компании Германии, которая существует уже 150 лет – «Филипп Гольцман А.Г.» Второй – это предложение британской компании «Водафон Эйр Тач», желающей заполучить контрольный пакет акций в германском гиганте «Маннесман А.Г.», занимающемся связью. «Гольцман» была плохо управляемой компанией и брала много кредитов. Германские банки ранее выкупили ее, но потом бросили рыночным силам. Когда прави-

тельство Шредера, наконец, пришло ей на помощь, треск «общества согласия» уже слышался по всей Германии. Это заставило одного германского комментатора снова пожаловаться о «варварах среди нас» [86]. Еще одно потрясение тщательно интегрированной германской экономики произошло, когда правительство не смогло сплотить германские интересы за потерпевшим банкротство медиа-гигантом «КирхГруп», возможная выдача которого иностранным конгломератам угрожала дальнейшим огрублением германской культуры [87].

Американская экономическая модель тоже в некотором роде преследует немцев. В то время как немцы любят американскую свободу и процветание, они ненавидят «ментальность магазина «24 часа», хаос неограниченного рынка, огромную разницу между зарплатой руководства и рабочих и [несдерживаемую] иммиграцию» [88]. Однако эти американские пороки, в особенности последний, кажутся неуклонно идущими в сторону Германии вместе с глобальной экономикой.

Канарейка в шахте

Дает ли долгая история Германии какие-либо ключи к ее будущему курсу? Сегодняшние обозреватели внимательно следят за германской реакцией на все возрастающее количество иностранных Gastarbeiter и воздействие часто дерзкой мировой экономики. Также уделяется внимание растущему раздражению немцев из-за усилий американцев (в особенности – американских евреев) удержать Третий рейх и Холокост на первом плане немецкой истории [89]. Леволиберальная критика изнутри не меньше топчет германскую

историю, скептически относясь к германской демократии и выражая беспокойство по поводу будущих перспектив. Несмотря на полвека продолжающихся беспрецедентных репараций, отзывчивое демократическое правительство и образцовую работу внутри европейского и международного сообщества, немцы все еще остаются латентными варварами, антисемитами и фашистами в непрощающих умах многих [90].

Недавно открылся новый фронт репараций в еще одной области преступлений национал-социалистов: рабский труд, еврейский и нееврейский, который использовал германский бизнес в военное время. В декабре 1999 года германское правительство согласилось выплатить 5,2 миллиарда долларов, чтобы урегулировать претензии к трем международным немецким компаниям («Сименс», «Даймлер-Крайслер» и «BASF»). Правительство и деловые круги разделили сумму пополам. В мае 2000 года под сильным международным юридическим давлением австрийское правительство создало фонд в 395 миллионов долларов для выплат по подобным искам. Поскольку прошло более половины столетия, груз этих новых репараций упал на рабочих и акционеров, иностранных и немецких с австрийскими, которые во время преступлений еще не родились или были слишком малы, чтобы их совершать [91]. Позднее начались судебные процессы против американского правительства и международных корпораций США («Дженерал Электрик», «Чейз Манхэттен Банк» – теперь «Дж. Р. Морган-Чейз» – и «IBM») в связи с соучастием в действиях или бездействии во время Второй Мировой войны. Это включает продажу «IBM» калькуляторов, использовавшихся для управления концентрационными лагерями, и про-

вал американского и британского высшего командования, не разбомбившего железные дороги, ведущие к лагерям смерти [92].

Такие попытки вытрясти деньги были осуждены по всему миру как еврейскими, так и нееврейскими критиками. Тем не менее, компании, которым предъявляются иски, предпочитают лучше заплатить, чем столкнуться с угрозой негативной рекламы и оправдательного судебного решения [93]. Как считает американский журналист Холман Дженкинс, требуемые суммы выплачиваются «в подчинении политическому консенсусу в том, что расплата за нацистские преступления необходима для облегчения принятия в мире немецкой силы» [94]. Таким образом, изначально невовлеченные правительства и поколения, живущие более чем полвека спустя после преступлений, когда большая часть фактических преступников давно мертва, вынуждены играть роль козлов отпущения ради нормальности, которой страстно хочет Германия [95].

Сегодня в германской шахте поет канарейка, заверяя всех, что шахта сейчас безопасна. Остановить эту песню может послевоенная критика, в особенности резко возросшая в 1960-е годы и нацеленная сделать национал-социализм и Холокост, с сопровождающими их чувством вины и репарациями, концом книги германской истории. Немцы не могут жить, как нетехнологический, сельский народ (так хотели бы «зеленые») – и им не следует так жить. Они также не могут быть обществом, постоянно искупающим вину, как требуют литературные и философские сторонники утопии [96]. Исторически немцев преследовал страх стать ковриком для вытирания ног других наций, и

невиновным настоящему и будущему поколениям немцев не следует строить нормальное государство на чувстве вины и несении наказания. Да они и не могут так поступать. Однако если такая точка зрения когда-либо зажжет искру в Германии, а новое поколение немцев попытается создать демократическую республику, больше всего славящуюся власяницей и пеплом, то в результате вполне могут получиться боль и страдания немцев и мира, равные прошлым. Нормальная государственность, статус нации – вот лучшая надежда Германии на будущее.

Канарейка также, скорее всего, продолжит петь, показывая, что все в порядке, если немцы, которые выучили урок Фауста, заполнят шахту. У Гете Фауст хотел удовлетворить ненасытное желание власти, что привело его к личной трагедии. Однако в более поздний период жизни он пришел к принятию человеческих ограничений и в результате нашел внутренний мир в свободно выбираемой, анонимной службе соседям, которых не знал [97]. История Германии, включая кровавое двадцатое столетие, – это также история подобных дел. С 1952 года, когда Конрад Аденауэр и Давид бен-Гурион достигли первого соглашения о репарациях, Германия тихо помогала новому государству Израиль, став, после американцев, его самым верным торговым партнером и самым надежным военным союзником – источником, например, его подводного флота. В то время как некоторые немцы считают себя целями того, что репортер «Нью-Йорк Таймс» Роджер Кохен назвал «американской «индустрией Холокоста»», немецко-израильская дружба остается прочной [98]. И, несмотря на новые тяготы, повлиявшие на отношения из-за продолжения премьер-ми-

нистром Ариэлем Шароном палестино-израильского конфликта, маловероятно, что какая-либо из сторон когда-либо снова будет думать о другой, как о незаконной или, что еще менее вероятно, – как о враге.

В немецких и иностранных газетах регулярно появляются в сообщения о фаустианских превращениях отдельных немцев. Один такой рассказ посвящен бывшей осужденной террористке Силке Майер-Витт, которая в 1977 году участвовала в похищении и убийстве Ганса-Мартина Шлейера, президента ассоциации «Немецкие предприниматели». В настоящее время мисс Майер-Витт – социальный работник и занимается терапией с пострадавшими в Косово. Когда она выступала перед прихожанами лютеранской церкви в Бонне в 2001 году, ее спросили, почему ее «юношеский идеализм» привел ее к терроризму. Она ответила, что «разочарование в [моей] идеологии» требовало больше от германского общества, чем оно могло разумно дать, и она осталась с циничной верой в то, что ничто из деяний человека не имеет значения и не будет играть роли. «Не думаю, что позволю этому случиться еще раз», – сказала она собравшимся и пришла к риторическому выводу: «Что еще я могу сделать?» [99] Такое «штопание и латание» социальной ткани (фраза принадлежит Мартину Лютеру и таким образом он суммирует социальную этику) имеет много прецедентов в германской истории.

Сегодня Германия – это самое густонаселенное государство в Западной Европе, и в 2000 году там также проживало больше всего иммигрантов – 7 миллионов. Эта цифра все увеличивается. Наблюдая за ростом количества иммигрантов, немцы дали ясно понять, что они не хотят стать, как это мягко выразил Роджер

Кохен, «многокультурной единицей Европейского Союза». Но, с другой стороны, этого также не хотят и другие нации-члены ЕС [100]. Не удивительно, что кажущийся уклон Германии в подобную сторону вызвал протесты правых. Говоря о потенциальной склонности к неонацистским идеям небольшого яростного меньшинства, министр иностранных дел Фишер выразил собственные страхи перед «пассивной ксенофобией» и возродившейся в Восточной Германии группой «Красная Армия» [101].

Однако такое скромное фашистское насилие – всего чуть выше ста человек были убиты во время «ксенофобских атак» между 1990 и 2000 годами – кажется наименее возможной реакцией, которой следует ожидать германскому правительству в конце холодной войны. А значит, это хорошая новость для самой Германии, так и для живущих за ее пределами [102]. Более показательным фактом новой иммигрантской Германии являются не мелкие проявления ксенофобии, о которых плачется Фишер. Важнее честная выплата Федеративной Республикой 450 долларов в месяц каждому иммигранту, обеспечение питанием, местом для проживания, образованием, медицинским (включая стоматологическое) обслуживанием, пока этот иммигрант не имеет работы [103].

Это явные знаки чрезвычайной щедрости послевоенного государства социального обеспечения, как для своих граждан, так и для иностранцев. Правда, его основы дрожат под аккумулированным весом того, что называется эгалитаризмом. Немецкие зарплаты и налоги, если и не являются самыми высокими в мире, то находятся в их числе. Они угрожают как жизнеспособности компаний, так и защищенности работни-

ков. Им приходится отдавать до 70% общего дохода на государственные пенсии, страховку и налоги [104]. Хорошие немцы сегодня разрушаются не военными преступлениями и чувством вины за содеянное в войне, а своей собственной послевоенной щедростью и попытками создать справедливое общество. Из нравственных соображений отказавшись позволить своей стране стать расколотой державой имущих и неимущих, как США, немцы кажутся неспособными отпустить осаждаемое общество согласия и рога изобилия, которого добились путем принуждения. Но если последнее будет продолжаться, то следует найти новые пути установления свободы и равного распределения, чтобы меньшее все еще казалось таким же, если не может стать большим. Эту цель предлагает история, и она находится вполне в рамках способностей немцев.

Примечания

Введение. В поисках хорошего немца.

1. Около 18,3 миллионов человек заявляют о немецких корнях.

См.: «You Told Us: Ancestry»: www.census.gov./population/socdemo/ancestry/German.txt.

2. См. ниже, гл. 11.

3. Cf. Richard J. Evans, In Hitler's Shadow: West German Historians and the Attempts to Escape From the Nazi Past (New York, 1989), pp. 11-40, esp. 114-115.

4. Фраза принадлежит Рольфу Дарендорфу. См. гл. 1.

5. Georg G. Iggers, New Directions in European Historiography (Middletown, Conn., 1975), pp. 93-94, 96-98; Jan-Werner Müller, Another Country (New Haven, 2000), chap. 1; Isabel V. Hull, The Entourage of Kaiser Wilhelm II, 1888-1918 (Cambridge, 1982), pp. 1-3; Leonard Krieger, «German History in the Grand Manner» (review of Gorden A. Craig, James J. Sheeham, Fritz Stern, and Hans-Ulrich Wehler), American Historical Review 84 (1079): pp. 1007-1017; Трехтомное сочинение Велера на 2300 страницах: Deutsche Gesellschaftsgeschichte, 1: Vom Feudalismus des Alten Reiches bis zur defensiven Modernisierung der Reformära, 1700-1815; 2: Von der Reformära bis zur industriellen und politischen 'Deutschen Doppelrevolution', 1815-1845/49 (Munich, 1987);

3: Von der 'Deutschen Doppelrevolution' bis zum Beginn des Ersten Weltkrieges, 1849-1914 (Munich, 1995).

Следующие тома посвящены истории до 1949 года.

6. Gordon A. Craig, The Germans (New York, 1982), p. 22.

7. David Blackbourn, The Long Nineteenth Century: A History of Germany, 1780-1918 (Oxford, 1998), p. 275.

8. Edward R. Brandt et al., Germanic Genealogy: A Guide to Worldwide Sources and Migration Patterns (St.Paul, 1995), pp. 137-171; John A. Hawgood, The Tragedy of German-America: The Germans in the U.S.A. During the Nineteenth Century and After (New York, 1940), pp. 57-58. См. также Mark Walker, Germany and the Emigration, 1816-1885 (Cambridge, Mass., 1964) и Anne Galicich, The German Americans (New York, 1996), pp.13-17.

9. F.W. Bogen, The German in America (Boston, 1851), pp. 39-41, 57.

10. Richard J. Evans, «Whatever Became of the Sonderweg?» in Rereading German History: From Unification to Reunification, 1800-1996 (London, 1997), pp. 12-14; Krieger, «German History in the Grand Manner»; James Van Horn Melton, review of Wehler's Deusche Gesellschaftsgeschichte, 1-2, American Historical Review 95 (1990): 189-190.

11. Элей защищает «роль буржуазии в истории современной Германии» и не считает ее такой униженной; Блакбурн говорит о расширение «прав собственнности и усилении конкуренции, правлении закона, появлении филантропии», как «значительных достижениях, доходящих до программы... которая создала... новый тип общественного человека». David Blackbourn and Geoff Eley, The Peculiarities of German History: Bourgeois Society and Politics in Nineteenth-Century Germany (Oxford, 1984), pp. 13, 164.

12. Harold James, A German Identity, 1770-1990 (New York, 1989), p. 212. См. ниже, гл. 11.

13. См. статьи для «The Continuity Debate», in James F. Harris, ed., German-American Interrelations: Heritage and

Challenge (Tubingen, 1985), pp. 55-94; James J. Sheehan, ed., Imperial Germany (New York, 1976); Richard J. Evans, ed., Society and Politics in Wilhelmine Germany (London, 1978).

14. Cf. Charles S. Maier, «German War, German Peace», in Mary Fulbrook, ed., Germany Since 1800 (London, 1997), pp. 539-555; cf. Evans, In Hitler's Shadow, pp. 104-107.

Прокладывая путь к 1933 году, крупный бизнес и капитализм девятнадцатого века также показали себя менее сложными и запутанными, чем заставляет думать историков теория марксизма. Основными работами по изучению вопроса являются: Henry A. Turner, Jr., German Big Business and the Rise of Hitler (New York, 1985); Jeffrey Diefendorf, Businessmen and Politics in the Rhineland (Princeton, 1980); Rolf Dahrendorf, Society and Democracy in Germany (London, 1968).

Также правительство Империи под руководством Бисмарка и императора Вильгельма I не показали себя протофашистской могущественной группой, как утверждают многие историки. Вполне реальные опасения, вызванные политикой других стран, и конкуренция в борьбе за колонии сыграли такую же большую роль в принятии решений в Германской империи, как и противоречивая внутренняя политика, и угрозы восстания. Представители исторической критики подчеркивают внутреннюю политику («структуры власти», «деформации социальной структуры») и непрерывность имперской и национал-социалистической внешней политики. Эта точка зрения в частности основывается на разработках Фрица Фишера, представленных в Fritz Fischer, Griff nach der Weltmacht (Düsseldorf, 1961; English ed., 1967) и Krieg der Illusionen (Düsseldorf, 1969; English ed., 1975). See Hull, Kaiser Wilhelm II, p. 1.

15. Evans, «Nipperdey's Nineteenth Century», in Rereading German History, pp. 23-43. Nipperdey's volumes: Deutsche Geschichte, 1800-1866 (Munich, 1983 [English, 1996]); Deutsche Geschichte, 1866-1918 I: Arbeitswelt und

Bürgergeist (Munich, 1990); Deutsche Geschichte, 1866-1918, II: Machtstaat vor der Demokratie (Munich, 1992).

16. Nipperdey, «1933 und die Kontinuität der deutschen Geschichte», in Nachdenken über die deutsche Geschichte: Essays (Munich, 1987), pp. 186-205, esp. 168; Thomas A. Brady, Jr., Turning Swiss: Cities and Empire, 1450-1550 (Cambridge, 1985), chap. 7; Peter Blickle, Gemeindereformation: Die Menschen des 16, Jahrhunderts auf dem Weg zum Heil (Munich, 1985).

17. Nipperdey, «1933», p. 200.

18. Evans, «Nipperdey's Nineteenth Century», pp. 28-31. Эванс считает Ниппердея меньшим злом среди «консервативных» германских историков, тем не менее, уделяет ему больше внимания в своей историографической ретроспективе, чем главному злодею либералов Эрнсту Нольте (грубо говоря, двадцать страниц против двух). Последней зажег искру самой жестокой «ссоры историков» в конце 1980-х годов, когда попытался подойти к нацистским преступлениям, как характерным для определенного народа. Тот факт, что Эванс уделяет столько внимания Ниппердею, означает, что по данному вопросу следует считаться с мнением этого историка. «Beyond the Historikerstreit», in Rereading German History, pp. 221-222; см. ниже гл. 12, прим. 84. По так называемому Historikerstreit (историческому спору), cf. Charles S. Maier, The Unmasterable Past (Cambridge, Mass., 1989).

19. Evans, «Nipperdey's Nineteenth Century», pp. 35, 41.

20. Так Эванс говорит о Велере, «After Reunification», in ibid., p. 238.

21. Мнение других современных германских историков по этому щекотливому вопросу представлены в: cf. Tim Mason, «Intention and Explanation: A Current Controversy About the Interpretation of National Socialism», in Mason, Nazism, Fascism, and the Working Class (Cambridge, 1995), pp. 212-230.

22. Ian Kershaw, The Nazi Dictatorship: Problems and Perspectives of Interpretation (London, 2000), pp. 185-87.

23. Назван в честь графа Клауса фон Штауффенберга, который поместил бомбу у ног Гитлера.

24. См. главу 10.

25. Kershaw, Nazi Dictatorship, pp. 188-189.

26. Facts About Germany: The Federal Republic of Germany 50 Years On (Frankfurt-am-Main, 1999), pp. 90-137.

27. Hagen Schulze, Germany: A New History, trans. D.L. Schneider (Cambridge, Mass., 1998), p. 202.

28. Она запрещала президенту отменять личные права и свободы, а также обеспечивала организованный и четкий переход власти от одного правительства к другому, определенно поставив Германию на демократический путь. Facts, pp. iv-xxiii.

29. Ibid., pp. v, xxiv-viii.

30. См. главу 12.

31. Ibid.

32. Cf. Blackbourn and Eley, Peculiarities, pp. 55-59.

Глава 1. Варварский комплекс. Римско-германские отношения в древности.

1. Однако не самими «германцами». «Член германского племени, когда его или ее спрашивали о принадлежности к племени, ответил бы «ломбард», «вандал», «фриз» или «гот», – но не «германец»». Malcolm Todd, The Early Germans (Oxford, 1992), pp. 9-10. О задокументированных свидетельствах появления германских племен между Рейном и Лаурой см. Todd, «The Germanic Peoples», in The Cambridge Ancient History, vol. 13: The Late Empire, A.D. 337-425, ed. Averil Cameron et al. (Cambridge, 1998), pp. 464-471. Краткий современный обзор см. Clifford R. Backman's «Early Germanic Society», in his The Worlds of Medieval Europe (Oxford, 2003), pp. 48-68.

2. Lester K. Little and Barbara H. Rosenwein, «The Fate of Rome's Western Provinces», in Lester K. Little & Barbara H.

Rosenwein, eds., Debating the Middle Ages: Issues and Readings (Oxford, 1998), pp. 8-10; Walter Goffart, «The Barbarians in Late Antiquity and How They Were Accommodated in the West», in ibid., pp. 26, 38, 40.

3. Похоже, этнические особенности и самобытность были менее устойчивыми среди гуннов, алеманнов и славян. Patrick J. Geary, «Barbarians and Ethnicity» in Glen W. Bowersock et al., eds. Interpreting Late Antiquity: Essays on the Postclassical World (Cambridge, Mass., 2001), pp. 108-109. «Готы, вандалы, франки и даже гунны не были врагами Римской Империи, они являлись ее (изначально внешними) членами и федератами, и их атаки в большей мере оказывались вытеснением, чем вторжением». Walter Pohl, «Conceptions of Ethnicity in Early Medieval Studies», in Little and Rosenwein, eds., Debating the Middle Ages, p. 18. См. также Susan Reynolds, «Our Forefathers? Tribes, Peoples, and Nations in the Historiography of the Age of Migration», in Alexander C. Murray, ed., After Rome's Fall: Narrators and Sources of Early Medieval History: Essays Presented to Walter Goffart (Toronto, 1998), pp. 17-36, esp. 26. Также по этой теме см. комментарии James J. Sheehan, "What Is German History? Reflections on the Role of the 'Nation' in German History and Historiography», Journal of Modern History 53 (1981): p. 4.

4. Todd, Early Germans, pp. 47-49.

5. Geary, «Barbarians and Ethnicity», p. 112; E.A. Thompson, The Early Germans (Oxford, 1965), pp. 1-16, 29-41.

6. «Опустошения и разорение, вызванные набегами варваров в Империю, бледнели в сравнении с опустошениями и бойней, устраиваемыми римскими армиями, задействованными в походах через Рейн и Дунай». Geary, «Barbarians and Ethnicity», p. 114.

7. См. изучение осваиваемых территорий C.R. Whittaker, Frontiers of the Roman Empire (Baltimore, 1994) and Benjamin H. Isaac, The Limits of Empire: The Roman Army in the East (Oxford, 1990).

8. Tacitus, The Agricola and the Germania, trans. H. Mattingly and S.A. Handford (London, 1970), pp. 113-114.

9. Thompson, Early Germans, pp. 48, 53-60; Todd, Early Germans, pp. 32-33.

10. Thompson, The Early Germans, pp. 18, 21-24, 28, 73-74, 79, 92-95; Todd, Early Germans, pp. 88, 90, 95, 100.

11. Geary, «Barbarians and Ethnicity», p. 110.

12. Между современными Бифельдом и Оснабрюком (земля Северный Рейн – Вестфалия).

13. Произведение Тацита было обнаружено в 1451 году и опубликовано в Венеции (1470 г.) и Нюрнберге (1473 г.) перед тем, как появиться в новом издании собрания сочинений Тацита (Рим, 1515). Итальянские комментарии 1458 года к «Германии», переведенные на немецкий язык в 1526 году, усилили интерес немцев к произведению. Todd, Early Germans, pp. 52, 256; Gerald Strauss, ed., Manifestations of Discontent in Germany on the Eve of the Reformation (Bloomington, Ind., 1971), pp. 75-81. О развеивании мифа см. Facts, p. 90.

14. Thompson, Early Germans, pp. 73-85; Todd, Early Germans, pp. 84-86.

15. Tacitus, The Germania, pp. 102, 106, 108, 113, 116-118, 121, 132, 140.

16. Ibid., pp. 110-114, 119-120.

17. Ibid., p. 125.

18. Thompson, Early Germans, p. 104.

19. Когда варвары смотрели на Империю, то видели «дом великого короля [императора]... неисчерпаемое богатство и... могущественного... вероломного союзника»; во всех своих делах с Империей готы не получили «ни мира, ни равенства». Geary, «Barbarians and Ethnicity», pp. 110-120.

20. Herwig Wolfram, The Roman Empire and its Germanic Peoples, trans. Thomas Dunlap (Berkeley, 1997), pp. 56-67.

21. Tacitus, The Germania, p. 104; Thompson, The Early Germans, pp. 63-66.

22. Arthur Ferrill, The Fall of The Roman Empire (New York, 1986), p. 26.

23. Todd, The Early Germans, pp. 53-57.

24. Geary, «Barbarians and Ethnicity», p. 115; Brent D. Shaw, «War and Violence», in Bowersock, ed., Interpreting Late Antiquity, pp. 135-136.

25. Ferrill, Fall of Rome, pp. 31-32, 41-43, 45-49; Shaw, «War and Violence», pp. 150-151.

26. Ferrill, Fall of Rome, pp. 59-60.

27. Цитируется по Wolfram, The Roman Empire and Its Germanic Peoples, pp. 83-84; см. также Todd, Early Germans, p. 153.

28. Jordenes, History of the Goths, in Patrick Geary, ed. Readings in Medieval History (Peterborough, Ontario, 1997), chaps. 26-27, p. 89.

29. В то время как Брент Шоу признает «значительную пропорцию» варваров (в особенности франков), занимавших посты в высшем командовании римской армии к концу четвертого столетия, он спорит, – очевидно, с Ферриллом, – что северные варвары вошли в Рим по приглашению, а не как завоеватели, а поэтому не происходило никакой «варваризации» римской армии. Таким образом, правильнее будет сказать, как, похоже, делает Шоу, что римская армия не была силой захвачена варварами изнутри, а достойные союзники-федераты сделали это извне: «Не было ни одного отдельного предводителя такой крупномасштабной этнической силы, от Алариха до Атиллы, которого бы не приглашали в Империю для военной службы». Brent Shaw, «War and Violence», pp. 151-152. Однако это не умаляет подъем варваров внутри и над римской армией.

30. Ferrill, Fall of Rome, pp. 60-61; Wolfram, Germanic Peoples, pp. 84-85; Jordenes, History of the Goths, chap. 16, p. 89.

31. Ferrill, Fall of Rome, pp. 80-85; Todd, Early Germans, p. 60 («В конце четвертого столетия становится трудно оп-

ределить, кто из занимавших самые высокие посты в армии определенно не был германцем»); Wolfram, Germanic Peoples, pp. 85-88; Shaw, «War and Violence», p. 151.

32. Wolfram, Germanic Peoples, p. 66; Ferrill, Fall of Rome, pp. 71-72; Todd, Early Germans, pp. 59-61.

33. О том, что последовало см. Jordenes, History of the Goths, chaps. 29-31, pp. 90-92.

34. На Марии в 400 году, а после ее смерти – на Фермантии в 408 году.

35. Ferrill, Fall of Rome, pp. 86-89; Wolfram, Germanic Peoples, pp. 89-90.

36. «Если кто-то оскорблял его самого или его народ, он становился варваром, который вскакивал на ноги и приказывал отправляться в поход на Рим». Wolfram, Germanic Peoples, p. 100. О готско-римских отношениях во времена Алариха и сразу же после его смерти см. R.C. Blockley, «The Dynasty of Theodosius», in Cameron, ed., Cambridge Ancient History, 13, pp. 118-132, и Peter Heather, «Goths and Huns, c. 320-425», in ibid., pp. 488-515.

37. Ferrill, Fall of Rome, pp. 71-75; Wolfram, Germanic Peoples, pp. 91-92.

38. Ferrill, Fall of Rome, pp. 75, 92, 95-97; Wolfram, Germanic Peoples, pp. 93-95.

39. Ferrill, Fall of Rome, pp. 99-101; Wolfram, Germanic Peoples, pp. 97-98.

40. Ferrill, Fall of Rome, p. 103.

41. Blockley, «Dynasty of Theodosius», p. 126.

42. Ferrill, Fall of Rome, p. 103-104, 113, 121; Todd, Early Germans, pp. 158-159; Wolfram, Germanic Peoples, pp. 98-99. Йорденес утверждает, что Атаульф захватил Галлию во время четвертого разграбления города после смерти Алариха и унаследования Атаульфом королевского сана. History of the Goths, chap. 31, p. 91.

43. Ferrill, Fall of Rome, pp. 113, 119, 121.

44. Jordenes, History of the Goths, chap. 31, p. 91.

45. Ibid.

46. Ibid., pp. 71-75, 122; Todd, Early Germans, pp. 160-161; Wolfram, Germanic Peoples, pp. 146-147; Blockley, «The Dynasty of Theodosius», pp. 131-132.

47. Цитируется по Ferrill, Fall of Rome, pp. 121-122. См. Dictionary of the Middle Ages, Joseph Strayer, ed., vol. 9 (New York, 1987), p. 281, и Walter Goffart's magnum opus, Barbarians and Romans, 418-584: The Techniques of Accommodation (Princeton, 1980).

Глава 2. От Меровингов до Гогенштауфенов. Германское правление в Средние века.

1. «Великой силой франкского синтеза было создание внутри римского мира объединенного общества, которое использовало, без возникновения каких-либо противоречий, как римские, так и варварские традиции». Patrick Geary, «Barbarians and Ethnicity», p. 125.

2. Richard E. Sullivan, «The Carolingian Age: Reflections on Its Place in the History of the Middle Ages», Speculem 64 (1989): pp. 281-297.

3. Pierre Riché, The Carolingians: A Family Who Forged Europe, trans. M.I. Allen (Philadelphia, 1993), pp. xviii, 4. О социополитической эволюции в тот период см. M.I. Innes, Social Processes and the State: The Middle Rhine Valley from the Merovingians to the Ottonians, 400-1000 (Cambridge, 2000).

4. Николя Фререль в 1714 году. Edward James, The Franks (Oxford, 1988), p. 239.

5. Ibid., pp. 235-243; cf. René Goscinny and Albert Underzo, Astérix et les Goths (Neuilly-sur-Seine, 1973).

6. George Holmes, The Oxford History of Medieval Europe (Oxford, 1988), pp. 65-66; James, The Franks, pp. 65-70.

7. History of the Franks, trans. E. Brehaut (New York, 1969), bk. 2, nos. 29-31, pp. 38-41.

8. James, The Franks, pp. 80-84, 86-90.

9. Ibid., pp. 163-168, 189-191.

10. Robert S. Hoyt and Stanley Chodorow, Europe in the Middle Ages (New York, 1976), pp. 69-72.

11. Gregory of Tours, History of the Franks, bk. 2, no 38, p. 47; Michael McCormick, «Clovic at Tours, Byzantine Public Ritual and the Origins of Medieval Ruler Symbolism», in E.K. Chrysos and A. Schwarcz, eds., Das Reich und die Barbaren (Vienna, 1989), pp. 157-158, 166-167; James, The Franks, pp. 84-87.

12. Pierre Riché, The Carolingians, pp. 34-39, 44-49.

13. Paul Fouracre, «Frankish Gaul to 814», in The New Cambridge Medieval History, vol. 2, c. 700 - c. 900. ed. Rosamond McKitterick (Cambridge, 1995), pp. 102-103.

14. Munz, Life in the Age of Charlemagne (New York, 1971), pp. 40-55; Riché, The Carolingians, p. 135; Dieter Hägermann, Karl der Grosse: Herrscher des Abendlandes (Munich, 2000), p. 634.

15. Munz, Age of Charlemagne, pp. 55, 90; Riché, The Carolingians, p. 132, 135; Hägermann, Karl der Grosse, pp. 682-85; Rosamond McKitterick, ed., Carolingian Culture: Emulation and Innovation (Cambridge, 1994).

16. Hägermann, Karl der Grosse, pp. 445-448.

17. Munz, Age of Charlemagne, pp. 116-131, 150; Williston Walker, A History of the Christian Church (New York, 1959), p. 189; Riché, The Carolingians, pp. 117-118.

18. Riché, The Carolingians, pp. 119, 199-200.

19. Ibid., pp. 121-123.

20. Munz, Age of Charlemagne, pp. 56-57; Riche, The Carolingians, pp. 125-129.

21. Fouracre, «Frankish Gaul to 814», pp. 107-108.

22. Paula Fichtner, Protestantism and Primogeniture in Early Modern Germany (New Haven, 1989).

23. James, The Franks, pp. 91, 169. О женщинах королевской крови из Меровингов, Каролингов, Оттоманской империи и салических франков см. Edith Ennen, Frauen im Mittelalter (Munich, 1994), pp. 49-74.

24. Людовик установил наследование, «прямо позаимствовав невведенную в действие процедуру, которую Карл Великий придумал в 806 году». Janet L.Nelson, «The Frankish Kingdoms, 814-98: The West», in McKitterick, ed. New Cambridge Medieval History, vol. 2, p. 112.

25. Riché, The Carolingians, pp. 146-147; Janet L. Nelson, «The Last Years of Loius the Pious», in Peter Godman and Roger Collins, eds., Charlemagne's Heir: New Perspectives on the Reign of Louis the Pious (814-840) (Oxford, 1990), pp. 147-161.

26. В дальнейшем младший сын Людовика от Эрменгард, Людовик Баварский, женился на младшей сестре Юдифи, Эмме, еще улучшив политическую судьбу семьи Вельфов внутри династии Каролингов. См. ниже.

27. Riché, The Carolingians, pp. 149-150; Elizabeth Ward, «Caesar's Wife: the Career of the Empress Judith, 819-29», in Godman et al., eds., Charlemagne's Heir, pp. 207-208.

28. Ward, «Caesar's Wife», pp. 213-214.

29. Nelson, «The Frankish Kingdoms», p. 117.

30. Riché, The Carolingians, pp. 150-158; Nelson, «The Frankish Kingdoms», p. 118; Johannes Fried, «The Frankish Kingdoms, 817-911: The East and Middle Kingdoms», McKitterick, ed., New Cambridge Medieval History, vol. 2, pp. 142-145.

31. Riché, The Carolingians, pp. 160-169.

32. Nelson, «The Frankish Kingdoms», pp. 118-119, 124.

33. Geoffrey Barraclough, The Origins of Modern Germany (New York, 1963), pp. 46-47; Nelson, «The Frankish Kingdoms», pp. 121, 136. Франкское разделение Западной Европы создало геополитические границы, которые существенно не менялись до конца Второй Мировой войны. После 1945 года разделенная Германия стала центральным «королевством» Западной Европы, за которое боролись новые и более великие восточные и западные «королевства»: Совесткий Союз и Соединеные Штаты Америки со своими союзниками.

34. Hajo Holborn, A History of Modern Germany, vol. 1: The Reformation (New York, 1961), pp. 27-28; Facts, p. 91.

35. Barraclough, Origins, pp. 14-25.

36. Ibid., pp. 27-30, 41.

37. Ibid., pp. 47-48, 53-58, 63.

38. Hoyt and Chodorow, Europe in the Middle Ages, p. 673.

39. Barraclough, Origins, pp. 77-79; Hoyt and Chodorow, Europe in the Middle Ages, p. 275.

40. Церковь заявляла, что император Константин даровал ей «провинции, дворцы и районы города Рима и Италии, а также районы Запада». См. Henry Bettenson, ed. Documents of the Christian Church (New York, 1961), pp. 141-142.

41. Barraclough, Origins, pp. 85-90.

42. Ibid., pp. 35-36, 41-42; Brian Tierney, ed., The Crisis of Church & State 1050-1300 (Toronto, 1996), pp. 33-44.

43. Barraclough, Origins, pp. 97, 103, 106; Tierney, Crisis, pp. 45-52.

44. Tierney, Crisis, pp. 53-73; см. главу 7.

45. Barraclough, Origins, pp. 109-110, 125.

46. Ibid., pp. 128, 131-133.

47. «Фантастическая карта германского партикуляризма и неограниченного суверенитета князей». Ibid., p. 153.

48. Hoyt and Chodorow, p. 673; Tierney, Crisis, pp. 46, 49, 100, 105.

49. Barraclough, Origins, pp. 169-171; Barraclough, «Frederick Barbarossa and the Twelfth Century», in History in a Changing World (Oxford, 1955), pp. 73-96.

50. Barraclough, Origins, pp. 176-177.

51. Norman Cohn, The Pursuit of the Millennium (New York, 1961), p. 103. Более положительную оценку дает David Abulafia, Frederick II: A Medieval Emperor (London, 1988).

52. Barraclough, Origins, pp. 180-186, 188-190; Hoyt and Chodorow, Europe, pp. 354-364.

53. Barraclough, Origins, pp. 196-201, 188-190; Hoyt and Chodorow, Europe, pp. 462-463.

54. Barraclough, Origins, pp. 204-211, 188-190; Hoyt and Chodorow, Europe, pp. 463-469.

55. Barraclough, Origins, p. 214.

56. Ibid., pp. 219-224. Сравните прусского короля Фридриха Великого, еще одного героического немца, которого сформировала другая культура и который любил эту другую культуру (французскую) больше, чем родную немецкую. См. главу 5.

57. Ibid., pp. 236-237.

58. Ibid., pp. 227-233, 240.

59. Hoyt and Chodorow, Europe, pp. 623-625.

Глава 3. Человек и Бог. Германия в эпоху Возрождения и Реформации.

1. Герцог Саксонский, маркграф Бранденбургский, король Богемии и граф курфюршества Пфальц, а также архиепископы Кельна, Майнца и Трира.

2. Karl-Heinz Blaschke, Sachsen im Zeitalter der Reformation (Gütersloh, 1970); Steven Ozment, The Reformation in the Cities (New Haven, 1975), pp. 125-129, 143-145; Bernd Moeller, «Imperial Cities and the Reformation», in Imperial Cities and the Reformation: Three Essays, trans. M. Edwards and H.C. Erik Midelfort (Philadelphia, 1972), p. 9.

3. Blaschke, Sachsen, p. 74.

4. Heinrich Schmidt, Die deutschen Städtechroniken als Spiegel des bürgerlichen Selbstverstandnisses im Spätmittelalter (Gottingen, 1958), pp. 34-37, 69-72, 77; Blaschke, Sachsen, pp. 34, 49-55, 72.

5. Willy Andreas, «Die Kulturbedeutung der deutschen Reichsstadt zu Ausgang des Mittelalters», Deutsche Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte 6 (1928): pp. 62-113; Moeller, «Imperial Cities», pp. 9, 13-15, 17; Mack Walker, German Home Towns, 1648-1871 (Ithaca, 1971), chap. 4.

6. Gerald Strauss, Law, Resistence, and the State: The Opposi-

tion to Roman Law in Reformation Germany (Princeton, 1986), pp. 65, 80, 150.

7. Andreas, «Die Kulturbedeutung», pp. 55-56.

8. Gerhard Pfeiffer, «Das Verhältnis von politischer und kirchlicher Gemeneinde in den deutschen Reichsstädten» in Staat und Kirche im Wandel der Jahrhunderte, ed. W.P. Fuchs, (Stuttgart, 1966), p. 85; Peter Blickle, Communal Reformation, trans. Thomas Dunlap (Leiden, 1998), chap. 5; Steven Ozment, Protestants: The Birth of a Revolution (New York, 1992), chap 6.

9. Moeller, «Imperial Cities», pp. 35-38; Heinz Schilling, «Die Reformation in Deutschland», in Hans-Ulrich Wehler, Scheideweg der deutschen Geschichte. Von der Reformation bis zur Wende, 1517-1989 (Nördlingen, 1995), pp. 15-27, esp. 20.

10. Ernst Borkowsky, Das Leben Friedrichs des Weisen. Kurfürsten zu Sachsen (Jeba, 1929), p. 33.

11. Claus Grimm et al., Lucas Cranach. Ein Maler-Unternehmer aus Franken (Regensburg, 1994), pp. 309-313, 320-321; Cranach und Picasso, Ausstellung, Nürnberg, 22. Sept. - 20. Okt., 1968, ed. Albrecht-Durer-Gesellshaft (Nuremberg, 1968).

12. Borkowsky, Leben Friedrichs, pp. 6, 38. Об ограниченности Фридриха, как «принца Возрождения»: Bernd Stephan, «Kulturpolitische Massnahmen des Kurfürsten Friedrich III., des Weisen, von Sachsen», Lutherjahrbuch 49 (1982): pp. 50-95, esp. 61-65.

13. Borkowsky, Leben Friedrichs, pp. 39-40, 44-46; Bernd Stephan, Kurfürst Friedrich III der Weise», in Rolf Straubel et al., Kaiser König Kardinal. Deutsche Fürsten 1500-1800 (Leipzig, 1991), p. 31; Jane C. Hutchison, Albrecht Dürer: A Biography (Princeton, 1990), 65-66, 69-70; Charles Nauert, Humanism and the Culture of Renaissance Europe (Cambridge, 1995), pp. 110-111; Georg Spalatin, Friedrichs des Weisen Leben und Zeitgeschichte von Georg Spalatin, in Georg Spalatins historischer Nachlass und Briefe, vol. 1 (Jeba, 1951), p. 28.

14. Это была святая, к которой обратился Лютер, жутко напуганный грозой по дороге в Эрфурт. Он обещал уйти в монастырь, если она сохранит ему жизнь.

15. Borkowsky, Leben Friedrichs, pp. 56-57; Ozment, Reformation in the Cities, p. 139.

16. Borkowsky, Leben Friedrichs, pp. 62, 71-72; Spalatin, Friedrichs Leben, pp. 28-30, 50; Stephan, «Kulturpolitische Massnahmen», p. 70.

17. Bernd Stephan, Kurfürst Friedrich, pp. 26-27; «Kulturpolitische Massnahmen», pp. 57-59.

18. Spalatin, Friedrichs Leben, pp. 58-59.

19. Borkowsky, Leben Friedrichs, pp. 18-20. Об эпизоде в целом cf. Spalatin, Friedrichs Leben, pp. 40-41, 57-59; Heiko A. Oberman, Luther: Man Between God and the Devil, trans. E. Walliser-Schwarzbart (New York, 1992), pp. 24-34.

20. «Beschwerlich genug gewest und wehe gethan... also soll umzogen warden». Spalatin, Friedrichs Leben, pp. 61-62.

21. Stephan, «Kulturpolitische Massnahmen», pp. 89, 95; Stephan, Kurfürst Friedrich, pp. 33-34. Об отношении к Лютеру и угрозах ему: Borkowsky, Leben Friedrichs, pp. 64-65; Oberman, Luther, pp. 246-247, 299-300.

22. Stephan, Kurfürst Friedrich, p. 33.

23. Ibid., pp. 33-34; Steven Ozment, Mysticism and Dissent (New Haven, 1978), pp. 79-97.

24. Borkowsky, Leben Friedrichs, pp. 66-67, 76; Spalatin, Friedrichs Leben, pp. 29-30; Stephan, Kurfürst Friedrich, p. 34.

25. Spalatin, Friedrichs Leben, pp. 64, 68; Heinrich Bornkamm, Luther in Mid-Career (Philadelphia, 1983), pp. 376-77.

26. Borkowsky, Leben Friedrichs, pp.75-77, 76; Spalatin, Friedrichs Leben, pp. 42-43.

27. Spalatin, Friedrichs Leben, pp. 69-75.

28. «Albertus Durer Noricus» означает «Альбрехт Дюрер из Норика», провинции, расположенной между Альпами и Дунаем – не итальянец, а немец.

29. В честь монаха-августинца Иоганна Штаупица, первого декана Университета Виттенберга, а также наставника и доверенного лица Лютера; Лютер занял его пост на факультете библейской теологии в 1512 году.

30. Среди его членов был секретарь городского совета Лазарий Шпенглер, городские казначеи Иероним Эбнер и Антон Тухер; адвокат городского совета и дипломат Кристоф Шейрль; Андреас и Мартин Тухер, вдадельцы одной из крупнейших торговых компаний того времени; и Якоб Велсер, управляющий из Нюрнберга расположенной в Аугсбурге банковской империи Велсера. Hutchinson, Albrecht Dürer, p. 123; Oberman, Luther, p. 136; Lewis W. Spitz, The Religious Renaissance of the German Humanists (Cambridge, Mass. 1963), pp. 155-196; Steven Ozment, Flesh and Spirit: Family Life in Early Modern Germany (New York, 1999), chaps. 2 (Christoph Scheurl) and 4 (Sebald Welser).

31. «Если Бог поможет мне добраться до доктора Мартина Лютера, то я со всей тщательностью напишу его портрет и помещу его в медную рамку на долгую память». Hutchinson, Dürer, pp. 124-125; Martin Warnke, Cranachs Luther. Entwürfe für eine Image (Frankfurt-am-Main, 1984), p. 15. О подобных настоятельных просьбах Дюрера к Эразму защитить Лютера см. Joseph L. Koerner, The Moment of Self-Portraiture in German Renaissance Art (Chicago, 1993), p. 76.

32. Warnke, Cranachs Luther, pp. 15-20.

33. В дальнейшем, в 1525 году Кранах был свидетелем на бракосочетании Лютера с Екатериной фон Бора; в 1526 году он стал крестным отцом первенца Лютера, Иоганна.

34. Andreas Tacke, Der katholische Cranach (Mainz, 1992), pp. 9-15.

35. Strauss, Manifestations of Discontent, pp. 52-63; Ozment, Protestants, pp. 11ff.

36. Критикуя Роберта Скрибнера, Варнке называет это «die Angst der Obrigkeit vor der vollen Entfaltung der Wahrheit». Warnke, Cranachs Luther, p. 65.

37. Новый портрет Лютера так отличался от первой работы Кранаха, что его авторство оспаривалось даже в 1900 году. Warnke, Cranachs Luther, pp. 27-29; R.W. Scribner, For the Sake of the Simple Folk: Popular Propaganda for the German Reformation (Cambridge, 1981), p. 16.

38. Warnke, Cranachs Luther, p. 65.

39. Scribner, For the Sake of Simple Folk, pp. 14-34.

40. Strauss, Manifestations, pp. 3-34, 64-82, 196-207; Harold J. Berman, and John Witte, Jr., «The Transformation of Western Legal Philosophy in Lutheran Germany», Southern California Law Review 62 (1989): pp. 1575-1660; John Witte, Jr., «The Civic Seminary: Sources of Modern Public Education in the Lutheran Reformation of Germany», Journal of Law and Religion 12 (1995-96): pp. 173-223.

41. Luther's Works vol. 31, ed. H.G. Grimm (Philadelphia, 1957), p. 76; Ozment, Mysticism and Dissent, pp. 18-19.

42. «The Freedom of a Christian», Luther's Works, 31, p. 344.

43. Das Buch der göttlichen Tröstung, in Deutsche Mystiker des 14. Jahrhunderts, vol. 2: Meister Eckhart, ed. Franz Pfeiffer (Leipzig, 1875), p. 431; Steven Ozment, «Eckhart and Luther: German Mysticism and Protestantism», The Thomist 42 (1978): pp. 259-280.

44. Koerner, Moment of Self-Portraiture, pp. 40, 42, 122.

45. Кернер называет портрет 1502-03 годов «кризисом нарциссизма», физическая красота портрета 1500 года вернулась, чтобы преследовать художника. Moment of Self-Portraiture, pp. 251-253, 268, 495, n. 44; Peter Parshall, «Albrecht Dürer and the Axis of Meaning», Allen Memorial Art Museum Bulletin 50 (1997): p. 20. О прецедентах средневековой традиции momento mori/ars moriendi см. Alberto Tenenti, «Death in History» и Donald Weinstein, «The Art of Dying Well and Popular Piety in the Preaching and Thought of Girolamo Savonarola», in Life and Death in Fifteenth-Century Florence, ed. M. Tetel et al. (Durham, N.C. 1889), pp. 88-104,

and James M. Clark, The Dance of Death in the Middle Ages and the Renaissance (Glasgow, 1950), pp. 1-4, 22-24, 106-110.

46. Luther's Works, 31, pp. 3-34.

47. Об университете см. E.G. Schweibert, Luther and His Times (St.Louis, 1950), pp. 221-253.

48. «The Freedom of a Christian», pp. 347, 351; Ozment, «Luther and Late Medieval Theology», in R.M. Kingdon, ed., Transition and Revolution: Problems and Issues of European Renaissance and Reformation History (Minneapolis, 1974), pp. 109-151.

49. Iacobi Hoochstrati Disputationes contra Lutheranos, in Bibliotheca reformatoria Neerlandica, vol. 3, ed. F. Pijper (The Hague, 1905), pp. 609-610.

50. См. главу 7. О различных взглядах Лютера на «сумасшествие» см. H.C. Erik Midelfort, A History of Madness in Sixteenth-Century Germany (Stanford, 1999), pp. 80-100.

51. Steven Ozment, The Age of Reform, 1250-1550 (New Haven, 1981), pp. 269-270.

52. «Das eine christliche Versammlung oder Gemeinde Recht und Macht habe, all Lehre zu urteilen», ed. Otto Clemen, Luthers Werke in Auswahl, vol. 2 (Berlin, 1959): pp. 395-396; Ozment, Protestants, pp. 135-136.

53. Karl Holl, «Luther und das landesherrliche Kirchenregiment», in Gesammelte Aufsätze zur Kirchengeschichte, vol. 1 (Tübingen, 1923), pp. 361-369; Ozment, Protestants, pp. 91, 136.

54. «On Temporal Authority: To What Extent Should It Be Obeyed?» Luther's Works, vol. 31, pp. 77-130; Ozment, Protestants, chap. 7.

55. Herbert Wolf, «Pioneer of Modern German», in Thomas Nipperdey, Martin Luther and the Formation of the Germans (Bonn, 1983), pp. 30-31. «The Awful German Language» («Ужасный немецкий язык») – это название эссе Марка Твена, которое цитируется в главе под тем же названием у Craig, The Germans, pp. 310-311.

56. Wolf, «Pioneer», pp. 26-28.

57. Tischreden, ed. Otto Clement, Luthers Werke in Auswahl, vol. 8 (Berlin, 1950): p. 223, no. 4081 (1538).

58. «To the Councilmen of All Cities in Germany That They Establish and Maintain Christian Schools», Luther's Works, 45, ed. W.I. Brandt (Philadelphia, 1962), p. 368.

59. Ibid., p. 370.

60. Ibid., pp. 368-370.

61. Ibid., pp. 376-377.

62. Dr. Martin Luther's Large Catechism (Minneapolis, 1935), pp. 35-36. О последствиях отчетов для реформаторов см. cf. Gerald Strauss, Luther's House of Learning: Indoctrination of the Young in the German Reformation (Baltimore, 1978), chap. 12.

63. Large Catechism, p. 42.

64. «Крипто-теологическая основа» по словам Томаса Ниппердея. См. «The Protestant Unrest: Luther and the Culture of Germans», in Thomas Nipperdey, Martin Luther and the Formation of the Germans (Bonn, 1983), pp. 8-14, 20.

65. Nipperdey, «The Protestant Unrest», pp. 14, 16.

66. Blaschke, Sachsen, pp. 56-68; cf. Robert Jutte, Poverty and Deviance in Early Modern Europe (Cambridge, 1994).

67. О ситуации в Виттенберге (1522) и Лейсниге (1523) см. Carter Lindberg, The European Reformations (Oxford, 1996), pp. 114, 118-120, 122-123; а также Lindberg, Beyond Charity: Reformation Initiatives for the Poor (Minneapolis, 1993).

68. Heide Wunder, «Er ist die Sonn, 'sie is der Mond»: Frauen in der Fruhen Neuzeit (Munich, 1992), pp. 59-63; Steven Ozment, Ancestors: The Loving Family in Old Europe (Cambridge, Mass., 2001), pp. 34-38.

69. Steven Ozment, When Fathers Ruled: Family Life in Reformation Europe (Cambridge, Mass., 1983), pp. 3-9; John Witte, Jr., From Sacrament to Contract: Marriage, Religion, and Law in the Western Tradition (Louisville, 1997), pp. 42-73.

70. Ozment, When Fathers Ruled, p. 45.

71. Ibid., p. 46.

72. Ibid., pp. 63, 90-93, 96-98.

73. «That Jesus Christ Was Born a Jew», Luther's Works, vol. 45, ed. W.I. Brandt (Philadelphia, 1962), pp. 195-230; Scott Hendrix, «Toleration of the Jews in the German Reformation: Urbanus Rhegius and Braunschweig (1535-1540)», Archiv für Reformationgeschichte 81 (1990): pp. 189-215. О реакции евреев на Реформацию: Hraim Hillel Ben-Sasson, «Protestent-Jewish Relations», Diogenes 61 (1968): pp. 32-51; «The Jews vs the Reformation»: Proceedings of the Isreal National Academy of Sciences 4 (1971): 99 652-713; and «Jewish-Christian Disputations in the Setting of Humanism and Reformation in the German Empire», Harvard Theological Review 59 (1966): pp. 369-390. О социальном включении евреев в девятнадцатом столетии см. главу 7.

74. «Against the Sabbatarians» (1538), Luther's Works, vol. 47, ed. F. Scherman (Philadelphia, 1971), pp. 59-62; Mark U. Edwards, Jr., Luther's Last Battles, 1531-46 (Ithaca, 1983), pp. 125-126. Нет данных по количеству христиан, участвовавших в такой филоеврейских деятельности.

75. «On the Jews and Their Lies», Luther's Works, vol. 47, p. 137.

76. Ibid., pp. 166-67, 192.

77. «On the Jews and Their Lies», pp. 166-167, 192, 254, 260; О католиках, ругавших мать Лютера, Ian Siggins, Luther and His Mother (Philadelphia, 1981). О Корее см. п. 19.

78. «On the Jews», pp. 140, 144, 255, 259.

79. Ibid., pp. 141, 147-48, 175, 218, 226-227.

80. Ibid., p. 215.

81. Ibid., pp. 269-276, 288.

82. Ibid., p. 135; «Against the Sabbatarians», ibid., pp. 61-62; Hendrix, «Toleration of the Jews», pp. 201-202. О Йоселе из Рошейма cf. Selma Stern, Josel of Rosheim, Commander of Jewry in the Holy Roman Empire of the German Nation (Philadelphia, 1965).

83. Johannes Wallmann, «Reception of Luther's Writings on the Jews from the Reformation to the End of the Nineteenth Century», Lutheran Quarterly I, (1978): pp. 75-78.

84. Heiko A. Oberman, «Three Sixteen-Century Attitudes Toward the Jews», in Heiko A. Oberman, The Impact of the Reformation (Grand Rapids, 1994), p. 115.

85. «Лютер был антиеврейски настроен... но не антисемитом и не расистом какого-либо толка, потому что... для него принявший христианство еврей [был] истинным христианином... Не раса, а вера в закон, в добрые дела делает евреев». Oberman, «Nazi Conscription», in ibid. pp. 69-78.

86. См. главу 8.

87. Wallmann, «Reception of Luther's Writings on the Jews», p. 135.

88. Oberman, «Three Attitudes», pp. 106-109: а также введение издателя, «On the Jews», pp. 126, 132-134; «On the Lies of the Jews», pp. 126, 132-133.

89. См. главу 11.

90. Volker Press, «Germany Between Religion and Revolution», In James F. Harris, ed., German-American Interrelations: Heritage and Challenge (Tübingen, 1985), pp. 67-78; Craig, The Germans, pp. 85-86.

91. См. дискуссию в Ozment, Ancestors, pp. 31-32. Об изменении ситуации для женщин см. Lyndal Roper, The Holy Household: Religion, Morals, and Order in Reformation Europe (Oxford, 1989), chap. 7.

92. Ozment, Age of Reform, pp. 281-284.

93. Peter Blickle, The Revolution of 1525, trans. Thomas Dunlap (Munich, 1975), pp. 155-161, 183-185; Brady, Turning Swiss, chap. 5; and Strauss, Law, Resistance, and the State, pp. 268-271. Противоположный взгляд, Ozment, Protestants, pp. 118-148.

94. См. Вступление.

95. Karl Lüdecke, «Lucas Cranach in seiner Zeit», in Lucas Cranach. Der Künstler und seine Zeit (Berlin, 1953), pp. 104-108, 116-120; Ernst Ullmann, «Lucas Cranach der Aeltere,

Bürger und Hofmaler», Lucas Cranach, Kunstler and seine Gesellschaft, ed., Cranach-Komitee der DDR, (Wittenberg, 1973), pp. 59-61.

96. Братья Бартель и Себальд Бегам и Георг Пенц.

97. Hutchinson, Albrecht Dürer, pp. 181-182, 200-204.

98. Germanisches Nationalmuseum, ed., Martin Luther und die Reformation in Deutschland. Ausstellung zum 500. Geburtstag Martin Luthers (Frankfurt-am-Main, 1983), no. 338, pp. 262-263.

99. Hutchinson, Albrecht Dürer, pp. 181-182; Ozment, Mysticism and Dissent, p. 143, n. 28.

100. Ozment, Age of Reform, p. 287.

101. Hutchinson, Albrecht Dürer, pp. 200-204.

102. Фридрих Энгельс поставил Лютера на высокое место в списке исторических «самых великих лизоблюдов политической власти» в то время, как антисемит и военный преступник Юлиус Штрейхер приводил в пример его антиеврейские работы во время собственной защиты на Нюрнбергском процессе. Günther Vögler, «Die Gewalt soll gegeben werden dem gemeinen Volk»: Der deutsche Bauernkrieg 1525 (Berlin, 1975), pp. 16-24; Oberman, «The Nationalist Conscription of Martin Luther», in The Impact of the Reformation, pp. 69-78.

103. «On Temporal Authority: To What Extent Should It Be Obeyed [1523]», Luther's Works, vol. 45, pp. 83-84. В начале протестантского восстания Лютер обвинял непосредственно светских и духовных землевладельцев. «An Admonition to Peace: A Reply to the Twelve Articles of the Peasants in Swabia [1525]», Works of Martin Luther, vol. 4 (Philadelphia, 1931), p. 220.

104. «Als die gerne menschlich und naturlich recht wollten haben», inid., p. 234; Ozment, Protestants, p. 129.

105. «Admonition to Peace», pp. 241-242.

106. «Against the Robbing and Murdering Peasants [1525]», Works of Martin Luther, vol. 4, pp. 249-250. Многие ученые

следовали за Питером Бликле, рассматривая восстание, как нечто большее, чем крестьянскую войну – «революцию простого человека» как в деревнях, так и городах. Blickle, Communal Reformation: The Quest for Salvation in Sixteenth-Century Germany, trans. by Thomas Dunlap (Atlantic Highlands, N.J., 1985), chap. 7.

107. К концу столетия реформы дали князьям контроль над имперским камеральным судом и просуществовавшим меньшее время имперским правящим советом. Об эволюции «Священной Римской Империи», James A. Vann and Steven W. Rowan, eds., The Old Reich: Essays on German Political Institutions, 1495-1806 (Brussels, 1974) and J.W. Zophy, ed., The Holy Roman Empire: A Dictionary Handbook (Westport, Conn., 1980).

108. Marc Forster, The Counterreformation in the Villages: Religion and Reform in the Bishopric of Speyer, 1560-1720 (Ithaca, 1992).

109. Ozment, Age of Reform, p. 271. Проинструктированный секретарем суда Спалатином от имени курфюрста Фридриха Мудрого, советовавшим уменьшить его протест против продажи новых индульгенции в Галле епископальным князем Майнца, Лютер открыто заявил о своей готовности «потерять» их обоих: «Ваша мысль о том, чтобы не нарушать общественное спокойствие, красива, но позволите ли вы бесконечному спокойствию Бога нарушиться... этим сыном погибели? Нет, Спалатин! Нет, курфюрст». Письмо Спалатину, 11 ноября 1521 года, Luther's Works, vol. 48, ed. G. Krodel (Philadelphia, 1963), p. 326. О развитии теории сопротивления среди ранних саксонских юристов и духовенства, Heinz Scheible, Das Winderstandsrecht als Problem der deutschen Protestanten, 1523-46 (Gütersloh, 1969); cf. Quentin Skinner, The Foundations of Modern Political Thought, vol. (Cambridge, 1978), chap. 7.

110. Julian H. Franklin, trans, and ed., Constitutionalism and Resistance in the Sixteenth Century: Three Treatises by

Hotman, Beza & Mornay (New York, 1969); Ozment, Age of Reform, pp. 270-272, 419-422; cf. David M. Whitford, Tyranny and Resistance: the Magdeburg Confession and the Lutheran Tradition (St. Louis, 2001).

Глава 4. Полигон Европы. Германия во время Тридцатилетней войны.

1. Volker Press, «Germany Between Reformation and Revolution», in Harris, ed. German-American Interrelations, p. 70. В современных политических дебатах высказывается мнение, что война и мир стимулировали Германию девятнадцатого столетия: см. Kevin C. Cramer, «Lamentations of Germany: the Historiography of the Thirty Years War, 1790-1890» (Ph. D. diss., Harvard University, 1998), pp. 270-78. О последних исследованиях конституционной стороны конфликта, Ronald G. Ash, The Thirty Years War, The Holy Roman Empire, and Europe, 1618-48 (New York, 1997). Старый классический взгляд, в большом историческом контексте, R.J.W. Evans, The Making of the Hapsburg Monarchy, 1550-1700 (Oxford, 1979).

2. Geoffrey Parker, ed., The Thirty Years' War (London, 1997), pp. 5-10. О религиозной стороне конфликта и его подоплеке, Robert Bireley, S.J., Religion and Politics in the Age of the Counterreformation: Emperor Ferdinand II, William Lamouraini, S.J., and the Formation of Imperial Policy (Chapel Hill, 1981), and Menna Prestwich, International Calvinism, 1541-1715 (Oxford, 1985).

3. John G. Gagliardo, Germany Under the Old Regime, 1600-1790 (London, 1991), pp. 2-3; Parker, Thirty Years' War, pp. 12-14; Holborn, pp. 43-44.

4. Holborn, Reformation, pp. 244-245, 285; Parker, War, p. 17.

5. См. главу 4.

6. Holborn, Reformation, pp. 289-290; Gagliardo, Old Regime, pp. 16, 20-21; Parker, War, p. 18.

7. Simon Adams, «The Union, the League, and the Politics of Europe», in Parker, War, pp. 21-25, 28-29.

8. Michael Hughes, Early Modern Germany, 1477-1806 (Philadelphia, 1992), pp. 86-87.

9. О мотивах курфюрста Фридриха, законно-конституционных и религиозных: см. Brennan Pursell, «The Constitutional Causes of the Thirty Years' War: Friedrich V, the Palatine Crisis, and European Politics, 1618-32» (Ph.D. diss., Harvard University, 2000).

10. Geoffrey Parker, «The War for Bohemia», in Parker, War, pp. 42-54; Simon Adams and Geoffrey Parker, «Europe and the Palatine War», in ibid., pp. 56-60.

11. Adams and Parker, «Europe and the Palatine War», pp. 61-63. О Максимилиане и баварцах, поменявших стороны в войне, cf. Dieter Albrecht, Maximilian I von Bayern, 1573-1651 (Munich, 1998).

12. О Кристиане и датском периоде войны, Paul D. Lockhart, Denmark in the Thirty Years War, 1618-48: King Christian IV and the Decline of the Oldenburg State (Selinsgrove, Pa., 1996).

13. О Любекском мире см. E. Ladewig Petersen, «The Danish Intermezzo», in Parker, War, pp. 65-71; Holborn, Reformation, pp. 327-334.

14. R.W.J. Evans, «The Imperial Vision», in Parker, War, pp. 75-78, 82-84; Parker, «The Practice of Absolutism I: 1621-26», in ibid., pp. 82-84.

15. Церковные земли и города курфюршеств Саксонии и Бранденбурга были сделаны светскими до 1552 года и, таким образом, их не достиг указ. Gerhard Benecke, «The Practice of Absolutism II: 1626-29», in Parker, War, pp. 87-89.

16. Bodo Nischan, «On the Edge of the Abyss», in Parker, War, p. 101.

17. О шведском короле и шведском этапе войны см. Michael Roberts, Gustavus Adolphus (London, 1992).

18. Parker, War, pp. 102-104, 106-109; cf. описание курфюрста Иоганна-Георга из Саксонии (1585-1656) как практикующего «лютеранский пацифизм, спокойствие, легальность и ксенофобию». Ibid., pp. 85-86. Hughes, Early Modern Germany, p. 90.

19. Hans Medick, «Historisches Ereignis und zeitgenössische Erfahrung: die Eroberung und Zerstörung Magdeburgs 1631», in Medick et al., eds., Zwischen Alltag und Katastrophe: der dreissigjährige Krieg aus der Nähe (Göttingen, 1999), pp. 377-407.

20. Geoffrey Parker, «The Intervention of Sweden», in Parker, War, pp. 112-116.

21. Geoffrey Parker, «1633-35: Oxenstierna vs. Wallenstein», in Parker, War, p. 155.

22. Ibid., pp. 117-120.

23. Hughes, Early Modern Germany, p. 91.

24. Richard Bonney, «France's War by Diversion», in Parker, War, p. 129.

25. Наиболее низкие данные представляет Паркеру (Parker, War, pp. 147-148, 187-188), наиболее высокие – Хьюзу (Hughes, Early Modern Europe, p. 109). Самое последнее исследование склоняется к низкой оценке, основываясь на том, что местные власти, сообщавшие о человеческих потерях после войны, а также об уроне, часто преднамеренно увеличивали и то, и другое для снижения налогов и увеличения своей доли в выделенных правительством средствах на восстановление. John Theibault, «The Rhetoric of Death and Destruction in the Thirty Years' War», Journal of Social History 27 (1993): pp. 271-290, и «The Demography of the Thirty Years War Re-revisited», German History, 15 (1997): pp. 1-2.

26. Hughes, Early Modern Germany, p. 92, 98; Parker, War, pp. 140-141, 159, 165, 194-195.

27. Hughes, Early Modern Germany, p. 94.

28. Ibid., pp. 95-96; Geoffrey Parker, «1647-50: The Making of

Peace», in Parker, War, p. 163; Parker, «The War and Politica», in ibid., p. 195.

29. Press, «Germany Between Reformation and Revolution», p. 70.

Глава 5. Вражеская мина. Абсолютизм и подъем Пруссии.

1. Mary Fulbrook, A Concise History of Germany (Cambridge, 1999), pp. 74-75.

2. Gagliardo, Germany Under the Old Regime, pp. 96-99.

3. Hughes, Early Modern Germany, pp. 115-116, 120.

4. Цитируется Schulze, Germany, pp. 87-88.

5. Fulbrook, Concise History, pp. 83-84.

6. Schulze, Germany, p. 70.

7. Detlef Plöse, «Kaiser Leopold I», in Rolf Straubel et al., Kaiser König Kardinal: Deutsche Fürsten 1500-1800 (Leipzig, 1991), pp. 188-189.

8. Gagliardo, Germany Under the Old Regime, pp. 2-3, 13; Hughes, Early Modern Germany, pp. 124-128, 131.

9. Как правитель Бранденбурга, он был одним из восьми германских князей, которые выбирали императора Священной Римской Империи.

10. Fulbrook, Concise History, pp. 76-81 (карта); Schulze, Germany, p. 79; Philip Woodfine, Frederick the Great of Prussia (Huddersfield, 1990), p. 14; cf. C.A. Macartney, The Hapsburg and Hohenzollern Dynasties in the Seventeenth and Eighteenth Centuries (London, 1970).

11. Giles MacDonogh, Frederick the Great: A Life in Deed and Letters (New York, 1999), pp. 17-18, 24-25; Rolf Straubel, «Friedrich II von Preussen», Kaiser König Kardinal. Deutsche Fürsten 1500-1800 (Leipzig, 1991), pp. 312-313; Fulbrook, Concise History, p. 79.

12. Hughes, Early Modern Germany, pp. 142-144.

13. F.E. Stoeffler, German Pietism During the Eighteenth Century (Leiden, 1973), pp. 24-27; Gagliardo, Germany

Under the Old Regime, p. 191; J.V.H. Melton, Absolutism and the Eighteenth Century Origins of Compulsory Schooling in Prussia and Austria (Cambridge, 1988).

14. Введение издателя, P.J. Spener, Pia Desideria, trans. T.G. Tappert (Philadelphia, 1964), pp. 8-21; Gagliardo, Germany, p. 183.

15. Gagliardo, Germany, pp. 107-110, 116. Здесь княжеский абсолютизм (безраздельная законодательная власть князей) не был деспотизмом (отсутствие личных прав и владение князьями всем и всеми). Правитель всегда подчинялся божественному и национальному праву, делая «обязанность беспокоиться о благополучии своего народа... неизбежной частью своего права управлять». Ibid., p. 121. Cf. Mary Fulbrook, Piety and Politics: Religion and the Rise of Absolutism in England, Würtemberg and Prussia (Cambridge, 1983).

16. Stoeffler, German Pietism, pp. 37-38.

17. Pia Desideria, p. 80; Stoeffler, German Pietism, p. 69.

18. MacDonogh, Frederick the Great, pp. 29, 52-54; Straubel, «Friedrich II», p. 314.

19. MacDonogh, Frederick the Great, pp. 35, 42; David Fraser, Frederick the Great: King of Prussia (New York, 2000), p. 24.

20. Straubel, «Friedrich II», p. 314; Woodfine, Frederick the Great, p. 6.

21. MacDonogh, Frederick the Great, pp. 35, 50-53; Straubel, «Friedrich II», p. 315; Fraser, Frederick the Great, pp. 25, 37, 40.

22. Fraser, Frederick the Great, pp. 38-42.

23. Макдоноу предполагает, что в 1729 году личный оруженосец семнадцатилетнего Фридриха возможно «подтвердил в нем определенные мысли [о сексе], которые тогда только наполовину сформировались у него в сознании». MacDonogh, Frederick the Great, pp. 48-49; о накопленных доказательствах гомосексуализма Фридриха, ibid., pp. 106, 169, 195, 202-204, 221-222, 242, 230.

24. Ibid., pp. 48-49; Fraser, Frederick the Great, pp. 28-29.

25. MacDonogh, Frederick the Great, pp. 63-75, 80-88; Straubel, «Friedrich II», p. 315; Fraser, Frederick the Great, pp. 29-31.

26. Брат Фридриха Вильгельм обеспечил рождение наследника династии, будущего короля Фридриха Вильгельма II (1744-97).

27. MacDonogh, Frederick the Great, pp. 99-100, 105, 135, 194; Straubel, «Friedrich II», p. 315.

28. В дополнение к Мопертуи, германский философ Кристиан Вольф, профессор из Галле и ведущая фигура германского Просвещения, и граф Франческо Алгаротти, итальянский философ и друг Вольтера, который обеспечивал Фридриха последними английскими книгами, были среди первых поселившихся интеллектуалов. MacDonogh, Frederick the Great, pp. 123-124; Fraser, Frederick the Great, pp. 33, 257-258.

29. Между 1770 и 1830 годами «Гете, Шиллинг, Лессинг, Кант и Моцарт на полстолетия сделали говорящий на немецком языке мир культурной колыбелью Европы, закончив долгое доминирование французских культурных ценностей». William Carr, The Origins of the Wars of German Unification (New York, 1992), p. 16; Fulbrook, Concise History, pp. 85-95.

30. MacDonogh, Frederick the Great, pp. 110, 137-139, 206, 323, 350, 370; Fraser, Frederick the Great, pp. 608; Schulze, Germany, p. 89.

31. MacDonogh, Frederick the Great, pp. 124, 137-140; Straubel, «Friedrich II», p. 316.

32. Fraser, Frederick the Great, pp. 78, 80, 625.

33. Ibid., pp. 81-82; Woodfine, Frederick the Great, p. 2.

34. MacDonogh, Frederick the Great, pp. 145, 165-169. Даниэль Гордон цитирует доказательства, позволяющие предположить, что «Вольтер консуммировал свою любовь к Фридриху» в 1740 году, после очарования с самой первой

их встречи «большими голубыми глазами и нежной улыбкой» Фридриха, голова у него «кружилась» в ответ на «искушающие жесты» Фридриха: «Я отдался ему со страстью, слепо, ни о чем не думая». Voltaire. Candide, trans. and ed. Daniel Gordon (Boston, 1999), p. 27.

35. Цитируется по MacDonogh, Frederick the Great, pp. 213-214, 234; Woodfine, Frederick the Great, p. 5.

36. MacDonogh, Frederick the Great, pp. 209, 217-221, 225-226.

37. Ibid., pp. 227, 229-30; Straubel, «Friedrich II», pp. 316-317.

38. О Марии, Ingrid Mittenzwei, «Königin Maria Theresia», in Straubel et al., Kaiser König Kardinal, pp. 325-338.

39. См. главу 1; Woodfine, Frederick the Great, p. 14. МакДоноу утверждает, что Силезские войны начали традицию блицкрига. MacDonogh, Frederick the Great, pp. 152-153.

40. Fraser, Frederick the Great, pp. 84, 89-94, 117-119; MacDonogh, Frederick the Great, pp. 155-158, 174-176; Hughes, Early Modern Germany, p. 140; Woodfine, Frederick the Great, pp. 12-13.

41. Из Frederick's Memoirs of the House of Brandenburg (1746). Цитируется по MacDonogh, Frederick the Great, pp. 196-197. «Монарх не поднимается к своему очень высокому рангу... чтобы жиреть на имуществе народа и наслаждаться собой, пока все другие страдают; монархия – это первый слуга государства». Цитируется по Woodfine, Frederick the Great, p. 19.

42. Цитируется по MacDonogh, Frederick the Great, p. 247; Hughes, Early Modern Germany, pp. 129-131.

43. Simon Millar, Kolin 1757: Frederick the Great's First Defeat (Oxford, 2001), p. 41.

44. Albert Speer, Inside the Third Reich: Memoirs, trans. Richard and Clara Winston (New York, 1969), pp. 453, 463.

45. Hughes, Early Modern Germany, pp. 155-158; Mac-

Donogh, Frederick the Great, pp. 260-266, 282-283, 286-289, 316-318.

46. Straubel, «Friedrich II», p. 318.

47. Nicholas Boyle, Goethe: the Poet and the Age, II: Revolution and Renunciation (1790-1803) (Oxford, 2000), pp. 26-27; Hughes, Early Modern Germany, pp. 145-146; Straubel, «Friedrich II», pp. 316-318.

48. См. главу 6, прим. 11.

49. Hughes, Early Modern Germany, pp. 160, 164-166; MacDonogh, Frederick the Great, pp. 342-344, 347.

50. Fraser, Frederick the Great, pp. 599, 601, 614, 616.

51. См. прим. 15.

52. MacDonogh, Frederick the Great, pp. 198-199; Gagliardo, Germany, pp. 211-216.

53. Pamela M. Potter, Most German of the Arts: Musicology and Society from the Weimar Republic to the End of Hitler's Reich (New Haven, 1998), pp. 201-202.

54. Ulrich Siegele, «Bach and the Domestic Politics of Electoral Saxony», in John Butt, ed., The Cambridge Companion to Bach (Cambridge, England, 1997), pp. 17-34.

55. Cf. John Butt, «Bach's Metaphysics of Music», in ibid., pp. 46-59, and «Bach and the Rationalist Philosophy of Wolff, Leibnitz, and Spinoza», in ibid., pp. 60-71.

56. См. главу 6.

Глава 6. Троянские кони. От Французской до Немецкой революции.

1. Diether Raff, A History of Germany, from the Medieval Empire to the Present, trans. Bruce Little (Oxford, 1988), pp. 34-37.

2. Parker, The Thirty Years' War, pp. 126ff, 137.

3. Hughes, Early Modern Germany, p. 171; Raff, A History of Germany, pp. 39-40.

4. Sheehan, German History, 1770-1866, p. 372; см. прим. 14.

5. Цитируется по Ernst Cassirer, The Philosophy of the Enlightenment (Princeton, 1951), p. 12. Также см. Norman Hampson, «The Enlightenment in France», in The Enlightenment in National Context, ed. Roy Porter and M. Teich (Cambridge, 1981), pp. 41-42; H.R. Trevor-Roper, «The Religious Origins of the Enlightenment» in H.R. Trevor-Roper, Religion, the Reformation and Social Change (London, 1967), pp. 193-236.

6. Цитируется по Cassirer, Enlightenment, p. 163.

7. Jean-Jacques Rousseau, «Émile» or On Education, trans. Allan Bloom (New York, 1979), bk. 1, p. 37; Cassirer, Enlightenment, p. 156.

8. О революции снизу см. Robert Darnton, The Forbidden Best-Seller of Pre-Revolutionary France (New York, 1966).

9. Хампсон обращает внимание на влияние Руссо на Бриссо, Робеспьера и Сен-Жюста, Hampson, «The Enlightenment in France», pp. 49, 51, 53. О германском романтизме и революционной эпохе, Sheehan, German History, 1770-1866, pp. 330-339, and Darrin M. McMahon, Enemies of the Enlightenment: the French Counter-Enlightenment and the Making of Modernity (New York, 2001).

10. Joachim Whaley, «The Protestant Enlightenment in Germany», in Porter, Enlightenment, pp. 108-109.

11. Hughes, Early Modern Germany, p. 171; Sheehan, German History, 1770-1866, p. 372. Boyle, Goethe, p. 26.

12. Whaley, «The Protestant Enlightenment in Germany», p. 111; Gagliardo, Germany Under the Old Regime, p. 187.

13. Трактат Гумбольдта 1792 года был озаглавлен «Ideen zu einem Versuch, die Grenzen der Wirksamkeit des Staates zu bestimmen», а трактат Лютера 1523 года – «Von welltlicher uberkeytt wie weytt man yhr gehorsam schuldig sey».

14. См. Boyle, Goethe II, pp. 18-31. Либеральное восприятие Шиханом этого периода ставит Гумбольдта «ближе к идеалу нравственных реформ восемнадцатого века, чем политике либерализма девятнадцатого», таким образом ря-

дом с Юстусом Мезером, Адамом Миллером и Эдмундом Бурке, работы которых по Французской революции «помогли [немцам оправдать] старый порядок, который повернется против революционеров во Франции и реформаторов ближе к дому». Sheehan, German History, 1770-1866, pp. 364-365, 368-370. Cf. Klaus Epstein, The Genesis of Modern German Conservatism (Princeton, 1966).

15. Boyle, Goethe II, pp. 8-9.

16. Williston Walker, A History of the Christian Church (New York, 1959), pp. 521-522. История Революции незабываемо рассказывается Georges LeFebvre, The Coming of the French Revolution, trans. R.R. Palmer (Princeton, 1967); Keith M. Baker, et al., eds., The French Revolution and the Creation of Modern Political Culture, vols. 1-3 (New York, 1987); and Patrice Higonnet, Goodness Beyond Virtue: Jacobins During the French Revolution (Cambridge, Mass., 1998).

17. Boyle, Goethe II, pp. 10-11.

18. Sheehan, German History, p. 214; Raff, A History of Germany, p. 51; cf. Schulze, Germany, p. 106. О немецких интеллектуалах и Революции также см. Jacques Droz, L'Allemagne et la Revolution Française (Paris, 1949).

19. «Franztum drängt in diesen verworrenen Tagen, wie ehemals! Luthertum es getan, ruhige Bildung zurück». Цитируется по Sheehan, German History, p. 359.

20. Ibid., pp. 358-359, 385-386, 573-577.

21. Ibid., pp. 211, 384.

22. «Не Бог и не природа, а темная демоническая сила [стояла] за этим явлением». Michael Allen Gillespie, Nihilism Before Nietzsche (Chicago, 1994), pp. xvii, xix.

23. Sheehan, German History, pp. 360-361.

24. Boyle, Goethe II, pp. 24, 26-27; Hughes, Early Modern Germany, pp. 170-171; Blackbourn, Nineteenth Century, pp. 215-220. Sans culottes, «голоштанные» – название дано рабочему классу, который не носил модные у аристократов «кюлоты» – штаны до колен.

25. «Немцы скептические относились к французам как раз из-за их уверенности, что в мире все можно сделать правильно, составив идеальную конституцию». William Carr, The Origins of the Wars of German Unification (London, 1991), p. 13.

26. Exposition of Psalm 101 (1534), Luther's Works, vol. 13, p. 217. For Burke's 1790 «Reflections on the Revolution in France» and 1796 «Letters on Regicide Peace», см. The Works of the Right Honourable Edmund Burke, vol. 2 (London, 1855), pp. 277-518, and vol. 5 (London, 1861), pp. 152-355, 358-434; также см. Boyle, Goethe II, pp. 6, 8-9.

27. Boyle, Goethe II, pp. 14-16; Hughes, Early Modern Germany, p.174; Raff, A History of Germany, pp. 40-41.

28. Sheehan, German History, pp. 233, 239-240.

29. Raff, A History of Germany, p. 41; Hughes, Early Modern Germany, pp. 177-178; Sheehan, German History, p. 241.

30. Sheehan, German History, pp. 243-246; Carr, Origins, p. 9.

31. Хьюз насчитывает сорок, Шульце тридцать. Hughes, Early Modern Germany, pp. 179-181; Raff, A History of Germany, p. 42; Schulze, Germany, pp. 97. Шиихан называет Reichsdeputationshauptschluss (решение по поводу государственных расходов) «одним из самых великих территориальных преобразований во всей европейской истории». Sheehan, German History, p. 343.

32. Martin Kitchen, The Cambridge Illustrated History of Germany (Cambridge, 2000), p. 152; Sheehan, German History, pp. 247-249, 259-261; Carr, Origins, p. 9.

33. Carr, Origins, pp. 10-11.

34. Schulze, Germany, pp. 103-104; Sheehan, German History, pp. 303-311, 421-422.

35. T.C.W. Blanning, The French Revolution in Germany: Occupation and Resistance in the Rhineland 1792-1802 (Oxford, 1983), pp. 13, 16.

36. Hughes, Early Modern Germany, pp. 183-188; Raff, A History of Germany, pp. 42-44; Schulze, Germany, pp. 102-

104; Kitchen, Germany, pp. 154-157; Carr, Origins, pp. 21-23; Sheehan, German History, pp. 255, 273.

37. Cf. Carr, Origins, pp. 13-15; Sheehan, German History, p. 217.

38. Карр описывает новые классы (Bildungsbürgertum – возникновение бюргерства) конца восемнадцатого и девятнадцатого столетий, которые получили большую власть в управлении правительствами, как люди, «противостоящие абсолютизму старого стиля, [тем не менее], по большей части уважительно относящиеся к княжеской власти [и не имеющие] горького чувства отсутствия привилегий и социальных лишений... которое испытывали их французские коллеги». Origins, p. 15. Но разве подобные люди не всегда были такими? См. примеры Георга Спалатина (глава 3) и Густава Штреземана (глава 10).

39. Позднее, с точно такими же убийственными результатами, властный Гитлер два раза повторит русскую ошибку Наполеона, отправив германскую армию вначале на Москву (декабрь 1941 года), а затем – на осаду Сталинграда (январь 1943 года) – стратегических ворот к южной дороге на каспийские нефтяные месторождения. В Сталинграде были окружены и истреблены триста тысяч солдат немецкой Шестой армии, которым приказали стоять до последнего. Немногие выжившие потом униженно сдались в плен. Raff, A History of Germany, pp. 47-50, 309, см. главу 11.

40. Raff, A History of Germany, pp. 51-54; Schulze, Germany, pp. 106-110; Sheehan, German History, pp. 403-5.

41. Цитируется по Raff, A History of Germany, pp. 56-57.

42. Kitchen, Germany, p. 168; Schulze, Germany, p. 113; Blackbourn, Nineteenth Century, p. 270; Veit Valentin, 1848: Chapters of German History, trans. E.T. Scheffauer (Hamden, Conn., 1965), pp. 428-429.

43. Sheehan, German History, p. 536.

44. Steven Ozment, Flesh and Spirit: Family Life in Early Modern Germany (New York, 1999), esp. chaps. 2, 3 and 5.

45. Wolfram Siemann, The German Revolution of 1848-49, trans. C. Banerji (New York, 1998), pp. 15-16; Thomas Nipperdey, Germany from Napoleon to Bismarck (Dublib, 1966), 224-226.

46. Трансформация от «ассоциации подданных в общество граждан». Nipperdey, Germany, p. 227; Siemann, German Revolution, p. 20.

47. Nipperdey, Germany, pp. 228-229, 231; Siemann, German Revolution, pp. 24-25, 34.

48. К движению присоединилось восемнадцать процентов студентов университета (одна тысяча пятьсот из восьми тысяч); 486 из них присутствовали на фестивале Эйзенаха. Carr, Origins, p. 25; Kitchen, Germany, p. 166; Sheehan, German History, p. 406.

49. Mosse, Crisis, pp. 5, 191; Nipperdey, Germany from Napoleon to Bismarck, pp. 244-245.

50. «Why the Books of the Pope... Were Burned», Luther's Works, vol. 31, pp. 383-395.

51. Nipperdey, Germany, pp. 245-49; Sheehan, German History, p. 407.

52. Raff, A History of Germany, pp. 64-67; Sheehan, German History, pp. 604-607; Gall, Bismarck, I, pp. 6-7.

53. Blackbourn, Nineteenth Century, pp. 126-127; Sheehan, German History, pp. 581-584, 610-613.

54. Raff, A History of Germany, pp. 62-63, 66, 96.

55. F.W. Bogen, The German in America (Boston, 1851), pp. 7, 39-41, 57, 61.

56. Siemann, German Revolution, pp. 82-85, 139.

57. См. главу 9.

58. Blackbourn, Nineteenth Century, p. 162; Sheehan, German History, p. 706.

59. Siemann, German Revolution, pp. 120-123; Schulze, Germany, p. 124.

60. Raff, A History of Germany, pp. 79-80; Siemann, German Revolution, pp. 189-193. О проталкивании этого кандида-

та министром-президентом Шварценбергом см. Sheehan, German History, pp. 689, 712, 715.

61. Raff, A History of Germany, p. 77; Siemann, German Revolution, pp. 127-130.

62. Siemann, German Revolution, p. 132.

63. Nipperdey, Germany, p. 231. Получившие права и свободы крестьяне «обменяли один вид зависимости на другой». Sheehan, German History, pp. 756-757.

64. Siemann, German Revolution, p. 132; John Witte Jr., «The Civic Seminary», pp. 173ff.

65. Nipperdey, Germany, pp. 359-371, 383. О средневековой истории см. Brian Tierney, The Crisis of Church and State, 1050-1300 (Toronto, 1988), pp. 172-210.

66. Siemann, German Revolution, pp. 134, 137-138.

67. Blackbourn, Nineteenth Century, p. 161; Siemann, German Revolution, pp. 196-198.

68. Siemann, German Revolution, p. 198; Facts, pp. 100-101; cf. Kitchen, Germany, pp. 84, 185-187.

69. Siemann, German Revolution, pp. 222-223.

70. Blickle, Die Revolution von 1525, pp. 217-223, 242.

71. Schulze, Germany, p. 129; Siemann, German Revolution, pp. 210-220.

72. См. главу 7.

Глава 7. Абсолютный дух и абсолютный народ. Интеллектуальные течения девятнадцатого столетия.

1. См. главу 8.

2. Cf. Müller, Another Country, резкая критика мыслителей периода после Второй Мировой войны.

3. Karl Barth, From Rousseau to Ritschl, trans. B. Cozens (London, 1952), chap. 4.

4. Другие формулировки афоризма Канта: «Поэтому относись к человечеству, будь то в твоем собственном лице или в другом, в каждом случае, как к своей конечной цели, но никогда – как только средству»; «Действуй так, чтобы

сентенция твоей воли всегда могла в то же время считать добро принципом всемирного закона». Religion Within the Limits of Reason Alone, trans. T.M. Greene et al. (Chicago, 1960), pp. 23-31, 54-56, 65; cf. Boyle, Goethe II, pp. 49-50.

5. Sheehan, German History, pp. 330-341.

6. «Это «я» заменяет Бога, как трансрациональный источник природы и закона природы». Michael A. Gillespie, Nihilism Before Nietzsche (Chicago, 1994), p. xvii; «Отдельное «я» открылось в непосредственную духовную Жизнь, которая является создательницей всех явлений». Sheehan, German History, p. 344.

7. «Историография эволюции Духа от начала человеческой истории к настоящему... рациональный образец, который дает значение трагической истории [человека]». Sheehan, German History, pp. 350-351; Gillespie, Nihilism Before Nietzsche, pp. xv-xvi.

8. Из Reason in History (1832), цитируется по Karl L with, From Hegel to Nietzsche: The Revolution in Nineteenth-Century Thought (New York, 1964), p. 331.

9. Gillespie, Nihilism Before Nietzsche, pp. xvii, xix.

10. Thus Spake Zarathustra, in The Portable Nietzsche, trans. and ed., Walter Kaufmann (New York, 1968), pp. 202, 208.

11. Barth, Rousseau to Ritschl, p. 224; Nipperdey, Germany from Napoleon to Bismarck, pp. 356-358, 375-376.

12. On Religion: Speeches to its Cultural Despisers, trans. J. Oman (New York, 1958), pp. 29-31.

13. См. Warren Breckman, Marx, the Young Hegelians, and the Origins of Radical Social Theory: Dethroning the Self (Cambridge, 1999), pp. 2-10.

14. F. Edward Cranz, «Cusanus, Luther, and the Mystical Tradition», in The Pursuit of Holiness in Late Medieval and Renaissance Religion, ed. Charkes Trinkaus and Heiko A. Oberman (Leiden, 1974), pp. 93-102.

15. Löwith, Hegel to Nietzsche, pp. 335, 338-341. Утверждения Лютера о созидательной силе веры см. Kurt Aland,

ed., Lutherlexikon (Stuttgart, 1957), pp. 144-150. Фейербах посвятил монографию Лютеру – «Суть веры по Мартину Лютеру» (1844). Лютер описывал опыт веры, как выдергивание в мир вне себя: excessus mentis, моментальное перемещение верующего вне себя (extra se) – саму противоположность проецирования Бога. Steven Ozment, Homo Spiritualis (Leiden, 1969), pp. 105-108, 196-197, 204-205.

16. Brechman, Marx, the Young Hegelians, pp. 90, 96, 106, 109, 119.

17. Цитируется по ibid., p. 96.

18. Цитируется по ibid., p. 129.

19. Ibid., pp. 112, 272-273, 279-280.

20. Löwith, Hegel to Nietzsche, pp. 241-243, 307-308.

21. F.N. Magill et al., Masterpieces of World Philosophy (New York, 1961), pp. 593-600.

22. Сравните с почти идентичным заявлением Бисмарка, глава 8.

23. «Политическая демократия – христианская, поскольку в ней человек, не просто один человек, а каждый, имеет ранг правителя, высшего существа». Цитируется по Brechman, Marx, the Young Hegelians, p. 294. О взглядах Гитлера на евреев и христиан см. главу 10.

24. Ibid., p. 285.

25. Ibid., p. 278.

26. Ibid., pp. 292-295.

27. Cf. Löwith, Hegel to Nietzsche, pp. 169, 245-247, 307-308.

28. Ibid., pp. 275-279.

29. Цитируется по Löwith, Hegel to Nietzsche, p. 114 (из Das Kapital).

30. Löwith, Hegel to Nietzsche, pp. 313-315.

31. См. борьбу Бисмарка с социал-демократами, глава 9.

32. Cohn, The Pursuit of the Millennium, pp. 251-271; Mosse, The Crisis of Modern Ideology, pp. 13, 42; Ozment, Mysticism and Dissent, pp. 61-97.

33. Thus Spake Zarathustra, pp. 227, 321; L with, Hegel to Nietzsche, pp. 368-371.

34. Gillespie, Nihilism Before Nietzsche, pp. 200, 212.

35. Thus Spake Zarathustra, pp. 122, 124-126, 189.

36. Ibid., pp. 199, 227, 253, 330-331.

37. Gillespie, Nihilism Before Nietzsche, pp. 199, 221.

38. Ibid., pp. xxi, 203-204, 210. 239-240, 248.

39. См. главу 6.

40. W.M. Simon, Germany in the Age of Bismarck (New York, 1968), pp. 155-157.

41. По словам Джеймса Джолла, его критика помогла подорвать «ценности современного буржуазного общества», а его «призывы к действию и насилию, жесткости и безжалостности [произвели впечатление] на людей, занимающих положение, позволяющее оказывать влияние на решения правителей Европы в 1914 году», таким образом, сделав вклад в интеллектуальный и эмоциональный климат, в котором началась война. James Joll, The Origins of the First World War (London, 1984), pp. 188-189.

42. Rudiger Safranski, Nietzsche: A Philosophical Biography, trans. S. Frisch (New York, 2002), p. 329. Благодарю Болека Кабалу за эту ссылку.

43. Schleiermacher, Speeches on Religion, p. 36.

44. Об этих беспорядках см. Blackbourn, Nineteenth Century, pp. 272-281; Raff, A History of Germany, pp. 85-286.

45. «Volk означал союз группы людей с трансцендентальной «сущностью», [которая] была сплавлена самой глубинной природой человека и представляла источник его созидательной деятельности, глубину его чувств, его индивидуальность, и его единение с другими членами Volk». Mosse, Crisis of German Ideology, p. 4.

46. «Наполеон только начал процесс подчинения Германии; Венский конгресс завершил его». Ibid., p. 14.

47. Sheehan, German History, 1770-1866, pp. 381-383; Mosse, Crisis of German Ideology, pp. 4, 14.

48. В середине столетия Вагнер был либеральным сторонником Революции 1848 года, в то время как Риль противостоял ей, Риль никогда не простил его за это и никогда не забыл об этом. Sheehan, German History, 1770-1866, pp. 839-840. О германизме Вагнера в мифе и музыке, см. Robert Donington, Wagner's «Ring» and its Symbols: The Music and the Myth (New York, 1974).

49. Mosse, German Ideology, pp. 19-22, 27-28.

50. Ibid., pp. 33, 36-37, 43.

51. Ibid., pp. 53-57.

52. Поразительный пример – это иллюстрированная история германского «детства» между 1500 и 1800 годами, Hans Boesch, Kinderleben in der deutschen Vergangenheit 15. bis 18. Jahrhundert (Leipzig, 1900; Düsseldorf, 1979).

53. См. главу 11.

54. Faust, A Tragedy, trans. Baynard Taylor (New York, 1950), Bk. I, scene 2, p. 39. Сравните гораздо более сдержанную утопическую литературу шестнадцатого столетия: Miriam Eliav-Feldon, Realistic Utopias: The Ideal Imaginary Societies of the Renaissance 1516-1630 (Oxford, 1982), pp. 109, 119, 121-133; Ozment, The Reformation in the Cities (New Haven, 1975), pp. 91-107.

55. Mosse, German Ideology, pp. 89-91; Тацит и Лютер ранее привлекали внимание к чистоте германской крестьянской культуры.

56. Paul L. Rose, Revolutionary Antisemitism in Germany: From Kant to Wagner (Princeton, 1990), pp. 358-376; Blackbourn, Nineteenth Century, pp. 432-433.

57. Richie Robertson, «Varieties of Antisemitism From Herder to Fassbinder», in Edward Timms and Andrea Hammel, eds., The German-Jewish Dilemma: From the Enlightenment to the Shoah (Lewiston, Maine, 1999), p. 112.

58. Mosse, German Ideology, pp. 91-96.

59. Maynard Solomon, Beethoven (New York, 1977), pp. 4-5, 20-22, 34, 85-89, 94-95.

60. Ibid., pp. 132-136.
61. Ibid., pp. 156-157.
62. Ibid., pp. 85-89.
63. Ibid., pp. 310-313.
64. Ibid., p. 315.
65. Об ее истории см. Faust, A Tragedy, pp. vi-viii; cf. Richard Auernheimer and Frank Baron, eds. Das Faustbuch von 1587: Provokation und Wirkung (Munich, 1991).
66. Faust, A Tragedy, part I, scene I, p. 10; cf. Лютер о разуме, который находится под управлением или Бога, или Дьявола. Luther's Tabletalk, no. 439 (1933), p. 71.
67. Faust, A Tragedy, part I, scene I, pp. 24, 26.
68. Ibid., pp. xvii-xviii; part I, scene III, pp. 49-56.
69. Ibid., part I, scene IV, p. 58.
70. Ibid., part II, act V, p. 241.
71. Ibid.

Глава 8. Революционный консерватизм. Эпоха Бисмарка.

1. Raff, A History of Germany, p. 176; Katherine A. Lerman, «Bismarckian Germany and the Structure of the German Empire», in Mary Fulbrook, ed., German History Since 1800 (London, 1997), p. 154; Lothar Gall, Bismarck: The White Revolutionary: 1871-1898, II, trans. J.A. Underwood (London, 1986), pp. 217, 234, 237.
2. Lothar Gall, Bismarck: The White Revolutionary, I: 1851-1871 (London, 1986), pp. 13-17. Otto Pflanze, Bismarck and the Development of Germany, I, 2nd. ed. (Princeton, 1990), pp. 32-38.
3. На протяжении их совместной жизни, продолжавшейся сорок семь лет, Иоганна собрала целую коллекцию писем, в которых говорилось о делах самого выдающегося политика того времени. The Love Letters of Bismarck, 1846-1889, trans. Charlton T. Lewis (New York, 1901). Otto Pflanze, Bismarck, I, pp. 48-53. О Шлейермахере и религиозном климате: Karl

Barth, From Rousseau to Ritschl (London, 1959), chap. 8, and Nipperdey, Germany, pp. 376-378.

4. «На протяжении тысячи семисот лет, с падения Иерусалима до Французской революции, евреи могли уравнивать религию и национальность». Peter Pulzer, «Emancipation and its Discontents: the German-Jewish Dilemma», in Edward Timms & Andrea Hammel, The German-Jewish Dilemma: From the Enlightenment to Shoah (Lewiston, 1996), p. 11. Как указывает Блакбурн, «Реформация никогда не была далеко под поверхностью», а ведущий германский просветитель, Вильгельм фон Гумбольдт с ним бы согласился. Blackbourn, Nineteenth Century, p. 293; Pulzer, Emancipation, pp. 8, 12; Gall, Bismarck, I, pp. 29-32, 321, Emil Ludwig, Bismarck (Munich, 1927/1975), p. 93.

5. Blackbourn, Nineteenth Century, p. 287.

6. James Stayer, Anabaptists and the Sword (Lawrence, Kans., 1972).

7. Blackbourn, Nineteenth Century, pp. 287-289; Pulzer, Emancipation, pp. 14-16.

8. В 1879 году. Blackbourn, Nineteenth Century, pp. 307-308. О еврее, как также символе тревожного древнего и средневекового, cf. Jeremy Cohen, The Friars and the Jews: The Evolution of Medieval Anti-Judaism (Ithaca, 1982), pp. 14-16. О способности девятнадцатого столетия производить собственные оригинальные антисемитские и антихристианские фантазии, Fritz Stern, The Politics of Cultutal Despair: A Study in the Rise of the Germanic Ideology (Berkeley, 1974), pp. xvi, 167-168, 283-289.

9. Брайн Вик описывает Собрание, как не «в целом филосемитское» и не «радикально антисемитское». Оно скорее «приняло в принципе и получение евреями прав, и продолжение существования еврейской религии и культурного сообщества». Brian Vick, Defining Germany: The 1848 Frankfurt Parliamentarians and National Identity (Cambridge, Mass., 2002), p. 211.

10. Pulzer, Emancipation, pp. 7-8, 12, 14.

11. Лидер национал-либеральной партии, Эдуард Ласкер, которого Бисмарк считал своим главным врагом, был евреем и составил платформу своей партии в поддержку «менее германской» Империи Бисмарка. Inid., p. 10.

12. Ludwig, Bismarck, pp. 353-354.

13. В дальнейшем он объединил свои религиозные взгляды и философию истории, чтобы прийти к выводу: «История... не катится, как поезд по железной дороге на одинаковой скорости, [а] идет вперед рывками, и с неумолимой силой... Следует постоянно быть начеку, и когда видишь Бога, широкими шагами идущего через историю, прыгать вперед, хватать Его за фалды и позволить тянуть себя так далеко, как получится. Нечестная ошибка и старомодная политическая мудрость – притворяться, что [результат истории] – это вопрос создания возможностей, внесения разлада в и так неспокойные круги [и] дальнейшего их задействования». Arnold O. Meyer, Bismarcks Glaube im Spiegel der «Lösungen und Lehrtexte» (Munich, 1933), p. 64, цитируется по Gall, Bismarck, I, pp. xiv-xv, 28. Эта тема также подчеркивается Pflanze, Bismarck, I, pp. 52-53; ibid., III, p. 457.

14. Love Letters (Sept. 3, 1870, from Vendresse), pp. 416-417.

15. Цитируется по Raff, A History of Germany, pp. 114-117.

6. Ibid., p. 127; Gall, Bismarck, I, pp. xviii, 16.

17. Gall, Bismarck, I, pp. 159-160, 169.

18. Ibid., pp. 174-175, 186-188; Gall, Bismarck, vol. 2, p. 9.

19. Имеется в виду деятельность, которая привела к Закону о возмещении убытков 1866 года – признание правительством, через четыре года после случившегося, использования для военных целей средств, которые не были одобрены парламентом. Однако в итоге средства были возвращены. Gordon Craig, Germany, 1866-1945 (Oxford, 1978), pp. 9-10; Pflanze, Bismarck, I, pp. 328-330.

20. Gall, Bismarck, II, pp. 64-66.

21. Blackbourn, Nineteenth Century, p. 238; Sheehan, German History, pp. 859-867.

22. Raff, A History of Germany, pp. 128-130; Schulze, Germany, pp. 138-140.

23. Pflanze, Bismarck, I, pp. 258-264.

24. John Breuilly, «Revolution to Unification», in Mary Fulbrook et al., eds., German History Since 1800 (London, 1997), pp. 130-131; Pflanze, Bismarck, I, pp. 251-253, 264.

25. Raff, A History of Germany, pp. 131-137; Christopher Clark, «Germany 1815-1848: Restoration or Pre-March», in Fulbrook, German History, pp. 39-44.

26. Craig, Germany, 1866-1945, pp. 22-27; Carr, The Origins of the Wars of German Unification, pp. 178-180, 196-200.

27. Breuilly, «Revolution to Unification», pp. 136-137; Schulze, Germany, pp. 141-144.

28. Цитируется по Gall, Bismarck, II, p. 40.

29. Ibid., pp. 41-44, 49-52.

30. О внесенных поправках см. Blackbourn, Nineteenth Century, pp. 256-259; Raff, A History of Germany, pp. 146-148.

31. Raff, A History of Germany, p. 147; Schulze, Germany, p. 155.

32. Raff, A History of Germany, pp. 143, 147-148.

33. «Военная монархия, псевдогерманское конституционное государство, полуконституционное государство с парламентскими... добавлениями, пруссо-германская полуавтократия, псевдопарламентарный режим». Lerman, «Bismarckian Germany», pp. 147-149.

34. Цитируется по W.M. Simon, Germany in the Age of Bismarck (London, 1968), p. 222; см. других ведущих либералов, ibid., pp. 99-122, 216-223.

35. Lerman, «Bismarckian Germany», pp. 149, 150-154.

36. [Во имя] освобождения сил отдельной личности и продвижения свободного развития общества... [либерализм] изменял и прятал то, что происходило на самом деле,

а именно постепенное строительство современного интервенционистского государства». Gall, Bismarck, II, pp. 7, 10-11, 19; Schulze, Germany, pp. 160-161.

37. См. главу 7.

38. Gall, Bismarck, II, pp. 12-13; Nipperdey, Germany, pp. 263-264, 360-362.

39. Walker, A History of the Christian Church, pp. 523-524.

40. Craig, Germany, pp. 74, 202-203.

41. Gall, Bismarck, vol. 2, pp. 26, 78.

42. «В основе... было убеждение [Бисмарка], что Пруссия – это объект злобного крестового похода со стороны духовенства и мирян из ультрамонтанистов». Pflanze, Bismarck, I, p. 196; Raff, A History of Germany, p. 151; Gall, Bismarck, II, p. 37.

43. Raff, A History of Germany, pp. 152-154.

44. Nipperdey, Germany, pp. 367-368, 371; Gall, Bismarck, II, pp. 17, 27.

45. Walker, A History of the Christian Church, pp. 525-526.

46. См. план Гитлера по уничтожению христианского мира, глава 10.

47. Cf. Gall, Bismarck, II, pp. 19-21, 31; Craig, Germany, 1866-1945, p. 77. Об иммиграции в США в девятнадцатом столетии: Deward R. Brandt et al., Germanic Genealogy: A Guide to Worldwide Sources and Migration Patterns (St.Paul, 1995), pp. 139-143; Anne Galicich, The German Americans (New York, 1996), pp. 14-17, 78-79.

48. Gall, Bismarck, II, pp. 70, 78; Pflanze, Bismarck, II, pp. 222, 239-241; Pflanze, Bismarck, III, pp. 108-112. Ласкер составил проект платформы Национал-либеральной партии, которая была ключом к продвижению Германии к объединению в 1860-е годы. Pulzer, «Emancipation», p. 10. О политике Ласкера, James F. Harris, A Study in the Theory and Practice of German Liberalism: Eduard Lasker, 1829-84 (Lanham, Md., 1984).

49. Gall, Bismarck, II, pp. 59, 88-90; Craig, Germany, pp. 85-86, 90-93.

50. Gall, Bismarck, II, pp. 105-107.

51. Raff, A History of Germany, pp. 158-159.

52. Gall, Bismarck, II, pp. 12, 34-37, 101, 108-110.

53. Ibid, p. 93; Pflanze, Bismarck, II, pp. 391-393.

54. Pflanze, Bismarck, II, pp. 233-237.

55. Ibid., pp. 394-402.

56. Gall, Bismarck, II, pp. 99, 101, 105-107; Craig, Germany, pp. 96-07.

57. Галл описывает «полное изменение» Бисмарка, как стремление «скорее к созданию и сохранению ситуаций, обеспеченных им самим, чем адаптацию к найденным им, и повороту ситуаций в его пользу». Gall, Bismarck, II, pp. 58-59, 88-90.

58. Cf. ibid., pp. 110, 113-114.

59. Raff, A History of Germany, pp. 161, 165, 170; см. главу 7.

60. Pflanze, Bismarck, II, pp. 434-438.

61. Gall, Bismarck, II, p. 57.

62. Hull, The Entourage of Kaiser Wilhelm II, pp. 79-80.

63. Gall, Bismarck, II, pp. 200-203; Hull, Kaiser Wilhelm II, p. 80; Pflanze, Bismarck, III, pp. 350-377. См. более позднее изучение характера Вильгельма, Jan van der Kiste, Kaiser Wilhelm II: Germany's Last Emperor (Gloucestershire, 1999).

64. Берлинские остряки прозвали Бисмарка «последней любовницей Вильгельма», настолько успешно у него получалось добиваться от короля того, чего он хотел. Pflanze, Bismarck, I, p. 309; II pp. 276-278 (Вильгельм отказался позволить Бисмарку уйти в отставку в 1875 году), pp. 507-508 (Вильгельм относился к Бисмарку с благоговением после Берлинского конгресса – «Бисмарк гораздо более необходим, чем я»), pp. 514-516 (Вильгельм чувствовал скованность и напряженность в общении с Бисмарком после их «худшего спора»).

65. Raff, A History of Germany, p. 176.

66. Gall, Bismarck, II, pp. 213-214; Raff, A History of Germany, p. 172.

67. Gall, Bismarck, II, p. 7.
68. Ibid., pp. 113-114.
69. Ibid., pp. 226-228.
70. Ibid., p. 234.
71. Ibid., p. 5.
72. Цитируется по Gall, Bismarck, II, p. 29.

Глава 9. Последняя Империя. От Вильгельма II до Веймарской республики.

1. Giles MacDonough, The Last Kaiser: The Life of William II (New York, 2000), p. 69. По словам Изабель Халл, Вильгельм был гомосексуалистом, но старался этого не показывать. Сообщалось о его связи с графом/князем Филиппом фон Ойленбергом, вместе с которым он вел «Либенбергский круглый стол» – ежегодную встречу охотников, среди которых были известные бисексуалы. Isabel Hull, The Entourage of Kaiser Wilhelm II, 1888-1918 (Cambridge, 1982), pp. 21, 52-53, 133. Китчен утверждает, что Вильгельм «вступал в интимные контакты с гомосексуалистами и трансвеститами». Kitchen, Cambridge Illustrated History of Germany, p. 215.

2. Вильгельм вмешивался в принятие решений парламентом, «накладывая вето, делая примечания о несогласии на полях официальных документов и бесконечно выступая с политическими заявлениями». Blackbourn, Nineteenth Century, p. 403.

3. Ibid., pp. 402-405, 418-419; Raff, A History of Germany, pp. 187-193. Левые либералы и социал-демократы «надеялись создать парламентскую монархию, в которой министры отвечали бы перед Рейхстагом». Ibid., p. 192.

4. Несмотря на классовый конфликт и недовольство социалистов, продолжали существовать буржуазные ценности, по поводу которых имелась «общность взглядов», а именно: вера в собственность, достижения и закон, привязанность к правилам, респектабельности и «правильному» поведению, место семьи, как убежища и цели амбиций».

Blackbourn, Nineteenth Century, pp. 351-352, 364. О рабочей силе и социалистических движениях, в частности Социал-демократической партии Германии: Dick Geary, «Socialism and the German Labour Movement Before 1914», in Dick Geary, ed., Labor and Socialist Movements in Europe Before 1914 (Oxford, 1992), pp. 101-136.

5. Blackbourn, Long Nineteenth Century, chap. 8; cf. Roger Chickering, We Men Who Feel Most German: A Cultural Study of the Pan-German League, 1886-1914 (London, 1984).

6. William Smith, «A description of the cittie [sic] of Noremberg... 1594 [English-German], trans. W. Roach, Mitteilungen des Vereins für die Geschichte der Stadt Nuremberg 48 (1958); p. 222.

7. E.G. Spencer, Police and the Social Order in German Cities (DeKalb, Ill., 1992), 65-66, цитируется по Blackbourn, Nineteenth Century, pp. 381-383; также см. pp. 370, 374.

8. Ozment, Protestants, pp. 107-108; Ozment, When Fathers Ruled: Family Life in Reformation Europe (Cambridge, Mass., 1983), chap. 4. Наблюдение за молодежью и населением в целом не особенно давило на них, как и не было успешным. Оно могло бы предотвратить прогулы и помочь Германии достичь своего «уровня грамотности, вызывающего зависть». Blackbourn, Nineteenth Century, p. 383.

9. См. обзор Крамера, Cramer, «The Lamentations of Germany».

10. Lerman, «Wilhelmine Germany», in Fulbrook, Modern Germany, pp. 201-202; Raff, A History of Germany, pp. 181-182; Schulze, Germany, p. 175.

11. Nipperdey, Germany, pp. 228-229. Хотя новые социальные группировки также проводили политику сегрегации нового классового общества, местные клубы и ассоциации стягивали вместе представителей разных классов. Ibid., pp. 234-235.

12. Cf. Schulze, Germany, pp. 176-179. О маргинализации молодежи в годы Веймарской республики (1920-е), Detlev

J.K. Peukert, The Weimar Republic: The Crisis of Classical Modernity, trans. Richard Deveson (New York, 1989), p. 94.

13. О впечатляющей статистике, Blackbourn, Nineteenth Century, chap. 7. Hans-Ulrich Wehler, The German Empire, 1871-1918, trans. Kim Traynor (Oxford, 1985): экономика и промышленность, pp. 32-51; армия, pp. 146-170; траты на вооружение, p. 142.

14. См. Blackbourn, Nineteenth Century, p. 385, and Schulze, Germany, p. 182. Об историографическом споре: Blackbourn, Populists and Patricians (London, 1987), pp. 45-54, 217-245.

15. См. главу 8. О Культуркампф, David Blackbourn, Marpingen: Apparitions of the Virgin Mary in Nineteenth Century Germany (Oxford, 1993), pp. 85-91.

16. Blackbourn, Nineteenth Century, pp. 397-398.

17. Kitchen, Cambridge Illustrated History of Germany, p. 293.

18. Matthew Jeffries, «Imperial Germany: Cultural and Intellectual Trends», in Fulbrook, German History, pp. 186-187.

19. Craig, Germany, pp. 231-239.

20. «Прогрессирующее бессилие «ответственного правительства», которое одновременно подвергалось безжалостному монархическоу давлению». Lerman, «Wilhelmine Germany», p. 209; Kitchen, Illustrated History of Germany, pp. 217-218.

21. Kitchen, Illustrated History of Germany, pp. 220-223. О «планах аннексации и гегемонии» Германии перед войной: David Blackbourn and Geoff Eley, The Peculiarities of German History, pp. 28-29; Lerman, «Wilhelmine Germany», p. 215; Geoff Eley, From Unification to Nazism: Reinterpreting the German Past (Boston, 1986), pp. 110-153 (against V. Berghahn).

22. Lerman, «Wilhelmine Germany», p. 224.

23. Blackbourn, Nineteenth Century, pp. 426-427, 443, 446; Kitchen, Illustrated History of Germany, pp. 223-224; Raff, A History of Germany, pp. 202-209.

24. Avner Offer, The First World War: An Agrarian Interpretation (Oxford, 1989), pp. 4-5.

25. См. Берлинский конгресс, глава 8.

26. Kitchen, Cambridge Illustrated History of Germany, p. 218; Raff, A History of Germany, pp. 120, 198.

27. Цитируется по Lerman, «Wilhelmine Germany», p. 224.

28. В основе научных обсуждений периода Империи после ее распада лежат классические работы Фрица Фишера. См. Введение, прим. 14 и работу Джеймса Джолла, James Joll, The Origins of the First World War (London, 1984), p. 5, а также Blackbourn, Nineteenth Century, pp. 457, 480.

29. Joll, Origins, p. 143.

30. Ibid., p. 196

31. Ibid., Blackbourn, Nineteenth Century, pp. 454, 480-483.

32. Walther Schücking and Max Montgelas, eds., The Outbreak of the World War: German Documents Collected by Karl Kautsky, supplement 1 (New York, 1924), pp. 604-605; Joll, Origins, pp. 11-14.

33. Joll, Origins, pp. 10-14, 16-18, 21-22.

34. John Keegan, The First World War (New York, 1999), pp. 22-48.

35. Richard Bessel, Germany After the First World War (Oxford, 1993), pp. 10, 13-15, 18-19, 225. Юте Даниел подчеркивает непрерывность работы женщин: The War From Within: German Working-Class Women in the First World War, trans. Margaret Ries (Oxford, 1997), chap. 3.

36. Ferguson, «German Inter-war Economy», p. 264; Schulze, Germany, p. 211.

37. Bessel, Germany, pp. 29-31, 41-42, 48, 223-240. О влиянии инфляции в Веймарской республике на всевозможные учреждения и организации и мораль, среди многочисленных работ см., Gerald Feldman, Die Deutsche Inflation: Eine Zwischenbilanz (Berlin, 1982). Оффер подчеркивает нехватку продуктов питания, вызванную блокадой союзников, что привело к неограниченной войне подводных лодок, а это в

свою очередь привело к участию в войне США. Offer, The First World War, pp. 354-67.

38. «Республиканский эксперимент, [рожденный] в самый неблагоприятный момент из возможных». Peukert, Weimar Republic, p. 6; Helmut Heiber, The Weimar Republic, trans., W.E. Yuill (Oxford, 1993), chap. 1.

39. Bessel, Germany, p. 252; Wolfgang Mommesen, «The German Revolution, 1918-20», in Richard Bessel and E.J. Feuchtwanger, eds., Social Change and Politial Development in Weimar Germany (London, 1981), pp. 21-54.

40. Peukert, Weimar Republic, pp. 22-23.

41. Schulze, Germany, p. 197.

42. Heiber, Weimar Republic, pp. 4-9.

43. Bullock, Hitler, pp. 57-58; Peukert, Weimar Republic, p. 16; Niall Ferguson, «German Inter-War Economy», in Fulbrook, German History, p. 264.

44. Craig, Germany, pp. 401-403.

45. Ibid., chap. 2; Raff, A History of Germany, p. 183; Schulze, Germany, pp. 202, 207.

46. Peukert, Weimar Republic, pp. 38-39.

47. Блакбурн описывает Социал-демократическую партию, как «революционную, но не делающую революцию партию, которая верила, довольно детерминистически, что история может подать будущее ей на колени». Blackbourn, Nineteenth Century, p. 422.

48. Schulze, Modern Germany, p. 204; Raff, A History of Germany, p. 215.

49. Позднее, в 1926 году, как часть успешной дипломатии Штреземана в Локарно, Германия стала членом Лиги Наций. Raff, A History of Germany, pp. 252-253. О французах, претворяющих условия договора в жизнь, см. главу 11.

50. Kitchen, Germany, p. 233-34; Ferguson, «German Inter-War Economy», p. 265; Peter Fritzsche, A Nation of Fliers: German Aviation and the Popular Imagination (Cambridge, Mass., 1992), pp. 104-106, passim.

51. Peukert, Weimar Republic, p. 53.

52. Ferguson, «German Inter-War Economy», p.265.

53. Peukert, Weimar Republic, pp. 5, 57. Франция была «самой непреклонным, а также крупнейшим кредитором по репарациям». Stephen A. Schucker, The End of French Predominance in Europe: The Financial Crisis and the Adoption of the Dawes Plan (Chapel Hill, 1976), pp. 23-24.

54. Peukert, Weimar Republic, pp. 54-55.

55. Blackbourn, Nineteenth Century, p. 481.

56. В честь американского финансиста, лауреата Нобелевской премии, вице-президента Чарльза Дауэса.

57. Peukert, Weimar Republic, pp. 60, 196-197.

58. В честь американского финансиста и юриста Оуэна Юнга.

59. Между 1919 и 1932 годами Германия выплатила 21,3 миллиарда марок в виде репараций. Peukert, Weimar Republic, p. 197.

60. «Репарации не... обескровили германскую экономику. На самом деле в целом они оставили ее в гораздо лучшем состоянии». Ibid.

61. Ibid., pp. 42-43, 46, 55; Raff, A History of Germany, p. 227.

62. Karl Dietrich Bracher, «The Dissolution of the First German Democracy», in Turning Points in Modern Times: Essays in German and European History, trans. Thomas Dunlap (Cambridge, Mass., 1995), p. 103.

63. Peukert, Weimar Republic, pp. 130-132; см. главу 8.

64. Ibid., pp. 135-136.

65. Ibid., pp. 136-138, 145.

66. Bessel, Germany, p. 255.

67. Bracher, «The Weimar Experience», in Turning Points, p. 5; Peukert, Weimar Republic, pp. 223-25; Raff, A History of Germany, p. 242.

68. Peukert, Weimar Republic, pp. 226-230

69. Bracher, «Dissolution», pp. 100-103.

70. Peukert, Weimar Republic, p. 235.

71. Ibid., pp. 156-157, 231-233.

72. Ibid., p. 198; Bracher, «Dissolution», p. 101.

73. Снова влиятельный аргумент Фрица Фишера о военных целях Германии (1961), который поддержали Велер и В. Берган. О его влиянии и точности, Wolfgang J. Mommsen, «Domestic Factors in German Foreign Policy Before 1914», Central European History 6 (1973): 12-15; Lerman, «Wilhelmine Germany», p. 224; Müller, Another Country, pp. 51-52.

74. Lerman, «Wilhelmine Germany», pp. 222-224.

75. «Немцы отступили в иллюзорный мир, в котором их проблемы неизменно были виной других». Bessel, Germany, p. 283.

76. Сравните метафору Баллока о том, как пережить «землетрясение», со ссылкой на обвал фондовой биржи 1929 года и депрессию 1930-32: «При таких обстоятельствах люди больше не прислушиваются к... доводам разума... [Они] испытывают фантастические страхи, нелепую ненависть и... надежды, [а также] слушают сумасбродную демагогию [какого-нибудь] Гитлера». Bullock, Hitler, pp. 132, 152.

77. «К смене столетий и времени Первой Мировой войны... секуляризация распространилась на большие группы населения и христианские ценности перестали приниматься всеми... Начался поиск новых основ и новых ценностей, [который] имел различное политическое выражение: авторитарные концепции автократического государства... видение левым крылом классовой диктатуры; желание «Volksgemeinschaft» (народного сообщества). Еще одним важным побочным политическим продуктом был вид расистской утопии, который сыграл центральную роль в идеологи национал-социализма. Peukert, Weimar Republic, p. 242.

78. Cf. Peter Fritzsche, Germans into Nazis (Cambridge, Mass., 1998), pp. 199-211, и ниже глава 11.

Глава 10. Варварский князь. Подъем и крах национал-социализма.

1. Cf. Jeffrey Fear, «German Capitalism», in Thomas K. McCraw, Creating Modern Capitalism (Cambridge, Mass., 1997), pp. 135-182.

2. Detlev J.K. Peukert, The Weimar Republic: The Crisis of Classical Modernity, trans. R. Deveson (New York, 1989), pp. 63-64, 252-253, 156; Mary Fulbrook, The Divided Nation (Oxford, 1991), pp. 34, 57; W. Michalka and G. Neidhart, eds., Die ungeliebte Republik (Munich, 1980),p. 118; V. Berghahn, Modern Germany (Cambridge, 1996), p. 100; Harold James, «Economic Reasons for the Collapse of the Weimar Republic», in Ian Kershaw, ed., Weimar: Why did German Democracy Fail? (London, 1990), chap. 1.

3. Например, преднамеренная политика «трудностей и голода» канцлера Брюнинга ради того, чтобы положить конец репарациям.

4. Jan Kershaw, Hitler, 1889-1936: Hubris (New York, 1999), pp. 8-16, 20-24, 37-38, 40-41.

5. Hitler's Table Talk, 1941-44: His Private Conversations, trans. N. Cameron et al. (London, 1973), 10/28/41, p. 97. Также известны, как «Записки Бормана», в честь рейхминистра Мартина Бормана, который одобрил, исправил и сохранил 1054 отпечатанных на машинке страницы неофициальных отчетов о высказываниях Гитлера за столом, записанных назначенными стенографистками.

6. Kershaw, Hitler, 1889-1936, pp. 42-43, 48-49. В дальнейшем, как фюрер, Гитлер финансировал фестиваль в Байрейте, выделяя сотни тысяч немецких марок, там его разлекал клан Вагнеров, в частности Винифред Вагнер, с которыми он очень легко себя чувствовал. Albert Speer, Inside the Third Reich: Memoirs, trans. Richard and Clara Winston (New York, 1970), pp. 149-150; Table Talk, 10/28/41, p. 97.

7. «Пес [Блонди], вероятно, занимал самую важную роль в частной жизни Гитлера; он значил больше для своего хо-

зяина, чем ближайшие соратники фюрера». В дополнение к Блонди он считал верным другом только Еву Браун. Speer, Inside the Third Reich, pp. 300-302.

8. Kershaw, Hitler, 1889-1936, pp. 31-33, 36, 55-56, 58-59, 64.

9. Биограф Алан Баллок называет его «величайшим демагогом в истории». Alan Bullock, Hitler: A Study in Tyranny (New York, 1962), pp. 25-27, 34-37, 68.

10. Jan Kershaw, The Hitler Myth: Image and Reality in the Third Reich (Oxford, 1987), p. 22.

11. Сравните с Фридрихами из Гогенштауфенов в главе 2.

12. Хотя он редко упоминал их названия во время застольных бесед. Table Talk, 10/25/41, p. 89; ibid., 3/7/42, p. 358.

13. В противоположность мнению Баллока, который ищет уже выраженный антисемитизм Гитлера в личных сомнениях. Bullock, Hitler, pp. 40-44; Kershaw, Hitler, 1889-1936, pp. 34-35.

14. Cf. Kershaw, Hitler, 1889-1936, pp. 81, 87, 89-90.

15. Jan Kershaw, «Hitler: «Master in the Third Reich» or «Weak Dictator»?» in Kershaw, ed., The Nazi Dictatorship (London, 2000), pp. 69-92.

16. Bullock, Hitler, pp. 50-51, 53, 55; Kershaw, Hitler: 1889-1936, pp. 92, 96-97.

17. Об этих временных советах и так называемой Räterepublik см. главу 9.

18. Kershaw, Hitler: 1889-1936, pp. 105, 109-117.

19. Ibid., 117-124.

20. Adolf Hitler, Mein Kampf, ed. John Chamberlain et al. (New York, 1940), pp. 5ff.

21. Bullock, Hitler, pp. 64-70, 76; Schulze, Germany, pp. 231-232; Adolf Hitler, Mein Kampf, ed. John Chamberlain et al. (New York, 1940), pp. 3-4; Kershaw, Hitler, pp. 105, 137, 144-145, 147. О гомосексуализме Рема и зачистке штурмовиков, Speer, Inside the Third Reich, pp. 51-53. О том, кто голосовал за нацистов и почему в 1920-е годы, см. Richard F. Hamilton,

Who Voted for Hitler? (Princeton, 1982); Thomas Childers, The Nazi Voter (Chapel Hill, 1983); Thomas Childers, ed., The Formation of the Nazi Constituency (London, 1986).

22. Kershaw, Hitler: 1889-1936, pp. 157, 169, 170, 184-185.

23. Speer, Inside the Third Reich, p. 101. Четверо других близких людей – это Рем, Юлиус Штрейхер, Герман Эссер и Кристиан Вебер, все – опытные агитаторы и пропагандисты в революционные 1920-е годы. О путешествиях Гитлера с Экхартом: Table Talk, pp. 211-219; Mosse, The Crisis of German Ideology, pp. 296-297.

24. См. главу 7.

25. Bullock, Hitler, pp. 82-83; Kershaw, Hitler: 1889-1936, pp. 187-188.

26. Kershaw, Hitler: 1889-1936, p. 191.

27. Об ужасающих последствиях инфляции и репараций: Gerald Feldman, The Great Disorder: Politics, Economics, and Society in the German Inflation, 1914-1924 (New York, 1993); Marc Trachtenberg, Reparation in World Politics: France and European Diplomacy, 1916-1923 (New York, 1980).

28. Fulbrook, The Divided Nation, pp. 34-35; Raff, A History of Germany, pp. 245-247.

29. Хотя четыре из каждых пяти репарационных марок теперь заимствовались, по большей части из американских банков, платежи были обеспечены и установлен предсказуемый график. См. главу 9.

30. Richard Bessel, «Germany from War to Dictatorship», in Fulbrook, German History Since 1800, pp. 248-249; Fulbrook, The Divided Nation, pp. 35-38; Schulze, Germany, pp. 210-212, 215-216.

31. Bullock, Hitler, pp. 107-108, 112-113; Kershaw, Hitler: 1889-1936, pp. 210-211.

32. Цитируется по Bullock, Hitler, pp. 116-117; Kershaw, Hitler: 1889-1936, pp. 212-219.

33. Кершоу подчеркивает успех Гитлера в изменении истории путем поразительного избегания логических или

предписанных последствий; тем не менее, он считает, что в конце большую роль в успехе сыграл социополитический и экономический «контекст», чем «личность». Kershaw, Hitler: 1889-1936, p. 238. О противостоянии намерений и функциональности в интерпретации Гитлера, то есть степени, в которой Гитлер брал на себя бразды правления, и степени, в которой его тянуло по течению, см. Mason, Nazism, Fascism, and the Working Class (Cambridge, 1995), pp. 212-230.

34. Kershaw, Hitler: 1889-1936, pp. 261-262.

35. «Не верьте, что я издам указ о запрете на мясо в довольствии моряков. Если бы национал-социализм запрещал мясо, то определнно наше движение не добилось бы успеха». Table Talk, 1/22/42, p. 230. «Битва между повторно стреляющим ружьем и зайцем – которая не продвинулась вперед на протяжении трех тысяч лет – слишком неравна. Если мистер такой-то обгонит зайца, то я сниму перед ним шляпу». Table Talk, 10/20/41, p. 94.

36. Bullock, Hitler, pp. 113, 120-121, 126-128, 132; Kershaw, Hitler: 1889-1936, pp. 224, 231, 242-243, 257, 261, 271; Peter Fritzsche, Germans into Nazis (Cambridge, Mass., 1998), p. 187.

37. Bessel, «Germany from War to Dictatorship», p. 249; Bullock, Hitler, p. 132.

38. Bullock, Hitler, p. 143; Peukert, Weimar Republic, pp. 107-124.

39. Bullock, Hitler, pp. 132, 150-153, 179.

40. Schulze, Germany, pp. 237-238.

41. Kershaw, Hitler: 1889-1936, pp. 324-325, 333-334; по словам Шульце они получили 130 мест, Schulze, Germany, p. 233.

42. William S. Allen, The Nazi Seizure of Power: the Experience of a Single German Town, 1930-1935 (Chicago, 1965), p. ix. Аллен писал в начале 1960-х, когда полученные в войну раны все еще оставались открытыми, а точная информация не являлась общедоступной и безопасной.

Он использовал вымышленный город («Тальбург» вместо Нортгейма, который впервые использовал в доработанном издании 1984 года) и вымышленные имена главных героев, что являлось условием сотрудничества последних.

43. Ibid., pp. 3-34, 272-281.

44. О создании этой иллюзии см. Kershaw, The «Hitler Myth», chap. 2.

45. «Привычки, образ мыслей и чувства» Гинденбурга «восставали против всего, что вы представляете». Table Talk, 1/18/42, p. 222; Bullock, Hitler, pp. 183, 187.

46. Bullock, Hitler, pp. 183, 190-191.

47. Гинденбург частным образом попросил Гитлера провести кампанию против правительства «рыцарским» образом. Bullock, Hitler, pp. 222-223; Kershaw, Hitler: 1889-1936, pp. 370-371, 373.

48. Bullock, Hitler, pp. 196-199, 201; Kershaw, Hitler: 1889-1936, p. 363; Berghahn, Modern Germany, p. 119.

49. Телохранители в черных рубашках, их форма жутким образом украшалась значками в виде черепов.

50. Peukert, Weimar Republic, p. 256; Fritzsche, Germans into Nazis, p. 157.

51. Bullock, Hitler, pp. 210, 220; Kershaw, Hitler: 1889-1936, pp. 365-367, 373-374; Craig, Germany, 1866-1945, p. 562-564.

52. Bullock, Hitler, pp. 226-227.

53. Kershaw, Hitler: 1889-1936, pp. 371, 394-395.

54. О составлении планов Шлейхером, Berghahn, Modern Germany, pp. 115-128; Kershaw, Hitler: 1889-1936, pp. 395-396, 399.

55. Bullock, Hitler, pp. 238-239, 244; Kershaw, Hitler: 1889-1936, pp. 419-421; Schulze, Germany, p. 243.

56. См. Аларик, Атаульф и Хлодвиг, главы 1 и 2.

57. Kershaw, Hitler: 1889-1936, p. 434.

58. Ibid., p. 459.

59. Ibid., pp. 466-468.

60. Joachim C. Fest, Hitler, trans., Richard and Clara Winston

(New York, 1974), pp. 397-398; Kershaw, Hitler: 1889-1936, pp. 456-460, 469-470. Об интеграции «Стального Шлема» в Национал-социалистическую партию, Allen, The Nazi Seizure of Power, pp. 205-206.

61. Hitler, Mein Kampf, pp. 395-399; Table Talk, pp. 7-11.

62. Kershaw, Hitler: 1889-1936, pp. 474-475, 478.

63. Ibid., pp. 145-148, 478-479, 482, 490, 494.

64. Среди мертвых были Шлейхер; генерал-майор Фердинанд Бредов, близкий соратник Шлейхера; соперник Гитлера Грегор Штрассер; и приятель Гитлера Рем, который отклонил предложение о самоубийстве.

65. Fest, Hitler, pp. 470-474; Kershaw, Hitler: 1889-1936, pp. 499-504, 517-519. О внутренней военной дискуссии и заговорах против вторжения Германии ее соседей летом 1938 и 1939 годов, см. Theodore Hamerow, On the Road to the Wolf's Lair: German Resistance to Hitler (Cambridge, Mass., 1999), pp. 239, 249, 254.

66. Table Talk, 7/5/41, p. 3; 7/11-12/41, p. 6; 8/11/41, p. 23' 9/17-18/41, pp. 33-34; 9/23/41, p. 38; 9/25/41, p. 40; 10/13/41, p. 35. Cf. Robert Proctor, Racial Hygiene: Medicine Under the Nazis (Cambridge, Mass., 1988), pp. 177-194.

67. Table Talk, 1/5-6/42, p. 182; John Keegan, The Second World War (London, 1990).

68. Donald Kagan, On the Origins of War (New York, 1995); Schulze, Germany, pp. 245-270.

69. Nipperdey, Germany from Napoleon, pp. 217-221; cf. Vick, Defining Germany, pp. 211-212.

70. Nipperdey, Germany from Napoleon, pp. 221-222.

71. Blackbourn, Nineteenth Century, pp. 287-288; William Carr, «Nazi Policy Against the Jews», in Bessel, ed., Life in the Third Reich, p. 70; Gall, Bismarck, pp. 70-72, passim.

72. См. Матин Лютер, глава 3.

73. David Blackbourn, «Catholics, the Centre Party and Anti-Semitism», Populists and Patricians: Essays in Modern German History (London, 1987), pp. 168-187. Протестант-

ское большинство могло также сурово относиться к католическому меньшинству, как и к еврейскому меньшинству, но католики также сами по себе проявляли менее ожесточенный антисемитизм.

74. О радикализации планов нацистов по уничтожению евреев и эволюции Окончательного Решения см. документы, собранные в Jeremy Noaks and Jeoffrey Pridham, eds., Nazism 1919-1945: A Documentary Reader, 3rd ed. (Exter, England, 1983), pp. 107-135.

75. Schulze, Germany, pp. 270-275. Об аргументе Голдхагена см. Evans, «Anti-Semitism: Ordinary Germans and the «Longest Hatred»», in Rereading German History, pp. 149-177; Fritz Stern, «The Goldhagen Controversy: One Nation, One People, One Theory?» Foreign Affairs 75 (1996): pp. 128-138; Ian Kershaw, The Nazi Dictatorship: Problems and Perspectives (New York, 2000), pp. 251-262.

76. Raff, A History of Germany, p. 227; Table Talk, intro., p. xxxiii.

77. Ian Beruma, «Depravity Was Contagious», review of Ian Kershaw, Hitler 1936-45: Nemesis, New York Times Book Review, 12/10/00, p. 13. Raul Hilberg, The Destruction of the Europen Jews (New York, 1985). О том, что союзники знали или не знали о концентрационных лагерях, см. Richard Breitman, Official Secrets: What the Nazis Planned, What the British and the Americans Knew (New York, 1998), esp. chap. 8-11, esp, pp. 231-32.

78. Table Talk, 9/14-15/41, pp. 29-30; Blackbourn, Long Nineteenth Century, pp. 437-439; Bullock, Hitler, pp. 700-703; Evans, «Anti-Semitism», in Rereading German History, pp. 150-155, 160, 162, 165-166.

79. Table Talk, 10/18/41, p. 75; Noakes and Pridham, Nazism, pp. 1097-1098.

80. Bullock, Hitler, pp. 407, 410-11, Kershaw, Hitler: 1889-1936, pp. 249, 275, 288-290.

81. Table Talk, 10/10/41, p. 51; 12/14/41, p. 146.

82. Table Talk, 12/1-2/41, pp. 140-141; 12/13/ 41, pp. 142-143. Он называет это «решением религиозной проблемы».

83. По словам Балдура фон Шираха, предводителя группы, которая станет «Гитлерюгендом», «уничтожение христианства было с самого начала признано целью движения национал-социалистов, хотя размышления из опыта подсказывали невозможность этого... пока национал-социалисты не консолидируют власть». Joe Sharkey, «The Case Against the Nazis: How Hitler's Forces Planned to Destroy German Christianity», New York Times, 1/13/01, sect. 4, p. 7; Robert L. Bartley, «Christian Jews, and Wotan», Wall Street Journal, 3/25/02, p. A19.

84. Table Talk, 10/21/41, pp. 76-78.

85. Sharkey, «The Case Against the Nazis». Документы Нюрнбергского процесса, демонстрирующие планы нацистов по уничтожению германского христианства, можно посмотреть на Интернет-сайте Rutgers Journal of Law and Religion (www.cam-law.rutgers.ed/publications/law-religion). Ibid.

86. Speer, Inside the Third Reich, pp. 95-96.

87. Michael Balfour, Withstanding Hitler in Germany 1933-45 (London, 1988), p. 17.

88. О германских католиках и Гитлере: John S. Conway, The Nazi Persecution of the Churches, 1933-45 (New York, 1968); E.C. Helmreich, The German Churches Under Hitler (Detroit, 1979); Gunther Levy, The Catholic Church and Nazy Germany (New York, 1964) и L.D. Walker, Hitler Youth and Catholic Youth, 1933-36 (Washington, D.C., 1979). О программе эвтаназии, Jeremy Noakes, «Social Outcasts in the Third Reich», in Richard Bessel, ed., Life in the Third Reich (Oxford, 1987), p. 88; Proctor, Racial Hygiene.

89. Balfour, Withstanding Hitler, pp. 38-39.

90. The Barmen Declaration. Craig, The Germans, pp. 96-98; Mary Fulbrook, The Divided Nation, pp. 80-81; Doris Bergen, Twisted Cross: the German Christian Movement in the Third Reich (Chapel Hill, 1996).

91. Table Talk, 10/10/41, p. 51.

92. Ibid., p. xxxiii, 10/24/41, p. 83.

93. «Догма христианства устаревает [благодаря] наступлению науки... [в свете которой] мифы постепенно рушатся... Когда большинство узнает, что звезды... это – миры, возможно, населенные, как и наш, христианская доктрина [создания и другие его мифы] будут обвинены в абсудности». Ibid., 10/14/41, pp. 59-60.

94. Ibid., введение H.R. Trevor-Roper, pp. xxvi-xvii.

95. Ibid., 10/21/41, pp. 78-79.

96. Ibid., цитируется по Trevor-Roper, введеие к ibid., p. xxvi.

97. Bullock, Hitler, p. 144. «Человек, не имевший должной квалификации для управления сложной государственной машиной». Kershaw, Hitler: 1889-1936, p. 423.

98. «Феномен нацистов не был гипервентилированным выражением германских ценностей... Нацизм не был ни случайным, ни всеобщим». Fritzsche, Germans into Nazis, pp. 234-235.

99. Этот класс состоял из «мастеров-ремесленников, специалистов без высшего образования, низших и временных нанятых работников... и чиновников, а также включал учителей начальной школы и владельцев небольших компаний». Balfour, Withstanding Hitler, p. 19.

100. Поразительно высокая оценка принадлежит Sebastian Haffner, Anmerkungen zu Hilter (Munich, 1978), цитируется по Fritzsche, Germans into Nazis, p. 255. Кершоу уверенно опровергает: Kershaw, The «Hitler Myth», pp. 1, 83-104.

101. Fulbrook, Divided Nation, chap. 4; Balfour, Withstanding Hitler, chap. 3; Гамильтон составил схемы и диаграммы, где представил процентное соотношение голосов, которые получали все партии, прошедшие в Рейхстаг с 1919 по 1933 год. Hamilton, Who Voted for Hitler, p. 476. Также см. Henry A. Turner, German Big Business and the Rise of Hitler (Oxford, 1985). Об альтернативных молодежных культурах, враж-

дебных «Гитлерюгенду» (наиболее известные – «Пираты Эдельвейса»), см. Peukert, Inside Nazi Germany: Conformity and Opposition in Everyday Life, trans. Richard Deveson (New Haven, 1978), pp. 145-164.

102. Kershaw, Hitler: 1889-1936, pp. 404, 407, 409.

103. Evans, «Whatever Became of the Sonderweg?» in Rereading German History, pp. 12-22. Важный клин для контраргумента – это обзорная статья David Blackbourn, «The Discreet Charm of the German Bourgeoisie» (1981), in Populists and Patricians, pp. 67-83, более полно представлено в Blackbourn and Eley, The Particularities of German History, pp. 253-260, 285.

104. Fritzsche, Germans into Nazis, pp. 163, 233. Возобновив Volksgemeinschaft, нацисты обвинили неэгалитарных аристократов, элиту буржуазии, капиталистов и евреев. Фрицше говорит о «национальной переборке» и «созидательном акте строительства национального общества» – нацисты «признавали и предоставляли политические избирательные права людям на основе того, что они сделали для Volk, а не на основе того, кто они были по своему статусу». Ibid., pp. 178, 184, 192, 198, 201-202, 204, 208-209, 211, 228-231.

105. Cf. Fulbrook, Divided Nation, pp. 351-357. О состоянии этих ценностей сегодня, Müller, Another Country, pp. 1-20, 266-285.

106. Peukert, Weimar Republic, pp. 94, 256; Schulze, Germany, pp. 182, 232-3; Mosse, Crisis of German Idealism, chap. 9.

Глава 11. Неоднозначный немец. Германия после Второй Мировой войны.

1. John Ardagh, Germany and the Germans: The United Germany in the Mid-1990s (New York, 1995), p. 23; Lothar Kettenacker, Germany Since 1945 (Oxford, 1997), pp. 5-6, 35.

2. Mary Fulbrook, The Two Germanies, 1945-1990: Problems of Interpretation (Atlantic Highlands, N.J., 1992), pp. 1-3;

Henry A. Turner, Jr., The Two Germanies Since 1945 (New Haven, 1987), pp. 8-16.

3. Ardagh, Germany and the Germans, pp. 21-22, 371; Fulbrook, Divided Nation, pp. 131-33, 153; Kettenacker, Germany Since 1945, pp. 12-13.

4. Примеры в Fulbrook, Divided Nation, pp. 135-136.

5. Ibid., pp. 146-47; Kettenacker, Germany Since 1945, pp. 17-18.

6. Немцы запоздало печалятся о несправедливостях, которые пережили, и жертвах, которые понесли во время и после Второй Мировой войны, их негодование повлияло на германо-американские отношения. Richard Bernstein, «The Germans Who Toppled Communism Resent the U.S.», New York Times [NYT] 2/22/03, p. A7; Christopher Rhoads, «Revisiting History: Behind Iraq Stance in Germany: Flood of War Memories», Wall Street Journal [WSJ], 2/25/03, pp. A1, A8.

7. Fulbrook, Divided Nation, pp. 135-136, 140, 147-148, 150; Kettenacker, Germany Since 1945, pp. 17, 21.

8. Fulbrook, Two Germanies, p. 17.

9. Kettenacker, Germany Since 1945, pp. 29-32; Fulbrook, Divided Nation, pp. 157, 163-164.

10. Kettenacker, pp. 18-20, 50-51; Schulze, Modern Germany, p. 316.

11. Müller, Another Germany, p. 22.

12. Fulbrook, Two Germanies, pp. 52-54; Kettenacker, Germany Since 1945, p. 1.

13. Ardagh, Germany and the Germans, pp. 104-106; Fulbrook, The Divided Nation, pp. 175-177, 181-185, 188-89; Fulbrook, Two Germanies, pp. 30-31.

14. Ardagh, Germany and the Germans, pp. 108-134.

15. «Поразительно большое количество заговорщиков принадлежало к старой прусской аристократии». Fest, Hitler, p. 702. Фест находит малое количество левых в Сопротивлении – представителей Веймарской республики,

беднейшей части среднего класса, бизнесменов и рабочих. Также см. Ardagh, Germany and the Germans, pp. 171-181, в особенности интервью с князем Фридрихом-Карлом Гогенлое-Вальденбургом.

16. «В целом [на немцев] больше не влияло классовое сознание». Kettenacker, Germany Since 1945, p. 165.

17. «Внутренняя демократизация». Fulbrook, Divided Germany, p. 275.

18. Ardagh, Germany and the Germans, pp. 249-254.

19. Ibid., pp. 536-537; Fulbrook, Divided Nation, pp. 211, 282-286. Генрих Белль, лауреат Нобелевской премии, ведущий левый либерал, вместе с Габермасом и Грассом просил милости для Ульрике Майнхоф. Müller, Another Country, p. 54. Историю Баадера и Майнхоф см. Julian Becker, Hitler's Children (London, 1977).

20. Fulbrook, Divided Nation, pp. 207-8; Kettenacker, Germany Since 1945, pp. 63-69; 74-75.

21. Ardagh, Germany and the Germans, pp. 273-280; Klaus J. Bade, «Exodus und Integration: Historische Perspektiven und aktuelle Probleme», in Paul Bockelet, ed., Zu viele Fremde im Land? Aussiedler, Gasarbeiter, Asylanten (Düsseldorf, 1990), pp. 9-20; а также Bade, Ausländer Aussiedler, Asyl in Bundesrepublik Deutschland (Hannover, 1994).

22. Roger Cohen, «Germany's Financial Heart Is Open, But Weary», NYT on the Web, 12/30/00.

23. Ardagh, Germany and the Germans, pp. 280-293; Kettenacker, Germany Since 1945, pp. 230-231; Facts About Germany, p. 16.

24. www.Einbürgerung.de.

25. Fulbrook, Two Germanies, pp. 18-19, 28-29.

26. Фулброк верит, что сила не была всем. «Свобода дискуссий, отсутствие идеологических обязательств и выражение диссиденстких взглядов» – последнему помогала и подстрекала протестантская церковь – сыграли большую роль; тем не менее, она также указывает на «главную черту»

ГДР, как «эффективное заключение в тюрьму» населения страны. Ibid., pp. 37, 40, 42-43.

27. Ibid., pp. 41, 65: «Единственный независимый социальный институт в ГДР вне... системы».

28. См. выдающийся пример писательницы Кристы Вольф и Fulbrook, Divided Nation, pp. 293-294; Kettenacker, Germany Since 1945, pp. 169-170.

29. Fulbrook, Divided Nation, pp. 272-273; Two Germanies, pp. 65, 69.

30. См. главу 3.

31. Fulbrook, Two Germanies, pp. 70-71.

32. Müller, Another Country, p. 55.

33. Ibid., pp. 48. 55, 137, 151. См. Гюнтер Грасс ниже.

34. Fulbrook, Two Germanies, p. 86.

35. Fulbrook, Divided Nation, pp. 323, 327-328, 332-333; Ardagh, Germany and the Germans, p. 425.

36. Личные воспоминания Коля о тех событиях: «The Fall of the Wall: How Germany was United», WSJ, 1/9/99, p. A26.

37. Ardagh, Germany and the Germans, pp. 3, 5-7, 428-431; Fulbrook, Divided Nation, pp. 339-340.

38. См. главу 1.

39. Ardagh, Germany and the Germans, p. 218.

40. Christopher Brown, Singing the Gospel: Lutheran Music and the Success of the Reformation in Joachimsthal (Ph.D. diss., Harvard University, 2001).

41. Potter, Most German of the Arts, pp. 134, 201-202, 205, 225-226.

42. Kamenetsky, The Brothers Grimm, pp. 25-27.

43. Sheehan, German History, 1770-1866, pp. 547-550. Савиньи был просто одним из многочисленных ученых, который вел беспрецедентный исторический курс эпохи.

44. Вагнер заявлял, что его работы «снимала запор со шлюзов гнева всей европейской прессы». Wagner, My Life, authorized translation (Bury St. Edmunds, 1994), pp. 564-566; Sheehan, German History, 1770-1866, pp. 837-839.

45. Potter, Most German of the Arts, p. 203; Anthony Tommasini, «A Cultural Disconnect on Wagner», NYT, 8/5/01, sect. 2, p. 27.

46. Potter, Most German of the Arts, pp. 134, 202, 205.

47. Allgemeine Deutsche Biographie, vol. 9, pp. 353-355.

48. James, A German Identity, pp. 15-24; Sheehan, German History, 1770-1866, pp. 545-554.

49. Термин Гольца – «организм».

50. Bogumil Goltz, Zur Geschichte und Charakteristik des deutschen Genius: Eine ethnographische Studie (Berlin, 1964), pp. 1-13.

51. James, A German Identity, pp. 12-14.

52. О работе Генриха Гейне и представителей «Молодой Германии», Sheehan, German History, 1770-1866, pp. 581-586.

53. Barraclough, Origins of Modern Germany, pp. 456, 461.

54. См. Введение.

55. Ibid., p. 456; Evans, «German Reunification in Historical Perspective», в Rereading German History, pp. 215-216.

56. Facts About Germany, pp. xix, 113-114, 138.

57. Evans, «German Reunification», pp. 215-218.

58. Barraclough, Origins of Modern Germany, p. 461.

59. Müller, Another Country, chap. 1; cf. Blackbourn and Eley, The Peculiarities of German History, p. 161.

60. «Anything to Fear?» Time, 3/26/90, pp. 32-47.

61. Ardagh, Germany and the Germans, p. 500.

62. Иронические мысли по этому поводу см., cf. Peter Schneider, The German Comedy (New York, 1991), pp. 3-19; об ученых, Noel D. Cary, ««Farewell Without Tears»: Diplomats, Dissidents, and the Demise of East Germany [review article]», Journal of Modern History 73 (2001): 617-651.

63. Большинство принадлежащей государству промышленности было приватизировано к середине десятилетия. Kettenacker, Germany Since 1945, pp. 213-214; Evans,

«German Reunification in Historical Perspective» в Rereading the German Past, p. 214.

64. Ardagh, Germany and the Germans, p. 9.

65. Müller, Another Country, pp. 8-9, 10, 78.

66. Roger Cohen, «Schröder Aide Typifies New German Subtlety», NYT on the Web, 12/29/98.

67. Müller, Another Country, chap. 3.

68. Ibid., pp. 16, 68-69.

69. Ein Weits Feld (1995) (English, Too Far Afield). James J. Sheehan, «The German Question: Gunter Crass's Novel Compares the Events of 1989 With Those of 1871», New York Times Book Review, 11/5/00, sect. 7, p. 20. Мюллер изображает более старшего Грасса, как защищавшего «апокалиптический антипарламентаризм, напоминающий о шестидесятых», против чего возражал более молодой Грасс. Müller, Another Country, pp. 64-66, 87-88.

70. Ardagh, Germany and the Germans, p. 575; Evans, «German Reunification in Historical Perspective», p. 222.

71. Эванс документирует «общее стремление к восстановлению статуса Германии, как великой державы». Evans, «Rebirth of the Right?» в Rereading the German Past, p. 227.

72. Cf. критика соперника, члена Христианско-демократического Союза, «How Germany Became Saddam's Favourite State», in WSJ, 9/19/02, p. A16.

73. Schau ins Land, 11/5 (Nashville, Tenn., 1996), pp. 23-29.

74. Roger Cohen, «In Germany, Getting Together Is Hard to Do», NYT, 8/27/00, sect. 4, p. 6; Geoff Winestock, «Schr der, Sensing Opportunity, Initiates EU Debate», WSJ, 5/15/01, p. A23.

75. Edmund L. Andrews, «Germany's Consensus Economy at Risk of Unraveling», NYT, 11/26/99, p. C5; Michael Gove, «Don't Let Germans Buy Our Stock Market», The Times (London), 8/30/00, «Comment», p. 16; «Berlin Lacks Old Clout to Defend Germany Inc», WSJ, 11/24/99, p. A12.

76. Edmund L. Andrews, «Germans Offer Plan to Remake EU», NYT, 5/1/01, pp. A1, 3.

77. Winestock, «Schröder, Sensing Opportunity», WSJ, 5/15/01, p. A23; Cohen, «In Germany, Getting Together», NYT, 8/27/00, sect. 4, p. 6.

78. Peter Baldwin, «The Historikerstreit»: Die Dokumentation der Kontroverse um die Einzigartigkeit der nationalsozialistischen Judenvernichtung (Boston, 1990); Kershaw, The Nazi Dictatorship, pp. 30-31, 231-232, 248-249; Evans, «Nipperdey's Nineteenth Century», in Rereading German History, pp. 29-31; Kettenacker, Germany Since 1945, pp. 168-169; «Ferment in the German Right», NYT editorial, 6/25/00, отмахивается от аргументов Нольте, как «невыносимых и противоречащих действительности» – о том, что «Холокост не был уникальным и прошлое Германии таким ненормальным», и обвиняет Фонд «Дойчланд» за присвоение ему награды.

79. О спорности вопроса, также среди австрийских евреев, см. Roger Cohen, «Jewish Leaders Trade Barbs Over Austria's Nazi Legacy», NYT, 3/25/01, sect. 1, p. 6

80. Roger Cohen, «A Haider in Their Future», NYT Magazine, 4/30/00, pp. 54-59 и «Even in Euroland, Money Isn't Everything», NYT, 9/17/00, p. 4; Donald G. McNeil, Jr., «Austrian Politician Sometimes Down But Never One», NYT, 7/23/00, sect. 1, p. 3.

81. Сообщается с неодобрением в колонке редактора WSJ: «Buying Off Neo-Nazis», 4/24/01, p. A24.

82. Ушедший в отставку министр финансов Тео Вайгель, который сыграл ключевую роль в создании евро, заменившей марку, все еще получал угрозы летом 2001 года. C. Rohwedder and T.T.Th. Sims, «Don't Expect Germans to Offer Up Any Euro Paeans», WSJ, 8/14/01, p. A11; Neal Boudette, «It Takes More Than the Euro to Unite Europe», WSJ, 12/31/01, p. A4.

83. «Демократия так крепо зацепилась корнями и [сегодня] так хорошо охраняется конституцией, что любой воз-

врат к тоталитарному режиму будет трудно представить». Ardagh, Germany and the Germans, p. 500, 505, 512.

84. Ibid., p. 499.

85. Steven Erlanger, «A Memory-Strewn Celebration of Germany's Jews», NYT, 11/10/01, p. A1.

86. Edmund L. Andrews, «Germany's Consensus Economy at Risk of Unraveling», NYT, 11/26/99, p. C1; David Wessel, Charles Rhoads, and William Boston, «Berlin Lacks Old Clout to Defend Germany, Inc.», WSJ, 11/24/99, p. A1. Ссылка на «варваров» принаделжит Андреасу Молитору в газете «Die Zeit», цитируется Эндрюсом.

87. Matthew Karnitschnig, «Why KitchGroup of Germany Failed to Spark a Rescue», WSJ, 4/11/02, pp. A1, 11; M. Karnitschnig and Hans-Peter Siebanhaar, «Bertelsmann Mulls Stake in KirchPay TV Arm», WSJ, 4/18/02, p. A9.

88. «U.S. vs. Them: American Economy Offers a Model Others Both Envy and Fear», WSJ, 1/18/01, p. A1.

89. То, что Роджер Кохен называет «американизацией» германской памяти, фиксацией на Холокосте, которая... исключает поразительно богатую культуру и политическую историю и слишком упрощает двенадцать лет нацизма». Roger Cohen, «The Germans Want Their History Back», NYT, 9/12/99, sect. 4, p. 4.

90. Evans, «Anti-Semitism: Ordinary Germans and the «Longest Hatred»», in Rereading German History, pp. 149-151; также см. Fritz Stern, «The Goldhagen Controversy: One Nation, One People, One Theory?», Foreign Affairs (Nov./Dec. 1996), pp. 128-138; J. Hoberman, «When the Nazis Became Nudniks», NYT, 4/15/01, sect. 2, p. 13.

91. Holman W. Jenkins, Jr., «Nazy Slavery and the Politics of Business», WSJ, 12/29/99, p. A15; «Means of Atonement», WSJ editorial, 5/22/00, p. A38.

92. Barnaby J. Feder, «Lawsuit Says I.B.M. Aided the Nazis in Techbology», NYT, 2/11/01, sect. 1, p. 47; см. Edwin Black, IBM and the Holocaust (New York, 2001).

93. «Юристы, [которые] знают, как доить дух времени [путем] объявления «негодяев», и, тасуя суммы, от которых глаза выкатываются из орбит». Gabriel Schoenfeld, «The New Holocaust Profiteers», WSJ, 4/11/01, p. A18.

94. Jenkins, «Nazi Slavery and the Politics of Business», p. A15. Cf. Norman G. Finkelstein, The Holocaust Industry: Reflections on the Exploitation of Jewish Suffering (New York, 2000), chap. 2: «Hoaxters, Hucksters, and History». О противоречии с американской еврейской общиной, cf. Seth Lipsky, «The Strange Politics of Holocaust Restitution», WSJ, 9/13/00, p. A26.

95. Cf. Neal E. Boudette, «Seeking Reparation: A Holocaust Claim Cuts to the Heart of the New Germany», WSJ, 3/29/02, pp. A1, 8.

96. Ardagh, Germany and the Germans, pp. 541-542. «Зеленые», как премьер-министр Йошка Фишер, скорее взяли бы компромиссную позицию, присоединившись к правительству в погоне за высокой поддержкой, а не стали бы преследовать утопические цели.

97. См. главу 7.

98. Roger Cohen, «Israel Ties With Germany Elude U.S. Jews», NYT, 3/4/01, sect. 1, pp. 1, 10.

99. William Boston and Roger Thurow, «A Woman's Journey from Terrorisms to Repentant Survivor», WSJ, 1/11/-1, pp. A1, 8. О гражданской этике Лютера см. главу 3.

100. Roger Cohen, «Sending Kosovars Home», NYT, 11/20/00, p. A10.

101. Roger Cohen, «Germans Official Pessimistic About Far-Right Violence», NYT on the Web, 8/26/00. Более желчный взгляд Фишера и его коллеги радикала, французского премьер-минситра Лионеля Жоспена («типичные примеры привычек левоцентристов удовлетворять радикальных левых»), см. «Genoa Under Siege», WSJ, editorial, 7/20/01, p. A10.

102. Roger Cohen, «German Faults 'Silence' About Attacks on Immigrants», NYT on the Web, 8/1/00.

103. Cohen, «Sending Kosovars Home».

104. Christopher Rhoads, «Behind the Crisis in Germany, a Past That Is Crippling», WSJ, 12/6/02, pp. A1, A12.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ БУКВА

В Москве:

- м. «Алтуфьево», ТРЦ «РИО», Дмитровское ш., вл. 163, 3 этаж, т. (495) 988-51-28
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (499) 267-72-15
- м. «ВДНХ», ТЦ «Золотой Вавилон — Ростокино», пр-т Мира, д. 211, т. (495) 665-13-64
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18а, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (495) 616-20-48
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4 этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, к. 2, т. (495) 306-18-98
- м. «Преображенская площадь», ул. Большая Черкизовская, д. 2, к. 1, т. (499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, к. 1, 3 этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., д. 15/1, т. (495) 977-74-44
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, т. (495) 322-28-22
- м. «Щукинская», ТЦ «Щука», ул. Щукинская, вл. 42, 3 этаж, т. (495) 229-97-40
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д. 5, к. 1, т. (495) 423-27-00
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Зеленоград», Крюковская пл., д. 1, стр. 1, 3 этаж, т. (499) 940-02-90
- М.О., г. Люберцы, ТЦ «Светофор», ул. Побратимов, д. 7, 4 этаж, т. (498) 602-82-65

В регионах:

- г. Владимир, ул. Дворянская, д.10, т. (4922) 42-06-59
- г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 46, ТРЦ «ГРИНВИЧ», 3 этаж
- г. Калининград, ул. Карла Маркса, д. 18, т. (4012) 71-85-64
- г. Краснодар, ул. Дзержинского, д. 100, ТЦ «Красная площадь», 3 этаж, т. (861) 210-41-60
- г. Красноярск, пр-т Мира, д. 91, ТЦ «Атлас», 1, 2 этаж, т. (391) 211-39-37
- г. Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», 2 этаж, т. (8412) 20-80-35
- г. Пермь, ул.Революции, д. 13, 3 этаж, т. (342) 0238-69-72
- г. Ростов-на-Дону, г. Аксай, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», 1 этаж, т. (863) 265-83-34
- г. Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, к. 1, ТЦ «Виктория Плаза», 4 этаж, т. (4912) 95-72-11
- г. С.-Петербург, ул. 1-я Красноармейская, д. 15, ТЦ «Измайловский», 1 этаж, т. (812) 325-09-30
- г. Самара, ул. Дыбенко, д. 30, ТЦ «Космопорт», 1 этаж, т. 8-937-202-65-09
- г. Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- г. Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- г. Уфа, пр-т Октября, д. 34, ТРК «Семья», 2 этаж, т. (3472) 293-62-88
- г. Чебоксары, ул. Калинина, д. 105а, ТЦ «Мега Молл», 0 этаж, т.(8352) 28-12-59
- г. Челябинск, пр-т Ленина, д. 68, т. (351) 263-22-55
- г. Череповец, Советский пр-т, д. 88, т. (8202) 20-21-22
- г. Ярославль, ул. Первомайская, д. 29/18 , т. (4852) 72-89-20

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой» или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковью:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ буква

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр.1, т. (495) 323-19-05
- м. «Алексеевская», пр-т Мира, д. 114, стр. 2 (Му-Му), т. (495) 687-57-56
- м. «Алтуфьево», ТРЦ «РИО», Дмитровское ш., вл. 163, 3 этаж, т. (495) 988-51-28
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (499) 267-72-15
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, д. 22, ТЦ «Александр», 0 этаж, т. (495) 406-92-65
- м. «ВДНХ», ТЦ «Золотой Вавилон - Ростокино», пр-т Мира, д. 211, т. (495) 665-13-64
- м. «ВДНХ», г. Мытищи, ул. Коммунистическая, д. 1, ТРК «XL-2», 3 этаж, т. (495) 641-22-89
- м. «Домодедовская», Ореховый б-р, вл. 14, стр. 3, ТЦ «Домодедовский», 3 этаж, т. (495) 983-03-54
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18а, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул.Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (495) 616-20-48
- м. «Коньково», ул. Профсоюзная, д. 109, к. 2, т. (495) 429-72-55
- м. «Крылатское», Рублевское ш., д. 62, ТРК «Евро Парк», 2 этаж, т. (495) 258-36-14
- м. «Марксистская/Таганская», Большой Факельный пер., д. 3, стр. 2, т. (495) 911-21-07
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4 этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, к. 2, т. (495) 306-18-98
- м. «Петровско-Разумовская», ТРК «XL», Дмитровское ш., д. 89, 2 этаж, т. (495) 783-97-08
- м. «Пражская», ул. Красного Маяка, д. 26, ТЦ «Пражский Пассаж», 2 этаж, т. (495) 721-82-34
- м. «Преображенская площадь», ул. Большая Черкизовская, д. 2, к. 1, т.(499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д.76, к.1, 3 этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Теплый Стан», Новоясеневский пр-т, вл.1, ТРЦ «Принц Плаза», 4 этаж, т. (495) 987-14-73
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15/1, т.(495) 977-74-44
- м. «Третьяковская», ул. Большая Ордынка, вл.23, пав. 17, т. (495) 959-40-00
- м. «Тульская», ул. Большая Тульская, д.13, ТЦ «Ереван Плаза», 3 этаж, т. (495) 542-55-38
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к.1, т. (495) 322-28-22
- м. «Шелковская», ул. Уральская, д. 2а, стр. 1
- м. «Щукинская», ТЦ «Щука», ул. Щукинская, вл. 42, 3 этаж, т. (495) 229-97-40
- м. «Юго-Западная», Солнцевский пр-т, д. 21, ТЦ «Столица», 3 этаж, т.(495) 787-04-25
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д.5, к.1, т.(495) 423-27-00
- М.О., г. Железнодорожный, ул. Советская, д.9, ТЦ «Эдельвейс», 1 этаж, т. (498) 664-46-35
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Зеленоград», Крюковская пл., д. 1, стр. 1, 3 этаж, т. (499) 940-02-90
- М.О., г. Клин, ул. Карла Маркса, д. 4, ТЦ «Дарья», 2 этаж, т. (496) (24) 6-55-57
- М.О., г. Коломна, Советская пл., д. 3, ТД «Дом торговли», 1 этаж, т. (496) (61) 50-3-22
- М.О., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10
- М.О., г. Сергиев Посад, ул. Вознесенская, д. 32а, ТРЦ «Счастливая семья», 2 этаж
- М.О., г. Лобня, Краснополянский пр-д, д. 2, ТРЦ «Поворот»

Регионы:

- г. Архангельск, ул. Садовая, д. 18, т. (8182) 64-00-95
- г. Астрахань, ул. Чернышевского, д. 5а, т. (8512) 44-04-08
- г. Белгород, Народный б-р, д. 82, ТЦ «Пассаж», 1 этаж, т.(4722) 32-53-26
- г. Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- г. Волгоград, ул. Мира, д. 11, т. (8442) 33-13-19
- г. Воронеж, пр-т Революции, д. 58, ТЦ «Утюжок», т. (4732) 51-28-94
- г. Иваново,ул. 8 Марта, д. 32, ТРЦ «Серебряный город», 3 этаж, т. (4932) 93-11-11 доб. 20-03
- г. Ижевск, ул. Автозаводская, д. 3а, ТРЦ «Столица», 2 этаж, т. (3412) 90-38-31
- г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 46, ТРЦ «ГРИНВИЧ»,3 этаж
- г. Калининград, ул. Карла Маркса, д.18, т. (4012) 71-85-64
- г. Краснодар, ул. Головатого, д. 313, ТЦ «Галерея», 2 этаж, т. (861) 278-80-62
- г. Красноярск, пр-т Мира, д. 91, ТЦ «Атлас», 1, 2 этаж, т. (391) 211-39-37
- г. Курск, ул. Ленина, д. 31, ТРЦ «Пушкинский», 4 этаж, т. (4712) 73-45-30
- г. Курск, ул. Ленина, д.11, т. (4712) 70-18-42
- г. Липецк, угол Коммунальная пл., д. 3 и ул. Первомайская, д. 57, т. (4742) 22-27-16
- г. Орел, ул. Ленина, д. 37, т. (4862) 76-47-20
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 31, т. (3532) 31-48-06
- г. Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», 2 этаж, т. (8412) 20-80-35
- г. Пермь, ул. Революции, д. 13, 3 этаж, т. (342) 0238-69-72
- г. Ростов-на-Дону, г. Аксай, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», 1 этаж, т. (863) 265-83-34
- г. Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, к. 1, ТЦ «Виктория Плаза», 4 этаж, т. (4912) 95-72-11
- г. С.-Петербург, ул. 1-я Красноармейская, д. 15, ТЦ «Измайловский», 1 этаж, т. (812) 325-09-30
- г. Ставрополь, пр-т Карла Маркса, д. 98, т. (8652) 26-16-87
- г. Тверь, ул. Советская, д. 7, т. (4822) 34-37-48
- г. Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- г. Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- г. Тула, пр-т Ленина, д. 18, т. (4872) 36-29-22
- г. Тюмень, ул. М. Горького, д. 44, ТРЦ «Гудвин», 2 этаж, т. (3452) 79-05-13
- г. Уфа, пр-т Октября, д. 34, ТРК «Семья», 2 этаж, т. (3472) 293-62-88
- г. Чебоксары, ул. Калинина, д.105а, ТЦ «Мега Молл», 0 этаж, т. (8352) 28-12-59
- г. Челябинск, пр-т Ленина, д. 68, т. (351) 263-22-55
- г. Череповец, Советский пр-т, д. 88, т. (8202) 20-21-22
- г. Ярославль, ул. Первомайская, д. 29/18, т. (4852) 72-89-20
- г. Ярославль, ул. Свободы, д. 12, т. (4852) 72-86-61

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковью:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Научно-популярное издание

Озмент Стивен

МОГУЧАЯ КРЕПОСТЬ:
Новая история германского народа

Компьютерная верстка: А. Озерский
Технический редактор В. Успенский
Корректор Е. Малько

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953004 — научная и производственная литература

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.012280.10.09 от 20.10.09 г.

ООО «Издательство АСТ»
141100, Россия, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

ООО «Издательство «Астрель»
129085, г. Москва, пр-д Ольминского, д. 3а

Издано при участии ООО «Харвест». ЛИ № 02330/0494377 от 16.03.2009.
Республика Беларусь, 220013, Минск, ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.
E-mail редакции: harvest@anitex.by

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».
ЛП № 02330/0494179 от 03.04.2009.
Пр. Независимости, 79, 220013, Минск. Заказ 1713.

ОАО «Полиграфкомбинат имени Я. Коласа».
ЛП № 02330/0150496 от 11.03.2009.
Республика Беларусь, 220600, Минск, ул. Красная, 23.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

История германского народа —
с древнейших времен и до наших дней...
Разрозненные племена, лишь после долгих и жестоких
войн покорившиеся Риму...
Подданные Священной Римской империи — и десятков
крошечных, «игрушечных» королевств и княжеств эпохи
Возрождения...
Нация, подарившая миру множество гениальных поэтов
и писателей, художников, философов и ученых —
но и дважды ввергавшая человечество
в ад мировых войн.
Как она складывалась и формировалась?
Какова она в наши дни?
Читайте об этом в книге известного современного
историка Стивена Озмента!

www.elkniga.ru
ISBN 978-5-17-067790-0
9 785170 677900